

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

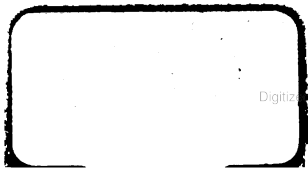
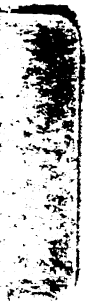
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855259 7

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

34

Часть тридцать четвертая.

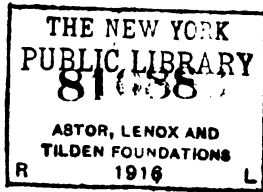
МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1830.

810888

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чтобы по оппечатаваніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва,
Юля 18 дня 1830 года.

{ *Ценсоръ и Кавалеръ Леод Цедтассъ.*

ХРОУ WAB
3.1.1.1
YBAGOL

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

КРАТКАЯ

ИСТОРИЯ ІЕЗУИТОВЪ (*).

Во Франціи много было писано въ защиту и прошивъ Іезуитовъ; но болѣе прошивъ. Изъ книгъ, написанныхъ о нихъ, можно-бъ было составить многопомную библіошеку; но изъ числа оныхъ весьма немногія не были подсказаны,

(*) Читатели Русскіе, часто встрѣая въ современныхъ историческихъ событіяхъ имя Іезуитовъ, и видя, можетъ быть не совсѣмъ понятныя для нихъ, опасенія Капюлическихъ народовъ, возбуждаемыя симъ знаменитымъ Орденомъ, конечно съ любопытствомъ прочтутъ предлагаемую здѣсь Исторію его, ибо въ ней объясненъ сей важный современный вопросъ. Іезуиты снова стремятся на поприще Исторіи, но прежнее время уже не возвратится для нихъ. Авторъ предлагаемой нами статьи, извѣстный Французскій Литераторъ Гизаръ, изложилъ въ ней Исторію Іезуитовъ, и показалъ духъ и цѣль ихъ Общества съ безпристрастіемъ, безъ кошораго ишь истинны.

Прим. Перв.

Юль 1830.

болѣе или менѣе, пристрастіемъ. Это почли все сочиненія хвалищелей, или обвинищелей, но не Испориковъ; и если одинъ слѣпой и кормысанный энтузіасмъ одушевлялъ защитниковъ, то не лзя не согласиться и съ нѣмъ, что нападенія рѣдко не были писаны подъ внушеніемъ духа яростій, или даже увлеченій ненависти.

И шакъ, смѣло можно сказать, что Исторіи Іезуитовъ еще нѣтъ. Учрежденіе ихъ еще оживляетъ описателя, который изложитъ вѣрно происхожденіе, характеръ и судьбу онаго. Не нужно предупреждать, что не Исторію Іезуитовъ можешь имѣть въ виду Авшоръ сего начертанія: онъ намѣренъ только коснуться главнѣйшихъ почекъ оной, и изложитъ о нихъ нѣскольکو мыслей.

Начало Іезуитовъ относится къ половинѣ шеснадцатаго столѣтія. Сіе великое учрежденіе Католическое, возникнувъ черзъ немного лѣтъ послѣ первыхъ поученій Лютера и его соресновашелей въ Реформаціи, возрасало на ряду съ Протестантствомъ, шакъ что самыя быстрыя успѣхи сего послѣдняго, едиповременны съ самою блестящею эпохою Іезуитовъ. Испорики ихъ съ угодливостію замѣчаютъ, что була, давшая имъ степень въ кругу Церкви, послѣдовала въ тошъ самый годъ, когда ошдѣлилась отъ Папы Англія, и что Провидѣніе какъ-бы хотѣло симъ щедро вознаградишь служивше-

лей Церкви за споль великое несчастіе. Протестантскіе Испорки, пораженныя еще болѣе такимъ сближеніемъ, признають Іезуитовъ могущественною преградою, Папскимъ пресполюмъ прошивопоснавленною успѣхамъ Реформаціи. Одинъ изъ нихъ (*) говоритъ даже, что Реформація совершилась-бы безпрепятственно, если бы Іезуиты не шли по слѣдамъ ея, и что если бы они предупредили ее, то она никогда не могла бы преодолють всѣхъ препяствій. Признаніе, конечно лестное; но Исторія едва ли подивердитъ его. Нѣтъ сомнѣнія, что важнымъ побужденіемъ къ установленію Іезуитскаго Ордена было спѣшенное положеніе Каполличесшва, нуждавшася въ помощи, и посему онъ, съ самаго успановленія своего, сдѣлался еспешственнымъ прошивникомъ новыхъ правилъ. Но соглашаясь въ эпомъ, спрашиваю: не были-ль Іезуиты, служившіе Римской Церкви съ ревностію и съ умѣніемъ пользоваться превосходными пособіями, не были-ль они вредны для нея раздорами, какіе возбуждали въ ней, и множествомъ случаевъ, какіе они дали своимъ непріателямъ для удачныхъ нападеній на

(*) *Всеобщая и хронологическая Исторія Христіанской Церкви (на Нѣмецкомъ)*, соч. Темке. Изданіе четвертое. Брауншвейгъ. Тома 3-го стр. 198-я.

ихъ полишику и учение? Сообразивъ все, не думаю, что бы Римъ былъ обязанъ имъ большею признапельностію. Еще менѣе можно допустить, что если-бы они явились на сценѣ міра ранѣе сошней годовъ, то религіозная церемѣна шеснадцатаго вѣка не совершилась-бы. Не пошому ли они и могли сопровивляться ей въ нѣкоторой степени, что явились вскорѣ послѣ начала оной? Гораздо вѣрнѣе то, что Іезуиты и ихъ учрежденіе не могутъ быть ошдѣлены отъ своей эпохи и отъ общности нуждъ и понятій, подѣ вліаніемъ коихъ они возникли. И шакъ, начнемъ взглядомъ на первыя времена Общества ихъ, будучи увѣрены, что найдемъ шамъ начало и пояспеніе всего послѣдовавшего развитія Іезуитства, и что въ семъ смѣломъ очеркѣ оно ясно покажетъ намъ, чѣмъ ему надлежало бытъ вѣкогда.

16-го Августа 1534 года, въ праздникъ Успенія Богородицы, семеро студентовъ Парижскаго Университета ошправились по дорогѣ къ Монмартру, шогда пущышному и уединенному мѣсту, гдѣ находился одинъ женскій монастырь. Тамъ, въ часовнѣ посвященной Богоматери, одинъ изъ нихъ, старшій и имѣвшій санъ священника, ошслужилъ обѣдню. Когда онъ, обратившись къ колѣнопреклоненнымъ своимъ соученикамъ, гошовился раздѣлить съ ними свяшые дары, то каждый изъ нихъ, твердымъ и

яснымъ голосомъ произнесъ обѣщаніе, который повторялъ въ свою очередь, и такимъ-же образомъ, самъ старшій. Это было обѣщаніе сказаться опъ свѣта, жить въ чистотѣ духа и всегдашней бѣдности, не брать ничего за опправленіе священныхъ шаинствъ, идти въ Іерусалимъ, съ разрѣшенія Папы, дабы немедленно званіемъ шамъ облегченіемъ судьбы восточныхъ Христіанъ и обратеніемъ невѣрныхъ; въ случаѣ же, если какое-либо не зависящее опъ нихъ препятствіе опвращитъ ихъ опъ исполненія сего предпріятія, то они обязывались идти въ Римъ, предложить свои услуги Римскому Первосвященнику, и предоставитъ ему себя въ распоряженіе, безъ всякихъ ограниченій. Послѣ обѣдни, воздавъ благодареніе Всевышнему, они взяли кушаньевъ, принесенныхъ ими съ собою, и провели день въ благочестивыхъ разговорахъ, сидя подлѣ шого источника, гдѣ свяшій мученикъ Діонисій, по старинному преданію, омылъ свои руки, закапавши кровію изъ собственной его головы, которую онъ несъ до мѣста, называющагося и нынѣ его именемъ. При захожденіи солнца они возвратились въ свои жилища, благословляя Бога и будучи несказанно благополучны (*).

(*) Orlandin. Historiæ societatis Jesu pars prima. L. 1. p. 20.

Но сердце одного изъ нихъ особенно прещещъ ошъ радости : онъ положилъ первое основаніе духовнаго Общества , давно имъ замышляемаго , давно тревожившаго и волновавшаго его мысли. Первый камень зданія положенъ; объ осшальнойномъ сомнѣвашся запрещаетъ ему горячностъ его ревности и искренностъ его одушевленія. Вы уже знаете , кто эшотъ наследникъ св. Бенедикта и св. Франциска : эшо Игнашій Лойола , къ обширнымъ предпріятіямъ своимъ присоединившій шестерыхъ сотоварищей , достойныхъ бышъ его помощниками

Игнашій родился въ 1491 году , въ шой части Бискайн , кошорая называется Гвикуская. Онъ принадлежалъ къ фамиліи значительной. Отець его, Донъ Бертрамъ, владѣлецъ Онъеза и Лойолы, занималъ одну изъ первыхъ степемей въ кругу мѣстнаго дворянства. Молодой Игнашій былъ сначала Пажемъ Короля Фердинанда-Кашолика , а потомъ военнымъ ; онъ отпича . я сначала только своею храбростію и чрезмѣрною спрасшью къ славіи и къ свѣтскимъ удовольствіямъ. Но въ 1521 году, когда онъ съ смѣншшею горячностшю предавался имъ , и , прикованный къ колесницѣ одной дамы Двора Кастильскаго , « не могъ понять » — по словамъ одного изъ шридцати двухъ Іезуитскихъ Историковъ — « какъ можно жишъ безъ огромнаго честюлюбія и бышъ счасливымъ безъ великой

привязанности» — его ранили въ правую ногу ядромъ, въ Пампелунѣ, осажденной Французскими войсками. Эта рана заключила поприще солдата и открыла ему другое, славнѣйшее. По неволѣ имѣя много досуга, Игнацій просилъ, для развлеченія себя, книгъ, и особенно книгъ о рыцаряхъ; но въ замкѣ Лойола, куда перешагъ онъ лечиться, были только духовныя книги, и ему принесли *Цвѣтъ Святыхъ*. Эта духовная повѣсть, съ своими религіозными подвижниками, ихъ святыми подвигами и чудесами, происходившими отъ нихъ, все это исполнило его удивленіемъ, почти равнымъ тому, какое онъ прежде чинилъ къ однимъ рыцарямъ. Вскорѣ къ сему присоединилось соревнованіе, и онъ захотѣлъ подражать Святымъ, спольживо говорившимъ его воображенію своими сверхъестественными добродѣтелями. Изъ нихъ, всего болѣе прельщала его слава основателей какихъ либо знаменитыхъ Орденовъ; Бруно, Доминики, Франциски, были его любимыми героями. Въ ожиданіи случая послѣдовавъ имъ, онъ рѣшившись сходитьъ, босыми ногами, въ Палестину. Прежде всего онъ отправился въ Монсерра. Однажды, входя въ церковь сего знаменитаго монастыря, онъ вспомнилъ, что чинилъ въ Амадисѣ, какъ вступавшіе въ рыцарство бодрствовали цѣлую ночь, во всемъ вооруженіи, что и называлось: *вооруженное бодр-*

створеніе. Этого было довольно для него: онъ рѣшился превратить сей свѣтскій обрядъ въ священный обычай. Цѣлую ночь бодрствовалъ онъ передъ алтаремъ Богородицы, на ногахъ, на колыняхъ, но все время въ молитвѣ, предавая себя Іисусу и Маріи, въ качествѣ ихъ рыцаря. Изъ Монсерра онъ перешелъ въ Манрезу; но мы не будемъ слѣдовать за нимъ ни туда, ни въ Ишалію, ни въ Палестину, откуда выслали его старшій надъ монахами св. Франциска, надзиравшій за пилигримами; не послѣдуемъ за нимъ и въ разные города и Университетамъ Испаніи, гдѣ, по возвращеніи своемъ въ 1524 году, онъ хотѣлъ начать учить, будучи шриццати трехъ лѣтъ. Вездѣ онъ сдѣлался подозрительнъ спранныю своею поведеніемъ и неисправною спрасью проповѣдивашъ; много разъ онъ даже обращалъ на себя и на свои намѣренія бдительные глаза Инквизиціи. Два раза случилось ему и побывашъ въ ея тюрьмахъ. Эта первая часть его Исторіи, исполненная благочестивыхъ спранныхъ и воспорговъ, показываешь челоѣка большаго умомъ, а не шакого, въ которомъ попомство замѣчается, вмѣстѣ съ другими многими великими свойствами, мудрость и глубокую полишку.

Но въ атомъ излишествомъ благочестія, и подъ рубищемъ самаго жалкаго нищаго Испа-

ннъ, въ Игнашнн уже были видны — по стремленіе обращать къ себѣ, по упорство въ усиліяхъ, и пошъ даръ дѣйствовать на людей, кошорыми послѣ блиспалъ онъ безъ всякой иной примѣси, кромѣ ослѣпленій безграничнаго вѣрованія и огненной ревности. Явнымъ доказательствомъ пому служатъ его покровители, и особенно единомышленники и ученики, являшіеся у него повсюду. Однакожъ, шолько въ Парижѣ нашель онъ швердыхъ послѣдователей. Тамъ оканчивалъ онъ ученіе свое, вѣроятно наскутивши Университетами Испанскими, и пришедши въ Парижъ въ 1528 году. Въ Испанскихъ Университетахъ онъ былъ разспроиваемъ пронреспвами и оказалъ мало успѣховъ. Мало по малу, мысль: бышь ошцемъ новаго духовнаго Ордена, ушвердилась и образовалась въ его умѣ. Она уже породила въ немъ другую мысль: что онъ долженъ заботишь не шолько о своемъ собшвенномъ совершенствѣ, но и о совершенствѣ ближняго, и что къ сей знаменитой цѣли должны бышь направлены всѣ его способности и образъ жизни. Имѣя въ виду сію опредѣленную цѣль, онъ соспавилъ, или, скажемъ лучше, начерпалъ, въ Манрезѣ, свои *Духовныя упражненія*, кошорыя, по словамъ ошца Бугура, не суть шолько собраніе благочеспивыхъ размышлений, но пракшическая и удобная мешода для преобразования нравовъ

и обращенія грѣшниковъ. Сіи упражненія были его обыкновеннымъ средствомъ для привлеченія къ себѣ; а послѣ его смерти, они еще служили для того же употребленія, и вошли въ снѣшему испытаній, открывавшихъ входъ въ Общество. Но Игнатій употреблялъ и болѣе могущественныя средства для привлеченія; не боялся даже прѣбѣгать и къ хитрости; а сдѣлавши когонибудь своимъ ученикомъ, онъ не хуже умѣлъ и сохранять его. Для этого, онъ старался поселить между своими учениками привычку къ взаимной довѣренности и корпоративности въ обхожденіи. Не только они молились и работали вмѣстѣ, подъ его управленіемъ, но иногда онъ и собиралъ ихъ, по у того, по у другаго, для разговоровъ о предметахъ благочестивыхъ и даже либеральныхъ. Часто также они вмѣстѣ обѣдали (*). Но это не все. Когда у него нашлось шестеро преданныхъ учениковъ, въ доброй волѣ коихъ онъ былъ увѣренъ, то ему надобно было навсегда связать ихъ неразрывными обѣтами. Мы знаемъ уже мѣсто, время и подробности сего перваго обязательства, основанія Общества. Имена участвовавшихъ въ этомъ достойны упоминанія. Это были: Пётръ

(*) *Nec deerant frequentes prandiorum invitationes.*
Orlandin. *Ibid.* p. 21.

Лефевръ , Савоецъ , ученый послѣдователь Ари-
стошеля ; прежде нежели онъ одѣлался первымъ
сопосоварищемъ Игнація , онъ былъ его речепи-
шоромъ въ Училищѣ св. Варвары , и былъ шоло-
ко чшо поспавленъ въ священники ; Францискъ
Ксавье , изъ знаменишаго дома въ Наваррѣ ,
уже воспламенявшій себя великодушною горяч-
ностью къ духовному завоеванію , вскорѣ до-
спавившею ему славное наименованіе Апосто-
ла Новаго Свѣща. Яковъ Лайнезъ , изъ Сегуэн-
ци , и Альфонсъ Сальмеронъ , изъ Толедо , мо-
лодые Каспилаи , связанные дружбою и оба
оплично умные люди ; одинъ искусный еологъ ,
хотораго испушленныя мнѣнія о Папской вла-
сти должны были послужить основаніемъ сим-
вола Общества , и вршпомъ полипикъ снволь
глубокій , чшо планъ и устанавленія Ордена ,
послѣ смерти Игнація оставшагося подъ его
управленіемъ , были , и донынѣ остающіся для
многихъ , его швореніемъ ; другой , изъ вѣхъ на-
яболѣ свѣдущій въ Липшературѣ Греческой
и Латинской ; Николай Бобадилла , свѣдаемый
Христіанскою ревностью , но неукротимый до
неблагоразумія ; Симонъ Родригезъ , изъ Пор-
тугалии , совершеннѣйшій образецъ всѣхъ Хри-
стіанскихъ добродѣтелей.

Послѣ Монмарпрской присяги , Игнацій хо-
тилъ оставишь своихъ шоварищей еще на два
года въ Парижѣ , для усовершенствованія въ

наукахъ. Самъ онъ, по состоянію своего здоровья, и для приведенія въ порядокъ нѣкошорыхъ дѣлъ, долженъ былъ отправиться въ Испанію въ 1535 году, и присоединиться къ своимъ сошоварищамъ уже въ Венеціи, въ Февралѣ мѣсяцѣ 1537 года. Они хотѣли отправиться отсюда въ Палеспину; если-же вспрѣпились бы какія нибудь препятствія, шо рѣшались ждать цѣлый годъ случая исполнить свое предпріятіе. Отпѣзжая, Игнашій ввѣрилъ свое рождающееся Общество Пешру Лефевру. Сей умножилъ его Іоанномъ Кодуромъ, изъ Женевской Епископіи, и Паскье-Бруэтомъ, изъ Авбрёна. Прежде ихъ вспунилъ еще въ Общество Клавдій Леже. Такимъ образомъ сошоварищи Игнашій, въ числѣ девяти, прибыли въ Венецію, черезъ Лопшарнигію и Германію. Дорогу сію избрали они попому, что южная Франція занята была Французскими и Испанскими войсками, воевавшими тогда за Миланское Герцогство. Братья путешествовали пѣшкомъ, съ пилигримскими посохами, неся съ собою пищу и книги, въ самой смиренной и скромной одеждѣ, но по образцу студентовъ Парижскаго Университета, къ кошорому всѣ они принадлежали (*). Доспигнувъ Венеціи въ Ян-

---

(*) *Pauperi plebeioque cultu, sed tamen oblongo ut inter parisienses mos est academicos. Orland. Ibid.*

варъ 1537 года, Лесевръ и спутники его на-
шли уже шамъ Игнашiя. Онъ съ самаго прибъ-
щiя своего занимался шамъ увеличеніемъ числа
своихъ учениковъ и приобрѣшеніемъ друзей и
покровителей. Не предвидя возможности оп-
таться въ Палестину, они занялись дѣлами ми-
лосердія и испытаніемъ себя. Вскорѣ послѣ
перваго ихъ путешествія въ Римъ, когда со-
ставился союзъ между Императоромъ, Венеці-
анскою республикою и Папскимъ Престоломъ
противъ Турковъ, и когда имъ все не лъзя
было предпринять путешествія въ Палестину,
они рѣшились разсѣяться по городамъ Италіи
и занялись шамъ проповѣдываніемъ. Они из-
брали преимущественно тѣ мѣста, гдѣ были
Университеты и гдѣ для оныхъ жило множе-
ство молодыхъ людей, наприкладъ въ Болоніи,
Сіеннѣ, Феррарѣ, Падуѣ. Въ сихъ различныхъ
мѣстахъ они употребили все, для привлеченія
на себя общаго вниманія и приобрѣшенія любви
общественной. Вездѣ отличались они удиви-
тельною дѣятельностію, уже показывавшею въ
нихъ честолюбіе великаго дѣла. Въ такомъ шу-
долюбивомъ бездѣйствіи прошекъ 1537-й годъ.
Игнашiй и сподвижники его освободились, слѣд-
ственно, отъ своего обѣща, ждашь цѣлый
годъ случая опривѣститься на Восшокъ. Они на-
чали думать объ исполненіи послѣдней части
своей Монмаршрской присяги: идти въ Римъ,

и предложишь свои услуги Папѣ. Это впрочемъ и прилично было направленію, какое приняла ихъ Христіанская ревность, ибо обращеніе невѣрныхъ начало уже прельщать ихъ слабо, но крайней мѣрѣ какъ главная цѣль ихъ трудовъ. Кажется даже, что они были бы въ сильномъ заперудненіи, когда бы нашелся корабль, и далъ имъ случай исключительно заваяться обращеніемъ невѣрныхъ.

Игнацій рѣшился явиться въ Римъ прежде другихъ, взявъ съ собою только Лайнеза и Лефевра. Другіе должны были придти шуда особо, различными дорогами. Прежде разсужданія, они согласились наблюдать нѣкоторыя правила, сославляющія какъ-бы первое начертаніе установленій Ордена: это, вообще, не проповѣди, не службы, не упражненія благочестивыя, но родъ краткаго изложенія обязанности, гдѣ уже проглядываетъ сколько-же заботливости, сколько познанія о дѣлахъ совѣтъ не духовныхъ. Тогда-по назвались они Іезуитами. Разговаривая обо всемъ, что ихъ занимало, они вздумали рѣшить, какъ должно имъ отвѣчать, если бы у нихъ спросили, о чемъ и спрашивали ихъ часпо: что они за люди и какого образа мыслей? Думали, что ни одинъ изъ нихъ не достоинъ дать своего имени замышляемому ими Обществу, и рѣшились, по замѣчанію Игнація, что имѣя предметомъ

уничтоженіе заблужденій , подъ знаменемъ Іисуса Христа , оно не можешъ приняшь другого наименованія, кромѣ *Сообщества Іисуса* (*).

Въ Римѣ , Лайнезъ и Лесевръ учили , въ одномъ публичномъ Училищѣ, Словесности , между иными какъ Игнашій все время посвящалъ изысканію средствъ , окончателно основавъ свое учрежденіе. Для сего , онъ собралъ всѣхъ своихъ шоварищей , къ концу великаго поста 1538 года , объявилъ имъ , что настало время образовашъ изъ себя религіозный Орденъ , и предложилъ посудишь объ основаніяхъ онаго. Днемъ они всегда бывали заняты дѣлами благочестія , и пошому занимались сужденіями по ночамъ. Орланденъ сообщашъ о сихъ сужденіяхъ прелюбопытныя подробности. Въ нихъ спорили съ величайшею свободою. Почши всегда мнѣнія , сначала весьма различныя , сходились въ одно общее. Прежде всего хотѣли , какъ кажешся , рѣшишь : долженъ-ли каждый , въ будущихъ ихъ миссіяхъ , дѣйствовашъ сообразно своимъ свѣдѣніямъ , или спарашься соображашъ свои мнѣры , даже на дальнихъ разстояніяхъ , и согласовашъ съ общимъ предначертаніемъ? Остановились на семъ послѣднемъ мнѣніи , ибо ничто не способствуешъ сполько къ достиженію великихъ

(*) Орланденъ и Вугуръ.

Іюль 1830.

послѣдствій, какъ согласіе умовъ (*). Далѣе они разсмапривали, не пріевокупишь ли къ двумъ обѣщанъ о чиспштѣ и бѣдностп, пррешьяго: о повиновеніи, и не избрашь ли изъ Общсшва начальника, съ верховною надъ всѣми другими власпію. Согласпшься имѣть такоаго начальника, значило совершенно измѣнпшь наспоащее свое положеніе, ибо дошолѣ они не имѣли никакихъ предписаній и не знали начальника. Посему рѣшились они раздѣлпшь сіе важное разбирашельсшво на двѣ часши: первая была посвящена разсмопрѣнію всѣхъ причинъ, заспаплавпшихъ сохранишь прржнее правило свободы, а вторая разсмопрѣнію выгодъ повиновенія. Пррніе продолжалось много дней, и шолько послѣ сааого шщапельнаго разбора обѣихъ сиспемъ пррпнато было — неограниченное повиновеніе волѣ главнаго. Сверхъ сего, они поспапновили, что власпъ будешъ ввѣрена ему на всю жизнь его, а не временно, какъ-шо казалось пррличнымъ нѣкошорымъ изъ нихъ. Въ другой разъ положили они, что кромѣ шрехъ упоминашыхъ обѣщпвъ, общпхъ и другимъ монахамъ, успапновляешся еще одинъ, собсшвенно ихъ Ордену пррп-

---

(*) Præsertim quod ad res arduas præclarasque moliendas nihil esset animorum conspiratione præstantius. Orland. lib. II. p. 40.

надлежацій: иди всюду, куда Папа для спасенія душъ пошлетъ ихъ, и не шребовашъ ничего на издержки, *nullo postulato viatico*. Они полагали, что объшь бѣдноспи не будешъ нарушенъ, если ограничишь его монашеспвующими и ихъ жилищами, а не просширашь на училища, копориа они намѣревались учредитъ, для наученія какъ собраповъ, шакъ и юношеспва.

Оспавалось шолько заслужитъ благосклонность Папы и получить его одобреніе, ибо они знали, что покуда Папскій Престолъ не признаешъ ихъ и не одобришь, до шѣхъ поръ существованіе ихъ будешъ не прочно и не въ надлежащей степени важно. Для сего Игнашій рѣшился представитъ проэкшъ своего учрежденія Павлу III-му черезъ Кардинала Каспара Коншарини. Говорашъ, что чпшая его, Папа вскричалъ: «*Вотъ персть Божій; Digitus Dei hic est.*» Съ этого дня можно считашъ оффиціальное присоединеніе Общеспва къ пользамъ Папской власти, ибо хотя утверженіе послѣдовало не шопчасъ, и сокращеніе установлений, предспавленныхъ Игнашiemъ, было роздано шремъ Кардиналамъ, съ повелѣніемъ разшопривъ оныя, но Павелъ началъ съ сего времени дѣйствовашъ, какъ-бы Общеспво имѣло оффиціальное существованіе; шолько ему пріятно было не на одного себя пріянять ошвѣстпвен-

нось. Въ самомъ дѣлѣ видимъ, что онъ поспешенно призываетъ къ себѣ всѣхъ Членовъ и даетъ имъ порученія важныя и разнообразныя; между ними замѣшны и совершенно полишическія. Такъ было поручено Николаю Бобадиллѣ идти на островъ Искію, и согласить шамъ начальствующихъ, которые смертельно ненавидѣли другъ друга, а Лайвезу и Леэевру, соупошисовашъ Кардиналу Сеншъ-Анжу въ пошольствѣ къ Парискому Двору.

По просьбѣ Іоанна III, Короля Португальскаго, Игнашій назначилъ Франциску Ксавье, исправлявшему тогда должность Секретаря Общесшва, и Симону Родригезу, отпрашисья обращающъ къ Хршстіанской вѣрѣ области, вновь завоеванныя симъ государемъ въ Восшочной Индіи. Симонъ Родригезъ былъ удержанъ въ Португаліи и положилъ шамъ основаніе Іезуишскому могущесшву. Изъ всѣхъ спрашъ, куда шолько проникли Іезуиши, съ самаго начала своего, нигдѣ не имѣли они шоль быстрыхъ и огромныхъ успѣховъ, какъ въ семъ Королевствѣ. Едва прошелъ годъ, и уже они обладали въ Коимбрѣ училищемъ, первымъ изъ заведенныхъ ими, и вскорѣ обогашили его шолько, что могли содершашъ двѣсти человекъ.

Между шѣмъ Кардиналы, получившіе ошъ Павла III проэктъ заведенія, представленные

ему Игнашіемъ, и сначала объявившіе, согласно мнѣнію Баршелеми Гидикціони, одного изъ нихъ, что всякій новый Орденъ духовный бесполезенъ для Церкви, спали мало по малу склоняясь. Самъ Гидикціони увидѣлъ пользу Сообщества, посвященнаго особенно уничтоженію ересей, не преслававшихъ распространяться въ Европѣ, и наконецъ явилась булла *Viginti militantis ecclesiae*, подписанная 27 Сентября 1540 года, утвердившая утрежденіе Ордена почти безъ всякихъ переменъ въ формѣ онаго, кромѣ прибавочной спашьи, кою число монаховъ ограничивалось шестьюдесятью.

Едва было утверждено Общество, какъ ему надлежало думать объ избраніи начальника. Для сего собраны были всѣ Члены, незанимавшіеся какимъ либо порученіемъ въ Италіи. Наличные въ числѣ шести, а именно: Игнашій, Лайнезъ, Сальмеронъ, Паскье, Кодуръ, Леже, написали и подписали свои голоса. Родригезъ, Ксавье, Лезевръ, находившіеся въ Германіи, и Бобадилла, по приказанію Папы остававшійся на Искіи, также написали свои голоса и запечатали. Тѣ и другіе, брошенные въ урну, всѣ были въ пользу Игнашія, кромѣ одного голоса, его собственнаго. Прежде разспаванія, новый Глава (*), и прежніе товарищи, сдѣлавшіеся

(*) Кто называли по-Русски *Генераломъ*. Намъ ка-

вдругъ его слугами, желали возобновишь публично, въ день Пасхи 1544 года, свою присягу, при алтарѣ Св. Дѣвы, въ церкви Св. Павла. Одинъ Глава подчинился непосредственно Папѣ; другіе подчинялись Его Святейшесству черезъ своего Главу, которому прямо клялись они. Послѣ сего, они отправились каждый къ своему назначенію. Только Игнацій и Лайнезъ оспались въ Римѣ, заботясь объ общихъ пользахъ Ордена; но и вѣспорого Папа вскорѣ послалъ въ Венецію. Оспѣзжая, онъ предоспавилъ своему начальнику попеченіе о Маргаритѣ Австрійской (*). И шакъ совѣсь Государей и Государынь уже сдѣлалась принадлежносію сего Общсшва, едва образовавшагося. Но за ними послѣдовали Королевсшва и Имперіи. Съ 1641 года Іезуишш показали въ Германіи, въ Ирландіи, во Франціи, въ Испаніи, въ Португаліи, и во многихъ изъ сихъ спранъ уже ушвердились. Въ 1642 году ихъ спрансшвованія еще болѣе увеличались. Не вездѣ были они счасшливы, и даже рѣдко не вшпрѣчали недовѣрчивосши и прошивоборсшва. Замѣ-

---

жешся сіе названіе несвойсшвеннымъ и двусмысленнымъ, почему и замѣняемъ его другимъ, болѣе приличнымъ. *Перев.*

(*) *Margaritæ Austriacæ cura Ignatio relicta. Orlandin. Ibid.*

чашельно, что Іезуиты не могли нигдѣ водвориться безъ борьбы и сопротивленія. Даже въ Римѣ, гдѣ покровительствовалъ имъ самъ Папа, они принуждены были два раза оправдываться отъ обвиненій весьма важныхъ. Тоже было во многихъ другихъ мѣстахъ, не считая жестокихъ бурь, восстававшихъ противъ нихъ въ Венеціи, во Франціи и даже въ Испаніи. Игнацій не упускалъ однакожъ ничего, чтобы ученики его какъ можно менѣе навивали себѣ враговъ, въ тѣхъ странахъ, куда ихъ посылали. Орланденъ подробно излагаетъ замѣчанія, сдѣланныя Игнаціемъ Сальмерону и Паскье, когда они въ качествѣ Нунціевъ отправлялись въ Ирландію. Онъ совѣтуетъ имъ сохранять достоинство, утѣренность, быть скупыми на слова, и особенно отвѣчать кратко и слушать съ непониманіемъ шершнѣемъ; онъ предписываетъ имъ подражать Апостолу, который былъ все для всѣхъ, *qui omnibus fiebat omnia*, и соображался, какъ только возможно будетъ, съ нравомъ и вкусомъ каждаго, сражался живосью съ нилкими, важносью съ оспорожными.

Какъ скоро Игнацій избранъ былъ Главою, онъ приступилъ къ написанію уставовъ Общества, предшавленныхъ Папѣ только въ извлеченіи. Онъ занимался съ такою ревносью, съ такимъ жаромъ, что, не смотря на то что большая часть его времени была посвящена дѣ-

ламъ милосердія, коими займався онъ безъ оплагательства, усшавы были написаны до окончанія 1544 года. Мы означимъ только главнѣйшія изъ распоряженій оныхъ. Существенный предметъ Общества: спасеніе душъ и совершенствованіе своихъ сочленовъ, молитвою и другими дѣлами благочестія; спасеніе и совершенствованіе ближняго, публичными поученіями; обращеніе ерешиковъ и невѣрныхъ; управленіе совѣсію и безкорыстное обученіе юношей. Последнее изъ сихъ средствъ почищается самымъ могущественнымъ. Извѣстно также, что каждому Іезуиту запрещается приниматьъ какой-бы то ни было даръ за исправленіе какихъ-бы то ни было священныхъ обязанностей. Ему также запрещается не только искашь духовныхъ достоинствъ, но и приниматьъ ихъ, что онъ можеть сдѣлать только по ясному и нарочному приказанію Главы. Для избѣжанія оупъ насмѣшекъ шалуновъ, и для легчайшаго всюду доспуна, плашь собратовъ не будеть оплачаться оупъ плашь обыкновенныхъ духовныхъ; а для наибольшаго сохраненія времени, они не подвергаются, какъ другіе монахи, никакимъ особеннымъ спрососіямъ и обязанностямъ; даже избавляються оупъ общей молитвы и пѣнія хоромъ.

Главные условія для поступленія въ Общество: хорошій нравъ, хорошій умъ, крѣпкое

здоровье, приличная наружность, честный видъ. Благородство происхожденія и преимущества богатства должны быть почитаемы за ничто, если нѣтъ ничего болѣе; но ихъ можно принимать въ уваженіе, если съ ними соединены приобритенныя дарованія. Если кто, даже одинъ день, будешь носишь плащъ опшельника или монаха, попъ исключается изъ Общества. Всякій желающій вступишь въ оное, и признанный уже способнымъ, не одобряется прежде нежели онъ сдѣлаешь ошвѣтъ на вопросъ: расположенъ ли онъ извѣщать своихъ начальниковъ объ ошибкахъ другихъ, и также доволенъ ли онъ будешь, если ему спавушь замѣчать его ошибки?

Собственно такъ называемое предуготовленіе (новіціатъ) продолжается два года, которые должны быть проведены въ набожной жизни и духовныхъ трудахъ. Послѣ двухъ годовъ, предуготовляемый допускается къ сдѣланію, такъ сказать, предварительной присяги, гдѣ онъ даетъ публично, но не торжественно, при объѣта, и за сими переходишь въ классъ одобренныхъ учениковъ. Тутъ начинаешь курсъ ученія, необходимаго для образованія совершеннаго Іезуита. Это: знаніе языковъ, Поэзія, Риторика, Богословіе, Церковная Исторія и Священное Писаніе. Послѣ сего, до поступленія на высшія степеня, слѣдуешь другой родъ предуготовленія. Оно продолжается

только одинъ годъ и все должно бытъ посвящено духовнымъ упражненіямъ.

Общество раздѣляется на четыре класса, или степени, кои суть: одобренные ученики, духовные или свѣтскіе коадьюшоры, монахи трехъ и четырехъ обѣшовъ. Монахи связаны съ Обществомъ торжественно и нераздѣльно, въ чемъ они и опличаются отъ духовныхъ коадьюшоровъ, дающихъ обѣшны просшые, какіе дають и ученики, и не обязывающихъ себя сверхъ сего другими, особенными обѣщаніями, копоры требуются отъ однихъ монаховъ; на примѣръ: не принимають никакихъ духовныхъ чиновъ безъ почнаго повелѣнія Главы. Но за то монахи четырехъ обѣшовъ суть столпы и основанія Общества, какъ называетъ ихъ Смаресъ (*), кости и нервы его, по выраженію Саккина (**); словомъ сказашъ — они настоящее Общество. Одни они имѣють право судить во всѣхъ собраніяхъ; одни они могутъ занимать высшія должности Ордена; одни они суть избираемые и избираемые въ высшее достоинство Главы.

(*) Columnæ et fundamenta. de Rel. Soc., L. VII, c. 2, § 7.

(**) Ossa ac nervi. Hist. Soc. J. pars. II, L. I., n. 20, p. 3.

Одобренные ученики различающа ошъ духовныхъ коадьюшоровъ въ шомъ, что они не безвозвратно принадлежатъ къ Обществу, и хотя имѣющъ обязанности въ отношеніи къ нему, кошорыхъ не власны разрушить, но Общество можешъ снять оныя съ нихъ и уволить ихъ. Для эшого оно оставляешъ имъ владѣніе имѣніемъ, и довольствуешоя шѣмъ, что опнимаешъ у нихъ право пользоваться онымъ. Продолженіе времени, какое должно оставашся въ классѣ одобренныхъ учениковъ, или во всякомъ другомъ, не имѣешъ срока, и зависитъ ошъ воли начальниковъ. Свѣшскіе коадьюшоры способствуюшъ Обществу шолько вещественно, и шепенъ ихъ въ ономъ ешъ шепенъ *братьевъ* въ другихъ.

Составъ Ордена основанъ на совершенномъ единовластіи. Начальникъ, подъ именемъ Верховнаго Главы, имѣешъ власшь неограниченную. Ему обязаны повиновашся слѣпо. Онъ власненъ указашъ новыя правила и опмѣнитъ старыя; онъ объясняешъ смыслъ воѣхъ основныхъ законовъ, въ случаѣ какого нибудь сомнѣнія; онъ принимаетъ въ Члены Ордена и изгоняешъ изъ онаго кого ему угодно; онъ раздаешъ шепени и назначаетъ ко всѣмъ должностямъ; онъ созываетъ ко общему засѣданію, предсѣдательствуетъ въ ономъ и имѣешъ тамъ два голоса. Однимъ словомъ, онъ въ Обществѣ еднъ начало и средо-

почіе всякаго дѣйствія. Воля его есть высшая властительница надъ волею всѣхъ другихъ, и для шого чшобы онъ могъ употреблять свою всемогущую волю съ знаніемъ дѣла, приняты самыя разнообразныя мѣры къ извѣщенію Главы обо всемъ, что происходитъ въ Орденѣ и внѣ оного; даже совѣсть людей не закрыва опъ него и обязана безъ ограниченій открываться передъ нимъ всякій разъ, когда шолько онъ пошребуетъ сего. Ему пошоянно присылаются изъ всѣхъ обласшей свѣдѣнія о каждомъ изъ его подвластныхъ, его лѣсахъ, его природныхъ дарованіяхъ, его успѣхахъ въ Словесности и въ добродѣтели, и шакже объ его недоспашкахъ, какаго бы ни были они рода.

Сей могущественный властитель избирается всѣмъ Общешвомъ, собраннымъ въ общее засѣданіе. Чишая, въ пошановленіяхъ, какія качества должны бытъ въ немъ соединены, не лзя не замѣшшь съ Г-мъ Монкларомъ, что *это не столько портретъ хорошаго нагальника, сколько портретъ предводителя народа, предназначеннаго завоевать міръ* (*).

Однакожъ, на ряду съ шакимъ неограниченнымъ деспотизмомъ, есть ишкошорня предостро-

(*) Рѣчь Риперта Монклара, Королевскаго Главнаго Прокурора въ Прованскомъ Парламентѣ, по дѣлу называвшихъ себя Іезуитами. р. III.

рожности, направленныя не къ шому, правда, чшобы ограничить его когда либо, но чшобы скоро и вѣрно пособишь, въ случаѣ излишесивъ, могущихъ нанести существенный вредъ Обществу. Такъ чешыре миниспра, называемыя ассисшеннами, избранны Обществомъ для вспомошествованія Главѣ въ его должностяхъ, могутъ, въ самыхъ важныхъ случаяхъ, назначить засѣданіе, въ копоромъ его по формѣ изведуть съ занимаемаго имъ мѣста; они могутъ даже извесити его сами, собравъ на шо письменное согласіе обласшей (*).

Таковы сіи знаменитыя поспановленія, споль справедливо изумляющія, какъ образцовое произведение полишкы и мудрости человѣческой. Впрочемъ, въ эшомъ отношеніи ихъ не лзя оцѣнить по нашему крашкому и неполному из-

---

(*) Собраніе Общества рѣшило, что Глава не можеть бытъ низведенъ за худое управление, и еще менѣе за притѣсненіе частнаго лица, по шому основанію, что не должно, опасаясь преходящаго случая, навсегда ослаблять силу дѣйствій Общества, и что несчастіе нѣсколькихъ частныхъ лицъ не можеть бытъ сравниваемо съ великою выгодною оставивъ Главу безусловнымъ властелиномъ жребія подвластныхъ ему. Такимъ образомъ, число случаевъ для низведенія было спраннымъ образомъ ограничено двумя: безушною жизнью или моповспомъ, и опдатею имѣній Ордена родспвенникамъ.

влеченію , ибо чудесная шовкость ихъ всего болѣе являлась во множествѣ и согласіи мѣлкихъ сплешеній , кошорыя всѣ направлены къ одной цѣли. Составленіе сихъ уставовъ оспоривали у Игнація , но едва ли справедливо. Что въ работѣ сей у него были помощниками первые сошоващици его , и особенно Лайнезъ и Сальмеронъ , въ томъ прежде всѣхъ соглашающаи Историки Общества. Безъ сомнѣнія , сіи установленія были измѣнены , много разъ , въ общихъ засѣданіяхъ Общества , пользовавшагося своими правами. По смерти Игнація , въ приглашенельныхъ письмахъ , посланныхъ Лайнезомъ , исправлявшимъ должность Намѣстника Главы , всѣмъ монахамъ Ордена приказывалось пріѣхать въ Римъ , для избранія новаго Главы , и упоминалось въ то же время , что установленія Игнація будутъ шамъ окончательню разсмотрѣны. Между тѣмъ , въ это время они были уже обнародованы и переведены ; но Игнацій , *всегда стремившійся къ самому полезному* (*qui semper id spectabat quod maxime expediret*), лучше хотѣлъ оставить свои законы утвержденными просвѣщеннымъ одобреніемъ приводившихъ первоначально въ исполненіе оныя , нежели утвердить ихъ своею властію ; хотѣлъ , чтобы они были окончательню приняты не прежде , какъ все Общество , уже богатое плодами начальной опытности , одобритъ ихъ въ общемъ собра-

ніи (*). И первое собраніе не было единствен-
нымъ, упопрѣбившимъ власшь, предославлен-
ную основашелемъ къ улучшенію его созданія.
Слѣдовавшіе за нимъ Главы дополняли также
сіе великое твореніе своими приказами, изъяс-
неніями и объявленіями, приоединенными къ
каждому параграфу уставовъ, и сославляющи-
ми часшь оныхъ, исполняемую спольже строго,
какъ и самый шекшь уставовъ. Тамъ, напро-
тивъ, еще болѣе можно разгадать истинный ха-
рактеръ оныхъ, видя, что новыя объясненія и
распоряженія сходящся всѣ къ одной цѣли:
укрѣпляя деспотическую власшь Главы, и спо-
собствовашъ неограниченному увеличенію Об-
щества.

Въ началѣ 1543 года Игнацій исходатаиство-
валъ уничтоженіе спашьи, коею число мона-
ховъ ограничивалось шестьюдесятью. Впрочемъ,
это онъ сдѣлалъ не потому, чтобы ограниче-
ніе его уже спѣснело, ибо со времени утвер-
жденія Общества только одинъ Антоній Ара-
осъ былъ возведенъ на спенень монаха.

Около сего же времени Лайнезу были пору-

(*) Tamen Ignatius, qui semper id spectabat quod ma-
ximè expediret, malebat posteris opportunitate utentium,
quam auctoritate sua sancitas leges relinquere; noluerat om-
nino ratas haberi priusquam eas experimenti secuta præro-
gativam Societas communi suffragio comprobaret. *Sacchin.*
Hist. soc. J., pars 11, l. 1, n. 24, p. 4.

чени переговоры о бракъ Маріи, Принцессы Португальской, съ Филиппомъ II-мъ, сыномъ Карла Пятого. Онъ былъ шакъ счастливъ, что успѣлъ въ этомъ, и ему препоручили сопровождать новую Королеву въ Испанію, гдѣ онъ умѣлъ воспользоваться уваженіемъ и блескомъ, которые придавало ему сіе порученіе, и приуготовилъ Обществу входъ во владѣнія Каспильскія. Это обстоятельство было впоследствии весьма важно, если справедливо то, что ему можно приписывать необыкновенную приверженность Іезуитовъ къ Австрійскому Дому (*).

Открытие Собора Триденцинскаго представило Обществу случай для новаго торжества. Не только призванъ былъ въ Римъ Лайнезъ, для поданія совѣтовъ о семъ великомъ дѣлѣ, но его и Сальмерона Владика хотѣлъ послать на Соборъ въ качествѣ Теологовъ. Тотъ и другой были конечно слишкомъ молоды для столь важнаго порученія, ибо едва перешли они за тридцать лѣтъ жизни; посему Игнацій, опасаясь ихъ возраста, естественнаго увлекаемаго похвалами и славой (**), далъ имъ исполненные благоразумія совѣты о томъ, какъ они должны вести

(*) Histoire des religieux de la compagnie de Jésus. 4 vol. Soeure, 1740. Vol. II, Liv. 11; p. 61.

(**) Patrum virides spectabat annos, pronos ad plausus, procliviores ad gloriam. Orland. Hist. soc. J., pars I. L. V,

себя въ семь величественномъ собраніи; на-
примѣръ, въ спорахъ не ссылашься ни на
какой авторитетъ современника. По прибы-
шіи на Соборъ, оба Іезуита изъяснили сми-
реніе, которое конечно не походило ни на
простоту, ни на скромность. Лайнезъ про-
силъ и получилъ позволеніе говорить послѣ
всѣхъ. Славы достойное униженіе! воскли-
цаешь Орланденъ — и которое было не без-
выгодно, *non inopportuna*, прибавляетъ
онъ добродушно, ибо оно давало сему ученому
вижу случай выказать неисчислимыя пособія его
генія, показывавшаго нова стороны предмета
тогда, какъ все, казалось, уже было о немъ ска-
зано. Напрошивъ Сальмеронъ говорилъ первый,
и это было сообразно съ его умомъ, болѣе
способнымъ для изложенія, нежели для глубока-
го разсмотрѣнія затруднительнаго предмета.
Они не замедлили оказашъ себя самыми жарки-
ми защитниками нелѣпѣйшихъ преобраній Папы,
и самыхъ вопіющихъ злоупотребленій Римской
Церкви, изъ коихъ нѣкоторые Епископы готовы
были услушати нѣчто справедливымъ преобрані-
емъ опщепенцевъ; но имъ Игнацій предписалъ

п. 22, р. 110. Привожу сіе мѣсто для того, что
въ немъ видно, хотя непрямо, признаніе въ често-
любіи, коимъ часто укоряли сихъ двухъ отцовъ, а
особенно Лайнеза.

Іюль 1830.

3

упорно защищашся опъ всякихъ усѣпковъ, да же кажущихся самими справедливыми.

Такъ вездѣ уже духъ Общества раскрывался вполне. Его полишика, его нравспвенность, его Богословіе, кажешся, родились вмѣстѣ съ нимъ. Можно сказаць, что въ эпомъ опношенія у него не было перваго возраста; оно не знало ни слабоспи, ни невинноспи; зрѣлосць была его началомъ, и что по видимому опзымаешся дѣпспвомъ, какъ напримѣръ замѣпная наклонность къ суевѣрью, шо было его жребіемъ до конца, по легковѣрью ли искреннему, или по разсчешу. Предшеспвовавшія подробноспи конечно доспашочно доказывающъ мое мнѣніе, и пошому не буду о немъ распроспраняшся. Успѣхи Общества увеличивались до самой смерши Игнашіа, и все подѣ влияніемъ шѣхъ же средствъ, при пособіи прежней дѣпшельноспи. Ушомптельно да же для ума, слѣдоваць за всѣми переходами и переѣздами эпого небольшого числа монаховъ по всей Европѣ, по всѣмъ часпямъ оной, не говоря уже о Новомъ Свѣтѣ, гдѣ они обращали къ Хрпшіанспву цѣлые народы въ пзкое крашкое время, въ какое другіе могли бы шолько посѣпшиць ихъ. Время, споль продолжптельное, когда его счпшающъ въ бездѣпспвіи, для нихъ было спшкомъ крашко. Одиць Игнапій жилъ обыкновенно въ Римѣ, съ нѣсколькими онцами, занимавшимися усшрой-

спвомъ дома и училища, учрежденнаго шамъ. Духовные труды и общее направленіе всѣхъ дѣлъ Общества занимали его непрерывно. Къ концу жизни, онъ былъ принужденъ сложить часть своихъ обязанностей на Іеронима Надала. За нѣсколько дней до смерти своей, случившейся въ 1556 году, чувствуя необыкновенную слабость, онъ призвалъ своего Секретаря, и надиктовалъ ему свои послѣднія мысли о повиновеніи, кошорое почиталъ онъ душою Общества. Еще прежде, въ знаменитомъ посланіи къ своимъ Португальскимъ дѣшнимъ, по случаю происшедшихъ между ними несогласій, онъ утвердилъ, что повиновеніе еспь особенная добродѣшель Іезуита; что онъ можетъ допустить другихъ монаховъ превзойдти его въ постахъ, въ бдѣніи и прочихъ лишеніяхъ, но никакъ не долженъ позволить сравняшья съ собою въ повиновеніи начальникамъ. Въ сихъ верховныхъ наставленіяхъ, данныхъ на смертномъ одрѣ, завѣщалъ онъ своимъ ученикамъ тѣ знаменитыя сравненія, кошорыя споль часто обращали прошивъ нихъ и прошивъ ихъ Общества. Въ нихъ сказалъ онъ, что каждый Іезуитъ долженъ почитать себя мягкимъ воскомъ, принимающимъ какую угодно форму, мершвымъ шѣломъ, не имѣющимъ никакого собственнаго движенія, наконецъ просшью, помогающею шарику: онъ беретъ и оставляетъ ее по волѣ.

(*Окончаніе впрядь.*)

ВЗЯТІЕ РЕДУТА.

Разсказъ П. Мериме.

Одинъ изъ моихъ друзей, военный, умершій за нѣсколько лѣтъ въ Греціи, отъ горячки, разсказалъ мнѣ однажды первое сраженіе, въ кошоромъ онъ былъ. Разсказъ сей шакъ сильно поразилъ меня, что при первомъ досугѣ я записалъ его, съ памяти. Вотъ онъ.

«Я прибылъ къ полку 4 Сеншября, вечеромъ. Полковникъ нашъ былъ на бивакахъ. Сначала онъ принялъ меня довольно холодно; однакожъ, прочитавъ рекомендацельное письмо Генерала В** , онъ перемѣнилъ обращеніе и сказалъ мнѣ нѣсколько вѣжливыхъ словъ.

«Онъ предснвилъ меня моему Капитану, только что возвращавшемуся съ рекогносцировки. Узнавъ Капитана я не успѣлъ: это былъ высокій, черноволосый человекъ, физиономія грубой и опшрашишельной. Онъ заслужилъ зполены и креспъ въ рядахъ проспныхъ солдатъ, на полѣ битвы. Голосъ его, хриплый и слабый, сшраннымъ образомъ прошиворѣчалъ разчѣрамъ его. шѣла, почши исполинскимъ. Мнѣ сказали, что голосомъ своимъ онъ одол-

жестъ пулъ, на вылетъ проспърлившей его въ левской бишвѣ.

« Онъ искривилъ свое лицо, узнавъ что я вышелъ изъ Фопшенблоскаго Училища, и сказалъ: « Вчера умеръ мой Поручикъ. » Я понялъ, что онъ хотѣлъ сказать: « Ты долженъ занять его мѣсто, а гдѣ тебѣ!.,. » Язвительное слово вершлось у меня на языкъ; но я удержался.

« Луна выкапывалась изъ за редуна въ Шевардино, ошстояшаго на 2 пушечные выстрѣла ошъ нашего бивака. Она была, какъ обыкновенно бываешь при своемъ восхожденіи, красна и огромна. Но въ эшошъ вечеръ величина ея показалаь мнѣ необыкновенна. Съ минушу, редушъ означался черными тѣнями на блестящемъ кругѣ луны. Онъ походилъ на волканъ, въ минушу его изверженія.

« Я споялъ подлѣ одного спараго солдата и услышалъ онъ него замѣчаніе о цвѣтѣ луны. « Какъ она красна, » сказалъ онъ. « Видно, что дорого будешъ шюишь намъ эшошъ славный редушъ. » Я всегда былъ суевѣренъ, а шакое предвѣщаніе, и особенно въ шакую минушу, поразило меня. Я легъ, но заснушь не могъ; всшалъ и нѣсколькo времени ходилъ, вглядывалъ въ неизмѣримую линію огней, означавшую высошы за деревнею Шевардино.

« Думая, что свѣжій и пронзительный ноч-

ной воздухъ довольно прохладилъ мою кровь, я ворошился къ огню, хорошенько завернулся въ свой плащъ, и закрылъ глаза, въ надеждѣ, что ошкрою ихъ не раньше ушра. Но сонъ бѣжалъ ошъ меня. Незамѣпно, мысли мои спавновились спрашны. Я говорилъ самъ себѣ, что изъ спа шмсячъ человекъ, покрывающихъ эту равнину, у меня нѣшъ ни единого друга. Я могу бышъ раненъ, ошданъ въ госпиталь, и буду подъ невнимашельнымъ присмошпромъ невѣждъ-хирурговъ. Мнѣ приходило на памяшъ все, что я слыхалъ о хирургическихкихъ операціяхъ. Сердце мое сильно билось, и я безъ воли раскладывалъ, какъ будшо лапы, порпшѣль и плашокъ, бывшіе у меня на груди. Успалоспъ одолѣвала меня; я забывался ежеминушно, и ежеминушно какая нибудъ спрашная мысль, оживляясь съ большею силою, вдругъ пробуждала меня.

«Наконецъ успалоспъ превозмогла, и когда били зорю, я уже совсѣмъ спалъ. Мы спали въ спрой, и послѣ переклички поставили ружья въ козлы. Все предвѣщало, что мы проведемъ день спокойно. -

«Около прехъ часовъ прискакалъ Адъюшанпъ съ приказомъ. Намъ снова было велѣно спашъ подъ ружье; спрѣлки наши разсѣпались по долинѣ; мы шихо шли за ними, и минушъ черезъ двадцашъ увидѣли, что всѣ аванпосшы Русскіе снимающся и уходяшъ за редушъ.

« Одинъ корпусъ артиллеріи `сшаль у насъ на правой сторонѣ, другой на лѣвой, но оба гораздо впереди насъ. Они ошкрыли противъ непріятеля сильный огонь, на кошорый онъ ошвѣчалъ упорно, и вскорѣ Шевардинскій редушъ ишчезъ за густыми облаками дыму.

« Нашъ полкъ былъ почти закрышъ ошъ огня Рускихъ неровностью земли. Ядра ихъ, впрочешъ рѣдко прилепавшіе къ намъ (пошому что они болѣе спрѣмали въ нашихъ канонеровъ), проходили надъ головами нашими, или иногда осмпали насъ землею и мѣлкимъ камешникомъ.

« Какъ скоро намъ приказано было идиши впередъ, Капшанъ мой поглядѣлъ на меня со внимашемъ, и шѣмъ засшавилъ меня два или при раза погладилъ мои молодые усы, съ шакимъ свободнымъ видомъ, какъ шолько я могъ. Впрочешъ, боязни во мнѣ не было; я спрашился шолько шого, что подумаюшъ, что я боюсь. Эши добрыя ядра еще укрѣпили мое геройское спокойшвіе. Самолюбіе говорило мнѣ, что я нахожусъ въ большой опасности, пошому что наконецъ я былъ подъ огнемъ батареи. Я восхищался своимъ веселымъ расположешиемъ духа, и воображалъ себѣ, какъ пріятно будешъ, въ госпиной Г-жи Сентъ-Люгзанъ, въ Прованской улицѣ, рассказывать о взяшии Шевардинскаго редуша.

« Полковникъ проѣхалъ передъ нашею росою, и сказалъ мнѣ: « Вошъ, на первый случай, вы окуришесь порохомъ. » Я улыбнулся съ самымъ воинственнымъ видомъ, обшракивая рукавъ своего мундира, куда одно ядро, упавшее въ придачи шагахъ отъ меня, кинуло нѣсколько пыли.

« Кажется, Рускіе замѣтили худой успѣхъ своихъ ядеръ, потому что они начали спрѣляшь гранатами, копорья могли скорѣе доставать насъ въ нашемъ углубленіи. Довольно большимъ обломкомъ сбило съ меня шапку, и убило подлѣ меня человѣка.

« Поздравляю васъ! » сказалъ мнѣ Капшанъ, когда я поднялъ свою шапку. « На эшошъ день вы опдѣлались. » Я зналъ военное повѣрье, по копорому слова: *non bis in idem*, такая же аксіома на полѣ бипвы, какъ и въ судѣ. Я съ гордостію надѣлъ свою шапку, и сказалъ какъ шолько могъ веселѣе: « Вошъ, ужъ поздравленіе безъ всякихъ церемоній! » Эша вздорная шуника, по обшояшельствамъ, показалаь превосходною. « Поздравляю васъ! » повторилъ Капшанъ. « Съ вами уже ничего болѣе не случипся, и вы нынѣшній же вечеръ будете командовать росою; я вижу, что эшошъ денѣкъ для меня готовипся. Всякій разъ, когда я бывалъ раненъ, подлѣ меня офицеръ бывалъ шолько задѣтъ, и-прибавилъ онъ тихо и смущенно — имена ихъ всегда начинались съ буквы Р. »

« Я не вѣрилъ ; многіе сдѣлали бы поже ; многіе , шакъ же какъ и я , были бы поражены эшими предвѣщательными словами . Я былъ новобранецъ ; чувствовалъ , что никому не могу вѣришь своихъ ощущеній , и долженъ всегда казаться хладнокровно неуспрашимымъ .

« Черезъ полчаса Рускіе замѣпно ослабили свой огонь ; тогда мы выступили изъ нашего прикрытія — идши на редушь .

« Въ нашемъ полку было при башальона . Вспорому приказано было обойдши редушь со стороны его входа ; два другіе должны были идши на приспущъ . Я находился въ прешьемъ башальонѣ .

« Когда мы вышли изъ за нашего прикрытія , насъ встрѣшили нѣсколькими залпами изъ ружей , сдѣлавшими мало вреда въ нашихъ рядахъ . Свистъ пуль изумилъ меня . Я часпо озирался и привлекъ на себя нѣсколько насмѣшекъ ошъ шоварящей , больше знакомыхъ съ эшимъ звукомъ . « А право » — сказалъ я — « сраженіе еще не-шакая-то спрашная вещь ! »

« Мы шли скорымъ шагомъ за сшрѣлками : вдругъ Рускіе закричали : ура ! и при раза вяшно повшорили его . Послѣ эшого они замолчали и не дѣлали ни одного выспрѣла . « Не люблю я эшого молчанья ! » сказалъ мой Капитанъ . « Оно не предвѣщаетъ ничего добраго . »

Я находилъ, что наши слишкомъ шумѣли, и не могъ не сравнивать, внутренно, ихъ буйнаго говора съ величественнымъ молчаніемъ непріателя.

« Мы быспро достигли подошвы редуша; па-лисадъ былъ шуть изломанъ и земля взбуровлена ядрами нашими. Солдаты бросились на эши свѣжія развалины съ такимъ ужаснымъ крикомъ: *Vive l'Empereur*, какого не лзя было ждашь опъ людей, уже сполько кричавшихъ.

« Я поднялъ глаза — и никогда не забуду того, что увидѣлъ я! Самая большая часпъ дыму поднялась, и висѣла, какъ балдахинъ, фушахъ въ двадцати надъ редушомъ. Сквозь голубовашим паръ видны были за полуразрушеннымъ паранешомъ Русскіе гренадеры, ружья къ плечу, неподвижные какъ спашуи. Кажешся, я еще вижу каждого солдата, успремившаго правый глазъ на насъ, тогда какъ лѣвый у него закрытъ дуломъ ружья. Въ одной амбразурѣ, въ нѣсколькихъ фушахъ опъ насъ, споялъ человекъ съ зажженнымъ фитилемъ, подлѣ пушки.

« Я заирепешалъ, и подумалъ, что послѣдній часъ мой наступилъ. « Вопъ начнешся пошѣха! » вскричалъ мой Капитанъ. Это послѣднія слова, какія слышалъ я опъ него.

« Барабанный бой загремѣлъ въ редушѣ. Я видѣлъ какъ поклонились всѣ ружья. Я закрылъ

глаза, и услышалъ ужаснѣйшій гулъ, за копорымъ слѣдовали крики и сшенанія. Раскрывъ глаза, я изумился, увидѣвши себя еще въ здѣшнемъ мѣрѣ. Редутъ былъ снова закрытъ дымомъ. Я былъ окруженъ ранеными и мершвыми. Мой Капишанъ лежалъ распроспертый у моихъ ногъ: каршеча раздробила ему голову; я былъ обрызганъ его мозгомъ и кровью. Изъ всей нашей рошмы осшавалось только шесть человекъ, кромѣ меня.

« За эшимъ убійствомъ слѣдовала минута оцѣпенѣнія. Полковникъ, надѣвъ свою шляпу на конецъ шпаги, первый взошелъ на пѣрапешъ, крича: *Vive l'Empereur!* За нимъ бросились всѣ удѣльшіе. Я почти не помню, что было послѣ этого. Не знаю, какъ вошли мы въ редутъ. Дрались одинъ на одинъ, среди такоого гусшаго дыму, что не лзя было видѣшь самого себя. Видно что и я рубилъ, пошому что вся моя сабля была въ крови. Наконецъ я услышалъ кликъ: побѣда! и при исчезавшемъ дымѣ увидѣлъ кровь и мершвыхъ, покрывавшихъ всю землю въ редутѣ. Особенно пушки были завалены грудами шруповъ. Около двухъ сошъ человекъ, во Французскихъ мундирахъ, спояли въ беспорядочныхъ кучахъ; одни изъ нихъ заряжали свои ружья, другіе пробовали шпыки. При нихъ находилось одиннадцать Русскихъ плѣнныхъ.

«Полковникъ, весь въ крови, лежалъ на одномъ разбишомъ ящикѣ, подлѣ входа. Нѣсколко солдатъ забошались вокругъ него; подошелъ и я. «Гдѣ старшій Капитанъ?» спросилъ онъ у одного сержанша. — Сержаншъ пожалъ плечами съ большою выразишельностью. «А старшій Поручикъ?» — Вошъ онъ: эшошъ господинъ, что вчера прѣхалъ» — сказалъ сержаншъ совершенно спокойнымъ голосомъ. Полковникъ горько улыбнулся. — Ну, сударь! сказалъ онъ мнѣ. Вы главный по командѣ; велише, какъ можно скорѣе укрѣпите входъ въ редушъ, эшими шѣлегами, потому что непріатель прошивъ насъ силенъ; но Генералъ С*** пошчасъ подкрѣпитъ насъ. — Вы шажело ранены, Полковникъ? — сказалъ я. — Да, мой другъ! Но за шо редушъ взять »

Mémoires sur les campagnes des armées du Rhin et de Rhin-et-Moselle, de 1792 jusqu'à la paix de Campo-Formio, par le maréchal Gouvion Saint-Cyr. 4 v. in-8. (*Записки Маршала Сенъ-Сира*, о кампаніяхъ арміи Рейнской и Рейнь-Мозельской, ошъ 1792 года до Кампоформійскаго мира. 4 тома, съ 15-ю картами и планами, и проч. Съ превосходнымъ атласомъ большаго размѣра. Парижъ, 1829 года) (*).

Трудно увѣрить людей, и особенно людей нашего времени, видѣвшихъ много военныхъ, что Военное Искусство едва ли не болѣе всѣхъ другихъ даетъ работу уму. Но это истина. Великость сего Искусства состоить въ томъ, что оно требуетъ столько же характера, сколько ума, и приводитъ въ дѣйствіе, дѣлаетъ явнымъ всего человека. Въ этомъ отношеніи, только Государственное управление есть подобное и равное ему Искусство. Въ самомъ дѣлѣ: посмотрите на произведенія славнѣйшихъ поэтовъ, ученыхъ, ораторовъ. Превосходнѣйшія произведенія ихъ никогда не говорятъ вамъ какова была ихъ душа. Посмотрите, напросивъ, на дѣянія генераловъ и государственныхъ людей: тамъ вы всегда прочитаете ихъ характеръ, такъ же какъ и умъ, потому что правительствуютъ и сражаются всѣми силами души. Разумѣется однакъ, что правительствовашъ не значить упра-

---

(*). Переводъ съ Французскаго.

вляпъ префекшурою, и сражашься не значишь идши въ ашаку команду полкомъ ; иначе слишкомъ многимъ надобно придашь умъ и душу.

Человѣкъ , назначаемый предводительствовашь другими на поляхъ битвъ , долженъ для сего , шакъ же какъ и для всѣхъ свободныхъ занятій, прежде всего приобрѣсти ученое образованіе. Ему надобно обладать Науками шочными, графическими Искусствами, теоріею Фортификаціи. Ему должно бытъ инженеромъ , артиллеристомъ , хорошимъ армейскимъ офицеромъ , и сверхъ того географомъ , но не просто-народнымъ ; знашь не только изъ подъ какой скалы вытекаешь Рейнь или Дунай , и въ какое собраніе водъ впадаешь онъ ; ему должно бытъ географомъ глубокимъ , сроднившись съ каршою , съ ея рисовкою, ея линиями, ихъ отношеніями и значеніемъ. Далѣе , онъ обязанъ знашь въ шочности силу, пользы и характеръ народовъ ; знашь политическую и особенно военную Исторію ихъ ; всего болѣе онъ долженъ знашь людей , пошому что люди на войнѣ не машины; напрошивъ, шамъ болѣе нежели гдѣ либо они становяшся чувствительны , раздражительно : искусство управляшь ими, швердо и снисходительно, было всегда важною частію искусства великихъ полководцевъ. Къ симъ высшимъ познаніямъ, военный человекъ долженъ присовокупить наконецъ просшыя, но споль-же необходимыя познанія управления. Ему необходимъ духъ порядка и шѣлочности приказнаго ; пошому что людей не только надобно зашавляшь битъ , но ихъ еще надобно кормить , одѣвашь , вооружашь , лечить. Споль обширное знаніе надлежитъ упошребляшь вдругъ , и въ самыхъ не-

обычайныхъ обстоятельствъ. При всякомъ движеніи надобно помнить о вчерашнемъ, о завтрашнемъ днѣ, о своихъ флангахъ, о штылѣ; двигаешь съ собою все: военные и съѣстные запасы, госпитали; видишь въ разсчетѣ, въ одно время и атмосферу, и нравственное состояніе людей, и всѣ эти элементы, столь различные, столь непостоянные, измѣняющіеся и смѣшивающіеся непрерывно, надобно соображать на холодѣ, на жару, голодомъ и подъ ядрами. Тогда какъ вы думаете о такой кучѣ предметовъ, звучитъ пушка; голова у васъ въ опасности; но хуже всего то, что тысячи человѣкъ на васъ глядятъ, и въ вашемъ лицѣ ищутъ надежды своего спасенія. А за ними — опечесство, съ лаврами или съ кипарисами!... Всѣ эти образы надобно гнать отъ себя, и думать, думать скорѣе, ибо одна лишняя минуша, и наилучшее соображеніе погибло: вмѣсто славы ожидаетъ васъ стыдъ.

Это все, конечно, можно дѣлать и плохо, такъ же и все другое; бываешь-же плохимъ поэтомъ, ученымъ, ораторомъ; но дѣлать это гениально: вотъ что прекрасно. Нѣтъ спора, что въ кабинетѣ думать сильно, ясно — дѣло высокое; но такъ же сильно, такъ же ясно думать подъ ядрами — вотъ полное употребленіе человѣческихъ способностей. Мечтавшіе о вѣчномъ мирѣ, не знаютъ ни человѣка, ни здѣшней судьбы его. Вселенная есть огромное дѣйствіе: человѣкъ рожденъ дѣйствовать. Назначенъ-ли онъ для счастья или нѣтъ, но только достоверно, что онъ тогда почитаетъ жизнь болѣе сносною, когда находится въ сильной

дѣяшельности : шуть онъ забываетъ себя , увлекается , и перестаетъ употреблять свой умъ на сомнѣнія , на проклятія , на порчу самого себя , и на зло. Общество въ вѣчномъ мирѣ начало бы гнишь. Посмотрите , какова была Франція въ концѣ оснадцатаго столѣтія ! Конечно , война должна быть справедлива ; но основываясь на справедливости и слѣдуя за длинными періодами мира , она перекаливаетъ нравы и характеръ народовъ.

Впрочемъ , доказательство нашего мнѣнія въ событіяхъ. Изъ всѣхъ родовъ людей , всего менѣ великихъ полководцевъ , шо есть очень великихъ : чешыре , можешь быть пять — во всей Исторіи ! Замѣчательно , что они были и великіе писатели , ибо дѣйствовашь и писашь не лзя не имѣя превосходства мысленія , а съ нимъ рѣдко не дѣйствующь на двухъ поприцахъ вмѣстѣ.

Однакожь , не должно быть исключительнымъ. Есть военные люди , такъ же какъ и всякіе другіе , съ различными характерами и различными степенями превосходства. Послѣ людей , которые , какъ Цезарь и Бонапарте , измѣняютъ міръ ударами меча , есть люди другаго разряда , ограничивающіеся защитой своего отечества. Есть Тюренни и Вобаны : ихъ имена безсмертны ; есть Кашинапы : добродѣтель даетъ имъ почти блескъ генія , пошому что добродѣтель нигдѣ не бываетъ столь прилична , какъ въ характерѣ военномъ. Въ сторону геніевъ : военный человекъ , ученый и просвѣщенный , наполненный всѣмъ что онъ видѣлъ и дѣлалъ , добрый , любящій свое отечество , есть также одно

изъ любопытнѣйшихъ лицъ. Въ нашъ вѣкъ видѣли мы много военныхъ; продолжительныя войны истощили ихъ способности, и, что еще прискорбнѣе, Дворское правленіе во многомъ измѣнило ихъ характеръ. Родисься при Дворѣ и живи шамъ: это можешь быть совершенно въ согласіи съ большимъ достоинствомъ; но не родисься въ эшомъ возвышенномъ состояніи, а достигнуть шуда случайно, и ошъ одного Двора перейди къ другому, непріязненному: вошь несчастіе для благородства характера. Однакожь, всегда бывають люди, споль сильные духомъ, что они могутъ сопротивляться самымъ шажкимъ шудамъ, и безопасно проходишь многія управленія. Маршала Сень-Сира всегда приводили въ примѣръ людей, особенно напоминавшихъ, простотою нравовъ и независимостью чувствованій, шажкихъ воишелей-патріотовъ, каковы были Клеберъ и Дезе, вписавшіе споль славно свои имена въ наши лѣтописи. Маршаль Сень-Сиръ ешь одинъ изъ нашихъ сшарѣйшихъ генераловъ; онъ былъ въ числѣ волонтеровъ, вдругъ составившихъ изъ себя въ 1792 году батальоны, для защиты нашихъ границъ. Солдашь и вскорѣ генераль Рейнской арміи, онъ былъ сослуживецъ Дезе и сошрудникъ Моро. Онъ былъ въ знаменишомъ отступленіи 1796 года, сравниваемомъ съ отступленіемъ десяти штысячъ Грековъ; онъ былъ въ несчастной и споль достойной уваженія кампаніи 1799 года, противъ Суворова; онъ совершилъ знаменишую и побѣдоносную кампанію 1800 года, кончившуюся высокимъ шрофесемъ Гогенлинденскимъ. Во время Имперіи, поприще его не перешавало бышь полезнымъ; по воз-

Іюль 1830.

становленіи Бурбоновъ , онъ далъ намъ законъ , лучшій послѣ Харшіи , и съ благородствомъ удался ошъ дѣлъ , какъ скоро почелъ сію жертву долгомъ своимъ къ опечествю. И пакъ , жизнь Маршала Сень-Сира есть одна изъ прекраснѣйшихъ въ новыхъ дѣлописяхъ нашихъ. На ряду съ славою умреть , какъ умирали Клеберы и Дезе , есть другая слава для живущихъ долго : чистота жизни. Среди странной и кровавой игры счастья , можно не уберець своего благосостоянія , но можно уберець свой характеръ и сохранишь его чистымъ и здоровымъ.

Въ дѣланіяхъ людей всегда можно чыташь характеръ ихъ , если шолько умѣете чытатъ ; но шамъ не омыщете вы ихъ ума. Его можно омыскашь въ ихъ сочиненіяхъ , если они ознаменовали сочиненіями свои дѣланія и причины оныхъ. Давъ намъ свои Записки , Маршалъ Сень-Сиръ доказалъ всю силу своего ума въ шѣхъ предметахъ , которыхъ занимали его во всю жизнь. Эти Записки — книга , просшая , важная , глубокая , написанная приличнымъ образомъ , шо есть прекрасно. Конечно Маршалъ Сень-Сиръ не желалъ вбшсь въ разрядъ писателей , но онъ сдѣлался писателемъ , и , чѣмъ всегда надобно гордиться , сдѣлался имъ по надлежащимъ причинамъ. Онъ писатель , пошому что глубоко я ясно понимаетъ что пишеть , а шогда настоящія выраженія приходятъ сами собою , непремѣнно. Но чего могло и не бышь , эти настоящія выраженія истинно изящны. Не многія книги нашего времени написаны пакъ хорошо ; и не странно-ли , что когда люди , занимающіеся исключительно писаніемъ ,

искажаютъ сіе прекрасное искусство, оно сохраняется у людей, никогда не упражнявшихся въ немъ. Такъ должно быть: надлежащіе уроки въ этомъ родѣ получимъ мы отъ людей основательныхъ; они должны пересказать намъ дѣла важныя, и эта важность предохранитъ ихъ отъ выпрениаго, дѣтскаго вкуса, смѣшнаго въ настоящее время.

Мы упомянули о слогѣ пошому, что въ разсматриваемой нами книгѣ онъ превосходитъ отъ достоинства мысли. Маршалъ Сень-Сиръ имѣлъ цѣль болѣе возвышенную. Онъ хотѣлъ предсказать уроки будущимъ поколѣніямъ, если имъ придется защищать свое отечество въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ защищали его въ 1792 году, ибо, къ несчастію, мы (Французы) не приблизились ни на одинъ шагъ къ нашимъ естественнымъ границамъ, и этого Рейна, почитаемый Маршаломъ Сень-Сиромъ и всеми хорошими умами единственною черпою, гдѣ можешь утвердиться наше защищеніе, этого Рейна, завоеванный пошонами крови, столько разъ перейденный, можешь быть именно пошому что онъ былъ перейденъ, не осмѣется за насъ. Намъ опять надобно будешь драться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пролила столько крови наши превосходящая армія, на Лаушеръ, на Кейгъ, въ Кайзерлаушернъ, въ Майцъ, въ Мангеймъ, Страсбургъ, Гюмлингнъ. Никто лучше Маршала Сень-Сира не знаешь всѣхъ этихъ мѣстъ, никто не знаешь лучше какую войну надобно вести на нихъ. Онъ не любилъ снѣземъ, и справедливо. Онъ думаетъ, что наилучшее воспитаніе для войны есть Исторія, что есть

опытностью, и это опять справедливо. Въ наше время много писали объ этомъ и надѣлали много снхшемъ. Что дѣлали послѣ кампаній Фридриха, то же дѣлають послѣ кампаній Наполеона: объясняютъ, опредѣляютъ, подраздѣляютъ. Въ Военномъ Искусствѣ то же что и во всѣхъ другихъ. Послѣ образцовъ является кришика; она хочеть предсавить *Для чего* и *Какимъ образомъ* всѣхъ дѣйствій: это и хорошо и полезно; но въ то же время она хочеть создать Искусство, хочеть свести его на нѣсколько правилъ, и утверждаетъ, что съ этими правилами все хорошо, а безъ нихъ все худо. Осталъ нескончаемые споры о построении косвенномъ, о построении тѣломъ и глубокомъ, и другіе, болѣе новые споры о Тактикѣ и Стратегіи.

Фридрихъ съ успѣхомъ надавалъ, не на фронтѣ арміи, а на одинъ изъ ея фланговъ; и вопль мя: этого вывели порядокъ нападенія, собственно такъ называемый, и наименовали его порядкомъ или построениемъ косвеннымъ: съ нимъ, какъ думали, всякое сраженіе должно бытъ выиграно, а безъ него проиграно. Европа поварила; вездѣ начали учить солдатъ по Фридриховски, выправляли ихъ какъ куклы, и приучали, на красивыхъ парадахъ, дефилировать косвенно предъ неирітительскою линіею, и устремляться на ля фланги. Въ Польшдамѣ особенно бывали сіи парады. Туда стекалось все юное дворянство Европы учиться искусству великихъ полководцевъ, которое Графъ Гиберъ перевелъ на изящное Парижское нарѣчіе. Старый Фридрихъ, въ мирное время насмѣхавшійся надъ Европою, улыбался, видя какъ наши молодые Французъ прибѣгали да его манев-

ры, и жалѣлъ только о томъ, что онъ не командуетъ ими, но есть по своему, а не такъ какъ онъ училъ всю Европу командовать. Дивныя движенія Наполеона, шагавшаго по карсть Европы столь широко, столь смѣло, сія движенія дали мысль о двухъ наукахъ. Одна, *Тактика*, состоятъ въ искусствѣ двигатися на сѣшенномъ мѣстоположеніи, дѣйствовашъ сообразно съ онымиъ различными войсками, расставлятъ ихъ и приводить въ движеніе приличнымъ образомъ; другая, *Стратегія*, состоятъ въ обширныхъ движеніяхъ, клонящихся къ тому, что бы занять лучшую линію дѣйствій, устремляться на опаснѣйшія для непріятеля точки, на его флаги, шель, его магазины, столицу и проч. Первая изъ сихъ наукъ должна образовывать генераловъ хорошихъ, вторая великихъ. Последнюю хотѣли свести на нѣсколько строгихъ правилъ, при коихъ дѣлаются великими полководцами: только поймите сія правила. Въ этомъ мы сомнѣваемся, потому что знаетъ множество людей, которые могли бы понять упомянутыя правила, и слѣдовательно были бы Цезари и Наполеоны; а намъ никакъ не вѣрится, что бы Цезарей и Наполеоновъ было въ мірѣ такъ много. Правила сей науки развины въ ученой книгѣ Эрцгерцога Карла, и въ книгахъ Генерала Жомини, еще болѣе славныхъ. Ихъ высоко уважалъ Наполеонъ. Сія сочиненія, что бы ни говорили о ихъ теоріяхъ, заключающъ въ себѣ великую ученость и глубокую критику, показывающую превосходный умъ. Слѣдственно они болѣе надежны на долготѣше, нежели системы, всегда оспариваемыя.

Нѣтъ сомнѣнiя, что для войны есть правда истинная, полезная, приобретенная опытомъ, такъ же какъ есть правда государственная въ политикѣ, и мнѣнiя въ нравственности; но невѣрояшно, чтобы возможно было составить искусство, свести его на нѣсколько безусловныхъ началъ, и послѣ этого побуждать, следуя имъ. Все равно сказать, что можно изъ политики составить искусство быть великимъ государственнымъ человекомъ, а изъ жизни искусство быть умнымъ и счастливымъ. Такихъ строгихъ разборѣвъ не допускаюшь безконечныя, неистощимыя сближенiя, бывающiя слѣдствiемъ обстоятельствъ. Посмотрите на одну жизнь военную: не избѣгаетъ-ли богатство ея отъ всѣхъ вашихъ исчисленiй? При Кастильонѣ, Наполеонъ жертвуетъ блокадою Маншунъ, готовою сдаться. Для чего? Онъ сосредоточиваетъ свои силы, разбиваетъ шедшаго на него непрiятеля, и Европа дивится сему ошважному пожертвованiю, давшему побѣду. При Арколѣ, онъ бросается въ болото, гдѣ были только двѣ проходимыя гаши, и уничтожаетъ число выгодою занятаго имъ мѣстоположенiя. При Риволи, среди гористой страны, онъ пользуется раздѣленiемъ различныхъ войскъ непрiятеля, у котораго пѣхота отошла на высокахъ, а кавалерiя и артиллерiя въ долинѣ, несется смѣло на то мѣсто, гдѣ они должны соединиться, предупреждаетъ ихъ соединенiе и истребляетъ ихъ по отдельнѣ. При Маренго, при Ульмѣ, онъ обходитъ своего противника; при Аустерлицѣ, онъ опрокидываетъ у него центръ; вездѣ онъ дѣйствуетъ сообразно обстоятельствомъ,

и соображенія его разнообразны по времени, по мѣсту, по непріятелю. И кто можетъ исчислить всѣ его манёвры? А манёвры Фридриха, Тюрення, Евгенія, Марльбороуга, и восходя въ вѣкахъ, Цезаревы, Аннибаловы? Кто опыщешь въ эпомъ ряду вдохновеній генія, начало единое, общее, вѣчное правило побѣды? Цѣль, правда, неизмѣнная — разбить непріятеля, и для эшого-шо побѣдитель всегда опыскиваетъ самое слабое мѣсто: иногда фланги, иногда ценшрь, тыль, складочныя мѣста, магазины, столицу, но все эшо при шакомъ разнообразіи случаевъ, что шуть и самое сходное есть не иное что какъ незначительная общность.

Но, если и со всею обычною своею доброю волею, умъ человѣческой не можешь составить системы и свести ея на нѣсколько строгихъ правилъ, шо однакожъ и шуть есть нѣчто возможное и полезное: эшо опытность. Она является въ Исторіи, освѣщенной здравою кришикою, въ Испоріи, писанной великими полководцами: таковы Записки Цезаря, сочиненія Фридриха, шо что Наполеонъ писалъ о самомъ себѣ, о Тюреннѣ, о Фридрихѣ, и наконецъ шаковы Записки Маршала Сень-Сира. Если въ Военномъ Искусствѣ есть свои догматики, шо въ немъ есть также и свои эмпирики, оприцающіе даже возможность хорошей кришики. Они утверждали, что всѣ извѣстныя сужденія о военныхъ дѣйствіяхъ — вздоръ; что въ успѣхъ участіе случая шакъ велико, что невозможно означить участія разчета и смѣнливости, и что разсматриванье можно только послѣдствія. По эшому разсчету, Фридрихъ

и Наполеонъ не иное что, какъ счастливые игроки; но мы знаемъ, что въ ихъ жизни несчастіе также играло не маловажную роль, и должны признать какуюнибудь другую причину ихъ успѣховъ, кромѣ невѣрнаго счастія. Правда, кришика можетъ обманываться, и часто упустишь изъ виду случай атмосферическій или храбрость какогонибудь Подпоручика, рѣшившую успѣхъ. Но, такъ ошибишься она можешь во всякомъ родѣ Исторіи, и для того-то поспавляюшь ей въ достоинство отчешливоссть во всѣхъ обстоятельствахъ. Однакожъ достоверно то, что кришика, исключая ошибки ея, можешь исполняшь свое дѣло почно, и что часто она такъ и исполняешь его, ибо иначе должно бы было не порицать и не хвалишь никакихъ дѣйствій, а находишь ихъ всѣ споронными и сморѣшь на слѣдствіе. За доказательствомъ эшого не нужно ходить далеко: мы найдемъ его разбирая Записки Маршала Сень-Сира, и увидимъ одни и шѣже событія, крицикуемыя одинаково самими различными умами; они были чрезвычайно рѣдко согласны, но всѣ были превосходны, хотя и не въ одинаковой степени.

Маршаль Сень-Сиръ начинаешь Исторію кампаній, совершенныхъ въ революцію, съ самаго ихъ зарожденія. Его книга, наполненная тактическими подробностями, можешь быть занимательна даже для умовъ подишическихъ, ибо хорошая Военная Исторія сполько же важна для людей государственныхъ, сколько и для военныхъ. Читая эти прекрасныя Записки, видимъ, какимъ образомъ Франція, окруженная со всѣхъ споронъ, умѣла избѣгнуть ошь грозныхъ опасностей. На нее шла вся

Европа; у нея была армія, менѣе нежели въ двѣсти тысячъ человекъ. Почти ни одинъ изъ офицеровъ и солдатъ ея не видывалъ огня, ибо Американская война кончилась въ 1783 году, то есть десять лѣтъ прежде. Впрочемъ, эта война, доставившая большое возвышеніе нашему флоту, почти ничему не выучила наше сухопутное войско, изъ котораго едва-ли нѣсколько полковъ было въ дѣлѣ, но и на шѣхъ еще шягошѣло воспоминаніе о Росбахѣ. Мы всегда заботились о военномъ превосходствѣ нашемъ; какъ сказано выше, брали уроки у Пруссаковъ, и переняли у нихъ дисциплину педантскую и несообразную съ нашимъ характеромъ. Эта самая дисциплина взволновала наконецъ армію, когда при Графѣ Сень-Жерменѣ ее хотѣли дополнить введеніемъ битья саблею, плашмя. Эта новость, введенная спрасшю къ преобразованіямъ, раздражила вѣкъ, жадный къ онымъ, потому что она оскорбляла народный характеръ. За всѣмъ тѣмъ, армія наша была довольно хорошо устроена, хотя нѣсколько ослаблена казарменнымъ управленіемъ. Артиллерія была обучена совершенно. Офицеры наши знали все, чему можно научиться къ школѣ, хотя въ числѣ ихъ было много молодыхъ угодниковъ женскихъ, невѣждъ и шалуновъ.

Война 1792 года застала насъ даже и не въ эпоху: состоянія. Всѣ офицеры убѣжали за границу, одни изъ страха, другіе изъ моды, а остальные были такъ подозрительны, что не могли уже быть полезны. Множество волонтеровъ, восставшихъ въ слѣдствіе славнаго Манфосета Брауншвейгскаго Гер-

пога, уснаило заднія отдѣленія нашей арміи людьми необученными, не привыкшими къ военному дѣлу, но крѣпкими и воспламененными. Изъ нихъ составили батальоны, отдѣльно отъ линейной арміи. Такимъ образомъ мы выступили противъ непріятели съ регулярною арміею настоящихъ солдатъ, съ нерегулярною арміею волонтеровъ, почти безъ офицеровъ, и съ превосходною артиллеріею.

Первые шаги были безпорядочны. Покушеніе на Бельгію сопровождалось одними пошерями, слѣдствіемъ неустройства и безпорядка. По обыкновенію неустроенныхъ солдатъ, наши приписали свои безпорядки офицерамъ своимъ, и несчастный Дильонъ былъ убитъ. Но, сыщись искусный, швердый человекъ, и было бы возможно успѣшь даже съ эшимъ разстроенымъ сборищемъ.

Вскорѣ, наступательныя дѣйствія, въ которыхъ мы имѣли такой худой успѣхъ, были начаты Пруссаками. Армія, страшнѣйшая въ Европѣ, и предъ кою думали всегда видѣть тѣнь Фридриха Великаго, предводительствуемая однимъ изъ знаменитѣйшихъ его учениковъ, эта армія приближалась къ нашимъ областямъ. Въ то время у нашихъ солдатъ не было даже Генерала, потому что Лафайетъ ухалъ. Интриганъ смѣлый, храбрый, полный генія, прозававшій при Дворахъ до пятидесяти лѣтъ, имѣвшій въ себѣ дерзость, поражаемую продолжительнымъ ожиданіемъ, словомъ — Дюмурье находился въ лагерь Маульдскомъ. Онъ сильно овладѣлъ своими солдатами, приучивъ ихъ къ огню ежедневными малыми дѣйствіями. Ксатишъ оказанное неовиноведіе

своему Генералу , Лафайету , доставило ему мѣсто Главнокомандующаго. Тогда въ распоряженіи у него было тысячъ ошь двадцати до двадцати пяти. Онъ не робѣлъ и смѣло загородилъ дорогу Прусской арміи : это было въ Аргоньскомъ лѣсу, съ сего времени прославившемся въ нашихъ опечесшвенныхъ лѣтописяхъ. Не потеряшь головы въ шакую минушу , и смѣло , хотя бытъ можеть и не благо-разумно , сшатъ на пуши непріятели — это показы-вало большую силу ума и характера , это должно почитатъ заслугою важною. Такъ думалъ Наполеонъ , и изъявлялъ величайшее удивленіе къ сему спранному дѣлу увѣренности. Къ несчастію , Дюмурье былъ обойденъ , чему и надлежало случитъся неизбѣжно , какъ замѣчаетъ Маршалъ Сень-Сиръ весьма справедливо , ибо не много шакихъ позицій , какъ бы ни были онѣ заслонены , кошорыя бы не имѣли какого нибудь выхода и не могли бытъ обойдены черезъ оный. Аргона , подобно Термопиламъ , была обойдена , но Дюмурье не умеръ , а сдѣлалъ лучше : онъ смѣло снялся съ остававшимися у него нѣшнадцатью или осмнадцатью тысячами , и при-слонился къ одному изъ бывшихъ у него подъ начальствомъ , Дильону , защищавшему при Ислетшахъ одну изъ проѣздовъ Аргоньскихъ. Дорога во Францію была открыта , но непріятель не хотѣлъ идти по ней , оставивъ у себя въ тылу Дюмурье и Дильона , кошорые опирались другъ на друга и ежедневно привлекали къ себѣ новыя подкрѣпленія. Неприсятель умиралъ ошь голода , недосшатка и болѣзней передъ лагеремъ Дюмурье , никакъ не оставлявшаго хорошо выбранной позицій , и не уважившаго

въ эпомъ случаѣ ни приказаній Правительства, ни безпокойства столицы. Пруссаки хотѣли испытать наши войска и зашѣли каноннаду при Вальми; но она самими имъ подъ конецъ надѣла, и они представили Европѣ зрѣлище неожиданное, ошсупивъ ошъ нашихъ молодыхъ солдашъ.

Таково было первое и славное дѣйствіе, давшее намъ храбрость сопротивденія. Маршалъ Сень-Сиръ, неумолимо строгій ко всѣмъ, хотѣлъ бы замѣнить планъ Дюмурье другимъ, очень благоразумнымъ, но рѣшишельно неисполнимымъ планомъ. Онъ весьма справедливо замѣчаешь, что когда ошъ арміи зависивъ спасеніе ошечества, то не должно подвергать ея опасности, и лучше ошсупишь, нежели проиграть сраженіе; что надобно было не встрѣчать Пруссаковъ съ войсками, кошорья не могли имъ сопротивляться, а удалиться и ошкрыть имъ путь, производивъ на ихъ флангахъ мѣлкую войну, дашь время придиши другимъ генераламъ, и истребишь Пруссаковъ возспавшимъ народомъ и многими соединенными арміями. Планъ, безъ сомнѣнія, очень хорошій, но генералы не могли слѣдовать ему. Генераль, даже съ самыми благоразумными намѣреніями пропусшившій непріятедя, не испышавъ заслонивъ ему дороги, былъ бы дочшепъ измѣнникомъ. Само Правительство, давая подобныя приказанія, сдѣлалось бы подозрительпо, или по крайней мѣрѣ потеряло бы ту власть, какую придавала ему дерзость. Тогда и генералы и иравители обязаны были дѣйствовашъ съ буйною дерзостью.

Последовавши за сими ошибки Дюмурье, и особенно его сослуживцев, неоспоримы, и согласие Маршала Сень-Сира со всеми указывавшими на них Испориками, доказываетъ, что кришика можеть быть единогласна, и следовательно основательна.

Дюмурье не преследовалъ Пруссаковъ въ ихъ отступленіи, и предоставилъ это своимъ подчиненнымъ, не потому что бы онъ сносился съ Пруссаками, чему, какъ замѣтно, готевъ вѣришь Маршалъ Сень-Сиръ, но потому что голова его была наполнена одною мыслию — завоеваніемъ Бельгій. Онъ пошелъ въ Парижъ, поржесествовалъ на праздникахъ, и добывалъ всякихъ средствъ; опшуда онъ пустился въ Бельгію, напустилъ прямо на Австрійскую армію, далъ ей блестящую битву Жеммапскую, возвысилъ этимъ сраженіемъ нравственность нашихъ войскъ, возстановилъ славу Французскихъ армій, и, наконецъ, остановился на Маасъ, не доходя до Рейна. Въ то же время Кюстинъ, бывший въ Рейнской арміи Бирона, воспользовался безпечношью, съ какою союзники оставили сію границу, явился передъ Нѣмецкими городами, худо оберегаемыми, и при помощи гяздившагося въ нихъ революціоннаго духа, проникъ шуда, быстро взялъ важную крѣпость Майнцъ, осмѣлился подойти даже къ Франкфуршу, и къ ошибкѣ, которую сдѣлалъ онъ оставивъ швердныю Рейна, прибавилъ другую, опчуждавъ ошъ себя дружественный городъ наложеніемъ на него контрибуцій.

Здѣсь ошибки нашихъ Генераловъ явны и разительны для всякаго. Не допуская Пруссаковъ ош-

ступашь спокойно, не ѣзда въ Парижъ терять время, что бы послѣ бросишь прямо на Австрійцевъ въ Бельгiи, Дюмурье долженъ бы былъ соединить всѣ бывшія у него силы, простиравшіяся почти до восьмидесяти тысячъ человекъ, преслѣдовать Пруссаковъ ошчаянно, бросишь ихъ, если можно, въ Рейнъ, или по крайней мѣрѣ придвинуть къ нему, и послѣ сего идти внизъ по берегу сей рѣки, снать въ штыу Австрійской арміи, въ Нидерландахъ, и заставишь ее положить оружіе. Кюстинъ, съ своей стороны, вмѣсто того что бы дѣлать глупыя прогулки по Германіи, долженъ былъ держаться у Рейна и содѣйствовать истребленію Пруссаковъ, которое было бы вѣрно, если бы онъ соединился съ Дюмурье. Эти ошибки разительны, и въ нихъ виноваты и Генералы, и Правительство, и всѣ, ибо тогда всѣмъ было неизвѣстно то, чему научились въ послѣдствіи; у всѣхъ было головокруженіе, уже не чувствуемое нами, и даже почти не понятное для насъ.

Замѣтимъ однакожъ, что Маршалъ Сень-Сиръ, весьма строгій къ Дюмурье, ибо онъ очень холодно хвалишь его военные подвиги, и особенно смѣлость его ума, гораздо снисходительнѣе къ Кюстиню; а Кюстинъ произвелъ одно нечаянное нападеніе, но за то во Франкфуртѣ надѣлалъ ошибокъ, которыя можно назвашь глупыми: такъ ознаменованы онъ вѣтренностью и безразсудствомъ. Впрочемъ, Маршалъ Сень-Сиръ подъ его начальствомъ началъ свое поприще, и невольное предпочтеніе его понятно. Но онъ описываетъ Кюстиня превосходно,

и находить въ немъ достоинство поддерживашъ строгую дисциплину, нравишься солдатамъ своимъ обращеніемъ, своими усами, своимъ фанфаронскимъ видомъ; онъ ошлнчаетъ его отъ Дюмурье, человека придворнаго и умнаго, нравяшагося болѣе офицерамъ нежели солдатамъ, тогда какъ Кюшинъ нравился болѣе солдатамъ нежели офицерамъ. Самое поприще ихъ было сообразно этому характеру: Дюмурье оказалъ смѣлость ума непоколебимую, а Кюшинъ, впрочемъ храбрый, не показалъ никакой смѣлости ни на Рейнѣ, ни на эшафодѣ.

Такова была первая революціонная кампанія, чрезвычайно изумившая Европу. Всѣ ожидали, что насъ проведутъ съ барабаннымъ боемъ въ Парижъ, и вмѣсто того увидѣли насъ побѣдоносными въ битвахъ, завоевашелями Бельгій, обладашелями Майнца, и дѣлающими набѣги въ Германію. Этимъ не лзя было привести революціонную Францію къ умѣренной полишикѣ. Она присоединила Англію и Испанію къ числу своихъ враговъ, предпочитая явную неприязнь скрытнвой, и оставшись въ связи съ Европою только леушралишешомъ небольшой земли, Швейцаріи.

Вторая кампанія долженствовала представить зрѣлище новое. Смѣшное недоразумѣніе, заставившее насъ нападать слишкомъ слабо, превратилось въ страхъ. Вмѣстѣ съ прежними нашими непріятелями, выступили на поприще Англія и Германская Имперія; къ нимъ же присоединилась Испанія, съ превосходною арміею и превосходнымъ Генераломъ. Австрія послала Кобургскаго Принца, съ войсками, прославившимися на Востоку. Пруссаки гешо-

вились удвоить усилія. Съ нашей стороны, мы приобрѣли много увѣренности, но прежнія пособія, соединенныя въ запасахъ и снарядахъ, были истощены; наши волонтеры, изъ конхъ были составлены отдѣльные батальоны, привыкли уже къ огню, но число ихъ уменьшилось побѣгами людей, думавшихъ что обязанность ихъ исполнена. Артиллерія наша приобрѣла много славы и значительности, но потеряла много снарядовъ. Прежніе офицеры становились съ каждымъ днемъ болѣе подозрительны, и уменьшались въ числѣ отъ побѣговъ за границу.

Мы должны были выдерживать жестокія надежнія на Рейнъ и въ Бельгіи. Дюмурье, сдѣлавшій ошибку остановившись на Маасѣ, а не дошедши прямо до Рейна, дабы вдругъ овладѣть сею могущею линіею, сдѣлалъ и другую ошибку, еще большую, произведши дерзкое покушеніе на Голландію, въ то время какъ на Маасѣ оставались у него яросные подчиненные его, для сопротивленія всѣмъ усиліямъ Австрійцевъ. Извѣстно, что пораженія, происшедшія у него въ штыу, вскорѣ заставили его воропишья; онъ потерялъ Норвиндское сраженіе отъ ошибки одного изъ своихъ Генераловъ, и разсерженный симъ пораженіемъ, сполько же какъ сплетнями демократіи, поднялъ знамя бунта, подвергся ружейнымъ выстрѣламъ своего войска, бѣжалъ за границу, и снова началъ бездѣйствіемъ губить геній рѣдкій, испорченный пронырствомъ и придворною жизнью.

Кюстинъ глупо оставался подлѣ Франкфурша, храбрлся, и вскорѣ былъ принужденъ отойдти

опять къ Рейну; помоги, не смѣя держаться около Майнца, онъ оставилъ въ сей крѣпости двадцатипятисыщный гарнизонъ, и увидѣвъ что одинъ корпусъ изъ его войска разбѣжался при наступленіи непріятеля, перешедшаго Рейнъ у него на флангахъ, онъ пошерялъ голову до такой степени, что осмѣлился не ближе какъ на линіяхъ Вейссенбурга. Майнцъ былъ окруженъ, Эльзась въ опасности. Въ то же время на сѣверной границѣ непріятель вторгнулся, угрожалъ Дюнкирхену и Мобежу, и, какъ сказано, блокировалъ Первиньянъ. Въ Ліонѣ и Тулонѣ былъ бунтъ; Вандейцы находились въ Сомиюрѣ и угрожали Нанту. Тогда-то учредился знаменитый Комитетъ общественнаго блага, и произведено было сполько дѣлъ, поспѣшно и насильственно, однако жъ съ присущствіемъ духа и геройствомъ. Маршалъ Сенъ-Сиръ говоритъ какъ благородно о великихъ военныхъ подвигахъ Республиканскихъ армій, какъ мыцѣ—должно признашься въ этомъ—могушь сдѣлать сіе не многіе изъ Гг. Маршаловъ, вышедшихъ изъ сихъ армій; но онъ, можешь быть, ошдаешь не довольно справедливости шрудахъ Правительствъ, которому все надобно было исполнять поспѣшно и звѣрски. Впрочемъ, и не обязанность Маршала Сенъ-Сира разсуждать о политическихъ потребностяхъ шего времени. Онъ судишь только о мѣрахъ и дѣйствіяхъ военныхъ. Общее возстаніе, придуманное въ сіе время, не заслуживаетъ его одобренія. Оно доставило, говоритъ онъ, шолпу безпорядочную, худо вооруженную, и бѣжавшую изъ шѣхъ мѣстъ, куда ее посылали. Маршалъ Сенъ-Сиръ даже при-

Юль 1830.

водишь въ прихѣтъ случившееся въ Рейнской арміи, гдѣ оставалось сихъ людей шолько два батальона. Относительно этой арміи, онъ правъ; но въ отношеніи къ другимъ, ошибается. Рейнская армія не казалась наиболее угрожаемою, и въ нее не присылали новобранцевъ. Ихъ всего болѣе отправлено было въ арміи Бельгійскую, Западную, Южную, и онъ, во все оставшее время войны, обильно запасался изъ нихъ рекрутами. Рейнская армія почти вся оставалась составленною изъ волонтеровъ 1792 года, а совсѣмъ не 1793-го: это придадо ей особенный характеръ, долго сохранявшійся.

Какъ бы то ни было, но, усиліями произведенными въ сіе время, Дюнкирхень былъ спасень побѣдою Гушара, заплашившаго за нее своею головою, пошому что это была побѣда не полная. Мобежь былъ спасень побѣдою храбраго Журдана. Майнцъ чепыре мѣсяца геройски сопротивлялся ужаснѣйшей осадѣ и долго прикрывалъ Рейнскую границу. Тулонъ и Лионъ были взяты обратню; Вандейцы отодвинуты въ ихъ область.

Паденіе Майнца, уступившаго наконецъ пошому, что Богарне не помогъ ему во время, перенесло кампанію опять на западный берегъ Рейна и продолжало ее до поздней зимы. Богарне вышелъ изъ службы. Всѣ старые офицеры удалились, будучи преслѣдуемы подозрѣніями и наскучены непріятностями. Никшо не доврѣялъ своимъ силамъ, и, сверхъ шого, боясь страшной ошвѣщшенности, всякой ошказывался ошъ начальствованія. Такимъ образомъ, ошъ скромности или ошъ ужаса, армія

ослаивалась безъ начальника. Его не было, или почти не было, когда на армию напали, и, занявъ Вейссенбургскія линіи, опшѣнили ее къ Спрасбургу. Продолжительное сопротивленіе Майнца было причиною, что новая опасность пришла въ такое время, когда другія уже были ушущены. Правительство могло обратиться все свое вниманіе на Рейнскую границу. Оно послало двухъ страшныхъ Проковсуловъ, Сень-Жюста и Лебаса, которые надѣлали страшныхъ жестокостей, но возстановили силу духа на сей границу, угрожаемой Австрійскою и Прусскою арміями, и вмѣстѣ съ шѣмъ провскими эмигрантовъ. Все еще искали генераловъ, и нашли Гоша, стараго воина, служившаго прежде во Французской гвардіи, и обратившаго на себя вниманіе Карно необычайно пылкостью своею, и записками, какія подавалъ онъ Правительству о дѣйствіяхъ при немъ бывшихъ. Сыскали еще Пшегрю, не слыжавшаго, шакъ какъ Гошъ, визга ядеръ и пуль, и, по словамъ Маршала Сень-Сира, видѣвшаго непріятеля не иначе, какъ только въ зрительную трубку, на другомъ берегу Рейна. Однако жъ, говорили что онъ былъ довольно свѣдущъ. Эти два человека, подъ руководствомъ представителей, начальствовали, одинъ арміею Мозельскою, другой Рейнскою, и оба дѣйствовали по цѣпи Вогезскихъ горъ, каждый на одной изъ покашостей ея. Естественнымъ маневромъ было бы соединеніе обѣихъ армій на одной покашости, дабы поразить шамъ Австрійцевъ, и послѣ сего идти на другую, поражаяшъ Пруссаковъ. Но сначала оба Генерала сражались отдѣльно.

Горь былъ разбитъ при Кайзерлаушернѣ. Его почитали могучимъ; но рѣшительность его и стремленіе къ лучшему помирилъ его съ Комитетомъ общественнаго блага, такъ что онъ былъ первый разбитый генералъ, получившій поздравленіе. Онъ возмѣлъ, или, какъ говоришь Маршалъ Сенъ-Сиръ, получилъ отъ Карно, превосходную мысль соединиться съ Пишегрю, для пораженія Вурмсера на одной изъ сторонъ Вогезскихъ горъ. Это было исполнено, и имѣло слѣдствіемъ обратное занятіе Вейссенбургскихъ линій, освобожденіе Ландау отъ осады, и спасеніе сей границы. Такимъ образомъ, вторая революціонная кампанія окончилась занятіемъ границъ, сначала со всѣхъ сторонъ захваченныхъ непріятелемъ.

Подробности сей кампаніи должно читать въ самыхъ Запискахъ Маршала Сенъ-Сира. Надобно видѣть, какъ изображаешь онъ нашихъ солдатъ, шедшихъ оцупью къ успѣхамъ. Они съ каждымъ днемъ приучались къ огню, и хотя еще не были способны къ движеніямъ большими массами, передъ самыми искусными въ семь дѣлъ арміями Европейскими, но уже могли счастливо сопротивляться имъ въ странахъ неровныхъ; уже имѣли, полкъ на полкъ, рѣшительное преимущество. Надобно видѣть, какъ образовывался мало по малу Главный Штабъ, при сдѣланномъ наскоро соединеніи всѣхъ офицеровъ, сколько нибудь свѣдущихъ и сколько нибудъ знавшихъ графическія искусства; какъ образовывались генералы, для командованія дивизією и армією, и какъ сами Представители разширивали,

устрашали генераловъ, во вездѣ, гдѣ надобно было, употребляли власнѣ неотклонимую, уничтожившую всѣ прераспѣванія. Они изыскивали наилучшій образъ производства въ чины, опредѣлявшіеся сначала голосомъ солдатъ, потомъ старшинствомъ службы, наконецъ ихъ собственною волею. Въ минуты крайности, когда благосклонность исчезала передъ необходимостью, они доставляли Франціи всѣхъ великихъ, прославившихъ ее генераловъ. Надобно видѣть наконецъ удивительныя дѣла храброшии, вездѣ означаемыя благороднымъ Историкомъ. Слогъ его оживлялся, становился цвѣтущъ, когда онъ изображаетъ дряхлаго Кампаньола, начальника перваго башаьона Ло и Гаронны, почтеннаго старца, возбуждавшаго во всѣхъ молодыхъ солдатахъ удивленіе и энтузіазмъ.

« Когда онъ, называя волонтеровъ своими дѣтьми, указывалъ имъ своєю шляпою мѣста, куда они должны направлять огонь, то его длинные бѣдые волосы производили въ войскѣ такое-же дѣйствіе, какъ знаменитый шлемъ съ перьями, о которомъ разсказывали чудеса. Взбираясь на поросшія лѣсомъ скалы, сдѣлавшіяся еще болѣе затруднительными отъ валежнику на простѣкахъ, онъ выбился изъ силъ; но гренадеры тотчасъ сдѣлали для него, изъ какихъ-то носилокъ, щитъ, подняли его на немъ, и несли на своихъ головахъ до того времени, когда непріятель успушилъ ихъ неустранимостью, и, собравшись на вершинѣ горы, прикнулъ къ другимъ войскамъ своей дивизіи. »

Маршаль Сень-Сиръ оуждаешъ въ общемъ планѣ сей кампаніи то, что въ Майнцѣ оставили двадцать тысячъ человекъ. Онъ думаетъ, что надлежало бы срыть сію крѣпость, дабы шѣмъ избавить себя въ послѣдствіи отъ великихъ усилій для блокированія ея, или обратнаго взятія, и лишить Австрійцевъ укрѣпленнаго моста на Рейнт; что двадцать тысячъ человекъ, вышедши изъ крѣпости и присоединившись къ Рейнской арміи, дали бы ей средство держаться въ полѣ. Противъ этого мнѣнія Маршала Сень-Сира можно сдѣлать замѣчаніе, не безызвѣстное ему (*), что упорная защита Майнца задержала на четыре мѣсяца союзниковъ, а въ то время четыре мѣсяца были безцѣнны. Можно замѣтить еще то, что въ этомъ промежуткѣ времени опасности раздѣлялись, то есть Рейскія не усугубляли Бельгійскихъ; что двадцать тысячъ человекъ только бы увеличили нашу армію числомъ людей, но она и такъ была многочисленна: а придать твердости ея составу, безъ чего не лзя было дѣйствовать въ полѣ, онѣ не могли; наконецъ, что сей превосходный гарнизонъ спасъ Республику въ Вандеѣ. Какъ бы то ни было, но мы приводимъ сіе мнѣніе Маршала Сень-Сира въ доказательство еще и того, что взгляды его важны и достойны размышленія даже тогда, какъ они подлежатъ опроверженію.

(*) Статья сія написана еще въ то время, какъ Маршаль Сень-Сиръ былъ живъ. Онъ скончался въ Маршѣ мѣсяцъ нынѣшняго года. *Прим. Перев.*

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе въ пользу человека знаменитаго и несчастнаго, предвозвѣстисшаго своимъ современникамъ великое превосходство ихъ, и сохранившаго въ Исторіи признаки прекрасной надежды, разрушенной преждевременною смертію: мы хотимъ говорить о Гошѣ. Маршалъ Сень-Сиръ видѣлъ его тогда, какъ опытность еще не придала Гошу зрѣлости; онъ помнитъ нѣкоторыя несообразныя слова молодого человека, въ то время весьма общія, ибо тогда были молоды всѣ, даже старики. Не всѣ люди развиваются одинаково: у однихъ дерзость предшествуетъ благоразумію, у другихъ, впрочемъ меньшихъ числомъ, благоразуміе предшествуетъ дерзости; они, *старѣясь становятся дерзки*, какъ сказалъ Наполеонъ о Тюреннѣ, глубоко удивляясь ему. Гошъ принадлежалъ къ числу первыхъ. У него, необыкновенная пылкость предшествовала развитію ума; но только предшествовала: ибо его умъ вскорѣ развился съ удивительною быстротою. Сверхъ того, твердый и рѣшительный Гошъ сдѣлался рѣдкимъ разсудительнымъ человекомъ. Его переписка, сначала пустая и дурно писанная, вскорѣ сдѣлалась правильною, умною, и часто глубокомысленною. Нѣкоторыя письма его изъ Вандей изумляютъ своею провѣщательностью. Дѣйствіе на Киберовъ было исполнено имъ съ равнымъ искусствомъ и равною твердостью. Усмиреніе Вандей высоко прославило его благоразуміе. Наконецъ, битва Нейвидская заслужила даже одобреніе Маршала Сень-Сира. Говорятъ, что онъ былъ честолюбивъ; но кто не честолюбивъ при свободномъ Правительствѣ? Онъ

возжегъ бы междоусобную войну, для сопрѣтвѣ-
 нія Наполеону; но кто знаетъ это? Онъ умеръ
 чистый, великодушный, правдивый; онъ обла-
 далъ качествами, сплотившимися, ежедневно, изъ
 блестящихъ болѣе существенными. Въ міръ много
 недоспашковъ и слабостей *дѣйствительныхъ*; за-
 чѣмъ выдумывать еще *возможныя*? Не будемъ не-
 умолимы, ибо много ли именъ, славныхъ безукориз-
 ненно?

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Книги 1830 года.

— Полное собраніе сочиненій Д. И. Фонъ Визина.
 Ч. III и IV-я. М. 1830 г. въ ш. С. Селивановскаго,
 in-8, 162 и 128 стр.

Сими двумя частями кончено изданіе *Сочиненій*
 Фонъ Визина, обѣщанное Г-мъ книгопродавцемъ
 Салаевымъ. Онъ собралъ все, что могли отыскать.
 Записочки, письма, бумаги, которыя Фонъ Визинъ
 никогда не думалъ выдавать въ свѣтъ, напеча-
 таны. Такова участь всякаго *полнаго* изданія, печа-
 таемаго послѣ смерти Сочинителя. Большею ча-
 стію сія изданія разочаровываютъ читателя во
 многомъ, показывая не одну *парадную* сторону,
 но всего человека. Въ этомъ-то и важнѣйшее ихъ
 достоинство, ибо полное изображеніе замѣчатель-

наго писателя часто бываетъ важнымъ дополненіемъ къ шайнымъ запискамъ чловчческаго сердца. Это испытываеше читая полное собраніе сочиненій Фонъ Визина, и разгадывая Автора Недоросля въ его спральной Исповѣди, въ его, еще болѣе спральныхъ, Письмахъ изъ Франціи. Скажемъ объ Издашеи сочиненій Фонъ Визина, что онъ исполнилъ свою обязанность весьма порядочно: о полнотѣ его изданія вѣтъ спора; объ опрятности также мы не поспорили бы съ нимъ, если бы множество типографическихъ ошибокъ не безобразило книги. Еще одно замѣчаніе: обѣцано было *четыре* части; но неужели *восемьлистовая брошюрка* есть часть? Намъ скажущъ, что число листовъ для составленія книги донынѣ не опредѣлено, и что сверхъ того будешь еще издано *Жизнеописаніе Фонъ Визина*, сочиняемое Княземъ П. А. Вяземскимъ: оно умножитъ число листовъ. . . . Не спанемъ спорить, ибо напоминаніе объ этомъ Жизнеописаніи заставляетъ насъ смѣяться, а кто смѣется, шомъ побѣжденъ. Поблагодаримъ же безъ всякихъ исключеній Издашея за его стараніе, и скажемъ нѣсколько словъ о новомъ трудѣ Князя Вяземскаго.

«*Новомъ!* Какъ будто были *старые* или *прежніе!*» возразишь привязчивый читатель. Мы заставимъ его замолчать, указавъ ему на . . . на что бы такое? Да! на Жизнеописаніе Дмитріева, Жизнеописаніе Озерова, Предисловіе къ Бахчисарайскому Фонтану, сошню эпиграммъ, элегій, пѣсень, надписей, переведенныхъ Княземъ Вяземскимъ изъ Буало, Милльвуа, Ж. Б. Руссо, Панара, Шолье,

Лафара, Парни, Тасю, и проч. и проч. Одинъ споръ за Предисловіе къ Бахчисарайскому Фонтану составилъ бы порядочную и поучительную брошюрку: это примѣръ логической, скромной, дѣльной и побѣдительной полемики! Правда, много пособлялъ тогда въ побѣдѣ Князю Вяземскому Издатель Дамскаго Журнала своими рѣзкими спашейками, но все однако жъ, не только полемическія, но и всѣ писанныя Княземъ Вяземскимъ стихи, стихи и проза, суть ясныя доказательствва неоспоримыхъ правъ его на важныя литературныя заслуги. Въ печеніе *двадцати двухъ* лѣтъ (ибо первые опыты Князя Вяземскаго явились въ Вѣстникѣ Европы 1808 года), сколько милаго, остраго, замѣчательнаго имъ написано; сколько разъ онъ веселилъ, утѣшалъ, смѣшилъ публику! Съ нетерпѣніемъ ждемъ мы теперь его перевода небольшого Бенжамена Констанова романа: объ эшомъ важномъ трудѣ давно извѣщала *Литтературная Газета*. Въ немъ конечно увидимъ мы образецъ слога романическаго; онъ введетъ насъ въ разговорный языкъ высшаго общества; мы услышимъ то, чего донынѣ почти не слыхали, чему только начало положено въ Бѣдной Лизѣ Карамзина, и что въ наше время отражается только въ повѣстяхъ и романѣ Г-на Погорьльскаго. Надобно сперва выучиться *говорить*, а потомъ *думать*: вотъ правило несомнительно вѣрное! Наши литераторы его не знаютъ и идутъ на оборотъ: сперва думаютъ, а потомъ говорятъ. Гдѣ же надобно *учиться говорить*? Разумѣется, не въ пыльномъ кабинетѣ, не изъ книгъ, но въ свѣтѣ, и — прибавимъ, *большомъ свѣтѣ*, куда наши

лиштерашоры не заглядываютъ. Какъ же хошѣшь, что бы Русскія книги читалъ ктонибудь, кромѣ мужиковъ и госпннодворскихъ сидельцевъ? Только тогда, какъ писатели свѣтскіе, люди высшаго тона станушь писать, заставляя читать дамъ и свѣтскихъ людей; когда въ промежуткахъ мазурокъ и кошильоновъ Лиштерашура будешь составлять предметъ разговора; когда Русская книга будешь лежать и въ диванной красавицы и на туалетѣ щеголя, не пугая ихъ ни Скнѣскою наружностью, ни грубымъ не свѣтскимъ языкомъ — тогда только можно обѣщать успѣхъ Лиштературѣ. Этого-то ждемъ мы отъ трудовъ Князя Вяземскаго. Да не подумаешь кто-либо, чтобы труды его были легки: Жизнеописаніе Фонъ Визина пишется уже *седьмой* годъ, по крайней мѣрѣ готовившя. Извѣстно, что главное дѣло не въ письмѣ, а въ сборахъ писать. Расинъ сказалъ однажды: «Поздравьте меня, друзья мои! Я сочинилъ новую трагедію; остается только написать ее.»

Жизнеописанія Ампріева и Озерова доказали уже, что въ эпосѣ родъ сочиненій безсмертный, неподражаемый Сюаръ долженъ уступить Князю Вяземскому. «Дайте мнѣ исторію великихъ людей, я напишу вамъ исторію ихъ вѣка» — говоритъ Кузень. Это доказываютъ Жизнеописанія, созданныя огненнымъ перомъ Князя Вяземскаго. Очерки, портреты, мысли яркія, свѣтлыя, подымаются въ нихъ, какъ народъ на Каирскомъ базарѣ, и кажутся уму шупому, не привыкшему къ игрѣ лиштературныхъ калейдоскоповъ, безобразнымъ смѣшеніемъ образовъ и дѣтшмовъ. Но право ужъ не солнце виновато, что

нешопыр на него сморршь не можеть! Мы опдадимь подробный опчешь о Жизнеописаніи Фонь Визина; до тѣхъ порь совѣтуемь прочишать предварительно отрывки изъ него въ Литшературной Газетѣ. Ловко и смѣло обхвачено въ одномъ изъ нихъ литшературное отношеніе наше къ Европѣ. Въ другомъ, мимоходомъ, ошь несчастнаго романа: *Жизнь Сноа, Египетскаго Царевика*, Князь Вяземскій ловко ударилъ — въ кого бы вы думали? Въ Булгарина, и проведъ по его Выжигину радужную полосу эпиграммы. Вошь, что говоришся: *за меремь дрова рубать, а къ намъ щепки летять!* Князь Вяземскій рубишь Сноа, а доснаешся Выжигину! Послѣ этого мы въ правѣ ожидать, что Жизнеописание Фонь Визина будетъ чѣмъ-шо энциклопедическимъ, составишь такую же эпоху вообще въ Литшературѣ нашей, какой ожидаемь мы въ романическомъ слогѣ ошь его перевода Бенжамень Констанова романа. Лети, мчись, медленное время; пиши, смѣлое перо Князя Вяземскаго; двигайтесь скорѣе спанки въ типографіи Селивановскаго; являйся, дорогое дышя — плодъ *семилѣтняго* труда, и *двадцати двухъ лѣтняго* занятія литшературнаго! Мы ждемь шебя, мы дельемь шебя надеждами, готовимся къ швоему явленію, доснопамашному не менте Идпалій нашего Теоокриша-Дельвига, пѣсенъ нашего Беранже-Языкова и Посланія Пушкина къ К. Н. Б. Ю.

Н. П.

— *Политическій балансъ земнаго шара*, для употребленія чиновниковъ, банкировъ, купцовъ, путеше-

шестивенниковъ и юношества , или опытъ всеобщей Спашисники земнаго шара , согласно съ нынѣшнимъ политическимъ онаго раздѣленіемъ , и новѣйшими открытіями , показывающій пространство каждаго государства , число жителей онаго вообще и значнѣйшихъ городовъ въ особенноти , доходы , долгъ , сухопутную и морскую силу , вня царствующаго Государя (или главы насшоящаго правительсва) , съ означеніемъ его резиденціи , времени восшествія его на престолю , несовершеннотіи (?), исповѣдуемой имъ вѣры , и династіи , къ которой принадлежитъ , и проч. — Сост. Г-мъ Бальби ; перевод. И. Эйверлингомъ. СПб. 1830 г. грав. на двухъ большихъ лисшахъ. Къ нему —

— *Изъясненіе статистической таблицы подь заглавіемъ: « Политическій балансъ земнаго шара , »* и проч. СПб. 1830 г. въ ш. И. Глазунова , in-12 , 32 стр. (цѣна съ шаблицею 8 рублей асс.).

И безъ указанія на шо , для чьего именно употребленія назначается таблица Г-на Бальби (чиновниковъ , купцовъ , банкпровъ , и проч.) , не лзя не признашь полезности и любопытности сей таблицы. Сказашъ , что она есть плодъ множествва соображеній спашисшическихъ , значить отънять достоинство оной , ибо для составленія такой таблицы толькo и надобны — соображеніе цифръ , сличеніе матеріаловъ спашисшическихъ и знаніе истощниковъ. Бальби извѣстенъ по составленію таблицъ и неушомимъ въ эшомъ случаѣ : онъ все сводить въ таблицы , и его *Этнографическій Атласъ* есть трудъ , достойный великаго уваженія.

Въ прошломъ году Г-нъ Эйнерлингъ издалъ уже на Русскомъ языкѣ извлеченіе изъ таблицы Бальби (*Статистическая карта земнаго шара*, СПб. 1829 г.); нынѣ онъ издалъ переводъ оной вполнѣ. Расположеніе таблицы просто: это нѣсколько графъ, съ именами и цифрами, а содержаніе графъ читатели видѣли уже изъ названія, выписаннаго нами выше. Въ книжечкѣ, которая продается съ таблицей, находятся разныя поясненія и замѣчанія. Верхъ таблицы занятъ небольшою Меркаторскою картою земнаго шара, опряшно сдѣланною. Таблицу Бальби, шакъ какъ Рѣку времянь, Спрасса, можно посоветшовать имѣть при урокахъ Географіи, Спашисьяки и Испоріи.

Мы съ любопытствомъ искали на таблицѣ Бальби Россію. Вотъ ся очеркъ: пространство и народонаселеніе—въ Европѣ, кв. миль 1,500,000 (жителей 52,600,000); въ Азій 4,006,000 (жителей 3,445,000); въ Америкѣ 370,000 (жителей 50,000); царство Польское 36,700 (жителей 4,033,289) — всего пространства 5,900,000 кв. миль, жителей 60,000,000. Пространство всего земнаго шара 148,522,000 кв. миль, изъ коихъ 110,849,000 покрыты морями; остается сухаго пространства 37,673,000 кв. м. — Слѣдственно, подѣ Россію отмежевана почти шестая часть земнаго шара. Англія владѣетъ 4,470,000 кв. миль пространства, съ 142,180,000 жителей; Китай 4,070,000 кв. миль пространства, съ 170,000 000 жителей; Бразилія 2,313,000 кв. м., съ 5,000,000 жителей; Соединенныя Сѣверо-Американскіе Шпашы 1,570,000 кв. миль, съ 11,600,000 жителей; Мексика 1,242,000 кв. миль, съ 7,500,000

жищелей ; Турція 1,078,000 кв. миль , съ 25,000,000 жищелей (включая Грецію).

Всѣ сія вычешы , разумѣется , только *приблизительны* , и отъ безпрерывныхъ перемѣнъ , ошъ улучшеній спашислмски измѣняются.

Сухопутное войско Россіи Бальби долагаетъ въ 800,000. Переводчикъ прибавляетъ , что въ 1818 г. оно состояло изъ 1,000,000, и что расходы по военной части простирающся до 150,000,000 рублей ежегодно. Флотъ Русскій , Бальби полагаетъ въ 50 кораблей , имѣющихъ по 50 пушекъ ; 30 , имѣющихъ ошъ 38 до 50 , и 50 , имѣющихъ менѣе 38 пушекъ , всего 130 кораблей. Переводчикъ прибавляетъ , что въ 1818 г. содержаніе флота стоило 30 мильионовъ. Годовой доходъ Россіи Бальби полагаетъ въ 480,000,000 франковъ (рублей) ; долгъ государственный въ 553,621,399 франковъ. Переводчикъ прибавляетъ 595,776,310 рублей ассигнацій , или внутрениаго долга , шакъ , что весь государственный долгъ Россіи простирается до 1,149,397,709 рублей. — Долгъ Франціи составляетъ 4,624,000,000 франковъ ; доходъ Англіи 20,345,000,000 франковъ. Государственный доходъ Франціи 989,000,000 франковъ (слишкомъ *двое противъ Россіи* ; пространство Франціи 188,000 кв. миль , то есть *почти въ 32 раза менѣе Россіи* , но жищелей на семь пространства 32,554,000). Государственный доходъ Англіи 1,527,730,000 франковъ (слишкомъ *втрое противъ Россіи*) ; пространство , какъ мы видѣли , *уступаетъ только пятой долею Россіи* , но жищелей $\frac{7}{8}$ болѣе.

Разумѣешь, что повѣрка можешь открыть ошибки въ сихъ вычетахъ, всего же болѣе касательно Россіи. Посему, мы желали бы знать: какими матеріалами пользовался почтенный Г-нъ Эйнерлингъ, дополняя Бальби? Онъ ссылается на таблицы Г-на Вейдемейера и Географію Г-на Зябловскаго — источники весьма сомнительные! Какъ жаль, что у насъ не примется кто нибудь за Географію и Статистику Россіи! Иностранцевъ, право, не должно винить: они занимаются нами прилежно и постоянно. Книгъ и статей о Россіи выходитъ въ чужихъ краяхъ гораздо болѣе, нежели у насъ самихъ. Ошибокъ въ каждой почти книгѣ и статьѣ — безъ счета; но чѣмъ поправить сіи ошибки Нѣмцу, Французу, Англичанину? Охотно пожелаемъ, что бы изъ существующихъ у насъ поэтовъ двѣсти человекъ замолчали, и что бы это молчаніе вознаградило насъ хотя однимъ статистикомъ.

Недавно получена въ Россію книга, о которой мы намѣрены дать отчетъ читателямъ Телеграфа при первомъ досугѣ. Это сочиненіе Г-на Шницлера: *Essai d'une statistique générale de l'Empire de Russie, accompagnée d'aperçus historiques* (Парижъ, 1829 г.). Авторъ долго жилъ у насъ въ Россіи, и извѣстенъ своимъ описаніемъ картинъ Эрмишажа, и корреспонденціею съ иностранными Журналистами. Не можемъ не благодарить его за трудъ, посвященный Россіи, но не можемъ и не замѣтить, что сочиненіе Г-на Шницлера представляетъ весьма многое къ исправленію. Въ большей части ошибокъ виноватъ не самъ онъ, но источники, изъ

конхъ онъ бралъ. Впрочемъ, ешь ошибки и ему принадлежащія. Въ примѣръ ихъ представимъ забавную обмолвку. Въ сшашъ : *Распространеніе просвѣщенія посредствомъ книгопечатанія* (стр. 108), Авторъ говоритъ о повременныхъ изданіяхъ, что въ Москвѣ сущесшвуютъ между прочимъ : « *Московский Телеграфъ*, издаваемый Г-мъ Погодинымъ » (sous la rédaction de M. Pogodine), и « *Московский Вѣстникъ*, издаваемый обществомъ юныхъ любителей » (d'une société de jeunes amateurs). Кажешся, что эшо не вѣрно сказано. . . .

— *Классикъ и Романтикъ*, или не въ шомъ сила. Комедія въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ. Сочиненіе Константина Масальскаго. Спб. 1830 г. въ ш. Деп. внѣшней торговли, in-8, 52 стр.

— *Василій Шуйскій*. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Соч. Николая Шанкевича. М. 1830 г. въ ш. Августа Семена, in-8, 107 стр.

— *Іоаннъ Фаустъ*, или *гернокнижникъ*, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. Клингемана. Спб. 1830 г. въ ш. Плюшара, in-8, 104 стр.

— *Людмила*. Драма въ трехъ ошдѣленіяхъ. *Подражаніе Нѣмецкой : Lenore*, и составленная изъ баллады Г. Жуковскаго (?), съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ стиховъ его. I° ошдѣленіе, *Отечественная война*. II° ошдѣленіе, *Измѣна*. III° ошдѣленіе, *Женихъ-мртвецъ*. Спб. 1830 г. въ ш. Плюшара, in-12, 100 стр.

Поэта не хвалишь : нажишь себѣ врага !

Эшошь стихъ нашли мы на 21-й стр. комедіи Гна Масальскаго, и чущь было не рѣшились молчашь о ней; но вспомнили, что сін слова говоритъ одно

Іюль 1830.

изъ дѣйствующихъ лицъ дурному поэту, а Гнѣ Масальскій извѣстенъ своими мѣлкими стихотвореніями, какъ человекъ съ дарованіемъ истиннаго поэта, и что потому онъ не будетъ врагомъ, если мы не станемъ хвалишь его, а скажемъ правду. *Классикъ и Романтикъ* есть первый опытъ его въ драматическомъ родѣ: это мы видимъ изъ посвященія С. С. Уварову. Этошь опытъ Гна Масальскаго—будемъ откровенны—неудаченъ! Долженъ-ли въ слѣдствіе сего Гнѣ Масальскій бросишь драму? Нѣтъ! Мольеръ написалъ сперва *Оливиду*, *Безразсуднаго* и *Любовныя досады*. Кто могъ-бы предсказашъ, что Авпоръ этихъ бѣдныхъ пьесъ будетъ Авторомъ *Тартюфа* и *Мизантропа*? Здѣсь поэтъ долженъ совѣтоваться не съ критикою, но съ душою своею. Если въ ней горитъ пламя вдохновенія, если онъ чувствуетъ призывъ тайнаго божества, пусть, не боясь первыхъ неудачъ, пишетъ.

Предѣлы Критики также въ семь случаевъ должны бышь ограничены: она оцѣняетъ только то, что поэтъ отдалъ уже суду ея. Слѣдуемъ сему правилу, осмывая будущее будущему.

Комедія Гна Масальскаго ѣдетъ на конькѣ давно извѣзженномъ. Представьте старика глупца; у него дочь (племянницу, если угодно); въ эту особу женскаго рода влюбленъ офицеръ (всего лучше, гусаръ) и любимъ ею взаимно. Старикъ влюбленъ въ какого нибудь глупца: пусть будетъ это педантъ, брамербасъ, скупецъ, богачъ, или кто угодно, только былъ-бы дуракъ, подлецъ и прусъ. Старикъ долженъ дашь слово этому глупцу: выдашь за него

подчиненную ему особу женскаго рода. Завяка есть. Развязку составляешь обыкновенно то, что глупца-женуха дурачатъ передъ старикомъ. Средства на это бездна. Офицеръ можешь заславить его, настраивать пистолетомъ, говоришь глупости, или спорить съ старикомъ; невеста можешь потребовать отъ него этой глупости въ доказательство любви, приласкавъ его; плушь-слуга, или плушовка-служанка наговоряшь ему нелицепосей, или настраивають его; подобный ему уродъ можешь служишь уликкою его глупосей, и проч. и проч. Разумьется, старикъ разсердится, прогоняшь дурака, и какъ свадьба въ комедіи необходима, отдашь дочь, или племянницу, за офицера.

На такой завязкѣ веряшся сотни водевилей и комедій. Такъ называемыя, *les piéces de circonstances* у Французовъ, на половину бывають сего содержанія. Въ Русскомъ репершуарѣ можемъ указать на двадцать такихъ пьесъ. Французъ обставитъ свою пьесу колкостями, вниграммами, личностями, намеками; зрители видяшь о чемъ идетъ дѣло, понимаютъ, хохочушь, хлопають, забывая о сущности пьесы; пройдемъ обстоятельство, по которому она написана, пьеса забыта, и замѣнена дюжиною такихъ-же новыхъ, примененныхъ къ новымъ обстоятельствамъ, занимающихъ публику.

Г-нъ Масальскій взялъ шемкою: *Классицизмъ и Романтизмъ*; выставилъ поэта *Классика*, поэта *Романтика*; старика, кошорый имъ вѣрять; дочь, кошорую старикъ обѣщаль отдашь за одного изъ нихъ; офицера, кошорый любишь дочь и любимъ ею. Офи-

церь заставляешь угрозами Классика сдѣлаться Романшикомъ , а дочь, своею прищворною любовью, заставляешь Романшика объявить себя Классикомъ. Шарикъ сердится за ихъ измѣнчивость, гонишь ихъ; видя, что дочь *безъ жениха*, онъ отдаешь ее офицеру, и говоришь зрителямъ, или читателямъ:

Романшикъ , Классикъ-ли, да глупъ, такъ все равно !
Въ умъ , въ шаланпахъ , вотъ въ чемъ сила !

Чуждая по предмету (ибо , что за предметъ : споръ Классиковъ съ Романшиками , о которомъ знаемъ мы кое-что изъ Журналовъ?), не оживленная ни рѣзкою живосью характеровъ , ни замысловатою интригою , ни мѣстностью и временнымъ интересомъ , ни даже блестящими стихами—пѣса суха и холодна. . . .

Василій Шуйскій есть также первый опытъ юнаго, шестнадцатилѣтняго, поэта. Душа видна, есть теплоота сердца; стихи многіе ярки, но—за всѣмъ шѣмъ поэтъ долженъ предать своего *Василія Шуйскаго* забвенію. Въ этой трагедіи нѣтъ ни знанія сердца человѣческаго, ни характеровъ, ни свѣдѣній о вѣкѣ, нравахъ, отношеніяхъ, изъ коихъ Авторъ взялъ свою трагедію: это трудъ молодого, непопышнаго юноши, съ горячею головою. Онъ знаетъ только по наслышкѣ; поетъ съ голоса, и, къ несчастію, съ дурнаго голоса нашихъ бѣдныхъ, натянутыхъ трагиковъ; берешь въ образецъ дѣтскія попытки, которыхъ лоскутья видимъ въ нашихъ Журналахъ и Альманахахъ, и гдѣ одинъ бомбасъ на ходуляхъ. Желая искренно добра юному поэту, мы

осмѣляясь-бы сказать ему , если-бы его знали : «Любезный поэтъ! вы сдѣлали опытъ—довольно! Опложише на время Шиллера (кромя Вильгельма Теля), не чинайте Французскихъ , Нѣмецкихъ и Русскихъ его послѣдователей! Возьмите Шекспира , изучайте его ; возьмите Греческихъ и Испанскихъ трагиковъ ; прибавьте еще Гёте : учишесь , думайте въ сколько лѣтъ. Если хошите Русскихъ трагедій , возьмите лѣтописи , легенды наши , узнайте Исторію нашу , не въ Карамзинѣ только , а въ самыхъ ея источникахъ ; потомъ создайте самого себя , и—если геній вашъ , если поэтическая ваша совѣсть , скажутъ вамъ тогда , что вы создадите что нибудь великое , пишете—и восторгъ соотечественниковъ , и память въ вѣкахъ , будутъ вашею наградою. »

Фаустъ Клингемана есть доказательство , до чего можешь довести противный сему ходъ. Разительныя , театральныя сцены , какія видимъ у Шекспира , Гёте , Кальдерона , оставляютъ глубокое впечатлѣніе: это ударъ грома , поражающій зрителя. Но прежде нежели ударить громъ , молніи зажигаетъ полнеба , вся природа содрогается , тучи шемнятъ горизонтъ , рѣки дождя льются , и вихрь лепитъ по полямъ , лѣсамъ и зданіямъ. Безъ этого дивнаго волненія природы , спукъ грома страшень-ли , возможень-ли? Но Нѣмецкіе трагики хотятъ сдѣлать такое чудо. Ужасы , Фаустовскія сборища вѣдьмъ , колдуньи Макбетовы , буря въ Лирѣ , кажутся имъ единственными основаніями трагедій. И вошь , не понимая ни величія , ни духа , ни цѣли Романтической Трагедіи , они склеиваютъ вмѣстѣ всѣ возможные страхи : скелетовъ , громы , чертей ,

сумасшедшихъ , и заспавляющъ дѣйствующихъ лица ругаться , драхься , рѣзаться , бѣгать , кричать.— Нелѣпный *Фаустъ* Клингемана есть шочно такъ составленная трагедія. Фаустъ отдаешь душу чорту , ошравляетъ жену , убиваетъ отца , влюбляется въ скелешъ , наконецъ—»театръ перемѣняется и представляетъ декорацию *Донъ-Жуанъ*.» Фаустъ съ яростію кричитъ: Въ адъ!! «*Группы Фурій окружають его съ факелами и влекутъ въ бездну.*—» Трагедія переведена стихами : былъ-же у кого нибудь шакой большой досугъ , что онъ не посовѣстился употребить его на переводъ стиховъ Клингемана ! И это играютъ на театрѣ , и хошятъ , что бы послѣ эшого мы ходили въ театръ. . . . .

Людмила ниже всякой крипки. Одна мысль : передѣлать балладу Бюргера въ драму , есть ошьявленное незнаніе основаній Изыщныхъ Искусствъ , лиштературное невѣжество и драматическое шарлашанство , едва понятныя ! Всего смѣшнѣе , что въ Русскомъ переводѣ впушана войпа 1812 года. Желаніе : предшавлять на театрѣ великія событія современныя ; всѣ эти: *Переходы черезъ Балканскія горы*, *Взятія Эривани*, *Арзерума*, *Праздники въ станѣ Рускихъ*, *въ станѣ союзныхъ воиновъ*, суть каррикатуры самыя смѣшныя. Намъ случилось видѣть одну лубочную каршинку : *Покореніе Малороссіи*. Изображенъ Царь , въ коронѣ , съ скипешромъ въ рукахъ ; подлѣ него Царица , шакже въ коронѣ ; при или чешыре Казака , въ синихъ мундирахъ , срисованныя съ Донскихъ и Уральскихъ Казаковъ , содержащихъ въ Москвѣ спражу , кланяющіяся Царю и подносящя на подушкѣ корону : это

Хмельницкій и его войны. Все это раскрашено су-
риккомъ, лазурью, гуммигушомъ и ярью мѣдянкою.
Вопь вѣрное изображеніе патристическихъ бале-
шовъ, драмъ, мелодрамъ, кошорые видимъ на на-
шемъ театръ! Нѣсколько человекъ бьются на саб-
ляхъ; слышно хлопанье фейерверка; бьются въ ба-
рабанъ; человекъ пятьдесятъ маршируютъ по те-
атру; наконецъ генераль запрягиваетъ пѣсню, и
потомъ начинающся пляски, Цыганская, Русская,
мнимо-Турецкая, иногда даже Калмыцкая, и дѣло
кончено, и—это *Взятіе Арзерума, Эривани*!! Такъ
введена и война 1812 и 1813 годовъ въ *Людмила*. Из-
лагать содержаніе сей неслѣпости недостаетъ силъ.
Для чего ее печатали, для чего поснавили библио-
графа въ необходимость упомянуть о ней? Мы
не вѣтшиваемся въ театральнѣй репертуаръ: играй-
те что угодно, но не печатайте всего что играеш-
ся. Это несмерпно!

— *Описаніе Села Царскаго*, или спутникъ обо-
зрѣвающимъ оное, съ планомъ и краткими исто-
рическими объясненіями, составленное Ильею Яков-
кинымъ. Спб. въ ш. Деп. Народн. просв. 1830. 190
стр. in-8.

Мы упоминали объ *Исторіи Села Царскаго*, со-
ставляемой Г-мъ Яковкинымъ (М. Т. ч. XXIX, стр.
508-я). Нынѣ изданная имъ книжка любопытна не
менѣе Исторіи, ибо съ нею можно основательно
обозрѣть всѣ достопамятности Села Царскаго; а
кто изъ пріѣзжающихъ въ Петербургъ, или даже
изъ живущихъ въ ономъ, не пожелаетъ ближе
увидѣть и узнать это чудо искусствъ, эшошь

предеспный, роскошный домъ нашихъ Государей? — Авторъ представилъ себѣ, что онъ водишь по Царскому Селу нѣсколько своихъ пріятелей, и оспанавливаясь при каждой достопамятности, рассказываешь имъ исторію и нынѣшнее состояніе оной. Можно-бъ было пожелать побольше ясности въ изложеніи Автора, и поменѣ изысканности въ разсказѣ его; но, всякій добрый читатель, сообразивъ любопытныя изысканія и множество новыхъ свѣдѣній, представляемыхъ ему, поблагодарить и за то, что сдѣлано Авторомъ, не оспанавливаясь на лишперашурныхъ несовершенствахъ его книги. Всего любопытнѣе для насъ, иногородныхъ жителей, приложенное къ концу книги извѣстіе о нѣкошорыхъ изъ издержекъ, употребленныхъ на разные предметы въ Селѣ Царскомъ. Напримѣръ: постройка 19-ти домиковъ Кишайской деревни, съ ошдѣлкою, стоила 420,092 р.; перестройка большой набережной оранжереи 150,000; постройка *руины*, съ ошдѣлкою, 18,233 р. 31½ к.; постройка пологого спуска 35,500; постройка *колоннады*, или *свѣтлой галлерей*, съ принадлежностями, 145,500 р.; постройка и новое украшеніе Кишайской залы стоили 46,644 р. 93½ к.; на внутреннее украшеніе холодной бани употреблено 463,560 р. 76¼ к. — Мы выписали означеніе многихъ издержекъ; но разумѣется, что и въ книгѣ Г-на Яковкина означена только малѣйшая часть оныхъ, ибо возможно-ли исчислишь шѣ милліоны, коихъ донынѣ сшдѣяшъ волшебныя сады и драгоценныя палаты Царскаго Села, украшенные всѣми богашствами всѣхъ частей свѣша? Изъ выписанныхъ выше сего спашей видно, что это были уже мѣл-

кія принадлежности, пылинки въ громадѣ, прежде того созданной. Можно ушвердительно сказать, что Царское Село имѣешь не много подобныхъ ему Дворцовъ во всѣхъ странахъ міра, и во многомъ несравненно выше всѣхъ ихъ. Оно достойно принимашь въ средѣ своей Русскихъ Царей, въ часы Ихъ отдохновенія отъ Царственныхъ трудовъ — если шолько Они имѣють сіи часы отдохновенія!...

— *Ариметика на счетахъ*, или легчайшій способъ производить всѣ Ариметическія дѣйствія надъ числами на счетахъ, усовершенствованный Генераль-Маіоромъ Г. Свободскимъ. Сочиненіе Петра Тихомирова, разсмотрѣнное въ рукописи Императорскою Академіею Наукъ, и признанное полезнымъ для желающихъ учиться выкладывая на счетахъ. СПб. Въ Морской шип. 1830. 119 стр. in-8.

— *Опытъ изложенія способовъ рѣшать числовыя задачи на счетахъ.*—Соч. Физико-Математическихъ Наукъ Магистра Платона Погорѣльскаго. М. въ ш. Н. Степанова. 1830. 45 стр. in-16. Съ 8-ю чертежами.

— *Умноженіе и дѣленіе чиселъ на счетахъ*, съ присокупленіемъ особыхъ правилъ сложения и вычитанія. Д. Орлицкаго. СПб. въ ш. Н. Греча. 1830. 30 стр. in-8.

Двѣ первыя изъ сихъ книгъ написаны сообразно одной методѣ, именно методѣ Генерала Свободскаго. Посему, странно читашь на заглавномъ листкѣ книжки Г-на Погорѣльскаго, что это его *согнненіе*, погда какъ онъ не упоминаешь ни гдѣ, кому обязанъ своею методою. Надобно знать,

что искусство дѣлать вычисленія на счепахъ, нынѣ введено при С. Петербургскомъ и Московскомъ Университетахъ, съ Высочайшаго соизволенія, и для сего поручено было Г-ну Тихомирову и Г-ну Погорѣльскому изучить способъ Генерала Свободскаго. Не смѣемъ говорить о пользѣ или безпольности сей новой науки. По способу Генерала Свободскаго можно дѣлать на счепахъ почти всѣ исчисленія, до извлеченія кубичныхъ корней; по для сего надлежитъ употреблять ошъ *трехъ* до *двѣнадцати* и болѣе счетовъ вдругъ. Это почитаемъ мы нѣсколько неудобнымъ, если только новый способъ долженъ бытъ примѣненъ къ общему употребленію; ибо, какимъ образомъ купецъ повезетъ съ собою на ярмарку дюжину и болѣе счетовъ? Какимъ образомъ чиновникъ, на своемъ канцелярскомъ столѣ разложитъ десятокъ счетовъ? И для чего это, когда и купецъ и чиновникъ могутъ сдѣлать то же самое, и почти такъ же скоро, на клочкѣ бумаги, карандашемъ или перомъ? Повторяемъ: все состоятъ въ томъ только, что употребляя счесть, не пишушь цифръ или знаковъ Арифметическихъ, а кладушь все это на счепахъ, и для того-то потребно такое количество счетовъ. — Въ книгѣ Г-на Тихомирова любопытна исторія всѣхъ попытокъ замѣнить машинами обыкновенный способъ счисленія. Книга Г-на Погорѣльскаго отличается краткимъ и яснымъ изложеніемъ, приличнымъ сочиненію математическому.

Сочиненіе Г-на Орлицкаго едва-ли не полезнѣе обѣихъ вышеозначенныхъ книгъ, хотя онъ говоритъ только объ умноженіи и дѣленіи, а о сложении и

вычитанія, извѣстныхъ всѣмъ, предлагаешь нѣкоторыя замѣчанія. Дѣйствительно, для сложенія и вычитанія счеши изобрѣшеніе единственнаго. Съ нами, каждый мужикъ, даже не грамотный, произведишь всѣ исчисленія, какія только возможны употребляя сложеніе и вычитаніе — вѣрно, легко и такъ скоро, что обыкновеннымъ способомъ никакъ не лзя успѣшь за нимъ самому бойкому счешнику. Даже всѣ дробныя числа, какія только употребительны въ общежитіи, повинуются счешамъ съ особенною легкостью, въ двухъ первыхъ правилахъ Арифметики. Г-нъ Орлицкій попалъ на счастливую мысль, соединить счеши съ обыкновеннымъ способомъ, то есть при счешахъ употребляя еще и карандашъ, или перо: такимъ образомъ умноженіе и дѣленіе пріобрѣтають скорость, которая невозможна была досель, при одномъ обыкновенномъ способѣ. Г. Орлицкій производитъ исчисленіе на счешахъ, но данныя и ихъ результаты записываетъ; а этимъ способомъ ускоряешь исчисленіе. Вотъ вся шайна его. Онъ весьма справедливо говоритъ: «Не лучше-ли взять въ руки перо, и, написавъ на бумагѣ три, пять или десять цифръ, производить всякое Арифметическое исчисленіе на одномъ экземплярѣ счешовъ, нежели бросивъ перо, на мѣсто десяти цифръ поставишь столько-же счешовъ, для того только, что бы имѣть удовольствіе сказать: «я все выложилъ на счешахъ, я ни одной цифры не написалъ на бумагѣ.» Намъ скажутъ, можетъ быть, что по способу Генерала Свободскаго можно производить болѣе исчисленій. Но для чего это? Вышедшихъ исчисленій на счешахъ производить не лзя,

а въ коншорахъ , въ лавкахъ и въ счешныхъ ошдѣленіяхъ , для конхъ особенно предназначается способъ Генерала Свободскаго , едва-ли часто можешъ встрѣчашся надобность извлекать квадратные и кубичные корни десятками счешовъ. Напрошивъ способъ Г-на Орлицкаго , какъ болѣе удобный и прилагаемый къ просвѣтѣшимъ пошребностямъ , долженъ принести болѣе пользы , и заслуживаетъ искреннюю благодарность всякаго Рускаго. Въ немъ мало новаго , но за шо старое пояснено и прино-ровлено очень дѣльно.

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ.

Нынѣшнее положеніе финансовъ Франціи и Англіи.

(Окончаніе).

Мы видѣли изъ таблицы , выше приложенной , что государственнй доходъ Англіи составляетъ около 58 милльоновъ ф. сп. (почши 1,450 милльоновъ рублей). Изъ чего составляетъ сей капиталъ , изумляющій своею огромностію ? Разсмотримъ бюджетъ.

Доходы Великобританіи, не исключая изъ оныхъ и издержекъ , на собраніе доходовъ употребленныхъ , въ 1828 году.

Питейный сборъ.

Съ водокъ и спирсныхъ напитковъ	7,921,645
Съ солоду	4,623,112

Съ пива и хмелю	3,516,764
Съ винъ	1,700,051

17,761,275 ф. сш.

Предметы роскоши.

Сахарь	5,191,280
Чай	3,448,814
Кофе	425,389
Табакъ	2,793,873

11,859,356 ф. сш.

Пища.

Масло и сыр	307,794
Разные припасы	436,580
Хлѣбъ	193,228

937,602 ф. сш.

Одежда.

Привозная шерсть и хлопчатая бумага	395,174
Шелкъ	345,278
Съ набивки шканей	657,741
Кожи	451,944
Бумага писчая	723,497

Предметы хозяйства.

Мыло	1,210,754
Свѣчи и сало	665,758
Уголья	895,085

Строительные матеріалы.

Стекло	616,527
Кирпичъ, черепица, аспидъ . .	392,365
Строевой дѣль	1,488,498

Итого пошлинъ съ необходимыхъ
предметовъ общественной жизни,
кроме пищи — 7,842,621 ф. сш.

Акцизы и таможи.

Аукціонная продажа	275,564
Акцизные лиценціи	845,160
Разныхъ сборовъ	2,205,903

3,326,627 ф. сш.

Гербовыя пошлины.

Съ актовъ	1,686,315
Съ завѣщаній	2,043,268
Съ застрахованій	989,070
Съ векселей и банковыхъ билетовъ	690,005
Съ газетъ и Журналовъ	581,526
Съ дилижансовъ и почтовыхъ видовъ.	646,387
Съ разныхъ предметовъ	681,038

7,317,609 ф. сш.

Таксы съ движ. и недвиж. предметовъ.

Поземельный сборъ	1,210,227
Съ оконъ	1,164,010
Съ домовъ	1,295,550
Съ слугъ	277,759

Съ экипажей	352,478
Съ лошадей	400,676
Разныя другія пошлыны	462,969

5,163,669 ф. ст.

Почтовой доходъ	2,207,998
Другіе разныя доходы	666,572

Общій итогъ доходовъ Велико-
британіи 57,083,626

Одна изъ замѣчательнѣйшихъ статей въ нашихъ государственныхъ доходахъ есть *пошлина съ водокъ и спиртныхъ напитковъ*: она пристиралась въ 1828 году до 8 милльоновъ ф. ст. (200 милльоновъ рублей). Кто и какъ потребилъ напитки, съ коихъ сіе количество пошлины было взято? Конечно, необходимое потребление составляло въ семь случаевъ самое малое количество; гораздо болѣе потреблено людьми, искавшими нѣкотораго умѣреннаго наслажденія; но важнѣйшую часть потребили люди, хотѣвшіе наслажденій грубыхъ и неумѣренныхъ. Къ несчастію, подобное употребленіе спиртныхъ напитковъ и водокъ въ послѣднее время весьма увеличилось у насъ, съ тѣхъ поръ, какъ пошлина съ нихъ уменьшена. Почему не сдѣлано было лучше уменьшенія пошлины съ пива, нашего народнаго напитка? Заплачивъ за солодъ болѣе 4½ милльоновъ, мы внесли еще болѣе 3½ милльоновъ за пивовареніе и хмель. Это много!—Пошлина съ виноградныхъ винъ, доведенная до 1,700,000 ф. ст., не можешь быть болѣе возвышаема, ибо опытъ доказалъ, что потребление винъ немедленно упадетъ, когда ошяго-

пяшь ихъ болѣе значительнымъ плашежемъ пошлинь. Вся сумма пошлинь съ винь , водокъ и пива состояла изъ $17\frac{3}{4}$ милльоновъ ф. сп. — Вторая степень въ опдѣлѣ пошлинь состояшь изъ пошлинь на кофе , чай, и сахаръ , всегдашняго ихъ поварища: сѣи три спашьи дали Казначейству *девять* милльоновъ ф. сп. (225,000,000 рублей). За симъ слѣдуетъ воиючая , несчастная шрава , кошорою подариль насъ Новый Свѣшь , и которая , кромѣ шого , чего споншь она сама , перевозъ ея и барышь торгующимъ оною , извлекла изъ нашихъ кармановъ $2\frac{2}{3}$ милл. ф. сп. (68,750,000 рублей) пошлинь. Слѣдственню мы, Англичане, заплашили въ годъ пошлинь за средспва, коими приводимъ въ раздраженіе наши нервы: *вино, водку, пиво, табакъ, чай, кофе, сахаръ* — около 30 милльоновъ ф. сп. (750 милльоновъ рублей)! Страшная сумма, и—что всего замѣчательнѣе — безъ всего эшого мы могли-бы обойтись , все эшо не суть необходимыя вещи. Въ шо же время за *необходимое*, за пищу собственно, мы отдали пошлинь — *меньше* милльона ф. сп. (937,602).

Наша одежда не опягощена подашями. Пошлина на чужеземную хлопчашую бумагу и шерсть ничтожна, а при пенса, плашимые съ набивныхъ шканей, почти нечувствительны, съ шѣхъ поръ какъ цѣнность фабрикаціи оныхъ уменьшилась въ половину. Количество пошлинь съ мыла, свѣчъ и уголья не достигаетъ и 3-хъ милльоновъ ф. сп. — Мы имѣемъ даже большую выгоду пошребляя уголья, въ сравненіи съ цѣнностью расхода, шребуемаго на сей предметъ ошъ народовъ, упошребляющихъ дерево. Есть у насъ еще двѣ значительныя вѣшви

пошлинь съ сшроисельныхъ маперіаловъ : 1,500,000 ф. сш. покровишельной пошлины для мореплаванія , существующаго между Канадою и Англією , и почти 400 шысячь ф. сш. пошлинь на кирпичь , черепицу и аспидъ. Пошлина на сшроевой лъсь и черепицу преимущественно падаетъ на городскихъ жителей , а наипаче на хозяевъ домовъ.

Гербовая пошлина на шрансфершы болѣе касаеться людей богашыхъ , и это собшвенно не прямая пошлина съ доходовъ. Тоже скажемъ о шаксъ земельной , о шаксъ на дома , окна , служишслей , лошадей , карешы. Почши шолько сего рода пошлины взимаются съ насъ прямо , посредшвомъ непришнихъ посъщеній сборшиковъ , ежегодно взимающихъ оныя. Какъ ни мады , въ сравненіи со всѣмъ другимъ , что мы плашимъ , сш пошлины болѣе всѣхъ другихъ возбуждають у насъ жалобы. Сшранно , что пошлина *не прямо взимаемая* , и непришшно разливашаяся въ разныхъ пошребносшяхъ , всегда кажется народу сносше и легче. Вотъ замъчаніе , достойное вниманія министрвовъ ! Только въ крайности народъ охотно плашитъ поголовную и на предметы , въ прямомъ обладаніи его находящіеся , пошлину ; во всякомъ другомъ случаѣ онъ жалуется.

Мы обозрѣли замъчательнѣйшія части нашихъ доходовъ. Когда въ послѣднее время былъ учрежденъ Комишеть финансовый , доходъ съ 1823 г. упали ошь 54 на 51 мильионъ , и это производило разные шокки. Такое уменьшеніе публика почишала при знакомъ уменьшенія нашихъ испочниковъ дохода. Но Комишеть ясно доказалъ , что при наружномъ упадкѣ на шри мильиона , въ дѣйствительности бы-

Юль 1830.

7

до увеличенія *шесть* милльоновъ , ибо въ три года, начиная съ 1823-го , послѣдовало девять милльоновъ окладки въ раскладочныхъ поборахъ , и въ пошлинѣ съ спиртныхъ напитковъ , кофе , вина , шелка , уголья , и проч. — Посему , если-бы уменьшеніе доходовъ простерлось на девять милльоновъ , это значило-бы только , что складка сдѣлана неблаго- временно , и все еще не доказало-бы , что потребленіе уменьшилось ; но поелнку , вмѣсто уменьшенія на девять милльоновъ , оно оказалось только въ три милльона , ясно , что складка дополнилась увеличившимся потребленіемъ. Таможенные счета все- го лучше могутъ быть мѣрломъ увеличивающихся постепенно сборовъ и увеличивающагося потребленія , ибо таможни суть лучшія средства вымѣривать общественное богатство. Умноженіе таможенныхъ сборовъ 2,732,000 ф. ст. , почти на половину было именно *отъ тѣхъ предметовъ , съ коихъ сложена часть пошлинъ*. Значительное приращеніе замѣчено также во многихъ предметахъ роскоши съ 1823 года. Такъ , напримѣръ , число чепы- рехъ-колесныхъ экипажей перваго разряда отъ 18,000 дошло до 24,000; экипажей втораго разряда отъ 7 до 9,000. Что касается до двухъ-колесныхъ экипажей , то , вмѣсто 31,000 ихъ оказалось 43,000. Видимъ , что пошлины съ экипажей въ теченіе шести лѣтъ увеличались , почти претью. Число служителей , лошадей , собакъ , также увеличилось значительно (*).

(*) Но значитъ-ли это , что народное богатство увеличилось ? Пр. Пер.

Ошчеты, обнародованные въ Январѣ 1829 года, показываютъ намъ приращеніе доходовъ *доумя милліонами* ф. ст. — Но нѣтъ причинъ надѣяться, чтобы такое приращеніе поддержалось. Нынѣшній застои внутренней нашей торговли долженъ произойти отъ перемежки въ потребленіи народномъ, на чемъ основана большая часть нашихъ государственныхъ доходовъ. Бездѣйственность нашихъ оборотовъ была приписываема причинамъ разнымъ: отношенію нашему къ Португаліи, войнѣ на Востокъ, новому тарифу Американскому, худой жашвѣ, и проч. Худая жашва конечно много способствовала затрудненію. Во Франціи хлѣбъ родился еще хуже нашего: что-жъ намъ вышло? Для Франціи внѣшняя торговля есть предметъ вѣнороспешенный и, слѣдственно, затрудненія нашей торговли для нея не важны. Между тѣмъ во Франціи повсюдныя жалобы: хозяева виноградниковъ въ ошчаяніи, ибо вино ни по чемъ. На Лионскихъ шелковыхъ фабрикахъ работники недавно брали польщны; то-же было на фабрикахъ хлопчатыхъ издѣлій; во многихъ департаментахъ боляся неплатежа подашей. Скажутъ, что весьма естественны подобныя послѣдствія въ такомъ государствѣ, гдѣ вывозъ незначителенъ въ сравненіи съ внутреннимъ потребленіемъ, и что намъ торговля и промышленность должна поколебаться, когда помѣщики и арендаторъ страдаютъ, и заставляющъ страдать всѣхъ потребителей. Но Сѣверо-Американскіе Штаты не могутъ терпѣть ни отъ худой жашвы, ни отъ Португаліи; между тѣмъ, наше положеніе безъ сравненія лучше нынѣшняго положенія

Американцевъ. Дѣшельность торговая памъ въ совершенномъ упадкѣ; банкротства безпрестанныя; предпріятій важныхъ никто не смѣеть дѣлать; всѣ принимаются за экономію. А давно-ли еще новый тарифъ оградишь новыми преимуществами Сѣверо-Американцевъ? Намъ думается, что сообразивъ одинаковость положенія земель, столь различныхъ, каковы Англія, Франція и Сѣверная Америка, мы найдемъ главную причину въ общей недовѣрчивости, необходимо долженствовавшей произойти отъ нелѣпой довѣрчивости, надѣлавшей столько бѣдъ повсюду въ 1825 и 1826-мъ годахъ. Еще важно обстоятельство: жалующіеся на упадокъ дѣль, часто увеличивающъ сей упадокъ. Во всѣ прежніе годы, особливо во времена войны, многіе успѣли пріобрѣсть состоянія огромныя, что скрыло отъ насъ тѣхъ, которые раззорились тогда отъ дерзкихъ спекуляцій. Нынѣ, когда все приходитъ въ тихій, спокойный порядокъ, естественна жаловаться на бездѣйствіе и упадокъ, получая барыши умеренные, и дѣлясь ими съ другими людьми.

Слѣдующая таблица покажетъ намъ преувеличеніе жалобъ. Мы выписываемъ здѣсь количество разныхъ предметовъ, поупребленныхъ въ послѣднія 13 лѣтъ въ Англіи, избирая для сего шесть предметовъ, служащихъ къ удовлетворенію прихоти и роскоши: чай, кофе, сахаръ, вина, водку и табакъ, и шесть, необходимыхъ въ жизни: мыло, крахмалъ, салныя свѣти, восковыя свѣти и кирпичъ. Къ этому прибавляемъ мы еще шелкъ. Для избѣжанія большаго количества цифръ, мы беремъ единицею миллионъ,

шакъ , что слѣдующая цифра значить сошни шы-
сичъ , споящая за нею десятички , и ш. д.

Годы.	сѣч. сальн.	сѣч. воск.	мыло	крахмаль	киричи
1816 —	81	85	70	2.8	696
1817 —	78	88	64	2.4	697
1818 —	77	86	68	3.4	812
1819 —	80	83	69	4.2	1,065
1820 —	82	85	74	4.3	979
1821 —	87	88	79	4.4	964
1822 —	89	86	81	5.0	977
1823 —	102	87	97	5.7	1,265
1824 —	109	93	100	5.5	1,493
1825 —	114	1.05	102	6.6	1,991
1826 —	110	90	96	6.1	1,381
1827 —	115	94	104	7.3	1,123
1828 —	„	„	„	„	

Годы.	сахаръ	чай	водка	ромъ	кофе	шабакъ	вина	шелкъ	
								сыр.	организ.
1816 —	2,2	20,2	94	2,88	7,5	12,8	2,4	580	250
1817 —	2,9	20,8	83	2,85	8,6	15,5	5,6	598	304
1818 —	4,4	22,6	77	3,45	7,9	15,6	6,4	708	518
1819 —	2,4	22,6	4,06	3,04	7,4	12,9	4,9	624	515
1820 —	2,5	22,4	4,45	2,96	6,9	15,0	5,0	985	498
1821 —	2,6	22,8	4,40	2,76	7,5	12,9	5,0	835	466
1822 —	2,6	23,9	4,50	2,67	7,4	12,9	4,9	945	594
1823 —	2,8	23,7	4,59	2,79	8,2	15,4	„	4,067	434
1824 —	2,9	23,7	4,57	3,05	7,9	15,0	5,4	4,475	404
1825 —	2,6	24,8	4,68	2,50	10,7	14,5	8,6	4,437	928
1826 —	3,2	25,2	4,84	3,45	12,7	15,7	6,4	4,060	242
1827 —	5,0	26,0	4,65	3,24	14,9	14,7	7,2	4,524	555
1828 —	3,2	26,7	4,64	3,90	16,5	14,5	7,5	2,454	615

Примѣчаніе. Количество свѣчь, мыла, крахмалу, чаю, кофе, табаку, означаетъ *фунты*; кирпичей *тысячи*; водки, рому и винъ *галлоны*.

Здѣсь видно, что Англія въ 1828-мъ году потребила на *полосину болѣе* свѣчь, мыла, крахмалу, кирпичей, сахару, водки, и *третью болѣе* чаю, нежели за двѣнадцать лѣтъ. Между тѣмъ, ни съ одного изъ сихъ предметовъ не было значительной складки пошлинъ. Потребленіе другихъ предметовъ, съ конхъ пошлина была уменьшена, увеличилось въ разныхъ степеняхъ. Въ теченіе шести послѣднихъ лѣтъ потребленіе кофе удвоено, рому и винъ прибавилось половиною; табакъ отсталъ; шелку сырцу привезено въ 1828 году въ шестеро болѣе, а органзина въ прее болѣе противъ 1816 года. Вообще, разсматривая таблицу, можно видѣть, что въ 1825 году по всѣмъ предметамъ оказалось приращеніе необыкновенное, и это неудивительно, ибо въ 1825 году мы бросились безъ расчета въ спекуляцію. Но въ шожѣ время мы замѣчаемъ, что въ слѣдующіе годы уменьшенія равномернаго прибавленію не было; это значить, что достигнувъ высшей степени распряженія, мы не перешли за предѣлы, ибо удержались на сей степени.

Еще одинъ фактъ для узнанія настоящаго положенія Англіи, мы найдемъ въ пошлинѣ съ завѣщаній. Хотя по нашимъ законамъ, сія пошлина и не падаетъ на фондовые капиталы всѣхъ насѣдниковъ, кромѣ старшаго, тѣмъ не менѣе значительная часть народнаго богатства каждый годъ подвергается печальной пошлинѣ сей, опредѣляемой, такъ

сказашь, смертію. Это не есть переходящее потребление, могущее, уменьшишься и увеличишься, но постоянный переходъ капиталовъ, увеличивающихся ошатаками каждаго года. Разсматривая таблицу сбора пошлинь съ завѣщаній, найдемъ, что въ теченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ, сей сборъ въ Англіи удвоился, а въ Шотландіи утроился (*). Изъ сего не должно заключать, что и народное богатство слѣдовало сей постепенности. Первое — увеличеніе государственнаго долга значительна умножило суммы имѣній, переходящихъ въ наследство, не созданіемъ новыхъ капиталовъ, но капиталомъ численнымъ. Второе — цѣна имѣній значительно увеличилась съ окончаніемъ войны, при чемъ также не было умноженія существеннаго капитала. Цѣнность имѣній съ того времени всѣмъ не возрасла въ соразмѣрности съ цѣною продажною. Нѣтъ сомнѣнія, что улучшения въ имѣніяхъ сдѣланы; земледѣіе оказало успѣхи; значительныя суммы пожертвованы на расчиску и удобреніе земель. За всѣмъ тѣмъ, кажется, что болѣе 30% прибавки существенной цѣнности на имѣнія, полагаешь не должно. Положимъ однакожь, что съ 1793 года, въ сложности, богатство Англіи прибавилось на цѣлую половину; но среднее число для всѣхъ насъ не можешь бышь подведено подъ сей

(*) Мы не помещаемъ здѣсь таблицы. Пошлина съ завѣщаній по онымъ была въ 1809 г. въ Англіи 945,030 ф. ст., въ Шотландіи 34,765 ф. ст., въ 1823 г. въ Англіи 1,933,994, въ Шотландіи 108,894 ф. ст. *Прим. Пер.*

размѣръ, ибо народонаселеніе Великобританіи съ 1793 года слѣдовало въ такой-же сложности. Дѣйствительно: по ревизіи 1801 года, въ Великобританіи было 10,942,000 человекъ, а по ревизіи 1821-го 14,391,000; нынѣ число жителей въ Великобританіи никакъ не лзя положить менѣе 16,000,000. Слѣдствіе то, что въ сложности мы стали богаче и могущественнѣе, но въ частности, у каждаго изъ насъ, богатство и сила не увеличились, ибо они раздѣлились на большее число владѣльцевъ.

Какой-же окончательный выводъ извлечемъ мы изъ всѣхъ нашихъ замѣчаній? Тотъ, что если народонаселеніе Великобританіи и пягость общественная увеличились у насъ въ необыкновенной степени, то и способы и средства наши не опспали осьъ нихъ въ семь увеличеній. Мысль утѣшительная! Но должно предвидѣть будущее, можно думать, что не всегда миръ сохранится, что новая война обременитъ насъ новою пягостью. Достанешь-ли и тогда нашихъ средствъ? Достанешь, рѣшительно. Замѣшимъ одно: земледѣліе сдѣлало у насъ успѣхи необычайные, но сколь многое можемъ мы еще перенять въ Тосканѣ, въ Ломбардіи, въ Голландіи для удобренія нашихъ воздѣланныхъ земель, сколь еще много остаешся у насъ земель необработанныхъ. Богатая или бѣдная, земля всегда дастъ сколько, что можно вознаградить трудъ и издержки, а кромѣ того человекъ созидаетъ изъ нея новыя силы. Припомъ, если пространство Англій можешь еще проищать много новыхъ милліоновъ, то къ Ирландіи должно обратиться преимущественно наше вниманіе. Осьъ Ирландіи можемъ мы ожи-

дашь огромнаго , новаго приращенія силъ. По отношенію пространства, она далеко не даешь государству надлежащаго. Англія имѣеть 32 мильона акровъ обработанной земли, Шотландія 5, Ирландія 18; народонаселеніе всѣхъ шрехъ земель находится почти въ шакомъ-же размѣрѣ: въ Англіи считаемъ мы около 12 мильоновъ, въ Шотландіи около 2, въ Ирландіи около 7. Если мы ничего не скажемъ то шомъ, что Англія даешь казнѣ 45 мильоновъ ф. ш. , ибо Лондонъ дѣлаешь значительный перевѣсъ силъ, шо обращаясь къ Шотландіи, и нашедъ, что она даешь 4 мильона, можемъ спросить, почему Ирландія со временемъ не дастъ 12 мильоновъ? Теперь, она жершвуешь государству не болѣе Шотландіи, а между шѣмъ она плодоноснѣе и богаче Англіи своею почвою. Только шрудомъ и удобреніемъ мы добываемъ въ Англіи хлѣбъ, а въ Ирландіи хлѣбъ, на землѣ дикой, худо обработанной, заглушаютъ вредныя шравы, коихъ не испребяешь рука безпечнаго земледѣла. Въ Ирландіи болѣе и способовъ сбывашъ произведенія: рѣчки, гавани шамъ выгоднѣе Англійскихъ. Опдайте Ирландію работникамъ Англійскимъ, или Шотландскимъ, они создадутъ изъ нея новую Ломбардію, новую Бельгію. Говорятъ, что Ирландія бѣдна отъ худаго управления; эшо правда, но — не вполнѣ. Человѣкъ лѣнивый, недѣшельный, и народъ лѣнивый и недѣшельный, всегда извиняють себя обстоятельствами, когда человѣкъ и народъ дѣшельные и шрудолюбивые, умѣють покорять себѣ самца неблагоприятныя обстоятельства. Ирландцы доказали храбросць свою на поляхъ бившъ, и швердосць ду-

ха въ борьбѣ гражданской; пусть присовокупящъ они къ сему шрудъ, свѣдѣнія, бережливость, постоянство, предусмотрительность: они скоро перейдутъ отъ бѣдности къ изобилію, отъ униженія къ благоденствію, и тѣмъ подкрѣпящъ силы и способности общаго отечества нашего — Великобританіи.

МОСКОВСКІЙ НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ.

Докъ Жуль, опера въ 2-хъ дѣйствіяхъ, музыка Моцарта.

Что есть изящное? Вотъ вопросъ, удовлетвореніе коего съ нѣкошораго времени сильно озабочило многія умныя головы. Старались разрѣшить эту задачу съ помощью математическихъ формулъ и полкуя объ изящномъ языкѣ весьма не изящнымъ, можно почти сказать песнопымъ. Не скорѣе-ли мы узнаемъ истину по сему предмету, посредствомъ уподобленія и сличенія изящнаго въ искусствахъ, съ какимъ нибудь изящнымъ явленіемъ міра физическаго? Такъ напримѣръ, неоспоримо, что сѣтъ, заливаемый на нашу планету солнцемъ, можеть назваться лучшимъ, изящнѣйшимъ даромъ природы. Но что за вещество этошь свѣтъ? Можно-ли добратся до его источника, такъ же легко какъ до колодца въ Швабін, изъ коего истекаетъ Дунай? Можеть ли этошь свѣтъ бытъ разложенъ химически, подобно другимъ матеріаламъ нашего міра? Посмотримъ! — Извѣстно намъ, что землю освѣщаетъ солнце. Лишь только обратимъ мы къ

оному глаза, но бываемъ до такой степени поражены его блескомъ, что вмѣсто узрѣнія сего испочника свѣта, принуждены бываемъ ослабнуть на минушу, какъ будто въ наказаніе за нашу дерзость. Но съ помощью закопѣлаго стекла, мы смѣло можемъ глядѣть на дневное свѣтило. И что же мы видимъ? Багровый шаръ, который подобно грозному, воспламененному оку, успрашаетъ насъ своимъ гнѣвнымъ взглядомъ. Вѣдя невозможность достиженія испочника, мы желаемъ внимательно разсмотрѣть малѣйшія частицы изливаемаго онымъ. Мы запраемъ въ врачную комнату, и сквозь малую щель пропускаемъ одну только лучъ, который какъ зѣрный перстъ указываетъ на блестящую точку, означившуюся на противоположной стѣнѣ. Тутъ казалось бы можно заключить въ темноту этого небеснаго пришельца, можно его схватить и узнать покороче. Мы заслопемъ мѣсто его входа, шѣсное отверстіе, чрезъ которое онъ прокрался къ намъ. . . . Тщетный шрудъ! Лучъ исчезаетъ и оставляетъ насъ въ скучной темнотѣ. Привѣгнемъ къ Химіи и разложимъ этотъ упрямый лучъ на газы. По несчастію, никакіе препараты не годятся для этого вещества. Употребимъ послѣднее средство, и заставимъ его пройти сквозь хрустальную призму, и вотъ мы видимъ, что онъ раздробляется во множествѣ радужныхъ, очаровательныхъ цвѣтовъ, въ сравненіи съ коими драгоценнѣйшіе камни кажутся шусклыми и ничтожными. Досадуя на сіи неудачи нашихъ шрудовъ, мы отказываемся отъ изслѣдованія первоначальнаго испочника и спихиваемъ свѣта, и рѣшаемся

лучше воспользоваться симъ благимъ даромъ природы и насладишься разсмащриваніемъ его изящныхъ проявленій. Въ эшомъ случаѣ сама природа удовлетворяешь насъ вполнѣ. Такимъ образомъ, видимъ мы по ушру посщепенное приближеніе лучезарнаго свѣшпа, предшешествуемое плѣнишельными оцвѣченіями небосклона; за симъ винмаемъ мы радосшнымъ привѣшспвіямъ всего живущаго, коими всщрѣчается появленіе сего благодѣшеля земли; пошомъ, согрѣваемся мы его лучами и радуемся совершенному разсѣянію мрака; шамъ — видимъ мы, какъ эшо величешвенное свѣшшло ошражается и какъ будшо играешъ своими лучами въ прозрачной водѣ; здѣсь, въ шѣни гусшыхъ деревь, мы усмащриваемъ часщипу благосщорнаго свѣша, проникающую сквозъ лиешвіе, въ видѣ золошаго шлоба; въ самыхъ грозныхъ явленіяхъ природы, когда небо омрачается черными шучами, края оныхъ какъ будшо въ ушѣшеніе наше ярко озлащающся лучами солнца. Но миновалась буря, исчезли покровы, заслоняшіе свѣшшло дня, и вошъ, видимъ мы оное на другомъ концѣ небосклона, уже не въ прежнемъ ослѣпшешельномъ блескѣ, но въ радужной одеждѣ, спокойно нисходящее за горизонтъ и какъ будшо говорящее намъ: «Теперь успокойшесь! Вы уже довольно насладились моими дарами. Завштра, я ошашъ явлюсь, и ошашъ буду прошекашь шу самую сщезю, кошорую предначершала мнѣ общій нашъ Творецъ въ первую минушу мірозданія. Завштра вы узрише новыя прекрасныя явленія изливаемаго мною свѣша!» И солнце не измѣняешъ своимъ обѣщаніямъ, сшѣхъ самыхъ поръ, когда было изрѣчено Всевышнимъ: «Да будешъ свѣшь!»

Послѣ сего довольно длиннаго, и для читателей, вѣроятно, довольно скучнаго физико-химико-астрономическаго полкованія о веществѣ свѣта или о свѣтшворѣ, мы примѣнимъ наше сужденіе къ первому вопросу сей сшашьи: что есть изящное? Эшопь предметъ ученѣйшихъ изслѣдованій, доселѣ не принесшихъ желаемаго удовлетворенія, не можеть-ли сравняться съ непоспижимымъ и неизслѣдуемымъ свѣтомъ? Гдѣ начало, источникъ изящнаго? Въ геніяльной мысли, подобно тому какъ и самый свѣтъ есть порожденіе предвѣчной мысли. Какими законами управляешся изящное? Увы!... Законами навсегда опь насъ сокрытыми! Если бы мы могли узнать эти законы, то легко было бы госпавить теорію, науку, съ помощію коей каждый желающій научился бы шворить изящное, съ тою же удобностью, съ кошорою дншя научается чтенію по азбукѣ. Изящное не можеть быть ни анализировано, ни анапомировано, ни описано, ни исчислено въ своихъ достшюиствахъ, ни выражено понятнымъ образомъ. Оно само собою выражается непрерывно и доставляешъ намъ пму наслажденій. Послѣ эшого ешеспшвеннымъ образомъ поражается вопросъ: все въ природѣ, опь начала ея до сихъ поръ, и самая жизнь наша, доставляющъ намъ шмы наслажденій, кошорыми мы не всегда умѣемъ пользовашся. Первошшшные законы сего міра не могушь быть посшгнушы разумомъ смершнаго. Причины различныхъ измѣненій вкусовъ и привычекъ доселѣ не узнаны величайшими философами. Самая прихощь моды, доставляющая поочередно удовольствіе каждому поколѣнію, не изслѣдована въ

своемъ направленіи, въ своей жизни, и пѣмъ не менѣе она также удовлетворяетъ потребностямъ своихъ современниковъ. Что же называется изящнымъ въ искусствахъ? И гдѣ-же эта отличительная черта изящнаго, когда цѣну и достоинство всякаго произведенія опредѣляетъ одинъ господствующій вкусъ, склонность, стремленіе, повѣрье преходящаго поколѣнія? — Эпохъ запросъ, нѣсколько мудреный, дастъ намъ средство опредѣлить безошибочно то, что мы разумѣемъ подъ словомъ: изящное, относительно къ искусству и художеству. Это почетное наименованіе безспорно принадлежитъ такому творенію, которое, подобно *веществу свѣта*, никогда не старѣется, всегда процвѣтаетъ, и не измѣняя своего первобытнаго вида, непрерывно являетъ новыя красоты. Пояснимъ и подкрѣпимъ наше мнѣніе указаніемъ на такое произведеніе ума человѣческаго, которое уже пережило тысящелѣтія. Давность онаго ручается за его прочность. Легко догадаться, что мы говоримъ о безсмертной *Иліадѣ*: участь сего великаго творенія извѣстна всѣмъ образованнымъ людямъ. Въ началѣ, бѣдный слѣпецъ Омиръ, родившійся тысячью годовъ ранѣе того времени, когда люди были въ состояніи цѣнить его гени, для снискиванія скуднаго пропитанія сочинялъ безсмертныя свои пѣсни. Поэмою, семь городовъ просвѣщенной Греціи спорили о чести, называться мѣстомъ рожденія великаго поэта. Грозный Македонскій герой, мечпавшій о покореніи вселенной, приписавшій себя въ родню Зевесу, благоговѣлъ предъ *Иліадою*. Въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ Греція пала, и языкъ

древней Элады вышелъ изъ употребленія, но шворенія Омира сохранили оный между чуждыми племенами и въ позднѣйшемъ потомствѣ. Знакомство съ Иліадою, исчисленіе красотъ сей поэмы, содѣлались предметомъ рачительныхъ занятій всѣхъ ученыхъ мужей въковъ грядущихъ. Наконецъ въ настоящее время, когда свѣтлыиыкъ разума и опышности началъ болѣе и болѣе озарять обласшь наукъ, умнѣйшіе люди стали сомнѣваться въ существованія шворца Иліады. И эшо сомнѣніе ошнюдь не оскорбляетъ памяти великаго мужа. Напротивъ, эшо драгоцѣннѣйшій оліамъ, воскуряемый его произведенію. Въ нашъ, богатый просвѣщеніемъ вѣкъ, въ наше время, когда мы по справедливости можемъ почитать древнихъ младенцами въ сравненіи съ нами, нашлись глубокомысленные изслѣдователи изящнаго, ученѣйшіе мужи, кошорые по всѣмъ дознаннымъ ими законамъ разума, не могутъ признашь Иліаду швореніемъ одного смершнаго, существа земнаго, и подозрѣвають, что въ шеченіе многихъ сподѣшій, величайшіе умы съ давно-минувшихъ лѣтъ поочередно приносили по лепшѣ въ дань Музамъ, для составленія сего необъятнаго сокровища поэзіи!... Вопшь что называется изящнымъ! Тысящелѣтнія существованія въ первобытномъ видѣ болѣе и болѣе возвышаютъ цѣну онаго!... Если насъ спросятъ: и въ другихъ отрасляхъ познаній человѣческихъ, способныхъ производить изящное, что признаемъ мы достойнымъ сего почетнаго названія? Напримѣръ, какому музыкальному шворенію дадимъ мы сей великій шипуль? — Безъ дальнихъ размышленій, мы укажемъ во-первыхъ

на Моцартову оперу : Донъ Жуанъ , и увѣрены , что всякій имѣющій понятіе о Музыкѣ согласится съ справедливостью нашего указанія . — Если кто слышалъ эту оперу уже сто разъ , по вѣрно въ сто первый разъ ошмыцеть въ ней новыя красоты . Опышный знапокъ не можешь надивиться тому , какъ умѣлъ Моцаршъ въ одномъ эшомъ произведеніи помѣстить сполько геніальныхъ идей , что въ двадцати швореніяхъ прославленныхъ композитеровъ не наберешся оныхъ ниже десятой доли ! Миеологія называшъ Феба вѣчно юнымъ ; шакова и опера : Донъ Жуанъ , или , лучше скажашъ , она подобна водопаду , описанному нашимъ безсмертнымъ Лирикомъ . Проходящъ спольшія , исчезающъ поколѣнія , изсякающъ пріятныя ручейки , испребяющъ искусныя и хитро устроенныя водометы , а водопадъ все являешъ шу-же бездну жемчуга и серебра , кошорая восхитчала Державина ! . . Печашная бумага не можешь дашь понятія о божешвенной мелодіи оперы : Донъ Жуанъ , но мы постараемся изложить наше мнѣніе о семъ безсмертномъ швореніи .

Новѣйшіе композитеры , пользующіеся заслуженнымъ ими одобреніемъ всѣхъ любители Музыки , вмѣстѣ съ симъ пользующся и шѣми удобствами , шѣми прикрасами , шюю мишурою , кошорою искусство аршистовъ можешь прикрыть недоспашки мысли сочинителя . Такимъ образомъ — не называя никого ! — композитеръ нашего времени , въ оркестрѣ имѣешъ усерднаго рабочника , не жалющаго ни груди , ни рукъ для оглушенія слушающихъ самую блестящую чепухою ; въ сочиненіи пѣнья , композитеръ всѣми силами спарешся какъ можно

чаще высказываясь на партіи вожделѣнный знакъ

, съ помощію коего пѣвцы и пѣвицы могутъ по произволу выказывать всю обширность и гибкость своихъ голосовъ, между тѣмъ какъ покорный оркестръ молчитъ, а капельмейстеръ, поднявшій свой жезлъ, терпѣливо дожидается окончанія искусной руды. Отъ этихъ самопроизвольныхъ выходовъ естественнымъ образомъ разрывается связь музыкальныхъ идей композитера, или, лучше сказать, сочинителя, по пословицѣ, загребаешь жаръ чужими руками, прикраивая маготу своего произведенія искусствомъ предсавителея оного. Все это есть не иное что какъ шарлатанство, чуждое того что называется изящнымъ. Напрощивъ того въ оперѣ: *Донъ Жуанъ*, каждый музыкантъ прославляя свою партію, удивляется тому, какъ она легка и проста. Пѣвцы съ сокрушеннымъ сердцемъ не находяща средства блеснуть своими вычурами, подобно тѣмъ асиріисамъ, которые изучалъ важные роли, видѣвъ невозможность употребить въ своихъ костюмахъ (а это важный пунктъ для театральнаго дѣла!) ясныя ириобрѣтенныя бриллиантовые уборы или самыя модныя токи. Въ заглавїи оста, какъ хорошо выражены въ этой оперѣ всѣ характеры дѣйствующихъ лицъ. Не понимающій языка, по одной музыкѣ можетъ угадать содержаніе пьесы и положенія особъ выведенныхъ на сцену. Кто не узнаетъ въ Эльвирѣ знатной, гордой дѣвицы, поруганной безчестными обманщиками; въ *Донъ Антъ* вѣчно-любящей и до оубаченія доведенной жертвы сластолюбца; въ вращающейся, не-

Июль 1830.

винной Церлинь бѣдной крестьянки, обольщенной ненасытнымъ Донъ Жуаномъ? А эшошь извергъ, герой пьесы: какой разнообразный, выразительный *музыкальный языкъ* данъ ему безсмертнымъ Моцаршомъ! Какъ искусно и какъ прилично измѣняется оный, судя по тому, съ кѣмъ объясняется эшошь обольститель! Какая вкрадчивость, какое ухищренное благородство въ сношеніяхъ съ Анною и Донною Эльвиною! Какое лукавое простодушіе съ невиною Церлиною! И наконецъ какая отважная наглость закоснѣлаго злодѣя, съ пѣнью Командора, гробовымъ голосомъ заклинающаго своего убійцу не шревожись праха почившихъ въ могилѣ!... Но и въ эшомъ лучшемъ произведеніи неподражаемаго Моцарта, въ эшомъ швореніи, гдѣ ошь перваго аккорда, увершюры до окончанія пьесы, каждая нота, каждый звукъ можешь назваться изящнымъ, ошщется шакое мѣсто, кошорое превосходитъ всѣ красоты, щедрою рукою разсыпанныя въ пьесѣ. Таково есть ужасное свиданіе Донъ Жуана съ приглашенною имъ на ужинъ спашуюю. Вошь шоржество музыкальнаго генія! Вошь неувадаемый, безсмертный вѣнецъ славы Моцарша!... Чашатели имѣють полное право сказать, что вся эша спашья не даетъ имъ никакого понятія о музыкѣ Моцарша и о превосходствѣ его надъ современными композиторами; что Рецензентъ долженъ все сказанное имъ подкрѣпить доводами. Эшо шребованіе шакъ справедливо, что мы вмѣняемъ себя въ обязанность удовлетворить оному.

Выше сего сказали мы, что достоинство Иліады подтверждено ея безсмертіемъ, всеобщимъ со-

знаніемъ различныхъ поколѣній, населявшихъ землю въ продолженіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, извѣстностію сей поэмы во всѣхъ языкахъ и наконецъ подозрѣніемъ, что она не есть плодъ ума и воображенія *одного* смертнаго. Опера Донъ Жуанъ, не смотря на свою молодость, потому что произведеніе, существующее не много болѣе сорока лѣтъ, не можешь назваться шарымъ, шѣмъ не менѣ имѣешь почти единственную участь съ *Иліадою*. Твореніе Моцарша извѣстно цѣлой Европѣ, и не смотря на чрезвычайное размноженіе музыкальных пьесъ, на блестящіе успѣхи новѣйшихъ композиторовъ, оно все еще оспаривается единственнымъ и неподражаемымъ твореніемъ. Вошь доказательства. Въ Парижѣ, который не лѣзя не признавать сборнымъ мѣстомъ всѣхъ великихъ талантовъ, Итальянская музыка обратила на себя особенное вниманіе знатоковъ и такъ называемыхъ *дилетантовъ*, т. е. людей мало свѣдущихъ въ мелодіи, но страстно любящихъ оную. Недавно явился тамъ Россини, и выставилъ на сценѣ оперу: *Ошелло*, которая была признана господами *дилетантами* совершеннѣйшимъ твореніемъ, лучшимъ, первѣйшимъ произведеніемъ музыкальнаго генія. Знатоки, привыкшіе судить строго, не признавали этого первенства, и для вѣрнѣйшей оцѣнки сей оперы, потребовали представленія Донъ Жуана. Обѣ пьесы игрались поочередно. Послѣ продолжительной борьбы всѣ партіи согласились въ томъ, что умершій Моцаршъ одержалъ побѣду надъ моднымъ современникомъ Россини. Этого мало. Когда легкомысленные Парижскіе *дилетанты* начали вни-

напелло прислушиваться къ оглушающимъ и изумляющимъ произведеніямъ господь... или . . . , *афи...*, *длите* и другихъ, но съ неменьшимъ удивленіемъ замѣтили они, что Моцартовы оперы были обильнымъ рудникомъ, изъ коего многіе почерпали мысли и гармонію. Въ ихъ операхъ алмазы Моцарта были узнаны среди множества спразовъ и винюры! . . . Бершонъ и Керубини безспорно сплжали шишла оплвчныхъ композитеровъ, но сами они сознаются въ томъ, что музыкальнымъ своимъ существованіемъ обязаны Моцарту, и что изящнѣйшія мысли сего генія опражаются въ ихъ сочиненіяхъ. Бершонъ и Керубини сушь какъ будто сыновья Моцарта, сохранившіе нѣкоторыя черты фзюноміи своего родителя. Еще одинъ примѣръ особенной выразительности музыки Моцарта. Знаменитый Глюкъ, который можетъ назваться философомъ-музыкантомъ, пріобрѣлъ вѣковую славу сочиненіемъ оперы: *Ифигенія въ Авлидѣ*. Увертюра сей пьесы соединена съ интродукціею, какъ что занавѣсъ открываеица и оркестръ продолжаетъ играть, сопровождая поющій на сценѣ хоръ. Такимъ образомъ сія знаменитая симфонія остается неоконченною и не можетъ быти играна отдѣльно отъ самой оперы: Моцартъ придумалъ къ ней окончаніе. Всякій музыкантъ, которому извѣстно это обстоятельство, безотлучно укажетъ на ту ноту, съ коей начинаеица Моцартова прибавленіе, и этому мы неоднократно были свидѣтелями. *Опиръ*, *Шекспиръ*, *Мольеръ*, *Иппазеръ* и *Моцартъ* всегда узнаются въ произведеніяхъ ихъ замѣстителей!

По долгомъ ожиданіи всѣхъ любителей музыки;

опера Донъ Жуанъ была наконецъ выставлена на сценѣ Московскаго Театра, къ сожалѣнію не Русскими, а Нѣмецкими актерами. Вотъ отчетъ о представленіи. Оркестръ, по обыкновенію, исполнялъ свое дѣло какъ не лзя лучше. Самый прихотливый дилетантъ не замѣнилъ-бы въ ономъ другихъ недостатковъ, кромѣ того, что въ сценѣ маскарада не было за кулисами другой музыки, шакъ какъ назначилъ Моцартъ. Очень жаль! Въ этомъ мѣстѣ музыканты за кулисами и въ оркестрѣ играютъ разную мѣтрою, и это производитъ особенный эффектъ. Актеры по возможности старались не исказить безсмертной оперы. Г-жа Вагнеръ (Донна Эльвира) оказала болѣе искусства нежели сколько можно было ожидать. Г-жа Зенгеръ (Донна Анна) была гораздо слабѣе, нежели сколько должно было ожидать. Г-жа Фоль Массовъ явилась на сценѣ очень молодою Церлиною и по игрѣ и по пѣнью. Годось Гна Ризе (Донъ Олимпіо) слишкомъ слабъ для нашего Театра. Со всѣмъ тѣмъ Г. Ризе не потрѣдшилъ въ выполненіи своей партіи. Гг. Шверинъ (Донъ Жуанъ) и Пинко (Леополдо) очень нравились своею игрою. Замѣтно было, что оба они устарили для сихъ ролей. Но не лзя-же непрерывно оставаться въ молодыхъ лѣтахъ: время неумолимо! . . . Г. Беккеръ занималъ трудную роль Коммандора по необходимости. Пѣнье этого лица требуетъ такого пѣвца, каковъ былъ знаменитый Нѣмецкій актеръ Филеръ. Нашъ Лавровъ, при всей очаровательности и обширности своего голоса, не годился-бы для этой роли, назначенной для счастливо везкаго баса.

ПИСЬМА

О КОНЦЕРТАХЪ Г-жи Зоннтагъ. (*).

1.

Москва, 11 Юля 1830.

«О чемъ прежде всего, и даже единственно, говорите вы?» О чемъ говоряшь всѣ; и что въ высочайшей степени возбудило наше любопытство, словомъ, о Г-жѣ Зоннтагъ, которую мы слышали вчера. По истинѣ, она была изумительна!... Я вошелъ въ залу въ ту самую минушу, когда капельмейстеръ Шольцъ давалъ знакъ начать увертюру изъ Оберона. Театръ былъ почти полонъ и представлялъ собою зрѣлище великолѣпное. Обыкновенныя мѣста музыкантовъ были уставлены креслами, а оркестръ перенесенъ на сцену.

Вдругъ раздался говоръ, и за нимъ послѣдовали продолжительныя рукоплесканія: это возвѣщало Г-жу Зоннтагъ. Она явилась, и съ приближеніемъ ея уск-

---

(*). Отрывки изъ двухъ первыхъ писемъ были помѣщены во Французскомъ Журналѣ *Le Figaro*. Мы просили Сочинителя ихъ позволить намъ помѣстить оныя въ Телеграфѣ вполне. Читатели Телеграфа конечно поблагодарятъ, что онъ согласился на нашу просьбу. Третье письмо было имъ писано въ Ревель, къ другу.
Изд. Тел.

двигались рукоплесканія. Но когда она вышла на авансцену, гдѣ должна была пѣть, и когда всѣ могли видѣть ее, рукоплесканія поколебали залу. Много публичнаго восторга не лзя было почестъ ободреніемъ : такая виртуозка не имѣетъ въ немъ надобности. Нѣтъ! это было выраженіемъ удовольствія и нестерпимыя слышанъ споль знаменитую пѣвицу, какова Г-жа Зонншагъ ; это было приношеніе красоты и дарованію. Казалось, для Г-жи Зонншагъ былъ чрезвычайно лестный такой приемъ : она ошвѣчала на него поклонами, сполько же пріятными, сколько почтительными. Нарядъ ея отличался большимъ вкусомъ : голова просто убрана собственными ея прелестными волосами ; на ней самой множество бриллиантовъ—свидѣтельство удивленія Европы. Она очень хорошо дѣлаетъ, слѣдуя послѣдней модѣ, по которой плашья очень коротки : у нея прекрасная ножка.

Прежде всего она пѣла арію Меркаданше, нарочно для нея сочиненную. Едва началась музыка, какъ шумныя рукоплесканія прекратились вдругъ, будто волшебною силой : можно было подумать, что въ залѣ нѣтъ слушателей. Уже въ одномъ речитативѣ можно было оцѣнить великое дарованіе и средства сей виртуозки. Предоставляю знатокамъ угощать публику надутымъ рассказомъ, гдѣ педантизмъ и требованія не всегда оправдываются изящнымъ вкусомъ и даже глубокимъ познаніемъ Музыки : буду говорить какъ любитель.

Г-жа Зонншагъ представляетъ собою соединеніе двухъ голосовъ : *contralto* и вмѣстѣ *soprano*. Она имѣетъ въ своемъ распоряженіи дѣл

съ главнѣйшою окнава. Чего не лзя сдѣлать панимъ-голосомъ, когда оны вѣрны, свѣжы, числы, пріятны, нѣжны и гибки до невѣроятности? Г-жа Зонингагъ поетъ, какъ обыкновенно говорятъ, безъ малѣйшаго усилія; ея физиономія сстановилась прекраснѣе; она улыбается, выдѣлывая самыя блестящія и необыкновенныя пассажи съ легкостію, еще болѣе необыкновенною. Быстроша ея голоса шакова, что въ рондо изъ Ченереншолы она ускорила движеніе его къ концу пьесы столько, что оркестръ съ трудомъ слѣдовалъ за нею. Она съ непослужимымъ искусствомъ переводитъ дыханіе, такъ что не лзя не сомнѣваться, дышитъ ли она, при самыхъ богатыхъ пассажахъ.

Третія пьеса, пѣтая ею, была: *aria voce rose fa* (изъ Севильскаго Цирюльника). Эша арія; которую публика, или лучше скажешь я (ибо никогда не должно ставишь себя на мѣсто публики, какъ шо часто дѣлають Гг. Журналисты); я почтпалъ недостойною дарованія Г-жи Зонингагъ, эша арія была выслушана съ энтузіазмомъ; пошому ли, что въ любилъ ее и знаюшь наизустъ, или пошому что пѣвица украсила ее пассажами, испинно удивительными. Рукоплескинія были сиоль продолжшельны, что во время ихъ я успѣлъ побывать на сценѣ, желая принести къ спонсамъ очаровательной Розины благодарностъ двухъ или трехъ тысячъ Альмавивъ, наполнявшихъ залу, и посоветовашь ей снова начашъ шу же арію. Публика ушмилась, и прекращила восшоргъ свой при мысли, что Г-жѣ Зонингагъ оставалось еще пропѣшь варіаціи Роде, довершавшія ея нюржесиво.

Здѣсь желалъ бы я избѣгнуть сравненія Берлинской виртуозки съ знаменитою Ангеликою Капеллани: но должно рѣшить споръ Рима съ Кароагеномъ. Капеллани исполнила бы эту арію съ большею силою и швердоснью, но прелестъ, нѣжность, гибкость и удивительная точность, показанная Г-жею Зоннтагъ въ пассажахъ, которые затруднили бы самую искусную, нѣжную скрипку, всѣ эти прелестности, выказанныя ею съ такимъ мастерствомъ и вкусомъ въ сей послѣдней пьесѣ, несомнѣнно дають ей первенство. Не лзя достигнуть большаго совершенства! Публика вызвала пѣвицу единоголоснымъ крикомъ, и она была награждена шоржествомъ, справедливо заслуженнымъ.

Г-жа Зоннтагъ вездѣ съ точностью сохранила основаніе музыки России и всѣ главныя мысли его, но ея пассажи и *points-d'orgue* совершенно новы и ознаменованы вкусомъ. Всякой другой пѣвицѣ было бы трудно выполнить ихъ.

Всѣ пьесы, пѣныя Г-жею Зоннтагъ, принадлежать къ блестящему роду; но нѣкоторыя мѣста первой аріи, *andante* въ рондо изъ Ченерентолы, показываютъ, что сія пѣвица равно превосходна въ патетическомъ и нѣжномъ родѣ. . . Намъ общающъ еще шри концерта. . . Если бы слухи сіи исполнились! Съ превосходнымъ дарованіемъ, Г-жа Зоннтагъ соединяетъ прекрасное сердце. Она предполагаетъ еще пѣть для Нѣмецкой труппы, кошорая имѣетъ въ помъ нужду. Вчерашній сборъ, какъ говорятъ, простирался до 15,000 рублей, не смотря на то, что въ настоящее время года Москва почти пуста, и что цѣна мѣстамъ была вчешверо дороже обыкно-

леннаго. Съѣхались даже изъ деревень. Одна знашная дама прибыла изъ окрестностей Твери, для того только что бы услышать Г-жу Зоннтагъ, и пошчасъ послѣ концерта уѣхала домой, будучи очень довольна своимъ путешествіемъ и тѣмъ, что имѣешь время возвратишься въ свое сельское убѣжище.

2.

Москва, 27 Іюля 1830.

Поставляю обязанностію продолжашь говоришь съ вами о той, кошорая послѣ письма моего еще два раза очаровывала насъ своимъ чуднымъ дарованіемъ. Второй концертъ гжи Зоннтагъ былъ 21 Іюля, также въ Большомъ Театрѣ. Можно было предполагашь, что публики будешь менѣе, ибо на сто человекъ всегда смещешся шестьдесятъ, бѣгущихъ только за новостью, изъ моды, безъ любви къ музыкѣ, и при томъ дѣто есть время отсутствія и бережливости для Москвы. . . . Но гжѣ Зоннтагъ предназначено было разрушитъ всѣ вычеты вѣроятностей: шеашръ былъ полонъ. Зараза слушать ее шакъ овладѣла нашею публикою, что каждый хотѣлъ оставитъ за собою ложу и кресла на второй разъ, и всѣ не взяшыя мѣста были шопчасъ заняшы новыми охотниками, которые слыша всеобщій восторгъ, неперциѣливо хотѣли сами слышать Берлинскаго соловья и удивляшся ему. Во второмъ концертѣ сборъ превосходилъ еще первый концертъ.

Мы знали, что Гжа Зоннтагъ была не совсѣмъ

здоровя, шакъ, что хотѣла даже оплохнѣть концершъ, и пошому когда она показала, продолжительныя рукоплесканія выразили ей и удивленіе къ ея дарованію и участію публики въ ея здоровьѣ. Она пѣла сначала арію Беллини (*Vieni bell' idol mio*), разумѣшся, прекрасно, но шолько съ самыми необходимыми пассажами и украшеніями. Гжа Зоннтагъ говорила бывшимъ въ ея ложѣ, что не будучи увѣрена въ своемъ голосѣ, она не смѣла рѣшиться пѣть что нибудь трудное, или замѣчательное, спрашила даже не поддержашъ, можетъ быть, въ эпошъ вечеръ ожиданія публики, уваженіемъ которой гордился. Эшо самое заставило ее оплохнѣть въ окончанію концерша варіаціи на Швейцарскую пѣсню, которую замѣнила она арією Паччини: *i tuoi frequenti palpiti*. Не смотря на небольшой кашель, и трудность пьесы, можно было замѣнить, какъ голосъ началъ развиваться. Въ аріи Россини, *de la Donna del Lago*, и въ Швейцарской пѣснѣ эшо была рѣшительно Зоннтагъ, съ ея удивительнымъ голосомъ. Публика была въ совершенномъ восторгѣ отъ послѣдней пьесы, столь прелестной, и столь оригинальной. Нѣсколько голосовъ кричали: *bis!* но большинство заставило ихъ молчашъ, будучи убѣждено, что удовольствіе публики не должно было оцѣнять вредомъ здоровья той особы, которая доставляла ей наслажденія столь новыя, столь сладостныя.

Во всякомъ другомъ случаѣ, дѣйствіе эшого: *bis*, было-бы заразительно, волшебнo; явилось-бы столько сообщниковъ сму, сколько ~~было~~ слушающихъ; честь его принадлежала-бы одному, а выгоды и слава свѣія всѣмъ.

Юля 24-го была данъ концертъ въ пользу здѣшней Нѣмецкой группы. Многие оплаченные любители думаютъ, что этотъ концертъ былъ лучше всѣхъ. Если вы спросите: почему такъ? Одинъ вамъ сказалъ-бы: потому, что Великій Князь Михаилъ Павловичъ удостоилъ его своимъ присутствіемъ; другой, что Г-жа Зонингагъ пѣла для своихъ недоснапеченныхъ соотечественниковъ, и болѣе приложила старанія: она такъ добра!.. «А я нахожу» — присовокупить училель языковъ какого нибудь Московскаго училища — «потому, что Г-жа Зонингагъ пѣла по-Итальянски, по-Русски и по-Нѣмецки, следовательно, всѣ могли понимать слова: пѣть еще не большое дѣло, но она имѣетъ превосходное произношеніе на всѣхъ прехъ языкахъ.» — Нѣтъ, ММ. ГГ., прибавляешь къ этому оспроумный щеголь — передъ отъѣздомъ изъ Москвы наша очаровательница дала рѣшительное слово окружить головы всѣмъ намъ, всѣмъ рѣшительно. — Э, мой милый! — возражаешь своеправный любитель — вѣдь это прихоть прелестной женщины, и болѣе ничего!

Что же! Всякой имѣетъ причины слышать и чувствовать по своему. Если вамъ угодно знать мое мнѣніе, кошораго впрочемъ не выдаю вамъ за лучшее, мнѣ кажется, что въ первой пьесѣ (*Di riaser mi balza il cog*) Г-жа Зонингагъ показала совершенство вкуса: я слушалъ ее съ восторгомъ — не могъ не желать повтора. Г-жа Зонингагъ обладаетъ дарованіемъ сохранять въ мопивахъ Россіи всю ихъ свѣжесть: всѣ мысли композитера шумъ, какъ онъ выманился изъ его головы; но въ аллегро, она замѣнила украшенія, назначенныя въ паршишурѣ, дру-

рими, споль изящными, споль новыми, что сама Россини конечно-бы онъ нихъ не отказался. Два кавашина доставила мнѣ еще болѣе удовольствія, нежели арія изъ Севильскаго Цирюльина.

Арія изъ Фрейшица произвела восторгъ, который жгуче сидѣть былъ чувствуемъ, что въ собраніи болѣе всего было Нѣмцевъ. И въ самомъ дѣлѣ не лзя не удивляться, когда Г-жа Зоннгагъ воспеваешь: *Welche schöne Nacht!* — Я не испыталъ равнаго удовольствія, самаго пѣшу ю Русскую пѣсню: выборъ былъ неудаченъ. Во первыхъ, эше особенно не *Русская* пѣсня, не изъ пѣтъ, которая поюшь у насъ всѣ и всюду. Варіація Г-жа Гарткноха хороша; явнито также не оспораваешь у Г-жи Зоннгагъ дарованія вообще съ необыкновенною гибкостью и удивительною точностію выполнять варіаціи; но если дѣло шло о томъ, что бы на прощанъ поднести букетъ древней Русской сподвицъ, то надобно было выбрать что нибудь дѣйствительно національное, подаривъ насъ нашимъ Фрейшицомъ, какъ Нѣмцевъ подарилъ ихъ Фрейшицомъ. Громкими криками звали Г-жу Зоннгагъ, что бы привѣщиваешь ее при прощанъ; прощанье эшо было шрогательное и значительное; но пѣсня (*Я гоняла стадо въ лѣсъ*) не была шребована вновь, не смотря на весь шрудъ, какой принимала Г-жа Зоннгагъ, что бы выучиться хорошо произносить, и пѣть по Русски.

Нечетвертій особы Москвы явились въ ложу Г-жи Зоннгагъ, изъявивъ ей всеобщее удивленіе къ ея дарованію и прослѣдиться съ нею, ибо она безъ замедленія хотѣла вѣхать изъ Москвы. Всѣ преслали ее дашь еще одинъ, послѣдній концертъ. Г-жа Зонн-

шагъ спѣшила въ Пешербургъ, и говорила припомъ, что на четвертый концертъ у нея не будетъ слушателей. Долго ее уговаривали; наконецъ, она согласилась пѣть еще въ субботу, 26 Юля. Концертъ уже оканчивался, и, желая избѣжать стыдноты, я былъ уже въ корридоръ, когда услышала страшный крикъ. Возвращаясь узнать, что случилось, и узнаю, что публика рукоплесканіями изъявляетъ радость свою актеру, вышедшему объявивъ, что Г-жа Зоннтагъ дастъ еще концертъ передъ отъѣздомъ.

Не обвините-ли вы меня, что я ничего не говорю вамъ о Г-дахъ Марку и Шульцъ, участвовавшихъ въ концертъ; но превосходная виолончель и совершенная арфа не то, что единственный голосъ Г-жи Зоннтагъ. Скажу вамъ болѣе: славный Фильдъ хотѣлъ играть концертъ, своего сочиненія, и публика Московская, особенно уважающая сего необыкновеннаго арписта, едва замѣнила, что печальная болѣзнь заставила Фильда замѣнить себя однимъ изъ своихъ учениковъ. Кажется, что всѣмъ понравился поступокъ Нѣмецкой труппы, которымъ доказала она свою покорность Г-жѣ Зоннтагъ. Величественный хоръ изъ *Весталки* былъ пѣть Примадонною и лучшими пѣвцами труппы. Они какъ будто хотѣли сказать: «Мы можемъ составить только хоръ, тамъ гдѣ поетъ Зоннтагъ.» Это былъ знакъ уваженія, лестнаго и щеголикаго, возданнаго ими совершенству; это была дань почтительности, заплаченная ими благошворенію Берлинскаго соловья.

3.

Москва, Юля 30, 1830.

Увы! Берлинскій соловей ошь насъ улетѣлъ! Избалованныя, очарованныя уши наши не захошашъ уже слушашъ никого. Пѣвнишельные лики, воссторги наши, сладосшныя ощущенія, замѣняшся скукою, унынїемъ, убїйственною посредственностїю обыкновенныхъ нашихъ пѣвиць. Тяжело ошь соловья привыкашъ опяшь къ синицамъ. «Бѣда,» сказала мнѣ на это одинъ путешественникъ, шолько чшо прїѣхавшїй изъ Парижа, «бѣда прїѣгашъ къ сравненїямъ»... — Бышь шакъ, ошрѣчалъ я ему, но ежели гибельны сравненїя, шо кто же, кто можешъ заславшъ забышь небесное пѣнїе Г-жи Зоннтагъ! Кто же, если не она сама шолько?

Та sei la prima, e l'ultima sagai!

«Пошнше!» продолжалъ мой путешественникъ. «А Паста? Какая ловкость, какое благородство, какое выраженїе! Самъ Тальма признавалъ ея превосходство надъ собою даже, а Тальма могъ судить о семъ предметѣ!» — Ни мало, М. Г.! Приговоры Тальмы въ музыкѣ не законы, а шеперь рѣчь о музыкѣ, о пѣннѣ; слытали-ли вы Пасту въ концертахъ? — «Сколько разъ! Вошь какъ я безпристрастенъ: я вамъ сознаюсь, чшо въ комнашѣ первенство между Пастою и Зоннтагъ можешъ бышь сильно оспориваемо.» — Ежели шакъ — возразилъ я, прервавъ рѣчь Г. путешественника — погодите, дайте мнѣ послушашъ Зоннтагъ на сценѣ, и шогда споръ нашъ рѣшишся. Когда одно и шуже лицо, какъ она, соединяетъ въ

себѣ прелестную наружность, очаровательный голосъ, отличный вкусъ и душу чувствительную, то трудно-ли составишь изъ этого великолѣпную Семирамиду, нѣжную Аменанду, прелестную Розину и плѣнительную Десдемону? —

Я далеко отошелъ отъ цѣли моей; я невольно увлеченъ былъ, и забылъ, что взялся за перо для того только, что бы описать себѣ послѣдній концертъ Г-жи Зоннтагъ. Онъ былъ составленъ отличнымъ образомъ, и на эпошѣ разъ эпошъ былъ наполненъ соловья и — послѣдняя пѣснь лебедя для насъ. Театръ не такъ былъ наполненъ, какъ въ первые два концерта, но за то было это собраніе насмоящихъ *fanatici per la musica*: шутъ были одни уши и ладони! Я никогда не слыхивалъ подобныхъ рукоплесканій, ни сколько живаго воспора. Г-жа Зоннтагъ пѣла сначала прекрасную арію Семирамиды: *bel raggio lusinghiero*, коей аллегро по мнѣнію знашюковъ нѣсколько обыкновенно, что и заставляешь большую часть пѣвцовъ замѣнять оное другимъ аллегро, сочиненія Паччини. Г-жа Зоннтагъ пѣла однако же Россиніевъ, съ нѣконюрыми перешѣнами, весьма успѣшными и исполненными вкуса. Почто же всѣ Семирамиды подобно ей царствуютъ на оцѣнѣ? . . .

Вторая арія была Мерцаданте: это было изъ лучшихъ его твореній. Публика сожалѣла только, что вынужденъ былъ его речитативъ, въ своемъ родѣ единственный. Послѣ сего возвращена была въ офиснѣ арія изъ *Біанки и Фаліере*, но такъ какъ цѣсня Швейцарская, пропѣтая во второмъ концертѣ, 24 Іюля, принята была публикою съ величай-

шимъ удовольствіемъ, ради оригинальности ея и прекрасныхъ варіацій Г. Пиксиса, но Г-жа Зоннтагъ предпочла оную арію Россіни. Она еще больше доставила удовольствія публикѣ, перемѣнивъ послѣднюю пьесу, и, вмѣсто варіацій на пѣсню: *Я гоняла стадо въ лѣсъ*, которой должна она была процѣсть еще въ другой разъ, заключила концертъ свой любимую всѣми Русскою пѣсней, ей самою признанною за прелестную и сочиненную Г-мъ Алябьевымъ. *Соловей мой, соловей*, былъ экзекютированъ въ совершенствѣ, и слушанъ съ всеобщимъ восторгомъ. Г-жа Зоннтагъ прекрасно выкла въ пѣсню сію; она поняла душу ея, не обременяла ея лишними ношами, а украшала токмо конецъ всякаго куплета исполненными Русскаго вкуса варіаціями, собственнаго сочиненія. Она сохранила пѣснѣ сей всю ея шогательную простоту. Слова были весьма вняшно и правильно произносимы. Казалось, что пѣла природная Россіянка. Восторгъ публики ознаменовался громкими рукоплесканіями; сколько было слушателей, столько и голосовъ, кричавшихъ: *бюра!* И восхищенный соловей запѣлъ опять соловья, тогда какъ мы всѣ въшуренно повсоряли, съ чувствомъ скорбнымъ:

Соловей нашъ, соловей!

Ты куда, куда летишь?

Куда? Жалко для себя, что не въ Ревель, а въ Петербургъ, восхищать другую столицу Россійскую. Г-жа Зоннтагъ ѣдетъ послѣ завтра, оставляя глубокое впечатлѣніе въ душахъ нашихъ. Мы обворожены наружностію ея, голосомъ, скромностію и чрезмѣрною доброшою.

ВѢСТИ ИЗЪ МОСКВЫ.

(Отрывокъ изъ письма къ Д. И. Е.)

... Нѣсколько времени общій предметъ разговоровъ составляли у насъ прїѣздъ и пребываніе въ Москвѣ Г-жи Зонншагъ. Слава за долго предупредила необыкновенную пѣвицу, и потому всѣ ждали ее нешерпѣливо. Ты спросишь у меня: оправдалась-ли молва о чудесномъ ея дарованіи?

Ты знаешь мое правило: если какое нибудь дарованіе обращаетъ на себя вниманіе общее, удивленіе нѣсколькихъ мильоновъ, особливо нѣсколькихъ странъ и народовъ, то я готовъ ручаться, что дарованіе это необыкновенно, по крайней мѣрѣ, для его современниковъ. Это я считаю истиною непереложною, и хошь какимъ угодно ученымъ образомъ доказывай мнѣ, что Россіи не великій композитеръ, что Пушкинъ не великій *Русскій* поэтъ, я не повѣрю: хошь и другой дарованія великія, имѣющія, можешь быть, современные имъ недоспапки, но тѣмъ сильнѣе дѣйствующія на современниковъ. Сказанное мимоходомъ, приложу къ славѣ Зонншагъ. Не можешь быть, чтобы удивленіе Парижа, Лондона, Берлина, Варшавы ошдано было ей даромъ. Паршія не можеть досхавишь успѣха столь всеобщаго.

Ты потребуешь моего мнѣнія о дарованіи Зонншагъ. Вотъ это не легко: я люблю музыку, но я не музыкантъ, не *дилетантъ*, и что осмѣлюсь сказать, кромѣ того, что Московскій музыкальный міръ былъ

въ совершенномъ восторгѣ ошъ пѣнія Зонншагъ. Рукоплесканія встрѣчали и провожали ее при каждой аріи. Я былъ на двухъ концертахъ. Въ одномъ она пѣла арію изъ Россиніевой *Сандрильоны* и каватину изъ Россиніева *Севильскаго Цирюльника*, арію Меркаданте и варіаціи Роде; въ другомъ каватину изъ Россиніевой *Сороки воровки*, арію изъ Веберова *Фрейшица* и Русскую пѣсню *Кашина*. Чшбъ шуть говорили? Не надобно бышь музыканшомъ, миѣ кажется, а надобно только не бышь лишеннымъ чувства слуха, чшобы понять высокое наслажденіе пѣвиемъ Зонншагъ. Я слыхалъ Кашалани, слыхалъ другихъ славныхъ пѣвицъ, но не слыхавъ Зонншагъ, не понималъ, до чего можешъ дойдти природа, совершенствуемая высокимъ искусшвомъ. Кашалани изумяла меня сильнымъ, рѣзкимъ голосомъ; но голосъ Зонншагъ... онъ льетъ въ душу; онъ кажешся голосомъ всѣхъ воспоминаній сердца, всѣхъ надеждъ радости. Когда Зонншагъ выводитъ высокіе тоны, дивишься, но для меня въ ней это не лучшее; едва дышишь, когда голосъ ея, какъ будшо улешаетъ, шредитъ какими-шо нѣжными, ошдаленными звуками, и это неподражаемое въ голосѣ Зонншагъ понялъ Меркаданте, сочинивъ арію для нея именно, въ которой роскошь голоса великой пѣвицы совершенно чаруетъ и восхищаетъ. Всѣ шри пьесы Россини, пѣшья ею, шебѣ извѣстны совершенно; но когда будетъ она въ Петербургѣ, тогда только ты поймешъ всю прелешъ безсмертной кашашины: *Di piacer mi baка il cor*. Скажу ошкровенно, что арія изъ *Фрейшица*— не для Зонншагъ: шуть нѣщъ ей средшья выказать свое дарованіе; завистливый геній Вебера пожертвовалъ

пѣніемъ музыки : онъ деспотически повелѣваетъ пѣніемъ и самъ овладѣваетъ душею слушающаго. Русская пѣсня , пѣтая Зонншагъ , была шушка , думаю ; о ней нечего и упоминашь .

Я не хотѣлъ и ничего говорить о пѣніи Зонншагъ , но увлекся чувствомъ . Что дѣлать ! Передаю тебѣ , что ощущалъ . Зонншагъ можетъ , кажется , похвалиться гостепріимствомъ Москвы . Не смотря на то , что лѣтомъ Москва пуста , и что цѣна мѣстамъ въ Большомъ Театрѣ , гдѣ даваны ею концерты , была безмѣрно дорога (впятеро , вчетверо противъ обыкновенной) , сборъ въ одномъ концертѣ былъ 15 , въ другомъ 14,000 рублей . Третій концертъ данъ былъ ею въ пользу Нѣмецкой труппы ; цѣна мѣстамъ была двойная , и театръ полонъ . У квартиры Г-жи Зонншагъ безпрестанно видѣли мы экипажи ; ее угощала и ласкала вся знать Московская . — Князь П. И. Шаликовъ , не смотря на преклонныя лѣта свои , доказалъ , что геній не старѣется . Онъ какъ будто вдохновился пѣніемъ Зонншагъ . Статьи , написанныя имъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ , суть chefs-d'oeuvre всего , что онъ писалъ и будетъ писать ! Съ какою милою поспѣшностью перепечатаываютъ ихъ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ . У геніевъ свое сочувствіе , или , по Русской пословицѣ : рыбакъ рыбака видитъ издалека .

Читалъ-ли вы въ Сынѣ Отечества статьи Нѣмецкихъ газетчиковъ , писанныя противъ Коммерческой Газеты ? Понялъ-ли пустоту , нелѣпость ихъ ? Я благодарилъ Издашелей Сына Отечества за пе-

реводъ эшихъ спашей, ибо онѣ показываютъ, что и какъ думаютъ о насъ за границей; но только пожалѣлъ, что Издатели С. О. помѣстили спашьи Нѣмцовъ безъ примѣчаній и возраженій. Можешь бышь, особливо при бѣдномъ состояніи Политическихкихъ знаній въ Россіи, нѣкоторые изъ читателей не поймутъ софистики Германскихъ публицистовъ. Дѣло все въ томъ, что имъ не правится нынѣшняя система дѣйствій нашего Правительства, въ отношеніи Русской торговли и промышленности. Старые пустяки о свободѣ торговли, о запретительныхъ системахъ, все чѣмъ надоѣли намъ Сей и Рикардо, все это перешевелили Нѣмецкіе возражатели, и всѣмъ эшимъ доказываютъ они, что Россія земледѣльческое государство, что напрасно мы вздумали шкать сукно изъ своей шерсти, дѣлать сахаръ изъ своей свекловицы. Въ твердой надеждѣ на непоколебимость нынѣшней нашей тарифной системы, можемъ смѣяться всѣмъ кликамъ, коими оглашаются иностранные Журналы. А было время, когда мы ихъ читали и горевали; когда все это повпорядилось у насъ; когда не только теоретики, но и практики наши вѣрнули имъ, и сообразовались съ ними! . . . Теперь всѣ понимаютъ у насъ истину, начиная отъ Министровъ, до простыхъ купцовъ. Иностранцы не могутъ себѣ представить, какъ быспро образуются у насъ здравыя понятія о важнѣйшихъ политическихъ истинахъ; какъ возбуждаются у насъ свѣтлыя идеи о важнѣйшихъ вопросахъ общественнаго быша и благородное соревнованіе не отстать отъ другихъ, какъ образуется духъ общественности и гражданственности. Мы

каждый день выигрываемъ новыя побѣды на попрещъ просвѣщенія, побѣды шихія, незамѣтныя, но вѣрныя. Россія перерождается духомъ и пѣломъ, и что будешь она, что будешь нашъ славный, могущій, умный народъ черезъ 50 лѣтъ? Теперь наступаемъ уже для насъ такое время, когда народъ проситъ у Правительства только покровительства и посредства, а не понужденія на добро. Онъ уже самъ дѣйствуетъ во благо ему и себѣ. Теперь только не запрещай учиться, а припуждашь учиться и загоняешь насъ въ училища не нужно; огради только нашу промышленность: мы готовы работать, а заводись для насъ фабрики самому Правительству не нужно; посредствуй только въ общественныхъ нашихъ сношеніяхъ: мы уже сами понимаемъ пользу честности, взаимнаго уваженія, законовъ. Монархъ нашъ знаетъ эту истину и споспѣшествуетъ ей... Подкрѣпи Его Богъ; дай Ему силы управиться съ врагами внѣшними, и съ врагами внутренними, еще болѣе трудными для побѣды. Сія враги суть: старыя предрасудки, глупое самоувѣреніе въ пользу застоя государственнаго, робкая боязнь всѣхъ, какія-бы то ни были, нововведеній, недѣльное правило, что невѣждами управлять легче. Не шакъ мыслятъ нашъ Великій Государь; не шакъ думаютъ его просвѣщенные вельможи. Онъ и они вѣдаютъ, что умъ и просвѣщеніе суть первыя ручательства за спокойствіе, нравственность и богатство народа. . . Прости, что я увлекся возраженіями Нѣмецкихъ Журналистовъ! Когда идетъ рѣчь о Россіи, могу-ли говорить равнодушно, а говоря о Россіи, могу-ли

не говоришь о надеждѣ-Государь, и говоришь о Немъ безъ благоговѣйнаго восторга? . . .

Какъ доказательство распространенія духа общенности, приведу тебѣ проэктъ Компаніи, кошорый теперь занимаетъ Московскихъ негоціантовъ. Они хотять составить Компанію для кораблеплаванія на Каспійскомъ морѣ. Ты знаешь, что Грузинскому транзиту скоро кончится срокъ, и, вѣроятно, онъ не возобновится. Намъ открывається новое, обширное мѣста сбыта произведеній въ Грузіи, Персіи и вообще Азій. Анапа, Поті — все теперь наше. Какое оживленіе для отечественной промышленности! Сообрази только, что теперь транзитомъ провозишься ежегодно въ Грузію изъ за границы до 600 пудовъ шелковыхъ издѣлій, на 3,000,000 бумажныхъ издѣлій, на 2,000,000 шерстяныхъ тканей и суконъ, на нѣсколько сотъ тысячъ кожъ, фарфора, стеклянныхъ и непаллическихъ издѣлій; даже сахару рафинаду ввозять туда до 4,500 пудовъ. Посмотри, какъ болясь иностранцы прекращенія Грузинскаго транзита, и что пишутъ о немъ въ Англійскихъ Журналахъ! Бѣда: насъ бранять и обвиняють предварительно! Когда не будетъ транзита, Компанія Каспійская дастъ важныя пособія и средства торговль съ Грузією, ибо минуя Кавказскій хребетъ, она будетъ изъ Астрахани доставлять товары въ Грузію и Персію моремъ. Я читалъ проэктъ Компаніи, обдуманный и соображенный превосходно; акціонеровъ открывається множество, и деньги гошovy. Пожелаемъ, что-

бы благонамѣренное это предиріашіе поддержалось обстоятельствомъ . . . .

Юля 26 ч. скончался здѣсь добрый, почтенный *Александръ Федоровичъ Мерзляковъ*, а 29 Юля предали общей матери пѣло его. Онъ похороненъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Память Мерзлякова навсегда останется для насъ незабвенна; мы учились у него; стихи его восхищали наше дѣшство и юность! Мерзлякову было не болѣе 52 лѣтъ. Въ Исторіи нашей Литшературы онъ заслужилъ почетное мѣсто. Не знаю, извѣстна-ли себѣ его жизнь, отчасти романтическая? Онъ былъ мѣщанинъ Далматовскій. На 14-мъ году написалъ онъ Оду на заключеніе мира съ Швеціею, кошорая была отъ Завадовскаго представлена Екашеринѣ, и заслужила такое вниманіе, что Мерзлякова велѣно было послать, по окончаніи курса въ Пермскомъ Народномъ Училищѣ, въ Московскій Университетъ. Здѣсь покровительствовали ему Херасковъ, Муравьевъ, и съ 1807 г. оставался онъ постоянно Профессоромъ Поэзіи и Краснорѣчія, въ теченіе 23-хъ лѣтъ. Мерзляковъ былъ поэтъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ: его нѣкошорыя оды, пѣсни, стихопворенія, и теперь еще прекрасны, хотя образованіемъ и направленіемъ ученія и поэзіи своей, Мерзляковъ принадлежалъ къ періоду Карамзина, уже прошедшему для насъ, а по теоріи къ періоду Баштѣ, Лагарпа и Эшенбурга. Онъ былъ однимъ изъ участниковъ дружескихъ литшературныхъ бесѣдъ, въ коихъ образовались Башюшковъ, Жуковскій, и изъ коихъ потомъ составилось *Общество любви-*

телей Россійской Словесности. Въ свое время Мерзляковъ оказывалъ большую дѣятельность: читалъ курсы Словесности, издавалъ Журналъ, переводилъ Освобожденный Иерусалимъ, Одиссею, Греческихъ шрагиковъ, Горація, Виргилія, Дезульеръ; шогда шакъ дѣлали, и труды Мерзлякова были весьма важны. Время переходчиво: я еще помню, какъ испугались, когда Мерзляковъ осмѣлился кое-что замѣнить у Озерова, сказать, что Державинъ не пара Ломоносову, и что Россіяда Хераскова — плоха! Къ сожалѣнію, уже за много лѣтъ передъ смертью, болѣзнь, заботы жизни и занятія по должности отвлекли Мерзлякова отъ Литтературы. Онъ, уже давно, почти ничего не писалъ, занимался только лекціями, издавалъ прежніе труды, переправляя ихъ, и — не всегда удачно. Новыя произведенія его мы слышали только въ торжественныхъ собраніяхъ Университета: это были торжественныя оды, но и въ нихъ сверкало дарованіе сильное.

С М Ъ С Ъ.

Въ *Revue Encyclopédique* (Сентябрь, 1829 г.) помещены двѣ таблицы, изъ коихъ въ одной перечислены всѣ нынѣ царствующіе въ Европѣ Государи, по старшинству ихъ рожденія, въ другой по старшинству ихъ вступленія на престолъ. Почитая сіи таблицы весьма любопытными, переводимъ ихъ для нашихъ читателей.

Людовикъ, Герцогъ Гессенскій, род. въ Іюнь 1753 г., и въ 1829 году былъ 76 лѣтъ!

Петръ, Герцогъ Ольденбургскій, р. въ Январь 1755 г.; въ 1829 г. 74 лѣтъ.

Антонъ, Король Саксонскій, р. въ Декабръ 1755 г.—въ 1829 г. 74 лѣтъ.

Фридрихъ Францискъ, Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, р. въ Декабръ 1756 г.—въ 1829 г. 73 лѣтъ.

Карлъ X, Король Французскій, р. въ Окт. 1757 г.— въ 1829 г. 72 года.

Іоаннь, Князь Лихтенштейнскій, р. въ Іюнь 1760 г.—въ 1829 г. былъ 69 лѣтъ.

Гинперъ, Князь Шварцбургъ-Зондерсгаузенскій, р. въ Дек. 1760 г.—въ 1829 г. 69 лѣтъ.

Пей VIII, Папа Римскій, р. въ 1761 г.—въ 1829 г. 68 лѣтъ.

Антонъ, Князь Гогенцоллернъ-Зигмарингенскій, р. въ Янв. 1762 г.—въ 1829 г. 67 лѣтъ.

Георгъ IV, Король Великобританскій, р. въ Августѣ 1762 г.—въ 1829 г. 67 лѣтъ.

Людовикъ, Герцогъ Баденскій, р. въ Февр. 1763 г.—въ 1829 г. 66 лѣтъ.

Фридрихъ, Герцогъ Саксенъ-Альтенбургскій, р. въ Апрель 1763 г.—въ 1829 г. 66 лѣтъ.

Карлъ XIV, Король Шведскій, р. въ Январѣ 1764 г.—въ 1829 г. 65 лѣтъ.

Феликсъ, Король Сардинскій, р. въ Апрель 1765 г.—въ 1829 г. 64 года.

Алексій, Герцогъ Ангальтъ-Бернбургскій, р. въ Юнѣ 1767 г.—въ 1829 г. 63 года.

Фридрихъ VI, Король Датскій, р. въ Янв. 1768 г.—въ 1829 г. 61 годъ.

Францъ I, Императоръ Австрійскій, р. въ Февраль 1768 г.— въ 1829 г. 61 годъ.

Фридрихъ, Герцогъ Ангальтъ-Кешенскій, р. въ Юнѣ 1769 г.—въ 1829 г. 60 лѣтъ.

Фридрихъ, Ландграфъ Гессенъ-Гомбургскій, р. въ Юлѣ 1769 г.—въ 1829 г. 60 лѣтъ.

Фридрихъ Вильгельмъ III, Король Пруссскій, р. въ Августѣ 1770 г.—въ 1829 г. 59 лѣтъ.

Вильгельмъ IV, Король Нидерландскій, р. въ Августѣ 1772 г.—въ 1829 г. 57 лѣтъ.

Фридрихъ, Князь Гогенцоллернъ-Гехингенскій, р. въ Юлѣ 1776 г.—въ 1829 г. 53 года.

Францискъ, Король обѣихъ Сицилій, р. въ Апрель 1777 г.—въ 1829 г. 52 года.

Вильгельмъ, Герцогъ Гессенскій, р. въ Юлѣ 1777 г.—въ 1829 г. 52 года.

Георгъ, Герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій, р. въ Авг. 1779 г.—въ 1829 г. 50 лѣтъ.

Францъ IV, Герцогъ Моденскій, р. въ Окш. 1779 г.—въ 1829 г. 50 лѣтъ.

Вильгельмъ I, Король Виртембергскій, р. въ Сенш. 1781 г.— въ 1829 г. 49 лѣтъ.

Карлъ, Герцогъ Саксенъ—Веймарскій, р. въ Февр. 1783 г.—въ 1829 г. 46 лѣтъ.

Эрнестъ, Герцогъ Саксенъ—Кобургъ—Готскій, р. въ Янв. 1784 г.—въ 1829 г. 45 лѣтъ.

Фердинандъ VII, Король Испанскій, р. въ Окш. 1784 г.—въ 1829 г. 45 лѣтъ.

Георгъ, Князь Шаумбургъ—Липпе, род. въ Дек. 1784 г.—въ 1829 г. 45 лѣтъ.

Гейнрихъ XII, Князь Рейссъ—Шлейцскій, р. въ Марш 1785 г.—въ 1829 г. 44 года.

Махмутъ, Султанъ Турецкій, р. въ Юлѣ 1785 г.— въ 1829 г. 44 года.

Людвигъ, Король Баварскій, р. въ Августѣ 1786 г.—въ 1829 г. 43 года.

Георгъ, Князь Вадекскій, р. въ Сенш. 1789 г.— въ 1829 г. 40 лѣтъ.

Гейнрихъ XIX, Князь Рейссъ—Грейцскій, р. въ Маршѣ 1790 г.—въ 1829 г. 39 лѣтъ.

Марія Луиза, Герцогиня Пармская, р. въ Декабрѣ 1791 г.—въ 1829 г. 38 лѣтъ.

Вильгельмъ, Герцогъ Нассаускій, р. въ Юнѣ 1792 г.— въ 1829 г. 37 лѣтъ.

Гинтеръ, Герцогъ Шварцбургъ—Рудольшадскій, р. въ Ноябрьѣ 1793 г.—въ 1829 г. 36 лѣтъ.

Леопольдъ, Герцогъ Ангальшь—Дессаускій, р. въ Окш. 1794 г.—въ 1829 г. 35 лѣтъ.

Николай Павловичъ, Императоръ Всероссійскій, род. въ Юлѣ (н. ст.) 1796 г.— въ 1829 г. 33 года.

Леопольдъ , Князь Липпе-Дешмольдскій , р. въ Ноябрь 1796 г.—въ 1829 г. 33 года.

Гейнрихъ LXXII, Князь Рейссъ-Эберсдорфскій , р. въ Мартъ 1797 г.—въ 1829 г. 32 года.

Леопольдъ, Герцогъ Тосканскій, р. въ Окт. 1797 г.—въ 1829 г. 32 года.

Карлъ, Герцогъ Луккскій, р. въ Дек. 1799 г.—въ 1829 г. 30 лѣтъ.

Бернгардъ, Герцогъ Саксенъ-Мейнингенъ-Гильдбургсгаузенскій, р. въ Дек. 1800 г.—въ 1829 г. 29 лѣтъ.

Михаилъ, Правитель Португаліи, объявившій себя Королемъ, р. въ Маѣ 1802 г.—въ 1829 г. 27 лѣтъ.

Карлъ, Герцогъ Брауншвейгскій, р. въ Октябръ 1804 г.—въ 1829 г. 26 лѣтъ.

Марія Глорія, Королева Португальская, р. въ Юль 1819 г.—въ 1829 г. 9 лѣтъ.

Съ 1800 года прекратились въ Европѣ шесть владѣтельныхъ династій :

Въ 1802 г. Рейссъ-Гера ,

Въ 1803 г. Модена-Эстъ ,

Въ 1805 г. Рейссъ-Лобенштейнъ, сп. линія ,

Въ 1818 г. Ангальтъ-Кеменъ, сп. линія ,

Въ 1824 г. Рейссъ-Лобеншт. мл. линія ,

въ 1825 г. Саксенъ-Гоша.

ВСТУПЛЕНІЕ НА ПРЕСТОЛѢ.

Самый старшій изъ всѣхъ владѣющихъ въ Европѣ Государей, въ 1829 г. былъ—*Герцогъ Саксенъ-Альтенбургскій*. Онъ началъ царствовать 17-ми лѣтъ, въ Сенш. 1780 г.

За нимъ слѣдовали :

Герцогъ Мекл. Шверинскій, 28 лѣтъ, съ 1785 г.

Князь Гогенцолл. Зигмар., 23 лѣтъ, съ 1785 г.

» Липпе - Шаумбург., 2 лѣтъ, съ 1787 г.

Герцогъ Гессенскій, 36 лѣтъ, съ 1790 г.

Императоръ Австрійскій, 24 лѣтъ, съ 1792 г.

Князь Шварцб.-Зондерсгауз., 32 лѣтъ, съ 1794 г.

Герцогъ Анг. Бернбургскій, 28 лѣтъ, съ 1796 г.

Король Прусскій, 27 лѣтъ, съ 1797 г.

Князь Липпе - Детмольдъ, 5 лѣтъ, съ 1802 г.

Герцогъ Сакс. Мейнинг., 3 лѣтъ, съ 1803 г.

Князь Лихтенштейнъ, 44 лѣтъ, съ 1805 г.

Герцогъ Сакс. Кобургскій, 22 лѣтъ съ 1806 г.

Князь Шварцбургъ-Рудольшт., 13 лѣтъ, съ 1807 г.

Король Датскій, 40 лѣтъ, съ 1808 г.

Король Испанскій, 23 лѣтъ, съ 1808 г.

Султанъ Турецкій, 22 лѣтъ, съ 1808 г.

Князь Гогенц. Гехинг., 34 лѣтъ, съ 1810 г.

Князь Валдекскій, 29 лѣтъ съ 1813 г.

Король Нидерландскій, 41 года, съ 1813 г.

Герцогиня Пармск., 22 лѣтъ, съ 1814 г.

Герцогъ Моденскій, 35 лѣтъ съ 1815 г.

» Брауншвейгск. 10 лѣтъ, съ 1815 г.

» Нассаускій, 23 лѣтъ, съ 1816 г.

Король Виртембергскій, 35 л., съ 1816 г.

Герцогъ Мекл. Шверинск. 37 л., съ 1816 г.

Князь Рейссъ - Грейцск., 26 лѣтъ, съ 1817 г.

Герцогъ Анг. Дессауск., 22 лѣтъ, съ 1817 г.

Король Шведскій, 54 лѣтъ, съ 1818 г.

Князь Рейссъ - Шлейцск., 32 лѣтъ, съ 1818 г.

Герцогъ Баденскій, 55 лѣтъ, съ 1818 г.

» Анг. Кешенск., 48 лѣтъ, съ 1818 г.

- Ландграфъ Гесс. Гомб.** , 59 лѣтъ , съ 1820 г.
Король Англійскій , 57 лѣтъ , съ 1820 г.
Герцогъ Гессенск. 43 лѣтъ , съ 1821 г.
Король Сардинскій , 56 лѣтъ , съ 1821 г.
Князь Рейссъ-Эберсд. , 25 лѣтъ , съ 1822 г.
Герцогъ Ольденбургск. , 68 лѣтъ , съ 1823 г.
» **Луккскій** , 25 лѣтъ , съ 1824 г.
» **Тосканскій** , 26 лѣтъ , съ 1824 г.
Король Французскій , 67 лѣтъ , съ 1824 г.
» **Сицилійскій** , 46 лѣтъ , съ 1825 г.
» **Баварскій** , 39 лѣтъ , съ 1825 г.
Императоръ Всероссійскій , 29 лѣтъ , въ 1825 г.
Королева Португальская 7 лѣтъ , съ 1826 г.
Король Саксонскій , 72 лѣтъ , съ 1827 г.
Герцогъ Веймарскій , 45 лѣтъ , съ 1828 г.
Папа Римскій , 68 лѣтъ , съ 1829 г.
-

ОПЕЧАТКИ

въ № XII-мъ.

Стр. 495 , стр. 3 , вмѣсто : *Окончаніе* , должно читать : *Продолженіе*.

Стр. 530 , стр. 6 , вмѣсто : *Десятина земли , употребленная* , должно читать : *четыре десятины земли , употребленные*.

Стр. 530 , стр. 8 , вмѣсто : *можетъ* , должно читать : *могутъ*.

Стр. 534 , стр. 11 и 12 , вмѣсто : « *Die drey Weltalter* , » должно читать : *Шеллинеъ*.

Стр. 344 , стр. 10 , вмѣсто : *въ южной* , должно читать : *въ сѣверной*.

№ 1. 17. Мокр. Ма. 1830.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

КРАТКАЯ
ИСТОРИЯ ІЕЗУИТОВЪ.*(Окончаніе).*

Въ то время, когда по смерти Игнатія бразды правленія Общества перешли въ руки Лайнеза, оно состояло почти изъ тысячи чело-
вѣкъ. Изъ нихъ только тридцать пять были возведены на степенъ монаховъ, не считая од-
накожъ пятерыхъ ошцовъ, изъ десяти первыхъ со-
трудниковъ основателя. Сія тысяча Іезуи-
товъ была разсыпана почти во ста резиден-
ціяхъ, также разбѣянныхъ въ двѣнадцать обла-
стяхъ, изъ коихъ девять считалось въ Европѣ:
Испалія, Сицилія, Верхняя и Нижняя Германія,
Франція, Аррагонія, Каспидія, Беотія или Ан-
далузія, Лузитанія или Португалія, и при внѣ
Европы: Бразилія, Еѳіопія и Индія. Самыми
дѣшущими изъ двѣнадцати областей были:
Испалія, во время правленія Лайнеза, и Порту-
галія при Тюрріанусѣ. Сія послѣдняя, а также

Июль 1830.

10

при области Испанскія , и Азійская , Африканская и Американская , состояли , кромѣ частнаго областного начальника , еще подъ властію главнаго комиссара Испаній и Индій . Столь быспрѣе усѣхи доснашочно показывають , съ какою легкостью Общество могло распространиться съ самага начала своего , и какъ удивительно согласовалось учрежденіе его съ нѣкоторыми изъ главныхъ обстоятельствовъ своего времени .

Когда жизнь монашеская , перешедши съ Востока на Западъ , соединилась съ общимъ движеніемъ Церкви , шо съ сего времени ихъ не лзя опдѣлить одну отъ другаго . Монахи были разсѣяны повсюду , и вездѣ были самымъ могущественнымъ орудіемъ и наименѣе обманчивымъ выраженіемъ дѣйствія Церкви на умы и народы , усердными защитниками при всякой для нея опасности , вѣрною и храброю спражею всегда , какъ только вспрѣчался случай защитить ея великія пользы или склонить къ нимъ побѣду . Особенно ревность ихъ не имѣла границъ , когда дѣло шло о какихъ нибудь требованіяхъ Папскаго престола , ибо съ нимъ были они тѣсно связаны своимъ положеніемъ . Почти пакъ во всякомъ государствѣ соспавлялися нѣкоторая общность выгодъ и понашій у войскъ , соспавляющихъ силу онаго , и власши , распоряжающей ими . Такъ , почти безъ исключеній ,

видимъ мы, что учрежденіе каждаго новаго Ордена и успѣхи его всегда соотвѣтствовали какому либо общему признаку, соединялись съ какимъ нибудь новымъ намѣреніемъ Христіанства, и особенно Двора Римскаго. При внимательномъ разсмотрѣніи, пошчасъ можно увидѣшь, что всегда были отношенія между вновь учреждавшимся обществомъ и потребностями политики Папы, одобрявшаго оное, и что характеръ и важность сихъ отношеній рѣшали судьбу общества. Опъ сего, не смотря на то что всѣ они основывались при одинаковомъ энтузіазмѣ религіозномъ, ихъ судьба оказывалась весьма различною, сообразно времени ихъ появленія въ кругу Церкви, и мѣсту, какое они должны были занимать въ ней.

Что было причиною безмѣрной власти Бенедиктинцевъ и множества учрежденій, подъ другими именами слѣдовавшихъ ихъ успѣхамъ, во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ отъ шестаго до одиннадцатаго вѣка? То, что Церковь, будучи захвачена, такъ же какъ и Имперія, сѣверными народами, чувствовала полноту своей жизни, имѣла надежду, и не могла вмѣстѣ съ Имперіею уснувши симъ народамъ; она рѣшилась сначала вѣддриться къ нимъ, дабы послѣ властвовала ими, и нашла въ новоучредившихся монахахъ превосходныхъ пособниковъ для достиженія къ сей цѣли. По предназначенію ихъ основателя,

они занимались обработываніемъ земель и не многими уцѣлѣвшими знаніями; они должны были заслужить уваженіе варварскихъ народовъ искусствомъ земледѣлія, уважавшимся между ними послѣдними болѣе всего послѣ войны, а поштеніе ихъ—единымъ превосходствомъ, которое сіи признавали въ своихъ побѣжденныхъ—превосходствомъ умственнымъ. Опъ того услуги, оказанныя ими Церкви, безчисленны, или скажемъ еще пакъ, что великія дѣла, свершенныя чрезъ нихъ Церковію, составляютъ самую блестящую часть ея Исторіи. Это время ея побѣдъ и самыхъ чистыхъ пріумковъ: шуть дѣло образованія и челоуѣчества всегда было на ея споронѣ. Бенедиктины, правда, были слишкомъ благосклонны къ захватываніямъ Римскаго Двора, кошорого самыя несшершныя претребованія находили въ нихъ помощниковъ и дѣйствоващелей; но, не должно забывать, что все это дѣлали они для ограниченія десношства, сначала варварскаго, потомъ феодальнаго, и наконецъ военнаго. А въ этихъ словахъ не шолько ихъ извиненіе, но и апологія.

Въ послѣдствіи, когда Бенедиктины, изнѣженныя богатствомъ, полученнымъ опъ признашельнаго Рима и суетврія великихъ земли въ ихъ безчисленныхъ монастыряхъ, уже не могли, въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, защищать Христіанства, дошоль споль существенно возмущавшагося опъ

ихъ пособій, они уступили первое мѣсто Орденамъ нищихъ брашій. Могущество сихъ послѣднихъ вскорѣ сравнялось съ могуществомъ послѣдователей Бенедиктовъ и Робертовъ (*); но оно также не было случайнымъ. Развратныя нравы, вообще наносившіе укоризну монахамъ, бывшимъ прежде ихъ, они замѣнили нравами чистыми и строгими. Пышность и роскошь духовенства, бѣлаго и чернаго, были также же предметомъ соблазна, какъ и распушество его; новые монахи дали обѣщъ оставашься въ бѣдности и жили одною милостынею. Когда страшная ересь Альбигойцевъ начала раздирать Церковь, они оживились неслыханною ревностью противъ всякаго разновѣрнаго мнѣнія. Они не только вели переговоры, употребляли козни, писали, словомъ приводили въ движеніе всѣ пособія суевѣрія и фанатизма на пользу Римской Церкви, но и захошѣли ознаменовашь свою ревность къ оной послѣднею службою, превзошедшею всѣ прежнія: они изобрѣли Инквизицію.

Но и они кажи въ свою очередь. Будучи произведеніемъ времени еще полуварварскаго, вышедъ изъ среды самаго грубаго суевѣрія, они,

---

(*) Робертъ, одинъ изъ преобразователей устава Св. Бенедикта, основашій въ 1098 году знаменитое аббатство въ мѣстечкѣ Ситѣ (Cîteaux).

Исторія Іезуитовъ.

испипные предспавипели Среднихъ вѣковъ опноспшительно Богословія и наукъ, хотѣли проппвопосспавипшь одип спвом преданія новой эрѣ, прппблппжавшейся съ спвопмп болѣе образованнымп нравамп, новой Лппшературою и началомъ философическаго духа. Общее презрѣніе было наградою сей неупспущивостп. Такимъ образомъ, опспспавъ въ наукахъ опщъ ученыхъ духовныхъ и свѣцспкпхъ, въ вѣжливостп и значпшельностп опщъ высшаго не монашеспствующаго духовенспва, будучп однакожъ равнымъ ему въ безпущспствѣ, опп блпмп шолько шагоспціо для всего Хрпспіанспва, и предметомъ опспвращенія для болпшей частп его. Послѣднее бпдспвіе опждаетъ ихъ: изъ монаспшра Августпновъ выходящъ Люшеръ, и первое дыханіе урагана, долженспвовавшаго вполнѣ нпзпровергнущъ Римскую Церковь, было прппзведено ихъ несогласпямп. Какую достсппознчую преграду могли опп посспавипшь ему прп такомъ положенія дѣлъ! Опп могли шолько скрывать замѣшпшельство свое въ оскорбляемыхъ ихъ монаспшрахъ, или являясь на состпзавіе, показывать шамъ свое унизіпельное нпщпожество.

Но шогда еще не прпшло время для Римской Церкви сдатьсь безъ защпщенія. Ея защпщенію надлежало бышь продолжптельнымъ, упорнымъ, и если не совершенно оспсплпвымъ, шо навсегда славнымъ ученоостью и геніальностью. Реформа-

ція могла раздѣлишь ее, но не лишишь славы сопротавленія. Въ этомъ случаѣ, или всегдашня полишика Римскаго Двора должна была весьма ошибиться, или монахамъ предлежала важная слепень при подобной борьбѣ; а шакъ какъ изъ существовавшихъ Орденовъ ни одинъ не былъ гошовъ къ сему великому дѣлу, шо уже и можно было предвидѣшь, что для него вскорѣ возникнешъ какой нибудь новый Орденъ. Этотъ Орденъ былъ Іезуитскій. Одно его существованіе показывало уже его назначеніе, а назначеніе — средства, какія употреблялъ онъ.

Духовный Орденъ, учреждавшійся въ половинѣ шеснадцатаго вѣка, долженъ былъ обратиться особенное вниманіе на всеобщія пошши жалобы Христіанства противъ безчисленныхъ злоупотребленій духовенства, и особенно духовенства чернаго. Что бы съ самаго начала не паснь подъ тяжеснью глубокаго неуваженія, кошорому были подвергнуши существовавшия собратства, для него важно было слѣдовать пушемъ новымъ. Ему надлежало съ равнымъ шщаніемъ избѣгнушь роскошной и разгульной жизни Бенедиктинновъ, и грубой, бродящей жизни монаховъ нищеншвующихъ; въ шо же время надобно было не оставишь при послѣднихъ часпи бышь бѣдными, произвольно и безусловно, и при первыхъ выгодъ богашства. Ошселѣ ушонченное различіе между монашескими домами, не имѣв-

шими ничего въ своемъ обладаніи, и другими заведеніями Общесства, кошорымъ позволялось усвоивать себѣ богатыя дарспвованія; опселя споль многократно обличенное прошиворѣіе между обѣомъ каждаго Іезуита, обрекавшаго себя бѣдности неограниченной, и великими богашствами, вскорѣ собранными Орденомъ. Причиною сего, какъ замѣчаетъ Монкларъ, было то, что *для сохраненія святости хотѣли быть бѣдными, а для пріобрѣтенія силы, богатыми.* Сверхъ сего, было необходимо соединить великую упонченность, съ великою спрогошью нравовъ, и прелестъ свѣшскихъ наукъ съ важностью наукъ духовныхъ. Можно-ли было, въ вѣкъ уже ученый и образованный, надѣяться имѣть большое вліяніе, предсхавляя собою опврашишельное зрѣлище нищенства и невѣжества, или, что уже совсѣмъ не было въ уваженіи, опшлячаясь знаніями совершенно схоластическими? Надобно-ли было предосхавить ученое Богословіе ерешикамъ, а Словесность и ученость свѣшскую въпренникамъ? Никакъ! Что бы возвысиль въ общемъ мнѣніи Римское Каполичесство и подпору его, монаховъ, надобно было вдругъ, и превзойдши устарѣвшіе Университеты, и опкрыть соперничество съ Консиспоріями и Академіями; показавъ, наконецъ, что въ Римѣ могутъ быть споль же ученые Теологи, какъ въ Аугсбургѣ и Женевѣ, и споль-

же образованные люди, какъ въ Парижѣ или во Флоренціи. Для всего этого, богатое и благородное довольство было необходимо.

Всего болѣе къ униженію монаховъ способствовала торговля священными принадлежностями, служившая всегдашнимъ для нихъ укоромъ. Продажа индульгенцій не была ли первымъ поводомъ къ смятеніямъ, возмущавшимъ Церковь, и постояннымъ предметомъ соблазна для самыхъ усердныхъ вѣровашелей? Мы видѣли, что одною изъ первыхъ обязанностей Іезуита было опреченіе опъ всякаго вознагражденія за какія бы то ни было дѣйствія церковныя.

Праздность, неразлучная съ монастырскою жизнію, была также предметомъ великаго нарѣканія. Іезуиты предались дѣятельности, безпримѣрной не только въ исторіи духовныхъ сообществъ, но, можетъ быть, и въ исторіи міра. Монастырямъ поставляли въ упрекъ не только время проходившее въ праздности, но и излишество времени, занятаго молитвами и бесполезными обязанностями; для сего ясно спашьемъ въ уставѣ, они избавлены опъ общей службы, опъ молитвенныхъ часовъ, и другихъ благочестивыхъ обязанностей, дополъ составлявшихъ основаніе монашескаго званія.

Но, тщательнo избѣгать всего, что служило къ безславію монашескаго званія, и даже со-

спавишь изъ себя почетное лицо въ міръ Ка-
полическомъ—одного этого было недостаточ-
но : надобно было заспавишь съ благодарностью
приняшь себя , а для сего опличишься какимъ
нибудь подвигомъ , особенно и неоспоримо по-
лезнымъ. Они избрали обученіе юношескіа и
обращеніе невѣрныхъ. Сіе послѣднее шѣмъ вѣр-
нѣе приближалось къ ихъ цѣли , что Церковь ,
испытывая непрерывно пошери , шѣмъ болѣе
ощущала необходимость вознаграждать ихъ при-
соединеніемъ подъ свое знамя народовъ , не имѣв-
шихъ еще никакого понятія о вѣрѣ.

Учрежденіе Іезуитовъ имѣло существенномъ
и главною цѣлію общую пользу Церкви , и по-
сему опъ ихъ вниманія не могло ускользнуть
шо , что въ огромномъ пошрясеніи , испыты-
ваемомъ Христіанствомъ , начало единства вѣ-
рованія съ одной спороны , и начало Папскаго
первенства съ другой , были главными дог-
матами , прошивъ коихъ обращались всѣ сое-
диненныя усилія опступниковъ. И шакъ , един-
ство вѣры—ученіе , а Папскій престолъ—власть:
вошъ главные предметы спаранія Іезуитовъ , и
вскорѣ , по еспешственной и понятной наклон-
ности , любимые тексты ихъ споровъ и опля-
чительные пункты ихъ символа. Для сего они
не только написали на фронтонѣ своего Ордена
имя Папы , сближая службу ему съ службою
Господу , и знамя его съ знаменемъ креста , sub

crucis vexillo Dei militare, et soli Domino atque romano pontifici ejus in terris vicario servire (*), но и хотѣли предаться службѣ сей по особенному объѣму, неизвѣстному дошолѣ ни въ одномъ изъ духовныхъ Орденовъ: это ихъ славный четвертый объѣмъ, котораго изобрѣшеніе предшавляли противники ихъ вообще ма-сшеракимъ дѣломъ полишики Игнашія и его шоварищей, умѣвшихъ чрезъ сіе соединить Папѣ съ существованіемъ и благомъ раждающагося Общества. Я не отрицаю совершенно сего расчета, но убѣжденъ, что онъ былъ второспешеннымъ при ихъ рѣшимости.

Объѣмъ покорности не имѣлъ другой цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, отдашь Общество на службу Папѣ, и въ то же время не отдашь его въ распоряженіе одному Главѣ, значило бы то же что не сдѣлать ничего. Сей объѣмъ не былъ, какъ предшествовавшій, новымъ въ Церкви. Почти всѣ монастырскіе уставы заключающъ въ себѣ его, такъ же какъ объѣмъ цѣломудрія или чистоты. Игнашія сказалъ о немъ сполько же сильно, какъ и его предшественники; знаменитое уподобленіе трупу, сдѣланное имъ для означенія монаха истинно покорнаго, было прежде его употреблено св. Бонавеншуромъ. Игна-

---

(*) Inst. Soc. Jes. Pragæ, 1757, t. 2, p. 6.

тій сравниваєшь еще Іезуиша, всегда гото-
ваго исполняшь приказанія начальника, съ пал-
кою спарика, послушною всѣмъ его движені-
ямъ; но развѣ св. Базиль не сказалъ, что мо-
нахи должны бышь въ рукахъ наспопяшеля шо же,
что шопоръ въ рукахъ дровосѣка? Должно со-
гласишься однакомъ, что при первомъ взглядѣ
на ушановленія Іезуитовъ, ясно видна вся раз-
ница повиновенія въ ихъ Орденѣ и въ другихъ
Орденахъ. Выраженія, у другихъ отдѣльныя и
темныя, здѣсь имѣють ясный и опредѣленный
смыслъ, измѣняющій всю ихъ силу. *Палка* Игна-
шія спановицца грозитѣ *топора* Базилева, ибо
видно, что она очень можеть не ошасться празд-
ною въ рукахъ распоряжающаго оною. Въ са-
момъ дѣлѣ, великая разница покорности Іезу-
иша и монаха всякаго другаго Ордена состо-
ишь въ томъ, что для одного она ешь сред-
ство обузданія, дѣло смиренія, пушь къ релі-
гіозному совершенству, а для другаго обязан-
ность покорити свою волю и свой умъ пачаль-
нику, съ шомъ цѣлію, что бы дѣйствовашь и
увеличивашь силу. Одинъ повинуеться слѣпо, для
униженія себя, другой для дѣйствованія съ боль-
шею силою. Чѣмъ важнѣе и запруднишельнѣе
было предпринимаемое Общешвомъ дѣло, тѣмъ
необходимѣе для него было употреблять са-
мыхъ покорныхъ дѣйшвовашелей. Исключитель-
но посвятивъ себя защищенію единства Кашо-

лическаго, оно не могло быть доспапочно строго въ успановленіи своего внупреннаго единства, особенно относительно ученія. Зло заключалось для него въ томъ, что въ мірѣ возникалъ духъ частной независимости; для искорененія его, прежде всего подлежало ограждать ему входъ въ сообщества, предназначенныя сражаться съ нимъ. Такъ необходимость закрѣпить между монахами узелъ покорности, долженствовала сойтись съ первымъ великимъ усиленіемъ ума человеческого на пути его къ своему освобожденію.

Наконецъ, также необходимо было создать полишику, согласную съ предназначенною себѣ ролю въ мірѣ. Въ шеснадацатый вѣкъ, когда Ишальянская полишика сдѣлалась общою въ Европѣ, господствовала Дворами и Кабинетами, была душою всѣхъ, даже религіозныхъ дѣлъ, и управляла защитниками и противниками Папы и Лютера, такъ же какъ Имперією и Францією, въ эпоху вѣкъ умные люди не могли бы надеяться съ пользою служить дѣлу Церкви въ борьбѣ, кошорую она должна была выдерживать противъ сполькихъ, вооружившихся на нее выгодъ, если бы они спали соображать свои поступки единственно съ правилами Евангельской добродѣтели. Не шо было время — если шолько это время существовало когда нибудь въ кошорое жаръ и ревность къ духовнымъ дѣ-

ламъ освобождали опъ разсчетовъ земной мудрости. Прошли шакже и шѣ времена , когда миссіонеръ, при распространеніи догматовъ Капшолческихъ , могъ во все не забоишьяся о разсудкѣ своихъ слушателей , и былъ шѣмъ болѣе увѣренъ въ убѣжденіи ихъ , чѣмъ болѣе примѣнялся онъ къ наклонностямъ ихъ воображеніи, грубо суевѣрнаго , и утверждалъ ихъ вѣру на ихъ довѣрчивости. Недавно появившійся духъ изслѣдованія претбовалъ новой методы въ убѣжденіи—методы шрудной и сбивчивой на практикѣ, если вспомнимъ, что строгое соблюденіе догмата было въ то же время необходимо , болѣе нежели когда либо.

Въ числѣ обшояшельствъ , дѣйствовавшихъ на учрежденіе Іезуитовъ и опредѣлявшихъ характеръ онаго , мы поставимъ и особенный складъ ума основателя его. Взгляніе его было однакожъ не такъ велико , какъ думали сначала: Едва зародилась въ немъ мысль объ основаніи Ордена , какъ она уже господствуетъ имъ до того , что поглощаетъ его самого. Малѣйшіе поспушки его были слѣдствіемъ необходимостей, наложенныхъ на него главною мыслию. Онъ былъ совершенно явнъ въ Монмартрскихъ обѣщахъ , гдѣ заключалось уже все Общество. Но съ того времени когда Игнацій прибылъ въ Испалію и вошелъ въ сношенія съ Папою , необходимости сіи были неопразимы , вели его

за руку и нащепывали ему спашьи знамени-
тыхъ его успановленій, одну по одной. За всѣмъ
тѣмъ, онъ самъ не скрылся вполнѣ въ своихъ
успавахъ: опытные глаза могутъ еще шамъ
открыть его. Правда, съ шрудомъ откромъ
они Монсераскаго и Манрезскаго энпузіасша,
но легче усмошряшъ Памселунскаго солдаша,
имѣвшаго сначала наклонности военныя, и бла-
городнаго Касмильца, упишаннаго идеями че-
стшлюбивыми и повелительными. Монахъ обы-
кновенный, изъ бѣднаго званія, или никогда
не владѣвшій саблею и не посѣщавшій Дворовъ,
едва ли имѣлъ бы эпошъ инстинкшъ господ-
ства, эпошъ духъ предпріимчивости, и видъ
привычки къ великимъ слѣдствіямъ всего его
учрежденія. Не лзя шакже не согласишся, что
первому Главѣ Іезуитовъ принадлежашъ участіе
въ силѣ, дѣятельности и согласіи, споль сла-
вно опличившихъ первые подвиги Общесшва.

И шакъ, вошъ оно, эпо государственное и
религіозное таинство, какъ говорили Янсени-
сты и Парламенты, эпо учреждение Іезуитовъ,
образецъ соображенія и хитрости, грозный па-
мятникъ глубокой полишки и неограниченнаго
честшлюбія: вошъ онъ, сведенный къ обыквен-
нымъ условіямъ всякаго вновь успановляемаго
духовнаго Ордена. Онъ былъ слѣдствіемъ при-
чинъ споль естешественныхъ, что учреждение его
не должно возбуждашъ изумленія, и споль не-

избѣжныхъ, что не лзя обвинить въ немъ никого. Разсмотрѣвъ спокойно, безприсраспно, и, что можетъ показаться спраннымъ, разсмотрѣвъ не совсѣмъ въ религіозномъ и монашескомъ духѣ планъ новаго Общества, мы найдемъ, что онъ заслуживаетъ даже похвалу. Опмѣнявъ общую службу, давъ болѣе дѣятельное направленіе обществу, предпринявъ безденежно исполнять духовныя обязанности и обучать юношество; отдавъ предпочтеніе простому плашью духовныхъ передъ монашескимъ, наконецъ высоко уважая науки и Словесность, спремьясь соединить понятіе о добродѣтеляхъ духовнаго и свѣтскаго чловѣка — Іезуиты всѣмъ энцимъ, и даже шѣмъ, что они замѣнили словомъ *Общество*, другое слово — *Орденъ* или *Религія* (*), должны бы были, кажется, угодить многочисленнымъ порицателямъ монастырской жизни. Но, нѣтъ! все это имъ поставили въ вину. Философы упрекали ихъ за отступленіе отъ устава Римской Церкви, республиканцы за возмущеніе народовъ противъ Государей, набожные люди за то, что они распространили обязанности милосердія, предавшись особенно возвышенію общаго блага Церкви, а не ограничившись собственнымъ своимъ усовершенствованіемъ.

(*) *Религіями* долго называли духовныя сообщества: въ шестнадцатомъ вѣкѣ это было общее выраженіе.

Но не довольно имѣшь цѣль, избранную съ добрымъ намѣреніемъ и указанную обстоятель-ствами; не довольно спремись къ ней, упо-требляя средства, легко оправдываемыя об-стоятельствами, и подкрѣпляемая въ испол-неніи величайшимъ благоразуміемъ. Надобно еще, чтобы сія цѣль, внушенная разумомъ строгимъ и предусмошрительнымъ, согласо-валась со всемогущею природою вещей и не за-трудняла развишія человѣчества; иначе, она не только не повинуется самымъ постояннымъ усиліямъ, не только обманывается въ самыхъ обдуманыхъ расчетахъ, но и спановится для самихъ дѣйствователей всегдашнимъ камнемъ прешкновения, искажаетъ ихъ сужденія, обез-ображиваетъ наилучшія предначертанія ихъ и неизбѣжно вовлекаетъ ихъ во множество за-блужденій, бывшихъ сначала невинными ошиб-ками или даже достойными хвалы опытами. Таково однакожь было сословіе Іезуитовъ. Разсмотримъ поглубже: чего желали они? Защищашъ опъ успѣховъ Реформаціи и филосо-фическаго духа правила Римскаго Каполиче-ства, по есть въ полиинической Европѣ способ-ствовашъ успѣху ученія о свѣтскомъ господ-ствѣ Папы, или по крайней мѣрѣ о непосред-ственной его власпи; въ Хрисіанской Европѣ, успѣху догмаша объ учительскомъ его преиму-ществе, и въ Европѣ Каполической, по малой

Іюль 1830.

11

мѣръ успѣху догмата о совершенной его непогрѣшимельности и неограниченной власти его суда опносительно дѣлъ іерархическихъ; однимъ словомъ, они хотѣли продолжитъ Средніе вѣка въ вѣкѣ новомъ, и подкрѣпить сбивчивыя ученія времени невѣжества и безпорядка, определенностью вѣка свѣта и изслѣдованія. Ясно, что это было нападеніе, въ одно время, и на независимость государствъ, и на права національных Церквей, и на власть Епископовъ, и, наконецъ, на права разума человѣческаго; это значило объявить себя врагами государствъ, свѣтскаго духовенства и философовъ. Не должно однакожъ вооружаться противъ нецѣлостности предпріятія, для того чтобы за него обвинить участвовавшихъ въ ономъ: они занимались имъ конечно не для того чтобы ихъ упрекали за сіе. Оно было ихъ неизбѣжною обязанностью, и обвинять ихъ можно развѣ только за то, что они въ шестнадцатомъ вѣкѣ еще вѣрили возможности содѣйствовать выгодамъ Церкви духовнымъ Ордемомъ, принявъ себѣ знаменемъ и символомъ Папскую власть. Сообразивъ время, видимъ, что и это не было ошибкою ума. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но единожды вступивъ на сей путь, оспальное они исполняли по необходимости, ибо вступивъ на сей путь, значило напередъ осудить себя на неуспѣхъ; упорствовать, значило предпринять множество ложныхъ

послупковъ и заблужденій всякаго рода, изъ коихъ самыя малые могли опниашь у ихъ Общесства чеспъ. Но не вступаишь шуда и не упорспивоваишь они не могли, будучи поддерживаемы могущественнымъ образомъ.

Впослѣдствіи, при обшюяшельспва сдѣлались главнымъ исшочникомъ всѣхъ злоупотребленій и уклоненій Іезуитовъ: выгода Общесства, не различаемая опъ выгодъ Церкви, или духъ сословія; свѣшскія средства, для успѣха въ дѣлѣ духовномъ, или ихъ полишика; неизмѣнноспъ догмата, примиряемая съ справедливыми успупками разуму и природѣ человѣческой, или ихъ нравспвенноспъ.

Зло опъ духа сословія не было новымъ въ сообщеспвахъ религіозныхъ. Оно всегда ускоряло ихъ внутреннее разслабленіе и дѣлало ихъ спрашными для другихъ. Однакожъ оно не имѣло извиненія въ понышніи наиболѣе поддававшихся его оболщениямъ. Каждый Орденъ монашескій проповѣдывалъ смиреніе, и не могъ опспвергашь, что спраданія въ семъ мірѣ необходими для наслажденій небесныхъ; а это не осшавляло никакого предлога для пошворства гордоспи, даже цѣлаго сообщеспва. Напрошпвъ Іезуитъ, членъ шакаго Общесства, кошорому для доспженія къ своей высокой цѣли надлежало не только быишь монашескимъ и свяшнымъ передъ Богомъ, но еще и могущимъ, богашнимъ

и уважаемымъ передъ людьми, Іезуитъ не могъ и подумашъ, что онъ грѣшилъ излишнею ревностью и преданностью къ своему Обществу. Такой обманъ для самихъ себя — какая сѣнь для умѣренности! Какое ободреніе для гордости и жажды господства! Не было ли все дозволеннымъ для пріобрѣтенія успѣховъ, ведущихъ къ успѣхамъ вѣры, для увеличенія силы, употребляемой только для внушенія покорности къ вѣрѣ? Послѣ этого, взгляните въ ихъ Исторію. Сколько пронырствъ и происковъ, сего дня для утвержденія себя, завтра для поддержанія въ безчисленныхъ резиденціяхъ. Сколько происковъ для увеличенія круга сообщества, и введенія въ него, посредствомъ двойной системы внѣшнихъ Іезуитовъ и конгрегацій, всего, что обѣщало кредитъ или вліяніе! И сколько пошворствъ, сколько извостей, для того чтобы войти въ дружбу съ Государями и знашными людьми! Сколько невидимыхъ козней и явныхъ лжей, для защиты своихъ, и для ихъ почестей. И въ замѣну того, сколько обмановъ и клеветъ для погубленія или очерненія опаснаго противника. А для обогащенія себя, сколько приношеній, опняшихъ искусно, сколько наслѣдствъ захваченныхъ, сколько всякихъ успѣховъ! Они даже торговали и производили мѣну товарами и монетами, и шакою явною, безграничною жадностью къ богатству только уда-

ляли опъ себя, а не привлекали къ себѣ народы, копорые они хошѣли привлечь къ вѣрѣ проповѣдію. Однимъ словомъ, шрудно представивъ себѣ какое нибудь дѣло или шребованіе, на копорое не пушлились бы Іезуиты для увеличенія выгодъ ихъ сообщества, начиная гнусными убійствами — въ нихъ шакже обвиняли Іезуитовъ — и нисходя до грубой попышки ихъ вадъ Королемъ Себасціаномъ, шакъ обличаемой стариннымъ писашелемъ Паскье: »Ходашайство-» вали они объ изданіи общаго закона, да не» будешъ никто назначаемъ носить корону,» если онъ не принадлежишъ къ ихъ обществу,» и еще если онъ не избранъ ихъ голосами, и» единственно ими; эшого не могли однакожъ» они добишъся, хошя обращались къ самому» великому ханжѣ и суевѣру изъ Государей.«

Впрочемъ, что дѣлали они для себя, имѣя въ виду, хошя не прямо, религію, шо мало значишъ въ сравненіи съ шѣмъ, что позволяли они себѣ просто для своей службы. Между началомъ, по наружности весьма основательнымъ, что прииѣненіе правилъ свѣтской полиціи впредь необходимо для дѣлъ церковныхъ, и другимъ началомъ, что духовный шѣмъ легче можешъ упошребляшъ ихъ, что за чистоту своихъ пошупковъ онъ ругаешся свяшостью своихъ намѣреній — между этими началами одинъ нолько шагъ, и онъ вскорѣ былъ сдѣланъ. На перевѣсѣ

не лзя было держаться, и попому надобно было низринуться до дна бездны. Философъ бываешь въ великомъ зашрудненіи, не находя вѣрнаго отношенія между успавами добродѣтели и правилами, дающими успѣхъ въ дѣлахъ; онъ часто бываешь принужденъ или пожертвовать собою, или уклониться отъ добродѣтели. Но каково зашрудненіе духовнаго, который хочешь всегда жить въ такихъ отношеніяхъ? Для него одинъ путь: забыть, что предписываетъ ему религія, и помнишь только то, чего она ожидаетъ отъ его ревности для распространенія своего могущества и славы своихъ алтарей. На этомъ основаніи образовалась практическая политика Іезуитовъ. Этого уже доспапочно было для ободренія ихъ во многихъ поступкахъ; но впоследствии, когда сомнѣнія уменьшились, а честолюбіе увеличилось; когда мѣсто умозрительнаго понятія о пользѣ науки корыстолюбія и себялюбія, науки, расхваленной Кардиналомъ Паллавичини, Іезуитскимъ испорикомъ Тридентинскаго Собора, заняли привычка и влеченіе слѣдовать совѣсамъ оной; когда Іезуиты узнали, посѣщая дворцы и знатныхъ людей, всѣ обольщенія оныхъ, на исповѣдяхъ всѣ ихъ тайны, и изъ доносовъ все, что избѣгало ихъ наблюденія, ихъ слуха; когда будучи вездѣ, зная все, наблюдая всюду, они имѣли множество случаевъ вредить или помогать сильнымъ

людямъ, сообразно своимъ пользамъ — по образу все, если можеше, на что рѣшались они тогда (*)! Исторія говоритъ намъ, что они наполнили своими происками всѣ Дворы и государства, изумляя полишниковъ и устрашая чешскихъ людей. Послѣдуйте за ними въ Англію, во Францію, въ Португалію, въ Венецію. Приведемъ примѣръ. Однимъ изъ ихъ правилъ предписывается имъ не смотрѣть на различіе въ формѣ правленія и равно любить всѣ народы (**). Какъ же они исполняли это? Въ Англіи, гдѣ правленіе свободное и представительное, они сдѣлали заговоръ въ пользу неограниченной власти Спуртовъ; во Франціи, гдѣ было правленіе монархическое, они волновали спурсы народныя и сдѣлали заговоръ противъ законнаго наслѣдованія Генриха IV.

(*) «Строгий, углубляющійся въ созерцаніе себя Орденъ монашескій, развращаясь отъ слабого исполненія своихъ обязанностей, становится бесполезною, во не опасною тягостью для государства. Орденъ, имѣющій цѣлью управленіе душъ и повсюдное господство во славу Бога, развращаясь умственнымъ пороками, становится отъ сего болѣе опаснымъ; первый падаетъ въ нѣгу и расслабленіе, второй въ бѣшенныя пронырства и предпріятія честолюбія.» Слова Монклара, въ его Рѣчи.

(**) *Nationes omnes pari affectu amplectendae.* Inst. S. J. Reg. Comm., n. 30, vol. 11, p. 77.

Правда, что сей Государь былъ тогда еще Пропешанпъ, а Іаковъ II-й уже обратился въ Католическую вѣру.

Іезуиты ни мало не запруднились въ изложеніи испинъ религіи, какъ относительна догмаша, такъ и примѣненія ихъ опдѣльно къ нравственности. Тамъ открывается печальное условіе ихъ существованія, и пѣтъ болѣе, чѣмъ нѣтъ виновными оказывающа опдѣльными лица, впрочемъ поражаема самими шажками и заслуженными обвиненіями. Вообще прошивники Общества Іезуитовъ видѣли въ ослабленіи ихъ ученія только слѣдствіе ихъ политики, стремившейся къ господствованію; видѣли легкое средство снисходить къ слабостямъ особъ, имъ нужныхъ, не пересажая говорить во имя религіи. Мы не скажемъ, что бы шакой расчетъ никогда не входилъ въ голову ни одного Іезуита, управлявшаго какимъ нибудь великимъ землемъ, ханжею и вмѣстѣ закоренѣлымъ грѣшникомъ; но это вѣрно не могло бытъ причиною самыхъ вопіющихъ заблужденій казуистизма. Довольно замѣшшишь, что эшимъ они весьма бы удалились отъ цѣли, и болѣе повредили бы Обществу, нежели облегчили ему господство надъ совѣщаніями. Надобно смѣло согласишься, что казуисты были по большей части великіе логики, кошорые пѣтъ спроче выводили послед-

нія слѣдствія изъ единожды положенныхъ началъ, тѣмъ болѣе сами они, лично, были чисны, и пошому не вполне видѣли ядъ, заключавшійся въ сихъ началахъ (*). Еще болѣе: начала сіи были въ свою очередь невинны и болшею частію истинны, шолько перенесены изъ одного порядка идей въ другой. Оспаваясь вѣрными всегда одному плану — возстановить религіозныя ученія, соединеніемъ ихъ съ знаніями опередившаго ихъ вѣка — Іезуиты, шочно шакъ же какъ хотѣли они свѣтскимъ искусствомъ пособить духовному дѣлу, спарались спшавить еологическія истинны подъ зашщиту истинъ ешесшвенныхъ. Эшо предпріятіе негодилось пошому, что невозможно было его выполнить. Привязавшись исключительно къ Теологіи, кошорая была имъ знакома, они не знали вѣчныхъ законовъ разума, и видѣли въ немъ шолько временщика, склоннаго къ подкупу, возмушителя, способнаго къ покорности за какія нибудь ничшожныя ушпунки; они заняли у него нѣчто изъ

(*) «Благочестивый Саншезъ писалъ свое гнусное и отвращительное сочиненіе (De matrimonio) при подшожіи креста. Объ Эскобарѣ, шакже извѣшномъ спросшью поведенія и слабосшью нравшвенности, говорилъ, что онъ дорого покупаетъ небо для самого себя, и дешево отдаетъ его другимъ.» Даламберъ, *Объ истребленіи Іезуитовъ во Франціи.*

самого просповароднаго благоразумія, вѣщо изъ висшей сферы ума, и примѣнили это къ объясненію догмата. Схоласника, сохранявшаяся у нихъ какъ месода, довершила оспальное. Слѣдспвенно правила Іезуитовъ, наиболѣе возбудившія возраженій, имѣли основаніемъ начало умспвеннаго разбирательспва. Въ догматической часпи ученія ихъ вспрѣчаются многія при- мѣры сего. Такъ въ дѣлѣ милосердія они защища- ли свободную волю противъ величайшаго фаша- лизма. Изъ числа наслаждающихся чпеніемъ *Пр- винциальныхъ Писемъ*, и думающихъ шоржеств- вать съ Паскалемъ, нѣшъ можетъ быть ни од- ного, не согласнаго въ душѣ своей съ прошиво- положимъ мнѣніемъ Іезуитовъ.... То же сказашъ можно объ умспвенныхъ ограниченіяхъ и напра- вленіи намѣреній, бывшихъ предметами множе- ства насмѣшекъ и браней, однакожъ прокс- текавшихъ изъ шого начала, что не лзя оцѣ- нить какого либо дѣйствія, не принявъ въ соображеніе побужденій дѣйспвователя. Однимъ словомъ, я не сомнѣваюсь, что не лзя на- звать ни одного заключенія казуистовъ, не ис- ключая даже ихъ ужасныхъ правилъ о ложной чеспи, о клеветѣ, и самомъ смершоубій- ствѣ, и не открьтъ, при шщательномъ раз- смотрѣніи, начала его въ успупкѣ какому ни- будь досшойному уваженіи напминанію ума. Но, не бывши слѣдспвіемъ преднамѣреннаго развра-

на , правоученіе Іезуитовъ пѣмъ не менѣе было соблазномъ для цѣлаго міра и глубоко безславило людей , проповѣдавшихъ оное , и слишкомъ часто исполнявшихъ на самомъ дѣлѣ.

Впрочемъ , несправедливо было бы не сказать , что Іезуиты , дѣйствительно искусные люди какъ сообщество , были вообще честны какъ отдѣльныя лица. Нравы ихъ были чисты , несравненно болѣе чѣмъ всего остального духовенства. Они долго славились воспитаніемъ юношества , и преподаваніе ихъ было драгоценно ученикамъ ихъ. Они занимались науками и Словесностью съ такимъ оплчїемъ , что въ эпюмъ не можешь сравниться съ ними никакое другое духовное сообщество , особенно въ отношеніи къ всеобщности знаній и трудовъ. Въ иностранныхъ миссіяхъ они достигали высшимъ необыкновеннаго вдохновенія , и долго успѣхъ награждалъ ихъ рвеніе , знанія и труды. Не лзя также не согласиться , что со времени ихъ учрежденія , Церковь получила отъ нихъ благороднѣйшія успѣшенія. Это не значить однакожъ , что бы въ сихъ различныхъ отношеніяхъ они были такъ замѣчательны , какъ утверждали ихъ защитники , и съ чѣмъ иногда были согласны противники ихъ. Въ нихъ не видно было такой опкровенности и достоинства характера , какова была ихъ практическая строгость. Fidem

et pudorem sunt in quibus requiras, сказалъ о нихъ одинъ великій геній (Гроцій), свидѣтель ихъ вторженія въ міръ и склонный скорѣе одобрять ихъ, нежели унижать. Писатели ихъ вообще не имѣють силы, свободы и возвышенности; изъ подъ изящеспіва языка, иногда замѣчательнаго, въ нихъ видѣнь умъ, спольже смущенный, какъ вѣроушно бывали часно смущены сами они. Эпи недоспашки особенно явны въ ихъ полемикѣ, впрочемъ превосходной, ознаменованной ловкостью. Доспойно замѣчанія, что въ Словесности они не оставили ни одного великаго памяшника, ни одного великаго имени, и что нѣсколько Порштъ-Рояльскихъ пушынниковъ, въ немного лѣтъ, произвели въ десять разъ болѣе превосходныхъ справицъ, нежели всѣ Іезуиты вмѣстѣ, во время своего продолжительнаго сущестшованія. Ученые ихъ подвергаются сему же замѣчанію. Поняшно, впрочемъ, что во всѣхъ высокихъ знаніяхъ, множествомъ шочекъ соприкасающихся съ религіею, умъ ихъ былъ бы остановленъ въ своемъ полетѣ безграничнымъ духомъ покорности, ошличавшимъ ихъ общество. Самые твердые умы должны были производить уродливости, при эпомъ вѣчномъ опроверженіи опъ своей свободы у подножія власпи, совершенно полишической, унижавшейся въ свою очередь у ногъ Папы. Человѣкъ, занимающійся науками, можешь раз-

вѣдѣнъ тогда только, когда онъ ошдаешъ опчешъ въ своихъ открьтїяхъ и прудахъ самой наукъ и своимъ обрашамъ. Ученосшъ шла успѣшнѣе у Игнасіевыхъ учениковъ, пошому что она скорѣе мирится съ принужденносшью. Но, за то они совершенно ничпожны въ Философіи. По этой части, между ними не было не только ни одного истинно творческаго ума въ родѣ Декарта, но не было даже ни одного метафизическаго писателя, котораго можно было бы, по дарованію и мысленію, сравнить съ опцомъ Маллебраншемъ. Посему они преподавали въ своихъ училищахъ, попеременно, Схоласпику, Декарта, и Сенсуализмъ. Одинъ изъ новѣйшихъ апологисповъ ихъ показываешъ эшопъ недосшатокъ, и жалѣешъ о немъ, почитая его даже главною причиною всѣхъ ихъ несчастій (*).

(*) « У нихъ не было системы Философіи. Сначала вѣсколько Схоласпики, въ послѣдствїи Богословіе казуисповъ, еще позднѣе Физика, съ новыми опышными науками, наконецъ Скепспицизмъ — вопш что удовлетворило ихъ. Да! Раціональное ученіе Декарта и материальные мнѣнія Локка были преподаваемы въ Іезуишскихъ училищахъ. Но никогда не преподавалось въ нихъ Философіи, которая принадлежала бы имъ собственно. Эшопъ недосшатокъ былъ несчастіемъ для нихъ и послѣдовательно служилъ къ побѣдѣ надъ ними Протестантамъ, Янсенистамъ, Энциклопеди-

Дѣйствительно, въ Философіи независимость еще необходимѣе, нежели въ Словесности и наукахъ: всякое рабство ума для нея смертельно, особливо когда спановишся оно преданіемъ и правиломъ.

Сообщество, не имѣвшее ни величія въ Словесности, ни оригинальности въ наукахъ, ни собственнѣйшей Философіи, не могло быть споль превосходнымъ въ преподаваніи ученія, какъ о томъ думали долгое время. Мы не считаемъ здѣсь еще того, что всегдашняя мысль Іезуитовъ, дѣлашь изъ воспитанія юношества средство для кредита и вліянія, еще болѣе уничтожила его. Посему ихъ училища, споль далеко слѣдовавшія за Университетами Нѣмецкими и Голландскими, оживлявшимися Протестантскою свободою, не сравнялись, во Франціи, съ Парижскимъ Университетомъ въ отношеніи Классическомъ, ни съ Сорбонною въ отношеніи къ Богословію.

Прибавимъ-ли наконецъ, что ихъ полишика, сполько восхваленная, была болѣе возмущительна, болѣе пронырлива, нежели испинно искусна? ЕСТЬ огромность въ видахъ, кошорой

стамъ, которые знали и обладали своими ученіями болѣе философически, нежели Іезуиты.» *О Іезуитахъ*, сочиненіе Барона Экштейна, 1828 г. стр. 10-я.

имъ никогда не доспавало. Спранное дѣло! Это Общество, произведшее сполько людей пронирливыхъ, не породило, внѣ своего собшвеннаго правленія, ни одного человекъ государспвеннаго, и ни одно изъ его великихъ предпріятій не было успѣшно. Однакожь не всѣ сіи предпріятія были недоступны великимъ способностямъ, вспомошеспваемымъ великими средствами. И между тѣмъ, не вспоминая даже о томъ, что Реформація еще существуетъ, и что племя свободныхъ мыслишелей не истремляешия, можно-ли не замѣпишь, что Генрихъ IV умеръ на пронѣ, и что потомки его царспвуютъ донныѣ; что жалкая фамилія Спюаршовъ угасла далеко ошъ прона Англій; что нынѣ Пропеспнантскіе миссіонеры отклоняютъ ошъ ученія Генриха VIII или Веслея спраны, еще недавно бывшія подъ духовнымъ вліаніемъ Іезуитскихъ миссіонеровъ; что неблагодарный Парагвай существуетъ подъ властію деспоташа философа; что Общество Іезуитское находится подъ запрещеніемъ почти во всѣхъ Европейскихъ государствахъ; что если во Франціи оно успѣло при Людовикѣ XIV уничтожишь Поршъ-Рояль, то при Людовикѣ XV было изгнано Парламентами, наследниками и мспшителями Янсенисповъ, и что наконецъ, къ довершенію несчастія, послѣ возвращенія обманомъ, оно заспавило изгнать себя въ третій разъ?

И кѣмъ изгнано? Тѣми, кто за нѣсколько мѣ-
сяцевъ поддерживалъ его. Кѣмъ запрещено? Нѣ-
сколькими мечшателями, копорые презирающъ
его, и просящъ, что бы оставили Іезуитовъ
въ покоѣ, шакъ же какъ рѣдкихъ учениковъ Ген-
риха Сентъ-Симона, какъ незамѣшную секшу *Пие-
тистовъ*, да служащъ они живымъ доказатель-
ствомъ поржешва того дѣла, съ коимъ сра-
жались. Последнее для Іезуитовъ бѣдствіе ешь
свобода мысленія, покровительствующая ихъ.

ЖУРНАЛЪ

ВЕСНЫ ТОБОЛЬСКОЙ

(изъ Прогулки вокругъ Тобольска, 1830 г.).

(Петру Филипповичу Голяховскому посвящается).

Если съ той поры, какъ солнце является въ созвѣздіи Овна, мы, живущіе въ Тобольскѣ, не можемъ выслать на прошлыя пашвы своихъ добрыхъ кормилицъ, дающихъ масло и сливки, и если не смѣемъ мечтать о припязаніи на тѣ благословенія, какими, вслѣдъ за весеннимъ равноденствіемъ, начинающъ пользоваться роскошныя параллели земнаго шара, то, по закону возможнаго возмездія, мы предваряемъ наслажденія обиліемъ свѣта, не въ примѣръ спранамъ лозы виноградной и маслины. Солнце не успѣетъ поверстаться съ Тельцомъ (*), какъ лучина пошухаетъ въ кружкахъ прлея-поселянокъ; онѣ разсѣаются уже безъ сказокъ и задумчивости. Съ половины Апрѣля нашъ книго-

(*) Фраза сія употреблена въ обыкновенномъ, а не въ истинномъ понятіи объ эклипсикѣ.

чій или судья начинаешъ и оканчиваешъ , каждый чшеніе своего журнала , при даровомъ освѣщеніи , и огонекъ поздно или рано мелькаешъ кое гдѣ въ лампѣ , предъ иконой.

Давно скашились съ вымощенныхъ городскихъ улицъ снѣжные пуховики ; даже лѣнивый ледъ Иршыша 19-го нѣхопя пронулся , и поплылъ въ Обскую губу. Конечно , рѣдко проходящъ ночи , чтобы вода не замерзала въ сосудахъ на воздухъ , но за шо какія ночи наступили съ 17-го ! Вечерніе лучи горящъ до поздна на позолоченныхъ маковицахъ , и пошомъ переливаются въ узорчашыхъ облакахъ. Облака , иногда по вечерамъ , вывѣшиваются на чистой лазури рядами манжешныхъ феспоновъ , съ игрою призмы. Роздыхъ закапа , хоша давно солнца не видашь , не перестаетъ румянишься шихимъ , прелесшнымъ пурпуромъ , и послѣ распускаешся въ видѣ алой полосы , по каймѣ горизонша. Ночь , часъ ошъ часу болѣе блѣднѣющая , какъ приспешенная волшебница , на скоро свиваетъ черную маншію , и ошлешаетъ на другое полушаріе.

Бьешъ при часа ночи , и свободный голубъ , свившій гнѣздо подъ корнизомъ , гдѣ бы надлежало бышь фризу и архиправу , по ошибкѣ ошъ свѣсна , шощасъ встревожился и съ чувствомъ засшопешъ на ухо своей красошкѣ , у моей спальни. Миѣ уже не разъ слышались (въ

Апрѣль) даже и расказы Томскаго соловья, наносимые изъ бель-эшажа праводушнаго Селиванова. Не правда-ли, что и голубь и соловей, и воркованье, и пѣнье, выражаютъ праздникъ весны, праздникъ сердца? Сердце не спитъ весною, хотя глазъ ушомленный и засыпаетъ. Спало, есть сердце и въ Тобольскѣ? Да. Сорвыя птицы не даромъ, въ эту пору, разлетаются изъ города по лѣсамъ, а другія благороднѣйшія, не безъ шайны также сердечной, издалека прилетаютъ подъ кровли Тобольскія.

21-го я былъ въ обѣихъ загородныхъ рощахъ, и видѣлъ, какъ воскресеніе земли намекалось, выметками, въ одномъ оживаніи бороздчатой осоки.

26-го въ 5 часовъ по полудни, когда шемперашура спояла на $+ 8\frac{1}{2}^{\circ}$ Р., я вторично навѣстилъ загородные наши парки. Остатки снѣга залегали еще по заваламъ и яминамъ пѣнистыхъ положеній. Космашая осока зеленѣла уже во всю длину прядей. Закраины лужъ, водою наполненныхъ, разрисовывались свѣтло-зеленою покрояю. На вѣтвяхъ березника, осинника и боярышника почки продолжали быть щощи и сухи безъ видимой перемѣны; желшоватая хвоя на вѣтвяхъ не спсараго сосняка начинала зеленѣть съ корня иголь; пихта давала чувствоваться благовоніе камеди, лишь допронепеться пальца-

ми, но ель и кедръ зеленѣли шускло, по зимнему. Можно-бы, въ эту пору, сказаць двояко о жизни органической, что она едва, едва накрапывала сверху, и едва, едва сквозила изъ подъ пелены земной, если бы по верховьямъ еемьяниспыхъ муравейниковъ, хозяева ихъ не обогрѣвались на солнцѣ, и не умащали спиртомъ преплющей ладони, и если бы зяблики не дѣлали вокальной пробы кое гдѣ, по березнику.

Съ 27-го спали мы замѣчашь спаницы казарокъ, журавлей и лебедей, съ воспока лепящихъ къ стверу, будшо бы по магнитному меридіану, какъ говорили въ Гимназіи. Забавно было бы, если бъ и лебедь, любимецъ поэзіи, придерживался ученой теоріи Ганспеена.

30-го въ подгородной дер. Онисимовой начался первый посѣвъ зерна яроваго. Это самый ранній начинъ, судя по холодамъ наступающей весны.

1-го Мая, въ полдень, когда Реомюръ показывалъ + 5° (*), я повѣхалъ въ дер. Серебрянку. Дорога уже подернулась зеленью, чрезполосно, а не вся сряду. Я свидѣтельствовалъ не только сшарья березы, прикрышыя сверху коры съ

(*). Въ 5 часовъ по полудни температура была + 2°, 5'.

верными поросломъ, на копоромъ вьшся еще мохъ клочками, да и другія липвяныя деревья, но ни гдѣ не блишало развивающихся глазковъ. Не смотря на шемпературу — мачиху, общая маперъ возрожденія шеплошю своего вѣдра выводла на свѣшъ начапки правяныхъ прозавеній, между коихъ поднялись на дюймъ Черноголовникъ (*Prunella vulg.*) и Львиная лапка (*Gnaphalia dioica*).

Въ Серебрянкѣ, гдѣ по впадинамъ косогора еще лежалъ снѣгъ, я прошелъ берегомъ рѣчки, и не замѣшилъ ничего весенняго, кромѣ двухъ паръ ушокъ, прапавшихся въ прошлогоднихъ куспахъ косашика (*Asogus salatus*). Должно было поднашься на крушой берегъ восходящею аллею вѣковыхъ елей, копорья, какъ припоминаю, шакъ-же были дородны и за 55 лѣшъ. Сшранно, при какихъ маловажныхъ предметахъ иногда повшоряющся въ умѣ важныя государственныя перемѣны. Эта аллея естъ историческій остатокъ монастырскаго владѣнія здѣшней деревней, съ 1764 г. поступившею въ составъ государственнаго управления. Тутъ былъ случай выразумѣшь, сколь благовременно могущество Россіи было пригошвлено для великихъ испытаній, сосредошченіемъ имѣнній церковныхъ, равномѣрно какъ и удѣльныхъ княженій.

На обратномъ пути я заѣхалъ къ городскому садовнику, что бы повеселишь зрѣніе картиною весны. При первомъ шагѣ въ шеплицу, пошчасъ почувствовалъ, что шупъ дышали по базилики, по гвоздики розовыя и малиновыя, по герани душистыя, и лавандулы. Подвинулся далѣе, и увидѣлъ весну, какъ она, убранная и перешагивающая гирляндами изъ левкоевъ, амараншовъ, жасминовъ, сидѣла у спеколъ, и съ дамскою перифливостію смогрѣла на шуалешный споликъ, уставленный фіолями, горшенсіями и розанами. Тронуший добродѣшью, такъ свойственною прекрасному полу, я спросилъ угодливаго чичисбея, давно-ли швоя весна начала убираться во вкусъ букешномъ? Съ первыхъ чиселъ Апрѣля. Съ первыхъ чиселъ Апрѣля! А наша крапива пожаловала явилась въ огородахъ не ранѣе 20-хъ чиселъ. Все это я пересказывалъ дома за споломъ, когда подавали супъ изъ крапивы, и вообразише мое изумленіе, когда слышался упрекающій голосъ придиричивой крапивы: «Спиранные судьи, эши господствующіе надъ нами челоуѣки! Они удивляюшя роспу, дородшву, красотѣ воспишываемыхъ горшковъ, но какого попеченія, какого счеша спои ли забавныя ихъ распеньицы? Помѣспите наше племя въ шеплицы, и вы увидише, испишаеше...» —Такъ, крапивное сѣмя! мы испишали-бы гораздо ранѣе швои язвительныя прикосновенія, кол-

коспи твоихъ оспрошъ , и вѣрно понадобится-бы взятыся за орудіе , что бы разъяснишь пушь сообщеній и порядка по шеплицѣ. Воля пивоя , крапивоное сѣмя , но не даромъ не дано мвоему рожденію благороднаго вѣнчика (соголла), пошому что суждено тебѣ колошь и озоблять безъ нужды. — Пусть послѣ сего доискиваюшся, слыхали-ли во время Езопово разговоръ на межѣ челоуѣка и распишельнаго царшва ?

2-го по ушру взглянулъ я на палисадникъ , и въ первый разъ замѣшилъ на черемухѣ обнаженіе зеленожелшыхъ жемчужнѣ.

Съ 3-го по 8-е неволью я затруднился въ веденіи своего журнала , по причинѣ , что или снѣгъ пушился по землѣ , или послѣ крѣпкихъ упрениковъ кристалловалась изморозь по крышачъ и мостовымъ. При оцушишельномъ пониженіи шемпературы, я не предполагалъ и успѣха въ явленіи силы органической. По шой же вѣрно оцупи , до сихъ поръ не видны здѣсь домовишыя ласпочки (*), домовишыя и рѣзвыя гостыи , коихъ прелесшную динамику изобразилъ нашъ Державинъ въ неподражаемомъ описаніи. Не подарокъ-ли эпоэ древнаго Циншия , а не нынѣшней Пиеи ?

(*) Появленіе ихъ замѣчено въ Тобольскѣ не ранѣе 12 Мая.

8-го, когда температура въ 8 часовъ утра стояла на $+ 2^{\circ}$, а въ продолженіе дня поднялась до $+ 10^{\circ}$, я побывалъ въ прежнемъ Гимназическомъ саду, и нашелъ въ немъ, что куспарники, открыто распушіе: смородинникъ, крыжовникъ, сирень и самбукъ, вполне развернулись; но шпырей и божье дерево еще не оживали. Въ нагорномъ Медицинскомъ саду (куда поспѣшилъ я также заѣхать), распушіе безъ поспѣва пырей, снышь, цикуша и лебеда возшли вышиною дюйма на 3, а поспѣвныя подъ зиму шравы, донникъ, ромашка, просвирникъ и горчица только что вышли изъ грядъ. Такимъ образомъ независимо отъ холода, который заставилъ меня на нѣсколько дней почти закрыть глаза для природы, жизнь ея продолжала невидимо работать, освѣжала хитрошвенные сосуды въ расшеніяхъ старыхъ, прела стебельки новые по вѣчному рисунку, и все восполняла по изреченнымъ въ день мірозданія пропорціямъ, какъ въ яичкѣ и сѣмечкѣ, такъ и въ прочихъ формахъ органическаго пакибышія. Наблюдатель спитъ, возстаетъ ночью и дню, и снѣмъ прозябаетъ, но какимъ образомъ? Яко же не вѣсть онъ. Лзя-ли не чувствовати глубокаго смысла, какой лежишь и въ этихъ словахъ св. Евангелія?

9-го, при температурѣ, весь день продолжавшейся не ниже $+ 14^{\circ}$, я, въ поваричесствѣ Учи-

пела Еспешвенной Исторіи Гурьянова, поднялся на гору, близъ Подчувашскаго мыса. При подъемѣ мы замѣчали курчавую полынъ, единственную прикрасу всего здѣшняго крушояра, а на горѣ видѣли, что лиственныя почки березника и особливо боярышника гошовились распукиваясь. Проходя по обонмъ валамъ землянаго Кучумовскаго укрѣпленія, которое было взято Ермакомъ въ Октябрѣ 1581 г., мы часно слышали по березнику выпверживаемый пѣнчкою пассажъ изъ фамильнаго аллегреша, и въ шоже время по землѣ, все еще блеклой и празднои, изрѣдка замѣчали возникающія справки: гнафалию и бедронецъ (*Pimpinella*). Мы шли все впередъ по краю горы, въ надеждѣ опкрышь, какія первыя расшенія предспавяшся съ діадемами цвѣшовъ, и въ награду увидѣли мяшу обмыковенную, фіоль (*viola canina*) и воловій языкъ (*buglossum offic.*), копорыя изъ подъ лиственнаго хвороспа выказывали образовавшіеся цвѣшние уборы фіолешоваго луча. Вотъ не пышныя первенцы природнаго Тобольскаго вершограда!

Эшо замѣчено, хошя и не безъ исключенія, что весна наша украшается первоначально цвѣшями фіолешовыми, синними и лиловыми, пошомъ голубыми и желшыми, пока не перейдетъ къ пунцовымъ и краснымъ; и что шакое-жъ обрашное преемспво наблюдается подъ осень. Не

но-ли значить, что двѣторасположенія, способныя играть лучами сильными, какъ красные, бывающіе гошомы только въ эпоху высшей органической дѣятельности? Изъ чего и следовало-бы, что слабѣе лучи одного края призмы, начиная и кончая царствование Флоры, могутъ въ два крайніе срока оживлять цвѣшки малосильныя.

Вопль и 10-е Мая! Спекла въ окошкахъ домовъ распахнулись, нигдѣ не взвизывающія колеблющіяся столпы дыма, тепло разливается въ атмосферу, и съ сей эпохи, Сибирячки средняго класса, не рѣдко одѣвающіяся по Телеграфу, спанушь своими группами оживлять улицы, украшать церковныя процессіи, и представляться въ праздничные вечера самодвижущимися куклами по краямъ Бугра, который господствуетъ надъ городомъ, подобно какъ вкусъ къ щегольству господствуетъ надъ Сибирью женскою. Упредимъ-же быспрыхъ пѣшеходокъ, думая я, по крайней мѣрѣ въ рощахъ, гдѣ и нашелъ, что все готовилось къ празднику исподоволь, безъ сумашохи. Насѣкомыя, сегодня изъ ляннокъ вспрепенувшіяся, уже суешились по воздуху; инныя, прежняго развитія, выглядывали изъ подъ хворосна; желтоватый шмель съ старымъ чупьемъ и бохвальствомъ то голосилъ, то присѣдалъ; бабочки лиловыя, бѣлокрылыя и песпрокрылыя носились мыслями около влажныхъ зай-

мищъ, и лѣсной хоръ пѣвчихъ пшашекъ спѣвался безъ шакша на березахъ. Цвѣшны распеній буглосса и вахшн (*menianthes trifoliata*) попадались уже въ замѣшной красѣ и числѣ. Деревья шаловыя, смошрящіяся въ водоемы, желнѣли своими пермшками, какъ золошыми, завивными цѣвками. Мнѣ сдавалось, что весна хочешъ *incognito* вспуишь въ обширный чертогъ; въ веселой гошовности духа, я кинулъ свой полевой карандашъ, и произнесъ: пора наслаждашься, а не записывашъ.

Пора наслаждашься! Чшо нужды, что у акацій, шпалерныхъ распеній, сидящихъ по нашимъ садамъ запросшо, не означились лиспвяные пучечки бласпками зелени, и что липы, незнакомыя съ Сибирью Восшочною, еще далеки ошъ шого, что бы позеленѣшь и забѣлѣшь кружевами цвѣшковъ? Довольно, что кедры съ другими сѣверными фамилиями осамились и смошряшъ съ бодростию. Подѣвзжая къ рошамъ, шздали люблюешься, какъ величавыя березы, хошя еще безъ серегъ, хошя не одѣлись въ брачные подѣвнечные покровы, носяшъ уже веселую, одушевленную физиономию, подобно сановишному собранію мужей и женъ, въ день обрученія благошпшною молчаливостію выражающихъ будущую радость. Чшо нужды, что не спѣшили на встрѣчу мою анемоны и другіе спѣсивые герольды здѣшней весны? Довольно, что меня привѣш-

спивовали сіюли, буглоссы и меніаншы; а шо досповѣрно, что прежде нежели успѣтъ-бы и срисовашь и на камнѣ писнушь при изображеніи, шоропливая наша Флора выставишь на полянахъ и въ лѣскахъ несчетныя группы цвѣшовъ, вѣчающихся узорочными діадемами.

Пора наслаждаться, повшоряю! Теплый Май сошелъ къ намъ съ Зодіака, за нимъ спѣшишь и благодашний Іюнь съ ягодами, оба безъ ночей, только съ зарями, а зари, какъ двѣ шкани, алѣюшь посмѣнно. Тупъ во все забываешь сверканіе созвѣздій и свѣпилъ, кошорня зимою сіяли вокругъ головы; шупъ мечшаешся, что нзшь сѣверъ, при пересвѣшъ весенней луны, уносишся подъ другое беззвѣздное небо, шогда какъ по всей шверди почишь незаходимый свѣпъ. Умолчашь-ли о другихъ красошахъ? Каланчи и башни, въ полшочное, безоблачное мерцаніе, представляющя въ обрисовкѣ болѣе красивой и идеальной; онѣ ошливаюшся въ глазѣ шонѣе и выше, чѣмъ на яву. Высокія лица, на прямолинейныхъ рядахъ доживающія шполѣше въ Медицинскомъ саду, въ эшу пору равномѣрно ошнѣяющъ особеннымъ очарованьемъ. Бывало домой возвращаешся и слышишь, что первенствующая колокольня сказываешъ полночь или часъ по полупочи; но шеперь слушаеш вѣсшь колокольни, какъ шупку: потому что и живеш и засыпа-

ешь во свѣтѣ — засыпаешь , и желаешь только заснуть съ мыслию свѣтлой.

Свѣтлая мысль и кропкое бѣненіе сердца: вопшъ другая завидная весна у челоуѣка! Если-бъ эша весна не скрадывалась опъ меня , если-бъ эши два цвѣшка ея никогда не увидали , или уваяда пошчасъ расцвѣтали : я бы и въ спаросши не позавидовалъ ни чьей безпорочной юности , ни чьей улыбающейся красотѣ , ни шумнымъ , запоночнымъ праздникамъ , ни наряднымъ пирамъ , сласпями и винами благоухающимъ . Я и шеперь весель съ прядью осоки въ рукѣ , какъ шы весель съ бокаломъ ; я и шеперь наслаждаюсь уединеніемъ съ Авторомъ , какъ шы злобою съ подобными шебъ антропофагами . Мнѣ не вѣришся , что-бъ шебя плѣняла общая весна нашего полушарія . Твоя весна , доспойная швоего ума и сердца , не въ помѣ-ли соспомшъ , что бы поражапъ ножемъ березу сановитую , или оскавливашъ зеленѣющую сосну , дабы было чѣмъ разжидишъ или разсласпишъ желчь , шебя палящую? Плакуція березы , и вы , обезсиленные сосны , со мною доживающія свой вѣкъ ! Не съшуйте на челоуѣка . Опъ шаковъ былъ во всѣхъ временахъ .

КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ

ПИСЬМА Г. УСОВА И ЛЕКЦІИ Г. ПРОФЕССОРА СОКОЛОВА.

Письмо въ Нижній Новгородъ ошъ Гна Усова, помѣщенное въ № 6мъ Стверной Пчелы, читалъ я съ крайнимъ любопытствомъ. Оно содержишь въ себѣ извѣстїе объ ученыхъ происшествїяхъ въ С. Петербургѣ. Корреспондентъ ошзывается о нихъ съ большимъ восторгомъ, говоря: « Въ концѣ прошедшаго года объявлено было публичное чтеніе нѣсколькихъ курсовъ по разнымъ Наукамъ. Нѣкоторые изъ сихъ курсовъ, на Французскомъ языкѣ, предприняты были Гг. Академиками, къ чести и славѣ Россійской Академіи Наукъ, и пользѣ насъ, природныхъ Руссаковъ. Но вдругъ, посреди сихъ объявленій, блеснуло скромное приглашеніе Русскаго Профессора, Г. Соколова, къ *безднежному* посѣщенію его чтенія, на природномъ нашемъ языкѣ, Физико-Геогностическаго курса. Новость, достойная замѣчанія.»

Писавшій сіе Письмо долженъ имѣть весьма поверхностное и невѣрное свѣдѣніе о Петербургской учености — даже въ историческомъ ея отношеніи.

Публичныя чтенія, за приватную плату, были здѣсь и прежде; но шеперь число оныхъ примѣтно умножилось, вѣроятно изъ подражанія другимъ Европейскимъ столицамъ, особливо Парижу, гдѣ въ каждой почти улицѣ публикуется нѣсколько чтеній, наиболѣе о Химіи, Физикѣ и Математикѣ. . . .

Изложивъ нѣсколько содержаніе первой лекціи Гна Соколова, Г. Усовъ упоминаетъ объ огромномъ одобреніи, изъявленномъ всѣми слушателями Гну Профессору, за ясность и простоту изложенія, пріятное и убѣждающее чтеніе, чистый голосъ и внятное произношеніе!

И самъ Г. Усовъ сказалъ съ гордостію въ душѣ своей: «Честь и слава безкорыстному земляку-Профессору! И честь и слава умнымъ его покровителямъ!»

Я не понимаю, откуда бы при семъ случаѣ могла произойти торжественная гордость въ душѣ Гна Усова? Содержанія первой лекціи, какъ кажется, онъ не дослушалъ и изложилъ оное невѣрно; ибо думать не можно, что бы Профессоръ Геогнозіи представилъ вступленіе въ сію Науку столь несвязно, сбивчиво и неопредѣлительно. Въ изложеніи сказано: «Что въ продолженіе курса, сначала предложено будетъ о веществахъ и законахъ или силахъ, которыми оно управляется; потомъ о шрехъ царствахъ природы, и въ особенности о связи, между ими находящейся; о ископаемыхъ неорганическихъ, о ископаемыхъ органическихъ, объ окаменѣlostяхъ, о пластахъ, о водѣ и воздухѣ, и проч., и наконецъ о топографіи Россійскихъ минеральныхъ и горнокаменныхъ породъ.» Въ историческомъ изложеніи упоминаютъ: что Геогнозія родилась около 1775 года, и оцемъ ея былъ Верверъ. Во Франціи краснорѣчивый Доломье образовалъ Бѣдана и Кювье. Геогностическія открытія въ Норвегіи уничтожили мнѣніе, что гранитъ есть порода первозданная. Англичанинъ Гюштонъ, основавшій новую теорію,

вля систему происхожденія земли, ошъ дѣйствіи огня и воды, совершенно противную Вернеровой, возбудилъ противъ себя послѣдователей Вернера: сей споръ подалъ поводъ къ подробнѣйшему геогностическому изслѣдованію Англіи. Наука ошъ сего чрезвычайно много выиграла, и многого ожидаетъ ошъ шаковой ревности Англійскихъ Ученыхъ. Въ Россіи также, хотя не давно, усердно принялись за геогностическія изслѣдованія. Въ заключеніе лекціи сказалъ Г. Соколовъ, что если у насъ появляется много хорошаго и полезнаго по горнымъ изслѣдованіямъ и дѣйствіямъ, то симъ обязаны нашему Г. Министру Финансовъ и Г. Управляющему Горною частію.

Вошъ весь *эпизодъ* изъ первой лекціи Г. Соколова, которая при строгомъ разборѣ справедливой кришки, не можетъ имѣть такого достоинства, какое приписываетъ оной Г. Усовъ.

Я, учившись въ Университетѣ, занимался преимущественно Филологическими Науками, а Физическія наставленія посѣщаль только мимоходомъ, потому что преподаваніе оныхъ казалось мнѣ не занимательно. . . . .

Дробрѣвши довольно Филологическихъ сокровищъ, выдѣль я изъ Университета студнымъ Физикомъ, и имѣю всегдашнюю жажду къ познанію Природы, соинворенной Богомъ, въ которой я существую, происшедши изъ матернихъ ея нѣдръ, по благости моего Создателя!

Съ такимъ расположеніемъ духа, я весьма охотно занимаюсь чтеніемъ и слушаніемъ извѣстій и свѣдѣній о физическихъ предметахъ; но во всѣхъ письменныхъ

письменныхъ изложеніяхъ и словесныхъ толкованіяхъ, которыми пользуюсь я при всякомъ случаѣ, не нахожу удовлетворительнаго смысла, который бы сколько нибудь освѣтилъ мракъ моего невѣднія.

Приглашеніе Г. Соколова къ посѣщенію его чтенія, обрадовало меня по-важности предмета. Геогнозія есть часть Геологіи, безъ которой не можно имѣть ни какихъ показаній, ведущихъ къ заключенію о внутреннемъ центральномъ составѣ нашей земли. Самую высокую гору можно прорыть до среднихъ ея слоевъ, и разсматривать оныя, какъ у подошвы, такъ и на вершинѣ горы: но добравшись до ядра земли, нѣтъ возможности; ибо оное углублено на 6000 верстъ, а мы, на плоской землѣ, не можемъ вырыть ямы глубиною въ полверсты! Поелику внутренній составъ земли для опышнаго изслѣдованія не доступенъ, то объ ономъ догадываются только по внутреннему устройству горъ, хотя всѣ горы принадлежатъ къ верхнему слою земли, на которой оныя лежатъ, что малѣйшіе пузырьки на величайшемъ шарѣ. Слѣдовательно геогностическія изысканія могутъ только показывать намъ неглубокіе слои земной поверхности, составляющіе одну кору земли, которая должна быть другаго строенія, нежели сердцевина, изъ коей преобразовалась она дѣйствіемъ солнечнаго свѣта, воздуха, воды и огня. И какъ собственнѣйшій предметъ Геогнозіи состоитъ въ изслѣдованіи образованія поверхности изъ внутренняго состава земли, то мнѣ очень хотѣлось почерпнуть сколько нибудь знанія о космическомъ процессѣ нашей планеты, изъ устъ знаменитаго Профессора.

Іюль 1830.

По моей болѣзни, не могъ я посѣтить первой его лекціи, и жалѣя о томъ сердечно, напишываю въ Сѣверной Пчелѣ письмо Г. Усова, излагающее оную лекцію. Но что нахожу я въ томъ изложеніи? Мракъ, темнѣ того, кошорымъ дополъ омрачался! Сомнѣваясь въ точности изложенія, обратился я къ моимъ пріятелямъ. землякамъ, знающимъ Физическія Науки, по моему мнѣнію, съ большею основательностью, и они — дай Богъ имъ здоровья! расшодковали мнѣ, больному человеку, все содержаніе лекціи. По однимъ общимъ начертаніямъ, хоша подробнаго разбора оной учинить не можно, однако изъ перваго выхода на поприще узнали земляки мои значеніе всего курса.

Г. Профессоръ намѣренъ сначала предложить о *веществѣ и законахъ или силахъ, коими оно управляется*. Какое-бы вѣщо было *вещество*? Первоначальное, неопредѣлительное въ своемъ видѣ? Или послѣдственное, образованное въ опредѣленную форму? О семъ различіи надлежало-бы сказать предварительно; ибо отъ онаго зависить вся важность изложенія предмета. Вещество перваго значенія, кажется, не было въ виду у Г. Профессора; ибо происхожденіе дѣйствительной *вещи* отъ возможной *идеи* сосзавляетъ такую проблему Натуральной Философіи, кошорой не рѣшили величайшіе мудрецы всѣхъ предшедшихъ вѣковъ, а коими паче непостижима она для тѣхъ, ком не понимая настоящаго смысла сей Философіи, не признающъ въ ней никакого достоинства, и думаютъ, что въ Физическихъ Наукахъ и безъ оной обойдись можно.

Поэтому, вѣроятно, Г. Профессоръ намѣренъ изъяснить готовое уже вещество, котораго начало предполагаетъ онъ извѣстнымъ. Но формы определеннаго вещества находящагося въ неисчислимомъ множествѣ, и составляющаго различныя качества матеріи, подлежащія опытному изслѣдованію. Законы и силы, коими управляется вещество, не суть одно и то же, а различающагося такъ, какъ законодательная власть отъ исполнительнаго могущества. Вещество не управляется силами механическимъ образомъ, какъ одна посторонняя вещь другою постороннею; но сила, производящая качество матеріи, есть сіе-же самое качество, образовавшееся въ пространствѣ, и которое во времени оказывается дѣйствіемъ. Качества золота, напримеръ суть: его цвѣтъ, собственный вѣсъ, особая вязкость, неразрушаемость отъ кислотъ, легкая возобновимость изъ раствора въ мешаллическій свой видъ, извѣстная способность проводить тепло и электричество. — Если всѣ сіи качества опустить отъ золота, то что въ немъ останется? Совершенное ничто! ибо золото есть только содержаніе всѣхъ оныхъ качествъ, не составляющее по себѣ никакой особенной вещественности.

Такого единства между веществомъ и силою, я совершенно не зналъ, ибо меня учили: что вещество (*materia iners*) и сила (*vis agens*) различающагося, какъ небо отъ земли! Но мои пріатели-земляки сказали: что все заблужденіе въ Физическихъ Наукахъ произошло и происходитъ отъ предполагаемаго различія между веществомъ и силою, на которомъ основывается догматическая секта Философовъ,

раздѣлившаяся на секшу *матеріаллистовъ* и *спиритуалистовъ*, изъ коихъ первые предполагають главнымъ содержаніемъ ихъ изслѣдованія матерію, а вторые занимаются только разборомъ дѣятельныхъ происшествій. Но какъ матерія и дѣйствіе суть одной и той же сущности, являющейся оными съ противоположныхъ сторонъ образованія: въ дѣятельномъ времени, и покоящемся пространствѣ, то *матеріалисты* и *спиритуалисты*, разсматривая одностороннія формы вещей, не видящъ цѣлостной сущности оныхъ; а посему могутъ только имѣть формальное свѣдѣніе о вещахъ — по однимъ вещественнымъ образованіямъ въ ограниченномъ пространствѣ, и дѣятельнымъ происшествіямъ въ опредѣленномъ времени.

Къ *матеріалистамъ* принадлежатъ: Механики, Физики, Химики, Минералогы, Ботаники и Зоологи, а къ *спиритуалистамъ* относящяся: Личсператоры, Историки, Моралисты, Романисты и Фабудисты. Всѣ они суть парціальные Философы, занимающіеся частными изслѣдованіями естественныхъ происшествій въ пространствѣ и времени, какъ предметовъ чувственной области познанія, гдѣ они, занимаясь отдѣльно своими предметами, имѣють одностороннія понятія о вещахъ, противныя однимъ другимъ, отъ чего и происходятъ между ними толкія распри, несогласіе и несообразность во всѣхъ Наукахъ.

Я спросилъ моихъ пріятелей: есть ли возможность привести всѣ разнокачественныя и разночасныя понятія ученыхъ въ общую гармоническую связь?

Они миѣ ошвѣчали: что такавая возможность находится только въ *абсолютномъ познаніи* вещей, но есть, въ понятіи *абсолютнаго начала* природы — не по его *формѣ* явленія, составляющей вещество и дѣятельность физическаго міра, но по *сущности*, оказывающейся умомъ человѣческимъ. Такое понятіе есть *умозрительное*, разсмащривающее сущность міра въ ея безпредѣльности и вѣчности, когда, напротивъ того, логическое понятіе опытнаго знанія разбираетъ только вещи въ мѣстномъ пребываніи и временномъ дѣйствіи оныхъ. Умозрительное понятіе принадлежитъ уму (*ratio*), а логическое разуму (*intelligentia*), и послѣднее содержитсяъ къ первому такъ, какъ чувства наружныя или шѣлесныя ко внутреннимъ или душевнымъ.

Умозрѣніе, имѣющее собственнымъ предметомъ безпредѣльную и вѣчную *идею* существованія природы, производитъ *трансцендентальное познаніе* — возвышенное надъ чувственною сферою физическаго міра, и Философы, разсмащривающіе дѣйствительный міръ въ возможной *идеѣ*, суть *идеалисты*, конхъ отношеніе къ *матеріалистамъ* и *спиритуалистамъ*, равно содержанію бессмертнаго духа къ бренному шѣлу. *Идеалисты*, какъ умозрители *идеѣ*, понимаютъ сущность міра, дающую непремѣняемые законы вѣчнаго бытія природы; а другіе естествоислѣдователи познаютъ только формы существованія, образующіяся измѣняемымъ *веществомъ* и переходящею силою.

Мои пріятеля-земляки напишаны Нѣмецкою ученостію, копорую они спавяшъ гораздо выше Фран-

цузской и Англійской, утверждая, что одни Германцы имѣють глубокое познаніе Природы, а другія образованныя націи Европы довольствуются поверхностными изысканіями о Физическихъ предметахъ.

Они удивляются, что Г. Профессоръ Соколовъ признаетъ шолько три царства природы, какъ будто огонь, вода, воздухъ и земля не составляютъ особливаго, четвертаго царства, которое есть *стихійное*? Аристотелево раздѣленіе природы на три царства, по нынѣшнему познанію оной, не годится. Стихіи входяшь въ составъ ископаемыхъ, растеній и животныхъ, а посему и не принадлежатъ исключительно ни къ одному изъ трехъ оныхъ царствъ. Стихійная земля есть угольное вещество, которое въ чишѣйшемъ, отдѣльнѣйшемъ его видѣ составляетъ алмазъ, коего необыкновенная удивительная рѣдкость, совершенное различіе отъ всѣхъ ископаемыхъ веществъ, и особое содержаніе къ свѣту и огню, показывающъ, что онъ чуждъ ископаемому царству—и все утверждаются желающіе опыткашъ его въ Уральскомъ хребтѣ, лежащемъ очень далеко отъ шроика къ сѣверу, а еще суетнѣе и неосновательнѣе хошашъ Французскіе Химики сдѣлашъ алмазъ изъ обыкновеннаго угля.

Но болѣе удивило моихъ земляковъ историческое изложеніе Геогнози — будто бы она родилась около 1775 года, отъ Вернера! Она уже въ половинѣ семнадцатаго столѣтія была на бѣломъ свѣтѣ, хотя въ младенческомъ еще возрастѣ, и Вернеръ первый вѣдѣлялъ и восшисалъ оную, шо ешь, а дѣлѣ

ей опредѣлительный, систематическій видъ Науки, которую Вернеровы ученики образовали пошомъ до значной степени совершенства. Краснорѣчивый Доломье могъ образовашь Бѣдана и Кювье въ краснорѣчїи, а не въ Геогнози, гдѣ краснорѣчіе бесполезно, и нуженъ *Ориктогностическій талантъ*: изъ вѣдшихъ признаковъ узнавашь сходство и различіе ископаемыхъ, и изъ частныхъ видовъ дѣлашъ вѣрную смѣшу общихъ формъ образованія — каковой талантъ Вернеръ имѣлъ въ высочайшей степени. Онъ опредѣдилъ ряды слоевъ ископаемыхъ щолащъ въ горахъ, старѣйшаго и новѣйшаго происхожденія, раздѣленные ученикомъ его Шеффенсомъ на три породы образованія: *шиферную*, *известковую* и *порфирную*, изъ коихъ состояшъ вся масса земли, подлежащая нашему испытанію.

Геогностическія открытія въ Норвегїи, учиненныя особливо Бухомъ и Раумеромъ, ни чуть не опровергли мнѣнія, что гранитъ составляешъ основу первозданныхъ горъ, а показываютъ только что свои различныхъ породъ смѣшаны между собою, и нижніе часто лежатъ сверху, а верхніе находятся въ низу. Таковое положеніе слоевъ должно было произойти отъ различнаго образованія земной поверхности въ разныя эпохи планетнаго развитія, которое сопровождалось чрезвычайными *катастрофами* въ разныхъ странахъ земли. Но вообще *гранитъ* составляешъ основу горъ первозданныхъ, *гнейсъ* послѣдующихъ, а *пещаный* камень *флецовыхъ*.

О происхожденіи земли было издавна двойное мнѣніе: *Нептунистова* и *Вулканистова*, и первые по-

лагали, что земля произошла отъ воды, а вторые выводили оную отъ огня. Вернеръ и послѣдователи его были *Нептунисты*, и мнили, что осадка изъ воды сослала швердую массу земли. Но сославъ воды извѣшенъ, и невозможно понять, откуда бы взялась въ ней швердая осадка? Кромѣ того, вода, и при началѣ своемъ должна была держаться на швердомъ основаніи, предшествовавшемъ оной. *Вулканисты*, производившіе землю и воду отъ горѣнія, не могли также утвердить своего мнѣнія основательными доказательствами. Горѣніе есть соединеніе *кислотвора* (oxidation) съ горючимъ веществомъ, разрушаемымъ отъ онаго и превращаемымъ въ другой видъ.

Посему Англичанинъ Гюшпенъ не выдумалъ новой, оригинальной теоріи о происхожденіи земли отъ дѣйствія воды и огня. Въ Англіи не занимающія геогностическими изслѣдованіями болѣе, нежели въ другихъ земляхъ, а шолько разрабатывающія больше землянаго угля. Отъ споровъ Нѣмецкихъ *Нептунистовъ* съ Англійскими *Вулканистами* Геологія не выиграла ни на одну копѣйку, и отъ ревности Англійскихъ ученыхъ Наука сія не можетъ получить ни малѣйшаго успѣха, ибо Англійскіе физики весьма плохіе теоретики, и не лучше Французскихъ, изъ коихъ одинъ математико-физикъ, за 20 лѣтъ предъ симъ, публиковалъ въ газетахъ, не въ шутку, а въ правду, что земля наша внутри пуста, какъ надушый балонъ, и въ ея полости находящаяся другая планета, имѣющая свое обращеніе, отъ котораго зависить направленіе маг-

вѣстной стрѣлки въ компасъ. Ошвершіе въ сію полосу находится на самомъ сѣверномъ полюсѣ, ошкуда въ оную спустишься можно.

Мои пріятели-земляки говорили, что, видно, физическія познанія Германцевъ Г. Соколову не-извѣстны; ибо онъ долженъ-бы, хотя слегка, упомянуть о важныхъ заслугахъ, оказанныхъ ученому свѣшу Генрихомъ Стеффенсомъ, величайшимъ физикомъ, ориктогностомъ и геологомъ нашего времени. Но сіе не удивительно, сказали они, поелику Стеффеновы сочиненія написаны такъ, что весьма не многіе изъ ученѣйшихъ Нѣмцевъ понимаютъ оныя, и кто въ основаніяхъ Шеллинговой Философіи не довольно силенъ, тотъ изъ Стеффеновыхъ сочиненій не поймешь ни одной строки.

Докт. Масловитъ.

Mémoires sur les campagnes des armées du Rhin et de Rhin-et-Moselle, de 1792 jusqu'à la paix de Campo-Formio, par le maréchal Gouvion Saint-Cyr. 4 vol. in-8°. (*Записки Маршала Сень-Сира, о кампаніяхъ арміи Рейнской и Рейць-Мозельской, ошъ 1792 года до Кампоформійскаго мира, 4 тома*).

(*Окончаніе*).

Кампанія 1794 года, шрещя въ революцію, не могла не бышь блестящею. На всѣхъ почти границахъ, кромѣ Фландріи, гдѣ было уступлено нѣсколько земель, мы шли впередъ. Пылкость нашихъ молодыхъ солдатъ была необыкновенна, послѣ успѣховъ, возвысившихъ въ нихъ патриотизмъ. Въ отношеніи къ устройству арміи принята была превосходная мѣра; смѣшавъ батальоны волонтеровъ съ линейными войсками, дабы изгладить между ними всякое различіе, исчезнувшее при равной храбрости и опытности. Составлены были, такъ названныя, полубригады, изъ одного батальона линейнаго и двухъ батальоновъ волонтеровъ. Образовались превосходные офицеры; вездѣ показывалось много хорошихъ генераловъ, бригадныхъ и дивизионныхъ, и изъ нихъ въ каждомъ можно было надѣяться увидѣть Главнокомандующаго. Повторяли имена Марсо, Дезе, Сень-Сира, и наконецъ Клебера, которьй не хотѣлъ ни помяноваться, ни повелѣвать, но въ минуты опасности выпаваялъ передъ огнемъ непріятеля свою пре-

лестную голову, свой исполинскій ростъ, овладевалъ высшими и низшими, и становился истиннымъ властительемъ дня. Наши полные генералы начинали пріобрѣтать опытность. Правда, Гошъ былъ въ цѣпяхъ; но Пидегрю сохранился и былъ переведенъ въ Сѣверную армію; Журданъ начальствовалъ Мозельскою арміею.

Непріахель сосредоточился во Фландріи, въ Мормальскомъ лѣсу, и прошивился намъ всѣмъ нашимъ усиліямъ. Послѣ тщешныхъ нападеній на его центръ, рѣшились дѣйствовать на его крылья. Двѣ колонны, одна со стороны моря, другая со стороны Мааса и Самбра, имѣли больше успѣха. Наконецъ, великая мысль Карно довершила наше шоржештво. Журданъ, приведенный на Маась отъ арміи Мозельской и Рейнской съ пятьюдесятью тысячами, подкрѣпилъ одно изъ фланговыхъ нападеній, и давъ сраженіе при Флѣрусь, рѣшишельно принудилъ союзниковъ къ отступленію, окончившемуся не ближе Рейна. Съ сего то времени начались непрерывныя побѣды и завоєванія, предавшія намъ тогда въ руки цѣлый міръ, хотя нынѣ не хотящъ уступить намъ изъ этого справедливой части. Въ то время какъ Моро совершалъ въ недѣлю осады, сповившія прежде цѣлыхъ годовъ, Пидегрю гналъ непріахеля до конца Бельгіи, а Журданъ, давая на Уршѣ и Роерѣ битвы во сто тысячъ человекъ, оканчивалъ въ Дюссельдорфѣ завоєваніе нашей естественной границы.

Между тѣмъ храбрая Рейнская армія, копорую Маршалъ Сень-Сиръ особенно уважаетъ, какъ самую благоразумную, непоколебимую и патрио-

пическую, можешь быть изъ всѣхъ республиканскихъ нашихъ армій, продолжала приносить жертвы для другихъ. Отъ нея взяли сильное подкрѣпленіе, которое ослабивъ армию Мозельскую, ослабило и ее; взяли Пишегрю, Гоша, и вѣрили начальство надъ нею спарику, согласившемуся принять его на время. Онъ хотѣлъ, чтобы Представители поскорѣе освободили ее отъ сей должности, и для того рѣшился наконецъ не давать никакихъ приказовъ; когда же ихъ требовали отъ него, то онъ отвѣчалъ однимъ молчаніемъ. вмѣсто его сдѣлали начальникомъ храбраго и скромнаго офицера, Мишо, который принялъ начальство изъ любви къ отечеству, и рѣшился дѣйствовать единственно въ надеждѣ на своихъ двухъ помощниковъ, Сенъ-Сира и Дезе. При всякомъ дѣйствіи онъ призывалъ ихъ къ себѣ, и послушалъ сѣдую ихъ мнѣнію. Часто даже онъ приходилъ къ нимъ самъ совѣтоваться: это показывается простошю нравовъ того времени. Тогда не думали бытъ гордыми, не думали о шишѣ на мундирахъ. Армія Рейнская принуждена была во всю кампанію сражаться съ соединенною Прусскою и Австрійскою арміею, и не смотря на превосходство сей послѣдней въ числѣ, побѣжденная сначала, она впоследствии была побѣдоносною, исполнила одна дѣло двухъ армій, и, такъ же какъ другія, окончила свое поприще на Рейнѣ.

Эта великая, знаменитая кампанія сдѣлала шакимъ образомъ насъ обладашелями всей Рейнской линіи и доставила намъ славнѣйшія побѣды. Успѣхи ея были явно рѣшены въ нашу пользу движеніемъ Журдана, пришедшаго къ Флёрусу на флангъ боль-

шой Австрійской арміи. Маршалъ Сень-Сиръ согласенъ съ эшимъ ; но обычная строгость , и особенно любовь къ Рейнской арміи , ослабленной симъ движеніемъ , заславляющъ его почти обвиняющъ Карно въ неблагоразуміи. Однакожъ во множествѣ мѣстъ , и на 256-й страницѣ втораго тома , въ самыхъ остроумныхъ выраженіяхъ , онъ признается , что не лзя усилишь себя на рѣшительной почкѣ , не соглашаясь часто бышь слабымъ на другихъ. Такъ и поспуило погдашнее Правительство. Военныя достоинства Рейнской арміи прикрыли слабую почку , и послѣдствія оправдали мѣры и расчешы Правительства.

Достопамятная зима 1795 года , самая жестокая въ цѣломъ вѣкѣ , и , казалось , умершвившая живую природу , покрывъ всю Европу льдами , эша зима доставила намъ превосходное завоеваніе Голландіи , невозможное во всякое другое время. Пишегрю приобрѣлъ за него незаслуженную славу , и , опираясь на нее , измѣнялъ намъ. Тогда-же началось для Рейнской арміи труднѣйшее изъ испытаній. Наши Пиренейскія арміи вышли на югъ изъ цѣпи горъ ; армія Италійская была подъ кровомъ Нидцкаго неба ; Сѣверная , кваршируя въ Голландіи , отдыкала ошъ шрудовъ , посреди изобилія. Но храбрая и несчастная Рейнская армія , остановленная огромною рѣкою , побѣждала не дѣлая завоеваній , и , будучи осуждена мерзнуть передъ Майнцомъ , въ странѣ разоренной , переносила бѣдствія , съ коими сравнишь можно шолько опшшупленіе ошъ Праги въ восемнадцатомъ вѣкѣ , и опшшупленіе ошъ Москвы въ девятнадцатомъ. Безъ дровъ , безъ пищи , безъ

обуви и почти безъ одежды, она часто питалась кореньями, но—удивительное дѣло!—соблюдала дисциплину. Это примѣръ единственнѣй, какъ говорятъ Маршалъ Сень-Сиръ, ибо никогда не соблюдается порядокъ въ такой арміи, кошорой нуждамъ не удовлетворяющъ. Приглашаемъ всѣхъ прочиташъ прекрасное и шрогательное описаніе бѣдствій сей арміи въ зиму 1795 года, сдѣланное Маршаломъ Сень-Сиромъ.

Безмѣрные успѣхи наши, въ 1794-мъ и въ началѣ 1795-го, были причиною, что кампанія сего года, четвертая, оказалась почти не значительною. Тутъ уже всѣ думали о мирѣ. Пруссія, ушомленная своими рыцарскими ошибками, вела съ Франціею переговоры; Испанія, а вскорѣ и часть Италіи, тоже. Для подписанія договоровъ, шли въ Швейцарію, единственную землю, остававшуюся неушральною. И Республика, снисходя къ ложному стыду, соглашалась на сей образъ переговоровъ.

Только въ концѣ своемъ, кампанія 1795 года начала бытъ нѣсколько дѣяшельною. Мѣсто сраженій сжапо было около Рейна; мы дрались съ одними только Австрійцами; но они были снабжены Англійскимъ золотомъ, болѣе приучились къ войнѣ, и были многочисленнѣе чѣмъ когда либо. Пишегрю снова начальствовалъ Рейнскою арміею, Журданъ Самбро-Маасскою. Оба они должны были дѣйствовать на Рейнѣ, одинъ отъ Дюссельдорфа, другой отъ Спрасбурга или Мангейма. Маршалъ Сень-Сиръ упрекаетъ, не генераловъ, но Правительство, за то, что оно ошдалило дѣйствія одной арміи отъ другой, нааначивъ мѣсто для одной въ Дюссель-

дорѣ , для другой въ Страсбургѣ . Безъ сомнѣнiя , онъ правъ , пошому что ида онъ шоль ошдаленныхъ шочекъ , для соединенiя на правдмъ берегу , ииъ надобно было преодолѣвашъ безчисленныя затрудненiя . Но Г. Маршалъ забываетъ , что армiя , шольшая въ Голландiи и Бельгiи , была не болѣе какъ сорокаштысячная ; что ей безпрешанно угрожалъ Англичане ; что придвинуть ее выше , къ Дюссельдорфу , было опасно , а съ шѣмъ вмѣспѣ трудно было ошдалить армiю Самбро-Мааскую на возвышенiйшую шочку къ Рейну . Впрочемъ , надъ ииѣнiемъ его должны помыслишь свѣдушiе люди .

Къ концу кампанiи , Журданъ перешель Рейнъ въ Дюссельдорфъ ; Пишегрю въ Мангеймъ ; но онъ недоставша-ли воинскихъ способностей , или вслѣдшiе измѣны , Пишегрю перешель съ малыми силами . Соединишья было невозможно . Клерфе искусно воспользовался симъ положенiемъ , и ошодвинувъ назадъ Журдана и Пишегрю , бросилъ на корпусъ , блокировавшiй Майнцъ , и занялъ линiи , гдѣ Генералъ Сень-Сиръ начальшвовалъ дивизиюю и ошкуда онъ съ ошдичiемъ ошступилъ .

И шакъ , четшвершая кампанiя , 1795-го , была не-продолжителна , и по крайней мѣрѣ прискорбна , если не несчастлива , ибо во время ея мы испышали потерю , послѣ долгаго времени нашихъ патрiотическихкихъ успѣховъ . Рейнская армiя , испышавшая и бѣдность , и жестокость годоваго времени , должна была прешерпѣшь новыя несчастiя . Ея благороднымъ усилiямъ измѣнилъ безчешный Пишегрю : онъ пролилъ кровь ея солдашъ . Маршалъ Сень-Сиръ , съ благородною въ наше время смѣлостью , кладеть

клеимъ безчестія на чело измѣнника, кошорому воздвигають нынѣ спашун. Но, сполько же справедливый сколько смѣлый, онъ не усугубляетъ его пресшупленій, уже и безъ того довольно сильныхъ; онъ не думаетъ, что бы измѣна Пишегрю простиралась шакъ далеко, какъ полагають другіе Историки, и не вѣришь, что бы онъ привелъ въ Мангеймъ не много войскъ, для того, что желалъ погубить ихъ. Маршалъ Сень-Сиръ знаетъ сердце человѣческое: Пишегрю не хотѣлъ бышь разбитымъ, потому что онъ продалъ-бы себя дешево. Этошь завоевашель Голландіи, кошорую холодь сдалъ ему безъ битвы, былъ лишень всѣхъ способностей. Согласно съ сужденіемъ многихъ, близко видѣвшихъ его современниковъ, Маршалъ Сень-Сиръ говоритъ, что никогда не замѣнилъ онъ въ Пишегрю ни ума, ни швердостя. Холодный, коварный, скрышній, Пишегрю шаялъ, подъ наружнымъ равнодушіемъ, необузданную склонность къ самымъ низкимъ удовольствіямъ, и продалъ себя за деньги и наслажденія. Онъ не предалъ своей арміи на полъ битвы: но что бы возбудить въ ней неудовольствіе и довести до возмущенія, онъ заставилъ ее провести зиму съ 1795-го на 1796-й годъ въ назначеннаго расположенія, и шакимъ образомъ мучилъ ее другою зимою, почти сполько-же шяжкою какъ и предшешествовавшая, не взирая на негодованіе Генераловъ Дезе и Сень-Сира, заступавшихся всевозможно за своихъ несчастныхъ солдатъ. Наконецъ, въ слѣдующій годъ онъ самовольно началъ проливать кровь Французскую. Во время осады Келя, его агеншы не пересшавали указывать, куда надобно

спиряясь, и такимъ образомъ погубила тысячи храбрыхъ. Но сей предатель не былъ Монкомъ, потому что, какъ говоритъ Маршалъ Сень-Сиръ, если тогда могъ явиться Кромвель, то еще невозможно было возникнуть Монку. Пишегриу зналъ, что ничего не лзя было сдѣлать. Онъ очень хорошо зналъ свою армію, свою землю, и не рѣшился бы покуситься на что бы то ни было отважное.

Наконецъ, съ 1796-мъ годомъ наступила самая необыкновенная кампанія первой революціонной войны. Журданъ явился въ Богеміи, Моро въ Баваріи, юный Бонапарте на Адиджъ и Бреншъ. Эта знаменитая кампанія, говоритъ Маршалъ Сень-Сиръ, могла-бы доставить средство написать полный трактатъ о войнѣ, потому что въ ней были всѣ роды войны вдругъ: осады, обложеніе крѣпостей, переходы черезъ рѣку въ присущствіи непріятеля, единственное въ новой Исторіи ошступленіе, и безпримѣрное нашествіе. Маршалъ Сень-Сиръ желалъ бы, что бы сія кампанія была описана, для вѣчнаго назиданія государственныхъ и военныхъ людей.

Двѣ арміи, бывшія на Рейнѣ, двинулись, одна ошъ Дюссельдорфа подъ предводительствомъ Журдана, другая ошъ Спрасбурга, подъ предводительствомъ Моро. При Моро находились Дезе, Сень-Сиръ и Лекурбъ. Точки ошбытія были въ прежнемъ разстояніи, по причинамъ, уже изложеннымъ нами. Въ то же время Бонапарте, получивъ шридцать съ тѣмъ-то тысячъ чловѣкъ, четыре года шершвшихъ недоставки въ Альпійскихъ горахъ и ошдан-

Июль 1830.

14

ных на удачу молодому Генералу, потому что они не ожидали ничего великого и как будто хотели выпытать счастья, Бонапарте сошел с Аппениновъ, и оставивъ за собою По, Милцию, Аджъ, утвердился на сей последней рѣкѣ, для того что бы уже никогда не осмелять ее. Едва успѣло это неожиданное вторженіе въ Италию взумить Австрію и даже Францію, какъ тридцать тысячъ лучшихъ Императорскихъ войскъ взято было съ Рейна, къ Вурмсеру въ Тироль, для того что-бы наказать дерзкаго молодого человека, столь необычайно выступившаго на сцену міра. Такое ослабленіе Австрійскихъ армій въ Германіи облегчило наступательныя движенія Журдана и Моро. Противъ нихъ былъ Эрцъ-Герцогъ Карлъ. Сначала онъ остановилъ Журдана, и послѣ этого пустился на Моро. Онъ нашелъ его гошовымъ къ битвѣ, послѣ переправы черезъ Рейнъ, столь же хорошо обдуманной, сколь смѣло исполненной. Проигравъ сраженіе, Эрцъ-Герцогъ рѣшился отступити и сосредоточить свои силы на Дунаѣ. При помощи своей превосходной кавалеріи, а по мнѣнію вѣкошорыхъ, можешь быть суровыхъ кришниковъ, благодаря медлительности нашихъ генераловъ, онъ отступилъ счастливо, находясь между нашими двумя арміями, сходящимися къ Дунаю угломъ. На этой рѣкѣ онъ остановился, занявшись счастливою мыслію, пришедшею ему на умъ, какъ онъ говоритъ, съ начала кампаніи, а по мнѣнію другихъ, родившеюся въ немъ въ это самое время. Онъ далъ сраженіе Моро при Нересгеймѣ, не съ тѣмъ, что-бы разбитъ, но что-бы занять его, и потомъ, соеди-

нивъ всѣ свои силы съ корпусомъ, наблюдавшимъ Журдана, онъ поразилъ его при Неймаркѣ, при Вирцбургѣ, и отодвинулъ къ Дюссельдорфу. Тогда Моро остался одинъ, въ срединѣ Баваріи, съ превосходною семидесятиштысячною арміею, но на безвѣрномъ разстояніи отъ своей опоры, и въ опасности, что Эрцъ-Герцогъ заслонитъ у него возвращенный путь черезъ Черныя горы. Это не смутило ни Моро, ни его генераловъ: Моро произвелъ опшупленіе, оставшееся навсегда образцовымъ; онъ разбилъ много разъ Лашура, у котораго было противъ него, правда, только сорокъ штысячь, но за то Лашуръ имѣлъ всѣ выгоды, сопряженныя съ наступательными дѣйствіями, безопасностью и привязанностью той страны, гдѣ происходили дѣйствія, между тѣмъ какъ на сторонѣ Французской арміи были всѣ невыгоды опшупленія, и большое сомнѣніе о возвращенномъ пути, а вокругъ нея неблагопріятствующій народъ. Сообщенія съ Франціею были опрѣзаны, и нѣсколько времени не имѣли даже извѣстій о Моро, когда вдругъ увидѣли его превосходную армію, выступающую изъ Черныхъ горъ, съ видомъ арміи побѣдоносной, со многими тысячами плѣнныхъ: она не потеряла ни опшавшихъ людей, ни знаменъ, ни пушекъ. Какъ не лѣзя лучше живописуешь Маршалъ Сень-Сиръ эшихъ солдатъ, сдѣлавшихъ отдаленный, восьмидесятичный походъ: они возвращались безъ обуви, безъ одежды, съ разбитымъ оружіемъ, и сохранили въ цѣлости только свои кожаныя вещи. Я ничего не видываль-говоришь благородный Историкъ—столь воинственнаго, какъ сіи солдаты, покрывыше рубищами,

изнуренные усшалостью, но съ увѣренными, даже нѣсколько страшными взглядомъ, какъ будто на другой день послѣ побѣды.

Между штыкъ Бонапарше уничтожилъ Вурмсера послѣ Болё, и послѣ Вурмсера Альвинци, то есть при арміи, изъ коихъ каждая была соединяема и усиливается два раза. Онъ привлекъ къ себѣ и испощилъ всѣ силы Австрійской Монархіи. Дѣйствія его арміи продолжались и зимою. Рейнская армія, находившаяся все еще на службѣ, въ то время какъ Самбро-Маасская ошдыхала, защищая съ геройскою смѣлостью Кельскую переправу, и дала время Италійской арміи испребыть послѣднія пособія Австріи, при Риволи. Солдаты Рейнской арміи не имѣли для согрѣванія себя ничего, кромѣ палисадовъ, которые разбивалъ непріятель пушечными выстрѣлами. Маршалъ Сень-Сиръ говоритъ, что они ждали, что бы ядра сбили палисады, схватывали ихъ съ крикомъ *vive la république!* и бѣжали жечь сіи обломки, дабы оживить свою засынувшую кровь: шакъ проводили они уже шрешью зиму.

Сіи жестокіе шруды кончились не раньше какъ въ Январѣ. Бонапарше привлекалъ всѣ событія шуда, гдѣ онъ былъ. Государственный Совѣтъ предписалъ Эрць-Герцогу Карлу заслонить ошъ Бонапарше дорогу въ Вѣну, а Директорія послала съ своей стороны въ Италію подкрѣпленіе, изъ шредаши штысячъ человекъ. Но съ самаго ошкрытія кампаніи, нашъ юный Генераль перешелъ Юлихскіе Альпы, невпровергъ всѣ препашшвія, какія пославлялъ ему Эрць-Герцогъ, и едва далъ время Рейнской арміи снова переправиться черезъ Рейнъ,

что было исполнено ею съ удивительнымъ мужествомъ. У воротъ Вьны онъ заставилъ гордую Имперію признашь существованіе Ресублики, и далъ миръ твердой землѣ.

Здѣсь останавливается повѣствованіе Маршала Сень-Сира. Мы сказали въ началѣ сей сшашьи объ основаніяхъ кришики, что они могутъ быть непреложны, и что кришика часто становится единогласною въ важнѣйшихъ предметахъ. Теперь мы представимъ доказательства этого. Четверо судей кришиковали достопамятную кампанію сію: Эрцъ-Герцогъ Карлъ, Генералъ Жомини, Наполеонъ и Маршалъ Сень-Сиръ. Говоря объ ошибкахъ, они всѣ согласны. Только нѣкоторыя ошибки причисляють къ прежнимъ, открытымъ уже его предшественниками, Маршалъ Сень-Сиръ, болѣе другихъ строгій судія.

Французовъ упрекають въ томъ, что они составили двѣ арміи, а не одну, и слѣдственно дали Эрцъ-Герцогу Карлу выгоду сосредоточеннаго положенія; въ томъ что они не старались соединиться и шѣмъ исправиль ошибку раздѣленія. Особенно упрекають Моро, что онъ не слѣдовалъ быспро за Эрцъ-Герцогомъ, когда сей бросился на Журдана, и не привелъ его въ опчаянное положеніе, въ какомъ вашелся бы шомъ, очутившись между двумя Французскими арміями.

Эрцъ-Герцога Карла упрекають, что онъ не воспользовался съ самаго начала своимъ сосредоточеннымъ положеніемъ. Онъ долженъ бы былъ выступить изъ Майнца и поразить Журдана и Моро, прежде нежели они перешли черезъ Рейнь, пора-

зпшь каждаго ошдѣльно , что и сдѣлалъ онъ послѣ. Его упрекають за шо , что онъ допустилъ принудить себя къ отступленію , котораго могъ избѣгнуть ; что онъ производилъ свой превосходный манѣвръ не довольно рѣшишельно ; что онъ оставилъ противъ Моро слишкомъ много войска ; что онъ слишкомъ далеко преслѣдовалъ Журдана , недовольно скоро возвратился противушать Моро , и не съ достапочнымъ числомъ войска , для шого что бы сдѣлать ему отступленіе невозможнымъ.

Въ сихъ различныхъ предметахъ , четверо наименованныхъ нами судей единогласны. Это надобно замѣнить для чести кришяки , у которой многіе желали-бы отнять право судить о военныхъ дѣйствіяхъ не по однимъ слѣдствіямъ оныхъ.

Въ самомъ повѣспивованіи Маршала Сень-Сира надобно слѣдовать за кришическими подробностями , вообще глубокомысленными и представленными прекрасно. Ограниченность мѣста не позволяетъ намъ сдѣлать этого здѣсь ; мы не можемъ заняться даже оспориваніемъ вѣкошорыхъ , слишкомъ строгихъ , какъ намъ кажется , замѣчаній. Скажемъ однакожь , что ошибка въ раздѣленіи армій принадлежитъ , болѣе чѣмъ полагаешь Маршаль Сень-Сиръ , Правительству , ибо Карно , вполне держась начершанной имъ для себя системы , предписывалъ генераламъ бышь въ сообщеніи одному съ другимъ , и въ шо же время безпрестанно швердилъ имъ , что они должны обходить фланги непріятеля : это заставляло одного изъ нихъ растягивашься къ Богеміи , а другаго къ Тиролю. Еще можно-бъ было поспорить о другомъ , важнѣйшемъ предметѣ. Маршаль

Сень-Сиръ , кажешся , оуждаешъ Правительство за шо , что оно ошкрыло въ Италіи новое поле бишь , хоша на оноь происходили величайшія дѣла. Видимъ , что высокія событія Итальянскія , и шпроецъ ихъ , занимають Маршала Сень-Сира гораздо менѣе , нежели Рейнская армія. Онъ справедливо говоришь , что идши въ Вѣну черезъ Италію , и проходишь два раза Альпы , было безумно , и что , когда самъ Наполеонъ могъ избирать , то онъ пошелъ шуда прямо черезъ Черныя горы и Дунай. Маршалъ Сень-Сиръ правъ съ одной шпороны ; однакожь онъ забываешъ , какинь образомъ приведены были къ дѣйствіямъ въ Италіи. Если бы вздумали идши въ Вѣну изъ Дюссельдорфа , изъ Спирасбурга , изъ Ниццы , въ одно время , шо вопъ эшо было-бы безуміе ! Но тогда и не думалъ никто о возможности дойдши до Вѣны. Самая смѣлая надежда состояла въ шомъ , что-бы всшунить въ Германію , пройдши шамъ нѣскольکو миль и выпграшь сраженіе. Въ Италіи , напрошивъ , надѣялись захватить у Австріи обласпъ , важную для нея , и шѣмъ вознаградишь себя за Нидерланды. Предполагалось , возвращивъ ей при мирѣ Ломбардію , заставишь уступити Нидерланды. Только смѣлый геній юнаго Генерала , далеко превзошедши предначершаніе , увлекъ Французовъ : изъ Ниццы они пошли въ Миланъ , а изъ Милана въ Вѣну. Такинь образомъ планъ произвели неожиданныя событія , и въ эшомъ случаѣ онъ не можешъ бышь осуждаемъ.

Здѣсь окончимъ наши замѣчанія , уже слишкомъ длинныя , и скажемъ , что мѣтніи Маршала Сень-Сира , даже когда ихъ можно оспоривашъ , остаються

новы, весьма основательны и достойны размышленія. Новые виды, по большей части, бывают спранны; но не шаковы виды Маршала Сень-Сира. Хотя онъ очень любитъ думать ошлично ош другихъ, но прошиворѣчьшъ не для одного удовольствія, и всегда открываетъ какія нибудь новыя, многообъемлющія почки зрѣнія. Мы упрекаемъ его шолько въ чрезмѣрной спрогости, особенно когда обращаетъ она прошивъ людей, до сего времени пользовавшихся всѣмъ нашимъ уваженіемъ. Напримеръ, кшо не ушладася, окружая нма Дезе всѣми поняшїями о геройшвѣ и военныхъ добродѣтеляхъ? Кому не прискорбно будешъ увидѣшь, что сомнѣвгюшся, нѣсколько, въ безкорышномъ характерѣ *прямодушнаго Султана* (*), и замѣцають одною страстшю къ военной славѣ его любовь къ ошечеству? Правда, что Маршалъ Сень-Сиръ говоритъ о немъ подѣ конецъ въ выраженїяхъ, дышащихъ любовью и почпеніемъ, и шѣмъ вознаграждаетъ за прискорбіе, причиняемое нмъ людямъ, которые желаютъ сшавы чшсшой, потому что ее любятъ. Непрїятно шакже видѣшь, что Маршалъ, во всѣхъ военныхъ совѣсахъ, вѣчно правъ въ ошношенїи къ Моро и Дезе, и непрїятно не потому что онъ правъ, но потому что неправы Дезе и Моро. Впрочемъ, въ повѣшшованїи Маршала ешѣ шакая прростоша, шакое добродушіе, при которыхъ невозможно сомнѣвашся въ его искренности. Они доказываютъ, что онъ истинно уважаетъ себя

(*) Такъ называли Дезе въ Верхнемъ Египтѣ.

высоко; а человекъ, высоко уважающій себя, всегда значить много: вѣришь, что онъ поддержишь столько же почтенія къ себѣ, сколько уважаешь себя. Жизнь Маршала Сень-Сира служишь этому благороднымъ и рѣдкимъ примѣромъ.

Кромѣ обилія и оригинальности въ видахъ, эти Записки ошлячаются военными разсказами, истинно прекрасными. Мы почишаемъ красотою въ военномъ повѣствованіи ясность, точность, и яркость красокъ, не противорѣчающую ученому изложенію. Зима 1795 года, славное дѣло Рашенское; сраженіе при Нересгеймѣ, ошсшупленіе 1796 года; битва Биберахская, переходъ черезъ Рейнъ при Дирсгеймѣ, сушь образцы военного повѣствованія. Кромѣ того, въ книгѣ Маршала Сень-Сира находящяся чершы частныя: означишь ихъ не лзя, но онѣ составляютъ одно изъ главныхъ достоинствъ хорошей Исторіи. Эти чершы показываютъ, попеременно, характеръ людей, впечатлѣнія ихъ подъ огонь, расположеніе ихъ при побѣдѣ или пораженіи, трудное искусство предводительствовать людьми, различіе характеровъ народныхъ, разнообразіе темпераментовъ, способныхъ къ войнѣ, различное вліяніе возрасша на умъ и качества военного человека, составъ армій, наконецъ шысячу предметовъ, весьма важныхъ для знанія людей на войнѣ. Маршалъ Сень-Сиръ ушвердилъ себѣ мѣсто между величайшими военными писателями; а это слава не малая. Военная Исторія ешь одно изъ основаній Науки Политики. Нельзя совершенно знать харшы какой либо страны, не изучавши сраженій, происходившихъ въ ней, и знать хорошо ошшоше-

нія одной страны къ другимъ можно не иначе, какъ зная хорошо ея каршу.

Въ числѣ разныхъ цѣлей, какія предполагалъ себѣ Маршалъ Сень-Сиръ, есть одна, не менѣе другихъ благородная: надобно показашь ее. Онъ хотѣлъ воздвигнуть патриотическій памятникъ одной изъ нашихъ армій, можешь бышь достойнѣйшей уваженія болѣе всѣхъ другихъ. До времени Имперіи, когда арміи всѣ смѣшались въ одну, и даже въ началѣ Имперіи, онѣ сохраняли каждая свой характеръ, образованнѣйшя отъ характера людей, которые вначалѣ сосставляли ее, отъ рода войны, какою занималась она, и отъ начальниковъ, которые предводительствоваали ею. Армія Испанійская, составленная по большей части изъ пламенныхъ жителей юга, избалованная побѣдою, наслаждавшаяся обиліемъ и роскошью, предводительствуемая самымъ огненнымъ изъ людей, отличалась неумѣренностью, дерзостью и гордостью необычайными. Сѣверная и Самбро-Маасская арміи, не столь пламенная по природному свойству, но столь же храбрыя, вкусила также наслажденія побѣды, и даже ея изнѣженства. Онѣ, вмѣстѣ съ Испанійскою, чрезвычайно отличались своими революціонными мнѣніями. Армія Рейнская представляешь совершенно отличный характеръ. Основаніе ея составляли волонтеры 1792 года; люди 1793-го были въ ней рѣдки. Находясь подлѣ Рейна, которой она должна была защищать на одной почкѣ, достигнуть его на другой, и никогда не переходить, эта армія осуждена была къ войнѣ оборонительной, въ раззоренной странѣ, подъ суровымъ небомъ. Она испытала затрудненія всѣ

каго рода, пораженья, шакъ же какъ и побѣды, жестокость времени года и бѣдность. Она была мало избалована и счастьемъ и Правительствомъ, которое не назначало ее къ завоеваніямъ; находило всегда шершавую, преданную, и не окружая пособіями, предоставляло ее собственнымъ ея дарованіямъ. Ей не оставляли даже Генераловъ ея: какъ скоро отличался кто нибудь, то его посылали въ Бельгію. Роль этой арміи сдѣлалась важнѣе въ 1796 году, когда подъ начальствомъ Моро ее послали въ сердце Германіи. Но, одну минуту побѣдоносная, она шотчасъ принуждена была принять другую роль и совершила тогда знаменитое отступленіе, удивительное не сколько гениемъ начальниковъ, сколько характеромъ солдатъ. Одинъ Генералъ измѣнилъ ей; другой, отъ невнимательности своей, нанесъ ей упрекъ, и она оставалась у Правительства въ подозрѣніи и почти въ немилости. Когда судьба революціи отдала Имперію одному изъ Генераловъ, то это былъ Генералъ не Рейнской арміи, а пламенной и честолюбивой Итальянской. Долго еще была она не въ большой милости, но есть до того времени, когда чудеса, свершенныя ею въ Германіи, увеличили благосклонность къ ней и изгладили ея характеръ. Скромность, умѣренность, удивительная дисциплина, холодная и твердая храбрость, словомъ, всѣ военныя добродѣтели отличали эту превосходную армію. Для нашей славы должно было означить сей особенный характеръ, ибо мы могли указать иностранцамъ на многія смѣлыя арміи наши, но гораздо менѣе было у насъ армій холодныхъ и не-

поколебимы въ счастьи и въ несчастъи. Однакожь онѣ были: примѣръ арміи Рейнской доказываешь, что некусное Правительствво можешь дашь намъ ихъ.

Духъ Рейнской арміи былъ не обольстительнъ, но привлекателенъ: онъ былъ вдохновеніемъ Маршала Сень-Сира и имѣлъ вліяніе на всѣ его сужденія. Ему нравились не только составъ сей арміи, но даже родъ войны, какой производила она. Его строгій умъ дорожилъ цѣннѣе войну методическую, нежели войну, сопровождаемую великими движеніями и необычайными послѣдствіями, какою ознаменовалась Имперія. Можеть быть, Маршалъ Сень-Сиръ правъ въ отношеніи нравственномъ и политическомъ, но не въ отношеніи къ Искусству. Наполеонъ, говоритъ онъ, двигая людей съ непостижимою быспрошою, съ изумительною свѣдостью, производилъ по же дѣйствіе съ малымъ числомъ солдатъ, что и съ большимъ, потому что онъ заставлялъ ихъ сражаться на многихъ почкахъ; онъ дѣйствовалъ скоро и рѣшительно; но выславля въ дѣло одни и тѣ же войска часто, онъ губилъ ихъ много, и истощалъ ихъ способности чрезмѣрнымъ упражненіемъ. Намъ кажется, что такимъ образомъ невозможно разсмаширивать военнаго генія. Пусть обвиняють въ Наполеонѣ подлишка, употреблявшаго во зло войну, слишкомъ часто и на многихъ почкахъ производившаго ее: это будетъ правда, хотя и пусть можно сказать еще многое о его положеніи, о его судьбѣ; но человекъ военный въ немъ, кажется, не заслуживаешь упрековъ, относящихся къ подлишку. Дѣлашь болѣе,

скорѣе, извлекашь болѣе пользы изъ людей, наконецъ дѣйствовашь Искусствомъ съ большею силою—не значить уклоняшьясь отъ истины своей цѣли. Должно избѣгать войны, если это можно; но когда война уже существуетъ, то пусть будетъ она быстра, ужасна, рѣшительна. Гораздо лучше одною битвою завоевать Королевство, какъ то было при Маренго, подъ Аусшерлицомъ, нежели семь лѣтъ продолжашь завоеваніе одной области. Быстроходъ, рѣшительность, даже сберегаютъ болѣе людей, хотя по видимому губяшь ихъ болѣе, если сморѣшь на потерю одного дня. Впрочемъ, въ этомъ предметѣ прудно отдавать преимущество основательнымъ образомъ. Война, правительство, переговоры, управленіе, носять на себѣ характеръ занимающихся ими, бывають разнообразны, какъ они, и не легче ихъ подводящяся подъ классификаціи.

Но, не оспанавливаясь на сихъ различныхъ мнѣніяхъ, скажемъ, что благоразумная, мужественная армія, которой Маршалъ Сень-Сиръ посвятилъ свое перо, достойна его и нашей дани уваженія. Оставляя Фоншенбло, Наполеонъ сказалъ своимъ старымъ гренадерамъ: *Теперь, когда мы не будемъ производить великихъ дѣлъ, я опишу тѣ, которыя мы совершили вмѣстѣ.* Эша великая мысль должна быть мыслью всѣхъ людей, совершившихъ замѣчательныя дѣла. По обязанности къ товарищамъ, они должны разсказать оныя—если только способны къ сему. Такъ послѣ обязанностей Генерала настаютъ обязанности Историка. Маршалъ Сень-Сиръ благородно исполнялъ шѣ и другія.

 СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКІЯ КНИГИ.

Государственная внѣшняя торговля 1828 года, въ разныхъ ея видахъ. Спб. 1829 г. въ ш. Деп. вн. торговли, in-4, 89 стр.

Государственная внѣшняя торговля 1829 года, въ разныхъ ея видахъ. Спб. 1830 г. въ ш. Деп. вн. торговли, in-4, 90 стр.

Въ прошедшемъ году мы не увѣдомляли читателей Телеграфа о выходѣ въ свѣтъ Видовъ торговли за 1828-й годъ. Намъ желалось представить важный предметъ книги — *внѣшнюю торговлю Русскую* — въ систематическомъ изложеніи, взявъ для сего основаніемъ опчеты о торговлѣ дѣль за двадцать сряду. При томъ былъ-бы случай войти въ нѣкоторыя поясненія, нѣкоторыя изложенія полезныхъ истинъ. Такой трудъ есть трудъ благонамѣренныхъ гражданъ. Правительство говоритъ, что сдѣлано, но судишь, но поясняешь для насъ оно не можешь, ибо въ семь случаевъ оно сдѣлалось-бы судьбою въ собственномъ дѣлѣ; обнаруженіемъ свѣдѣній оно вызываетъ насъ на подобныя труды. Скромное изложеніе мнѣній гражданъ есть плодъ просвѣщенія, и показываетъ значительную степень образованности. Къ сожалѣнію, недосташокъ матеріаловъ

за прежніе годы останавливаетъ насъ, а безъ нихъ всякое сужденіе останется догадкою, предположеніемъ.

Дабы желаніе: сдѣлать что либо существеннѣе, ближе ведущее къ цѣли рецензій, могущее болѣе принести пользы, не лишило чашапелей Телеграфа; хотя поверхностныхъ, но любопытныхъ свѣдѣній; мы рѣшаемся извѣстить ихъ о Видахъ торговли за 1829-й годъ немедленно по выходѣ сей книги. Присовокупимъ къ тому нѣсколько выводовъ за 1824, 1825, 1826, 1827 и 1828 годы. Съ 1824 года, въ выѣшнемъ порядкѣ своемъ, виды торговли издаются каждый годъ, постоянно и однообразно. Симъ одолжена публика просвѣщенному попеченію Директора Департамента Внѣшней Торговли, Д. Г. Бибикова.

Въ Предисловіи къ Видамъ торговли помѣщаются обыкновенно разныя соображенія, изъ нихъ извлекаемая, и исчисленіе замѣчательнѣйшихъ событій и распоряженій Правительства, касапельно внѣшней торговли. Упомянемъ о главнѣйшемъ.

Въ 1828 г. Московскіе фабриканцы захотѣли показашь образчики издѣлій своихъ въ Лейпцигъ; они отправили туда партію разныхъ выработанныхъ ими издѣлій. Разумѣется, что дѣло шло не о барышахъ: въ лѣсъ дровъ не возяшь; но *первый опытъ* ознакомленія иностранцевъ съ Русскими фабричными произведеніями на многолюдной Лейпцигской ярмаркѣ, былъ весьма удаченъ. Тамъ узнали то, что въ 1829 году подтвердила С. Петербургская выставка: иностранцы изумились нашимъ успѣхамъ. Газеты иностранныя были наполнены спашьями о любопытной новости.

Въ 1828 году, издано отъ Правительства положеніе о браковкѣ отпускаемыхъ изъ Россіи сырыхъ товаровъ; въ томъ-же году обложены пошлиною бѣлыя бумажныя матеріи; подшвержено запрещеніе ввоза въ Россію иностранной монеты низкой пробы; освобождены отъ плашежа въ пользу городовъ суда менѣе 10 ласовъ, приходящія въ Черноморскіе порты; разрѣшенъ пропускъ черезъ границу прикащиковъ и работниковъ съ одними плакатными паспортами; запрещенъ привозъ изъ Финляндіи черныхъ суконъ; усановлены взаимныя пошлины по торговлѣ съ Персіею; разрѣшенъ отпускъ изъ Кяхты въ Кишай хлѣба и масла, безъ ограниченія; разрѣшена на 10 лѣтъ свободная и беспошлинная торговля въ Камчаткѣ.

Въ прошломъ 1829 году, миръ съ Турціею пробудилъ торговлю Черноморскую, такъ, что съ Сентября мѣсяца до зимы прибыло въ Черноморскіе порты 283 корабля, и вывезено 374,000 четв. пшеницы, не смотря на раннюю зиму, и чуму, препятствовавшую торговымъ сношеніямъ. Каспійская торговля въ 1829 году усилилась: изъ Астрахани отправлено было на $1\frac{1}{2}$ милліона товаровъ болѣе противъ 1828 года; одного желѣза вывезено $\frac{2}{3}$ болѣе противъ 1828 года. Въ 1829 году Керчь и другіе Новороссійскіе порты получили разныя льготы; изданы: правила на вывозъ за границу хлѣбнаго вина; наставленіе корабельщикамъ, приходящимъ въ Россійскіе порты; инструкціи браковщикамъ щетины, конскаго волоса, юфти и пошаша. Не упоминаемъ о разныхъ облегченіяхъ торгую-

щимъ: въ таможенныхъ обрядахъ, полученіи корабельныхъ паспортовъ, измѣреніи кораблей, и проч.

Все это доказываетъ: 1° попечительность Правительства о всемъ, что доходитъ до его свѣдѣнія, и готовность его споспѣшествовать всякому полезному дѣлу; 2° утѣшительную истину, что наша торговая система тверда и прочна; Правительство не думаетъ измѣнять ея: оно знаетъ пользу постоянства въ мѣрахъ государственныхъ, и, единожды увѣривъ въ несомнѣнной пользѣ нынѣшней своей системы, все стремится къ одной цѣли, не смотря на возраженія и спаранія иностранцевъ.

Виды торговли могутъ пояснить замѣчательное обстоятельство, именно то: какъ полезно издавать опчеты, имъ подобные. Если Правительство стремится ко благу, то обнародованіе его дѣйствій есть вѣрнѣйшее средство приобрести довѣренность народа. Одно слово, сказанное при такомъ опчетѣ, часто имѣетъ дѣйствіе сильнѣе строгаго указа. Народъ довѣрчивъ, когда видитъ что его любятъ, уважаютъ, и говорятъ съ нимъ искренно. Государь Ошецъ; подданные его дѣти: такъ приучили насъ думать Монархи наши! Изданіе Опчетовъ кредитныхъ постановленій, Видовъ торговли, Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, много рѣшаетъ недоумѣній, которыя безъ нихъ оставались бы для насъ нерѣшенными. Если-бы у насъ издаваемъ былъ ежегодный опчетъ, напримѣръ, за нашу судебную часть—сколько должныхъ повяшій пояснень бы онъ для народа, и сколько имѣлъ-бы благихъ слѣдствій! А приученіе народа мыслять, разсуждать

Июль 1830.

45

по фактамъ? Дѣло весьма важное! Судяшь-же и рядяшь и безъ свидѣній:этого не лзя запретишь, не лзя этому воспрещяшспивовать; но шо-шо и худо, что сужденія бывають ложныя, а знающій дѣло желалъ-бы доказашь несправедливость ихъ, но на чсмъ опереться? Ооставимъ Юриспруденцію. Сообразише пользы *Видовъ внутренней торговли и промышленности*, отъ Департамента Внутренней Торговли издаваемыхъ, подобно издаваемымъ отъ Департамента Внѣшней Торговли: онѣ безчисленны, мы увѣрены, что *Виды внутренней торговли* сдѣлались-бы насольною, полезнѣйшею книгою и любимымъ чтеніемъ нашихъ фабриканшовъ, заводчиковъ и купцовъ. Умъ шребуешь пици: безъ нея онъ гибнешь, а безъ ума жишь плохо...

Да просыашь намъ это отшпушение; оно сдѣлано съ желаніемъ общаго добра. Обращаемся къ Видамъ внѣшней шорговли.

Вообще шорговый балансъ внѣшней шорговли нашей, въ шеченіе *шести* послѣднихъ лѣтъ былъ слѣдующій:

	Привозъ.	Вывозъ.	Общій шорговъ.
Въ 1824 г. .	181,035,504	206,353,808	387,389,312
» 1825 г. .	195,095,250	236,351,242	431,446,492
» 1826 г. .	184,861,692	183,274,696	368,136,388
» 1827 г. .	203,118,426	236,163,597	444,282,023
» 1828 г. .	205,146,996	200,645,016	405,792,012
» 1829 г. .	238,936,794	219,250,011	458,186,805
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	1,213,194,662	1,282,038,370	2,495,233,032.

Слѣдовательно, въ шесть лѣтъ оборотъ капита-
ловъ по вѣтшной торговлѣ нашей простирается до
2,500 милліоновъ, изъ коихъ около 1,300 сослуживъ
отпускъ, а болѣе 1,200 *привозъ*. Перевѣсъ отпуска
сослуживаетъ въ нашу пользу 68,843,708. Выгодные
по балансу годы сушь: 1824 (25 милліоновъ), 1827
(28 милліоновъ), 1825 (41 милліонъ); невыгодные:
1826, 1828, 1829.—Разумѣется, что эпошъ балансъ
шребуешъ особеннаго размощрѣнія, и не доказы-
ваетъ приращенія нашихъ богатствъ. Здѣсь должно
принять *цѣнность* шоваровъ, а не цифры. Сшобра-
жая, на примѣръ, цѣну чая, мы находимъ, что въ
Вѣдахъ шорговли 1829 года, 153,520 пудовъ и
42 ящчка чаю цѣняшся въ 7,398, 373 рубля; но эпо
условленная, промѣнная съ Кшшайцами цѣна, а въ
дѣйствштельность намъ приходилось мѣсто чаю
цѣшшочнаго (40 фуншовъ) отъ 350 до 450 рублей,
а просшаго (60 фуншовъ) отъ 170 до 220 рублей
(см. Телеграфъ 1829 г. N 24, стр. 413, 416). Другой
примѣръ: въ 1817 году, мы опшпустили за границу
хлѣба 5,241,000 четвершей; въ 1827 г. 3,443,335
четвершей; но за 5¼ милліоновъ четвершей, въ
1817 г., мы взяли 142 милліона рублей, а за 3½,
въ 1827 г., только 37½ милліоновъ. Слѣдшвенно:
перевѣсъ *нумершескшй* одно, перевѣсъ *метшшый*
другое.

Вошъ выписка, могущая подашь поводъ къ со-
ображеніямъ вообще:

Отъ насъ отпущено:

	1824,	1825,	1826,	1827,	1828,	1829.
Хлѣба на. . .	12	16½	16¾	37½	15	34
					15*	

Товаровъ мануфак-
турныхъ необра-

ботанныхъ. . . 154 185 $\frac{1}{2}$ 136 157 $\frac{1}{2}$ 145 145 $\frac{1}{2}$

Мануфактурныхъ

издѣлій. . . 21 $\frac{1}{2}$ 22 $\frac{1}{2}$ 15 $\frac{1}{2}$ 20 $\frac{1}{2}$ 21 $\frac{1}{2}$ 18 $\frac{1}{2}$

Къ намъ привезено:

	1824,	1825,	1826,	1827,	1828,	1829.
Кофе.	5 $\frac{1}{2}$	6 $\frac{3}{4}$	4 $\frac{1}{2}$	6 $\frac{1}{4}$	6 $\frac{1}{2}$	5
Чаю	6 $\frac{1}{4}$	5	5 $\frac{3}{4}$	6 $\frac{3}{4}$	6 $\frac{3}{4}$	7 $\frac{1}{2}$
Винъ.	7	8	7 $\frac{1}{2}$	10 $\frac{1}{4}$	8 $\frac{3}{4}$	7
Шампанск. . . .	2 $\frac{1}{4}$	2	1 $\frac{1}{2}$	2 $\frac{1}{2}$	2	2
Песку сахарн. . .	26	35	29 $\frac{3}{4}$	29	33 $\frac{1}{4}$	38 $\frac{1}{2}$
Пряд. бум. . . .	32	31 $\frac{1}{2}$	36	29	27 $\frac{3}{4}$	34 $\frac{1}{2}$
Мануфакш. изд. .	30 $\frac{1}{4}$	34 $\frac{3}{4}$	33	40	36	33 $\frac{1}{2}$

Замѣшимъ, что въ числѣ мануфактурныхъ издѣ-
лій, мы получили:

	1824	1825	1826	1827	1828	1829
Бумаги	10,408	11,174	12,627	15,000	12,540	10,433
Шелков	6,687	8,659	6,749	8,428	8,211	7,025
Блондъ , кружевъ } и шюля }	0,563	0,332	1,248	1,204	1,453	

Впрочемъ, цѣны могутъ ввезти въ ошибку; мѣра
вѣрнѣе покажетъ дѣло. Мы получили:

Кофе, въ	1824 г.	107,685	пуд.
—	1825 —	106,560	—
—	1826 —	95,235	—
—	1827 —	155,697	—
—	1828 —	157,251	—
—	1829 —	134,065	—

Шампанскаго вина.

въ 1824 г.	374,678	буп.
— 1825 —	326,071	—
— 1826 —	248,567	—
— 1827 —	396,630	—
— 1828 —	345,656	—
— 1829 —	337,951	—

Если возьмемъ для соображенія 1818 годъ, мы найдемъ, что тогда привезено было къ намъ кофе только 62,816 пуд. (на 3,279,537 рублей), а Шампанскаго 158,804 бушлыки, на 1,228,579 рублей.

Къ сожалѣнiю, предѣлы нашей снати не позволяють намъ входить здѣсь въ дальнѣйшiе вычесы и выписки; но и немногое доказыаешь уже, какъ любопышны и важны могутъ бытъ, не для ученыхъ только спашисшиковъ, но и для всякаго образованнаго гражданина разсмотрѣнiя опчетовъ о главннхъ предмешахъ общественной жизни, и размышленiя, отъ того раждающiяся. Россiя — мы, всѣ мы, Рускiе; жизнь гоеударшва есть соединенiе *нашихъ* частннхъ жиней въ шѣль гоеударшвенномъ; коего *души* Правителештво. Думаешь, размышляешь надобно, любезные соотечешвенники! Время физической жини для насъ прошло. Если будемъ оспашаться съ вещешвенною, спарою жинью между другими народами, живущими жинью умешвенною, то они насъ обчесашають, обманушь, проведушь во всѣхъ опношенiяхъ. Пожелаемъ, чтобы Дюпенъ явился шенерь и у насъ въ Россiи. Ему сыщешся много дѣла, найдешся

и много людей, могущихъ понимать его. Сколько пояснилъ-бы онъ изъ того, что есть уже у насъ напечатаннаго, обнародованнаго!

Н. П.

— *О выдѣлываніи сахара изъ свекловицы.* Разсмотрѣніе дѣйствія веществъ, употребляемыхъ для ошшога сиропа, и мысли о томъ: лучше-ли употреблять для кристаллизаціи прошивни, или формы? Соч. Клемандо. Пер. съ Франц. М. 1830 г., въ ш. Авг. Семена, in-12, III и 54 стр.

— *Руководство производить постройки изъ мокрой глины*, дешево, прочно и красиво. Соч. Карла Шписсера; пер. съ Нѣм. Карлъ Зейдель. СПб. 1829 г., въ ш. Ив. Байкова, in-8, 32 стр.

Первая изъ сихъ книгъ издана Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства, вторая С.Петербургскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ: вошь уже хорошая рекомендація. Прибавимъ, что Сочинитель первой, Г-нъ Клемандо, опытный Французскій заводчикъ, пишущій, что узналъ онъ практически на свекловично-сахарномъ заводѣ своемъ; Сочинитель второй, Г-нъ Шписсеръ, вызванъ по ошибочнымъ его свидѣніямъ изъ Пруссіи, для управленія Луганскимъ образцовымъ заведеніемъ сельскаго хозяйства. Имя Переводчика первой книги, кажется, есть имя извѣстнаго уже переводомъ множества полезныхъ хозяйственныхъ книгъ Литтератора; книгу Г-на Шписсера перевелъ Библиошечкаръ Экономическаго Общества, Г-нъ Зейдель, кое-

го шруды заслужили десное внимайе почтенныхъ Членовъ, сіе Общество составляющихъ.

Г-нъ Клемандо ошвергаетъ Ахардову систему сахароваренія, и счишаетъ лучшими способы колоніяльный и Французскій (Дюбрюнфо), съ нѣкошорыми измѣненіями; шребуешъ введенія сахароваренія парами; доказываетъ преимущество формъ предъ кристаллизаціонными прошивными, и проч., долженствующее обратиться на себя вниманіе заводчиковъ.

Г-нъ Шшиссеръ излагаетъ прекрасный, ушпреляемый въ Пруссіи способъ: шстроить избы и здавія изъ сырой глины съ солбмою. Эшо совсѣмъ опашчннй ошъ землебишнихъ родъ строеній. Желашельно, чшобы жишелн безлѣсныхъ мѣстъ; и особашво помѣщики, прочишали книжечку Г-на Шшиссера. Въ концѣ оной описано улушчение соломенныхъ крышъ, посредшвомъ покрышія оныхъ расшворомъ изъ глины, лошадиного помеша и чашти гашеной извести. Главное въ шомъ, чшо шакая крышка дѣлаешъ шстроеніе безошаснымъ ошъ пожара, лучше всякой деревянной, не говоря уже о соломенныхъ просто.

***.

— *Военная дѣйствія Россійскаго гребнаго флота, подъ начальствомъ Вице-Адмирала Бредаля, на Азовскомъ морѣ, въ 1736, 1737 и 1738 годахъ. Составлено изъ современныхъ актовъ А. Висковашовымъ. Спб. 1830 г., въ ш. Н. Греча, in-8, 41 стр.*

· *Сшашья изъ Сына Ошечества, особо опшечашанная. Дѣйствія нашего флота, описанныя Г-мъ Ви-*

сковашовымъ, были первыя на Черномъ морѣ, послѣ Петра Великаго. Ласси дѣйствовала тогда на сухомъ пути, Бредаля на морѣ. Послѣ Петра все пошло вяло: и Бредаля и Ласси не отличились своими воинскими подвигами, но историческія подробности оныхъ весьма замѣчательны. Вообще, трудно собирать матеріалы для Исторіи нашей отъ Петра до Екашеринны. Лѣтописцы молчали, печатнаго было мало, записки рѣдки. Г-нъ Висковатовъ имѣлъ въ рукахъ рукописный журналъ Бредаля, и пользовался имъ.

— *Направленіе ума и сердца къ истинѣ и добродѣтели.* Ч. I. М. 1830 г. въ ш. Университ., in-8, 232 стр.

Собраніе историческихъ, нравственныхъ примѣровъ, благочестивыхъ размышленій, повѣстей и анекдотовъ: здоровая пища для юныхъ умовъ. Всего будетъ *три* часши. Изъ посвященія мы узнаемъ, что это занятіе досуга Профессора Московскаго Университета, П. В. Побѣдоносцева. Родители и наставники поблагодарятъ почтеннаго Профессора, посвящающаго и досуги труду полезному.

— *Mémoires de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou (Записки Московскаго Общества Естественныхъ испытателей).* Т. IV. М. 1830 г. въ ш. Университ., in-4, 287 стр., съ 9-ю таблицами изображеній.

— *Notice sur le Tettigopsis, nouveau genre d'orthoptères de la Russie (Замѣчаніе о новомъ родѣ Россійскихъ полужесткокрылыхъ насекомыхъ, называемомъ Tettigopsis.* Приглашительная программа къ публич-

тому засѣданію Московскаго Общества Естественныхъ Испышателей, для принятія новаго Президента Общества, Князя Д. В. Голицына, Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора, Президента Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, и проч. Соч. Г. Фишера Фонъ-Вальдгеймъ) М. 1830 г. въ ш. Университ., in-4, 16 стр., съ рисункомъ.

Московское Общество Естественныхъ Испышателей имѣло засѣданіе 12 Іюня, для принятія новаго Президента, и для прощанья съ уважаемымъ своимъ Директоромъ, Г. И. Фишеромъ. Послѣ 25-ти лѣтняго постояннаго пребыванія въ Москвѣ, получивъ пособіе отъ Высокаго Покровителя Наукъ, Г-нь Фишеръ рѣшился сдѣлать путешествіе по Германіи и Франціи, съ цѣлью: возобновить и укрѣпить свои ученые связи, узнать на мѣстахъ новое по своимъ занятіямъ, отдохнуть въ кругу Европейскихъ своихъ собраній. Онъ уже отправился въ путь. Общество избрало Директоромъ, на время его отсутствія, Профессора К. И. Яниша.

Содержаніе программы составляетъ сдѣланіе изъ IV-го тома *Русской Энтомографіи*, приготовляемаго къ напечатанію Г-мъ Фишеромъ. Это описаніе одного новаго рода изъ полужесткокрылыхъ насекомыхъ (orthoptères; къ нимъ принадлежишь саранча). Вообще дѣлать ихъ на три разряда, по системѣ Лашрея. Насѣкомое, которому Г-нь Фишеръ даетъ названіе: *Tettigopsis*, принадлежишь къ разряду прыгуновъ (les Sauteurs), и по Лашрею относилось къ семейству, называемому: *Lacustariae*, и къ виду *Ephippiger*. Г-нь Фишеръ доказываетъ, что

Tettigopsis есть видъ особый, раздвѣляющійся на четыре различія: *T. gryllus pedo* (по Палласу); *T. serrata*; *T. nudipes*; *T. vittata*, описываемый шеперь Г-мъ Фишеромъ, и доставленный ему изъ Сарептскихъ степей.

Четвертый томъ *Записокъ Общества*, нынѣ изданный, былъ напечатанъ въ 1812 году, и сгорѣлъ тогда, вмѣстѣ съ другими томами. Известно, что на напечатаніе всѣхъ погибшихъ томовъ *Записокъ Общества*, Высочайше повелѣно опустити пошребную сумму денегъ. Общество издастъ сіи томы вновь.

— *Исторія Русскаго народа*. Сочиненіе Николая Полеваго. Томъ II. М. 1830 г. въ ш. Авг. Семена, in-8, 472 и 34 стр.

Въ семь томъ изображается Исторія Русскаго народа отъ кончины Ярослава Владиміровича до кончины Георгія Владиміровича Долгорукаго: событія отъ 1055 до 1157 года. Сіи *сто лѣтъ* я почитаю *первою половиною періода Удѣловъ*, начавшагося съ кончиною Ярослава и Удѣлами сынамъ его. Кончина Долгорукаго показываетъ рѣшишельный переломъ въ событіяхъ; смѣсима полишическихъ отношеній тогда измѣнилась: Князь Андрей Георгіевичъ оставяетъ Кіевъ; Суздаль дѣлается Великимъ Княжествомъ. Происшествія съ сего времени до самаго нашествія Ташаръ, сославяшъ содержаніе III-го тома, конимъ заключимъ *періодъ Удѣльной системы въ Россіи*.

Мнѣ предлежалъ трудъ ушомшельный. Надобно было войдши въ жѣлочную повѣрку тысячи событій,

найдши порядокъ въ пестромъ разнообразіи дѣлъ, представивъ его въ ясной системѣ, обрисовавъ характеристическія ошлочки лицъ, являющихся обширною шолпою, въ печеніе 170 лѣтъ.

Донынѣ Историки наши изображали періодъ Удѣловъ какъ нѣчто безумное, какъ время какого-то ослѣпленія умовъ (если можно такъ выразишься). Карамзинъ ошкорошено говорилъ: «Знаю, что «бишвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія «безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ (онъ распространялъ періодъ Удѣловъ до Іоанна III-го), «маловажны для разума; что сей предметъ не бо- «гашъ ни мыслями для прагматика, ни красочами «для живописца.» Онъ признавался, что періодъ Удѣловъ скученъ, несносенъ. Что видимъ въ немъ? «Безмысленныя драки Княжескія!» (Ист. Г. Р. т. VI, «стр. 5) — Толпы злодѣйствуютъ, рѣжущая, за- «чешъ Мономахова или Олегова дома (*Введеніе*, «стр. XV). — Карамзинъ сказывалъ, что описыва- «ешь періодъ Удѣловъ подробно, не смотря на ску- «ку и бесполезность его, пошому шолько, что «*хва- «стливость* авторскаго краснорѣчія и *нѣга* чашаше- «лей» не должны осуждать «на вѣчное забвеніе дѣ- «ла и судьбу нашихъ предковъ. Они спрадали, и «своими бѣдствіями изгошовили наше величіе, а «мы не захошимъ и слушаешъ о шомъ, ни знаешъ, «кого они любили, кого обвиняли въ своихъ не- «счастіяхъ?» — Въ ушѣшеніе скучающихъ чашаше- «телей, Карамзинъ обращался къ нимъ съ право- «учительнымъ увѣщаніемъ: «Иноземцы могутъ про- «пуститъ *скутное* для нихъ въ нашей древней Ис- «торіи; но добрыя Россіяне не обязаны-ли имѣти

«*болѣ терпѣннѣя*, слѣдуя правилу государственной «*нравственности*, которая ставишь уваженіе къ «*предкамъ въ достоинство гражданину образованному*? Исторія не романъ и мѣръ не садъ,» и проч. и проч.

Признаюсь : все это мнѣ казалось, и кажется, чѣмъ-то дѣтскимъ. Такъ можно говорить только съ дѣтми, заставляя ихъ читать учебныя, скучныя книжки. И чего ожидаешь отъ Историка, который такъ думаешь, создавая прагматическую Исторію государства ?

Не знаю, успѣлъ-ли я доказать 2-мъ помомъ Исторіи Русскаго народа, что мнѣнія моихъ предшественниковъ о періодѣ Удѣловъ несправедливы. Въ словахъ Карамзина явное прошиворѣчіе. Если предки «*своими бѣдствіями изготовили наше величіе*», то какъ-же называешь сіи бѣдствія «*безсмысленными драками*?» Дѣло въ томъ, что намъ трудно угадаешь *смысль* ихъ. Но въ этомъ предки-ли наши виноваты ?

Послѣ множества соображеній, мнѣ казалось, что я, хотя опчасши, разгадаешь періодъ Удѣловъ. Повторю, что не знаю, умѣлъ-ли я вѣрно понять, еще болѣе-хорошо изобразить его. — Для сего почель я необходимымъ изъяснить ошдѣльно сущность перваго періода Русской Исторіи, показавъ отношеніе Руси къ Европѣ, изобразить во всѣхъ подробностяхъ бытъ Руси съ X по XIII-й вѣкъ. Этому посвящилъ я почти половину 2-го тома, показывая политическое, гражданское, нравственное, религіозное и умственное состояніе Руссовъ.

Пошомъ раздѣлялъ систематически «*безсмысленныя драки Княжескія*,» и мнѣ казалось, что онѣ изъясняются началомъ и первобытнымъ состояніемъ Русскаго народа; что послѣ сего дѣла развиваются въ стройномъ порядкѣ мнѣніями, повѣрьями, обычаями; что сильныя характеры сверкають во мракѣ, и что надъ минимымъ хаосомъ событій видѣть персть судебъ, правильно, постоянно ведущій къ цѣли, видна—систематическая Исторія.

Важное дѣло: не наскучишь читателямъ при всемъ стараніи бышь нескучнымъ! Но, повторишь ли, что сказала я на стр. 284-й II-го тома: «Раскрывая истину, не думаю льстишь нѣгѣ читателямъ... Кажется, можемъ уже осмѣлишься на понятіе объ Исторіи болѣе основательное, и почишай современниковъ людьми, ищущими въ Исторіи не одной шолько пустой занимательности сказаній, но и предмета для размышленій.»

Изобразишь вѣкъ, изобразишь дѣйствователей, какъ они шочно были, какъ дѣйствовали — вопш только о чемъ старался я касательно изложенія, изучая лѣтописи, вникая въ слова ихъ, опшичая истину отъ лжей, ошибокъ, пристрастія. Карамзинъ, несправедливо смолчѣвшій на періодъ Удѣловъ, кромѣ шого впалъ въ (неумышленную, а можешь бышь и умышленную) ошибку, излагая сей періодъ: онъ ложными красками опшѣнилъ одни лица, набросилъ мрачныя шѣни на другія, превращено изъяснял и — ихъ великолѣпно — по пустошу орашорствовалъ. Безъ всякаго негодованія указываю я на ошибки его, въ примѣчаніяхъ 2-го тома,

безпристрастно повѣствую, не хвалю, не браню, пишу только истины, вѣрности поршрешовъ и каршинъ.

Предавая книгу мою суду чашашелей, не требую предварительно ихъ снисхожденія; напротивъ прошу судить строго, но только безпристрастно. Многое является у меня совсѣмъ иначе, противъ моихъ предшественниковъ. Въ Исторіи нашей еще столько необработаннаго, столько преобладающаго поясненій, изслѣдованій, что смѣлая новостъ легко покажется — однимъ, гипотезою, не основанною на доказательствѣхъ положительныхъ, другимъ, вовсе невѣроятностью. Прошу въ такомъ случаѣ не вѣрять мнѣ на слово, не вѣрять и своему предубѣжденію, но изслѣдовать доказательства и основанія. Сличеніе Русской Исторіи съ Исторіею Европы; выводы изъ соображенія конституцій вольныхъ городовъ Европы западной съ конституціею Новгорода; предположенія о поэтическихъ сагахъ нашихъ; повѣрка сказанія Лѣтописей событіями, историческими извѣстіями Географіею; истинное понятіе о древнихъ законахъ, и политическомъ, религіозномъ и нравственномъ бытѣ Руссовъ — все это, уже столь знакомое для новѣйшихъ ученыхъ изслѣдователей Европы, можешь показаться у насъ, для многихъ, слишкомъ дерзкою новостью. Время оправдаешь меня, если я правъ; если же не правъ — время докажетъ мои ошибки...

Всѣхъ менѣе думаю о совершенствѣ моего труда, усерднаго, но далеко недоснапочнаго. Смѣю однакожь надѣяться, что не всѣ чашашели согласятся

съ моими литературными собратами, опнимающими у меня даже здравый смысл. Это со стороны моих неумолимых прошивников — по крайней мѣрѣ — не учтиво....

Н. П.

— *Журналъ пѣшеходцевъ* отъ Москвы до Росшова и обратно въ Москву. Издавъ М. Н. Мкрв. М. 1830 г., въ ш. Университ., in-16, 226 стр.

Авторъ, извѣстный собиратель народныхъ преданій, сказокъ, старинныхъ былей, забытыхъ Исторіею, словъ, умершихъ въ нынѣшнемъ быту нашемъ, представляешь себя идущимъ изъ Москвы по Троицкой дорогѣ до Росшова. Туть встрѣчаешь онъ какого нибудь оригинала; тамъ догадываешься о названіи мѣста; здѣсь прислушивается къ крестьянскому разсказу; въ иномъ мѣстѣ описываетъ удѣлѣвшую древность. Мысль книги хороша; многое любопытно. Для чего почтенный Авторъ не сдѣлаетъ чего нибудь систематическаго изъ всего, замѣченнаго имъ о старинѣ? Для чего не займется однимъ какимъ-либо предметомъ Русской старины, напримѣръ: передачею намъ старинныхъ сказокъ народныхъ? Вошь предметъ, коего матеріалы годъ отъ году теряются при нашей безопасности, и при поспешенно исчезающихъ старинныхъ формахъ нашихъ простолудиновъ!

— *Избранныя мѣста изъ Англійской Исторіи*, или любопытныя и достопримѣчательныя происшествія, происхождение, обычаи и нравы, значительнѣйшія сраженія, и проч., отъ начала сей Монар-

хін до кончини Георга П. Твореніе, изданное для образованія юношества Г-мъ Р. І. Б. Н. Пер. съ Французскаго. М. 1830 г. въ ш. Авг. Семена, in-8, 318 стр.

Это одна изъ множества изданныхъ на Французскомъ языкѣ книгъ, подъ названіемъ: *Beautés de l'histoire*. Переводъ оной сдѣланъ былъ юными воспитанницами пансіона Г-жи Шрейеръ, при ихъ занятіяхъ переводами съ Французскаго языка. На память имъ, Содержательница Пансіона собрала и напечатала учебныя ихъ занятія. Намъ пріятно было прочиташъ нравственное, оживленное благоуміемъ и нѣжною дружбою, посвященіе книги оны Г-жи Шрейеръ ея воспитанницамъ.

— *Купецскій сынокъ*, или свидѣствіе неблагоумнаго воспитанія. Нравственно-сатирическій романъ. М. 1830 г. въ ш. С. Селивановскаго, in-8, 44 стр.

Издашъ Телеграфа естъ одна изъ тѣхъ цѣлей, въ которыя всего чаще спрѣляется *Литтературная Газета* своимъ критическимъ горохомъ. До сихъ поръ Издашъ Телеграфа молчалъ, смѣялся надъ соперниками, не опасными и не ловкими. Но теперъ одна изъ сташеекъ *Литтературной Газеты* вынуждаешъ у него нѣсколько не шумливыхъ словъ. *Литтературная Газета* замахнулась на него камнемъ; онъ выхватываешъ эшотъ камень, и бросаешъ его ей обратню, прямо въ лобъ.

Вотъ сташейка *Литтературной Газеты* (см. № 43, стр. 72.) 1 «Новыя выходы противъ шакъ

называемой Литшературной нашей Аристокраціи, столь-же недобросовѣстны, какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ писателей, принадлежащихъ будшо-бы этой парціи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напрощивъ, *Сверная Писла* помнишь, кто упрекалъ поминутно Г-на Полеваго шѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодалскою нешерпимосшью нѣкоторыхъ чиновныхъ Журналистовъ. При семъ случаѣ замѣшимъ, что если большая часть нашихъ писателей дворяне, то сіе доказываешь только, что Дворянство наше (не въ примѣръ прочимъ) грамошное : этому смѣяться нечего. Если-же-бы званіе дворянина ничего у насъ не значило, то и это было-бы вовсе не смѣшно. Но пренебрегаешь своими предками, изъ обасенія шутокъ Гг. Полеваго, Греча и Булгарина, не похваляно, а не дорожишь своими правами и преимуществами глупо. Недворяне (особливо не Русскіе), позволяющіе себѣ насмѣшки на счешъ Русскаго дворянства, боѣе извинительны. Но и шутъ шушки ихъ достойны порицанія. Эпиграмы демокрашическихъ писателей XVIII-го столѣтія (которыхъ впрочемъ ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ нашими невозможно) приугошвили крики : *«Аристократовъ къ фонарю!»* и ничушь не забавные куплеты съ припѣвомъ : *Повѣсимъ ихъ, повѣсимъ. Avis au lecteur.»*

Сомнѣваюсь, можно-ли писать недобросовѣстнѣе этого.

Съ чего берешъ Литшературная Газеша, что Полевой насмѣхаешся надъ дворянскими грамашамъ
Июль 1830.

ся Издашелей? *Нигдѣ и нигдего не говоришь Полевой объ эшомъ, и не можешь говорить, ибо все помѣщающее въ его Журналъ есть доказательство; что основаніемъ всѣхъ его дѣлъ и мыслей были и будутъ уваженіе къ гражданскому порядку, законамъ ошечества, заслугамъ Русскаго Дворянства, желаніе счастья и благоденствія опчизнѣ. Правда: Полевой не станешь самъ добиваться дворянства, ибо смѣешь думать, что въ глазахъ соотечественниковъ званіе купца, въ кошоромъ онъ родился, ни чужь не унижаетъ его; Полевой не почиаетъ въ шоже время дворянскаго званія ручательствомъ за умъ, добродѣшель, п еще менѣе за литературное достоинство геловѣка. Совершенная правда! И вошь за послѣднее-шо мнѣніе Литшературная Газеша спавилъ шушки Полеваго на ряду съ эпиграммами Марашовъ и Французскихъ революціонныхъ Газешчиковъ. И Издашели Литшературной Газешы не спыдяшся своего Avis au lecteur! И эшо значить у нихъ: *Аристократовъ къ фонарю!* Какъ назвашь такія ничтожныя, бѣдныя средства защиты?*

Я хотѣлъ шолько указать на литшературную недобросовѣшность Литшературной Газешы. Опроверженія она не спойтъ и не заслуживаетъ. Я почиаю себя выше преній о подобныхъ предметахъ.

Дѣло въ шомъ, что Литшературная Газеша есть послѣднее усиліе жалкаго *литшературнаго аристократизма*, н—вошь вся загадка! Грамашь на *литшературное достоинство* герольдія нынѣшней

Кришкы не только не утверждаешь современнымъ литературнымъ аристократямъ, но оспоришь оныя и у тѣхъ литературныхъ аристократовъ, копорые давно похоронены съ названіемъ *болръ*. Теперь не дають пропуска на Парнасъ тѣмъ, копорые лѣтъ за десятокъ называли себя помѣщиками Парнасскими. Разумѣется, что такимъ помѣщикамъ горько приходишь, но—что дѣлать! Литературный аристократизмъ довольно шалитъ у насъ. На него нападай и всегда будешь нападашь Телеграфъ. Различіе между *дворянствомъ* и *литературнымъ аристократизмомъ* весьма легко понять. Положимъ, напримѣръ, что Князь Вяземскій напишетъ дурные стихи, а я смѣло скажу ему объ эшомъ; онъ Князь! Что за нужда? Развѣ Княжесво его стихами записано въ родословную книгу, и стихи его копія съ дворянской граматы? Княжесво его при немъ, а поэтъ онъ все таки будешь плохой. Ришельё былъ Министръ великій и Кардиналь, но стихи писалъ прегадкіе.

Прошу литературныхъ аристократовъ вѣришь, что въ числѣ моихъ недостатковъ нѣтъ литературной шрусости. Дворянскія граматы и дипломы ученые не спасуть ошь меня худыхъ писателей, хоши-бы они были *самые знаменитые друзья*. Уже нѣсколько лѣтъ пляба судится публикою, и едва-ли рѣшился она въ мою невыгоду. По крайней мѣрѣ, не литературнымъ аристократамъ выиграть ее!

Въ книжонкѣ, копорая поставлена въ заглавіи сей спашьи, замѣчательно слѣдующее:

Одинъ *кутесскій* смномъ —
 Позвольте умолчать прозванье!
 Назвать его я-бъ очень могъ,
 Но эню какъ-шо *ед ихнемъ званьд*
 «Обиднѣй-жежели у насъ;
 У насъ коль мощь—какое дѣло?
 У нихъ шалашъ не шакъ-шо смѣло...

Слова: *ихнее званіе*, *у насъ*, *у нихъ*, суть доказательства, что Сочинитель нравственно-сатирическаго романа—*дворянинъ*. «Если большая часть «нашихъ писателей дворяне, шо сіе доказываетъ «шолько, что Дворянство наше грамотное: этому «смѣяшся нечего.»—Воля ваша, Господа Издатели Литшературной Газеты! Посмотрѣвъ на нашу Литшературу, начиная съ вашей *Газеты* до *Кутесскаго сынка*, если не засмѣешься, шо, по крайней мѣрѣ, улыбнешся и усомнишься въ грамотности нѣкошорыхъ Дворян—Литшераторовъ!

Н. П.

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ.

Людовикъ Филиппъ, Герцогъ Орлеанскій.

Изъ напечатанныхъ въ Газетахъ и Журналахъ новѣйшихъ извѣстій о Франціи, узнали мы о неожиданныхъ событіяхъ въ Парижѣ, въ половинѣ прошедшаго Іюля мѣсяца, въ свидѣствіе коихъ Король Карль X-й сложилъ корону и передалъ ее внуку, Герцогу Бордосекому, а законный наслѣдникъ, Герцогъ Ангулемскій, отказался отъ своихъ правъ. Герцогъ Орлеанскій принялъ въ то же время званіе *Главнога Намѣстника Королевства* (Lieutenant-Général du Royaume). Полагаемъ, что читателямъ любопытно узнать сіе новое лицо Современной Исторіи. При сей книжкѣ Телеграфа приложенъ портретъ Герцога Орлеанскаго. Излагаемъ кратко жизнь его.

Нынешняя фамилія Герцоговъ Орлеанскихъ происходитъ отъ Генриха IV-го. Сынъ Генриха, Король *Людовикъ XIII-й*, имѣлъ двухъ сыновъ: старшій былъ *Людовикъ XIV-й*; младшій, *Филиппъ*, получалъ титулъ Герцога Орлеанскаго (послѣ дяди, Герцога Гастона, не имѣвшаго мужескаго пола наслѣдниковъ). Сынъ Филиппа былъ *Филиппъ II-й*, Регентъ Франціи въ малолѣтство *Людовика XV-го*, (сконч. въ 1723 г.); у него сынъ, *Людовикъ*, скончавшійся въ 1752 году, и оставившій титулъ сыну своему, *Людовику Филиппу*, умершему въ

1785 году; сему наслѣдовала *Людвигъ Филиппъ Юсифъ* (гражданинъ *Равенство*), участвовавшій въ революціи, и казненный въ 1793 г. Онъ имѣлъ трехъ сыновей: *Людвигъ Филиппъ*, нынѣшняго Герцога Орлеанскаго; *Антонія Филиппа*, Герцога Моншпансьерскаго, и *Людвигъ Карла*, Графа Божоде. Теперь изъ всего семейства остались только старшій брашъ, и сестра: *Луиза Марія Евгенія* (род. въ 1777 г.), потомки Генриха IV-го въ восьмомъ колѣнѣ.

Людвигъ Филиппъ родился въ Парижѣ, 6-го Октябрю 1773 г. Мать его была Герцогиня Пеншіврская, и при рожденіи онъ получилъ титулъ Герцога Валуа, ибо отецъ его имѣлъ еще тогда титулъ Герцога Шартрскаго; но по кончѣ дѣда, отецъ передалъ ему свой титулъ, а послѣ смерти отца *Людвигъ* принялъ нынѣшній титулъ; старшій сынъ его называется нынѣ Герцогомъ Шартрскимъ.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, *Людвигъ* оказывалъ счастливыя способности. Воспитаніе его ввѣрено было Шевалье Боннару, старому аршиллериспу, а потомъ извѣстной Графинѣ Жанлисъ. Характеръ смѣлый и пылкій ознаменовалъ его юношество. Будучи 15-ти лѣтъ, онъ изломалъ желѣзную кашку, въ коей семнадцать лѣтъ просидѣлъ какой-то Журналистъ, написавшій саміру на *Людвигъ XIV* (см. *Leçons d'une gouvernante à ses élèves*, соч. Г-жи Жанлисъ). *Людвигъ* былъ Полковникомъ Шартрскаго пѣхотнаго полка при самомъ рожденіи, а кавалеромъ Ордена Св. Духа пожалованъ на 16-мъ

году — событія самыя обыкновенныя. Но между тѣмъ Франція кипѣла; и вскорѣ все вспыхнуло. Отецъ Людовика принялъ жаркое участіе въ новыхъ событіяхъ, и стоялъ на сторонѣ революціи; сынъ также горячо принималъ новыя понятія, былъ ревностнымъ свидѣтелемъ преній Национальнаго Собранія, и подкрѣплялъ мнѣнія юныхъ своихъ товарищей. Въ 1791 г. велѣно было всѣмъ Подковникамъ явиться въ свои мѣста; семнадцатилѣтній Людовикъ не хотѣлъ исключенія, и принявъ въ Вандомѣ, гдѣ стоялъ тогда драгунскій полкъ его имени. Здѣсь, не смотря на свои превращенныя мнѣнія, онъ оказывалъ примѣры безкорыстія, отваги и доброты сердца: спасалъ несчастныхъ жертвъ революціи, и однажды, видя ушопающаго офицера, самъ бросился въ рѣку и спасъ его. Въ Августѣ 1791 г. онъ принялъ должность Комманданта въ Валансьенѣ. Готовились на войну. Рошамбо, Люкнеръ, Лафазшъ были начальниками трехъ революціонныхъ армій. Въ 1792 г. объявлена была война Австріи. Генераль Биронъ начальствовалъ Валансьенскимъ и Мобѣжскимъ корпусами; Людовикъ былъ подъ его командою, и дерзко бросился въ самое первое дѣло при Боссю и Караньонѣ, 28 Апрѣля 1792 года. Апрѣля 30, онъ лично удержалъ бѣгущій полкъ свой. Наименованный по старшинству Генераль-Маіоромъ, вмѣстѣ съ Бершье, онъ начальствовалъ драгунскою бригадою въ Сѣверной арміи, когда Люкнеръ смѣнилъ Рошамбо. Находясь въ авангардѣ, Людовикъ участвовалъ во взятіи Куршре (Courtray). Когда армія Люкнера отступила, и была раздѣлена на два корпуса, Гарвиля и Дю-

мурье, Людовикъ, подъ начальствомъ Гарвиля, находися въ Лотарингія; здѣсь Люкнера смѣнилъ Келлерманъ. Положеніе Франціи было тогда отчаянное: внутри ужасы, бѣдствіе и гибель; извнѣ страшныя непріятельскія оволаченія: 110 тысячъ съ Герцогомъ Брауншвейгскимъ шли прямо въ Парижъ, прошивъ ихъ было только 14,000 въ Мецѣ съ Келлерманомъ, и 33,000 въ Седанѣ съ Дюмурье, смѣнившимъ Лафаша. Въ Сентябрѣ 1792 г. Людовикъ произведенъ въ Генералъ-Лейтенанта и определенъ Коммендантомъ въ Спрасбургъ. «Я такъ еще молодъ, что не хочу сидѣть запершись въ городѣ,» ошвѣчалъ онъ, «и прошу оставишь меня въ дѣйствующей арміи.» Желаніе его исполнили. Келлерманъ поручилъ ему начальство надъ второю линією арміи, составленною изъ 12 батальоновъ пѣхоты и 6 эскадроновъ конницы. Въ достопамятной битвѣ при Вальми, 20 Сент. 1792 г., Людовикъ, начальствуя 2-ю линією, самъ велъ полки свои въ дѣло. Онъ огорчился, когда велѣли ему бышь начальникомъ резерва, прискакалъ въ Парижъ, просилъ оставишь его снова въ дѣйствующей арміи. Просьба была принята, но мѣсто его было уже занято; ему предложили перейти въ армію Дюмурье. Тамъ, при пресѣдованіи Прусскихъ войскъ, Бернонвиль командовалъ первою, Людовикъ второю колонною. Ноября 2-го, онъ приступомъ взялъ башарю Австрійскую при мѣльницѣ Буссюской. Въ Жемапцкой битвѣ, 6-го Ноября, онъ ударилъ на редушы въ центрѣ Австрійскихъ войскъ, былъ сначала отбитъ убійственнымъ огнемъ башарей, но собралъ бѣгущихъ, и штыками взялъ редушы. Въ

дно время сестра его, путешествовавшая съ Г-жею Жанлисъ по Англіи, была объявлена эмигрантскою; Людовикъ посѣшилъ ее въ Бельгіи, и спѣшилъ къ осадѣ Масстрихша. Въ Нервиндской битвѣ, 18 Марша 1793 г., и въ рещирадѣ Дюмурье, онъ сражался на ряду съ солдатами. Вскорѣ Дюмурье былъ обреченъ на смерть; Людовику готовилась таже участь. Онъ видѣлъ опасность отца, матери, братьевъ, свою собственную, и рѣшился бѣжать.

Здѣсь начался новый періодъ жизни Герцога. Онъ явился въ станѣ Австрійцевъ. Эрдъ-Герцогъ Карлъ принялъ его вѣжливо, и предложилъ ему мѣсто Генерала-Лейтенанта въ Австрійской арміи. Герцогъ не согласился, и просилъ шолько паспортовъ. Подъ именемъ Англійскаго путешественника, пріѣхалъ онъ въ Швейцарію, въ Апрѣлѣ 1793 года. Здѣсь онъ увидѣлся съ сестрою, которая въ соупствіи Г-жи Жанлисъ прибыла въ Шафгаузенъ. Свиданіе горестное! Въ Швейцаріи не было мѣста Августѣйшимъ изгнанникамъ. Герцогъ нашелъ въ Швейцаріи Генерала Моншескью, скрывавшагося подъ именемъ Шевалье Ріонеля, и по его ходатайству успѣлъ помѣстить сестру свою въ монастырь Св. Клары въ Бремгаршенѣ. Ему самому не было нигдѣ пріюта. Гонимый, и республиканцами и роялистами, ненавидѣвшими его за участіе въ революціонныхъ войнахъ, двадцатилѣтній изгнанникъ долженъ былъ скидаться въ горахъ Швейцаріи, жить гдѣ день, гдѣ ночь, ходилъ пѣшкомъ, съ однимъ вѣрнымъ слугою, и съ собакою. Наконецъ — у него все не было денегъ, и онъ, скрывши имя, опредѣлился учашелемъ въ Рейхенауское училище, куда

принявъ его послѣ строгаго экзамена. Помощникъ Генриха IV восемь мѣсяцевъ преподавалъ Географію, Исторію, языки Англійскій и Французскій, и Математику, въ школѣ небольшого Швейцарскаго городка. Преслѣдователи потеряли между тѣмъ слѣды его, но открыли снова. Герцогъ скрылся въ Бремгаршенѣ, подъ именемъ Де-Корби, адъютанта Моншескю. И здѣсь видѣлъ онъ безпрерывныя опасности, рѣшился бѣжать наконецъ изъ Швейцаріи и хотѣлъ удалиться въ Америку. Пробравшись въ Гамбургъ, Герцогъ обмануть былъ ожиданіемъ суммы, необходимой для путешествія. Съ небольшимъ векселемъ на Копенгагенскаго банкира, онъ рѣшился объѣхать сѣверъ Европы. Говорятъ, что Герцогъ любитъ рассказывать это любопытное свое путешествіе. Съ нимъ былъ тогда Графъ Густавъ Монтжуа; Герцогъ назвался Швейцарцемъ. Онъ обозрѣлъ Гельсенёръ, крѣпость Кройборгъ, Гамленовъ садъ, и переѣхавъ Зундъ, посѣтилъ Гельзинборгъ, Гоштенбургъ, осмошрѣлъ водопады на Готеской рѣкѣ, въ Троальгаштанѣ; потомъ посѣпилъ Фридрихсгалъ — мѣсто кончины Карла XII-го; проѣхалъ Норвегію, путешествуя по берегамъ ея до залива Сальшена. Далѣе обозрѣлъ онъ Мальшпромскій водоворотъ, и пѣшкомъ, съ Лапландцами, изъ Сальсдальма, по горамъ пробрался къ Тисскому заливу. Августа 24, 1795 года, Герцогъ былъ на Капъ-Нордѣ. Отсюда прибылъ онъ въ Торнео, проѣхалъ всю Финляндію, до самой Кюмени, и черезъ Аландскіе острова переправился въ Стокгольмъ. Желая видѣть придворный балъ, Герцогъ явился во дворецъ, имѣя билетъ на

торы. Здѣсь узналъ его Французскій Посланникъ, и Король Шведскій оказалъ всю возможную почестъ неожиданному гостю. Но Герцогъ воспользовался учтивостью Шведскаго Двора только въ томъ, что просилъ показатъ ему замѣчательнѣйшія мѣста Швеціи, обозрѣлъ Далекарлію и панноніе рудники, всѣ мѣста, напоминающіе Густава Вазу, и въ 1796 году возвратился въ Гамбургъ. Положеніе Герцога было непріятное. Съ одной стороны предлагали ему присоединиться къ непріятельмъ Франціи, но онъ рѣшительно сказалъ, что совѣсть запрещаетъ ему поднять мечъ свой на отечество; съ другой Директорія опасалась его, и искала средствъ удалитъ изъ Европы. Герцогъ былъ въ Фридрихсватъ, маленькомъ городкѣ Голштинскомъ, когда Посланникъ Французскій, въ Августѣ 1796 г., искавши его болѣе двухъ мѣсяцевъ, вручилъ ему письмо отъ матери.

Мать Герцога разсталась съ его отцомъ еще въ 1791 году, и жила въ своемъ родовомъ помѣстьѣ. Въ Апрельѣ 1793 г. Герцогъ, супругъ ея, былъ схваченъ; мы видѣли, что Людовикъ оставилъ тогда Францію; двое братьевъ его были брошены въ темницы; Герцогиня также. Ноября 6, 1793 года, стараго Герцога Орлеанскаго казнили; Герцогиня ожидала сей-же участи; только чудо спасло ее. Послѣ 9-го Термидора (27 Іюля, 1795 г.) ей возвратили свободу, но двое юныхъ сыновей ея поминались въ Марсельскихъ шюръмахъ. Герцогиня объявила наконецъ, что ихъ опустятъ, если они и старшій братъ ихъ оставятъ Европу, а она сама согласится разстаться съ ними и жить въ Испаніи.

Герцогиня поспішила писати къ старшему сыну. Трогательное письмо ея заключалось следующими словами : *Que la perspective de soulager les maux de ta pauvre mère, de rendre la situation des tiens moins pénible, de contribuer à assurer le calme à ton pays, exalte ta générosité!* Герцогъ заплакавъ прочитавъ письмо, бросился къ столу, и тотчасъ написалъ слѣдующіи строки : « Когда нѣжная, добрая мать моя получивъ это письмо, ея приказанія будутъ уже исполнены, и я буду на пути въ Америку: отправляюсь на первомъ кораблѣ, идущемъ въ Соединенные Штаты... И чего-бы не сдѣлалъ я, послѣ письма, мною оубъ васъ полученнаго! Вѣрю, что еще буду когда нибудь счастливъ, если шеперь могу хоть чѣмъ нибудь усладить бѣдствія матери, обожаемой мною: ея спраданія и положеніе раздирали мое сердце съ тѣмъ давняго времени... Миѣ кажешся, что я брежу, когда думаю, что вскорѣ обннму моихъ братьевъ, буду вмѣстѣ съ ними. Обстоятельства сдѣлали, что противное казавшемуся прежде невозможнымъ, кажешся шеперь едва вѣроятнымъ. Не жалуюсь на мой жребій, чувствую, сколь ужаснѣе могъ-бы онъ быть, и даже почту себя счастливымъ, если увижусь съ братьями, и увѣрюсь, что милая мать моя наслаждается возможнымъ въ нашемъ положеніи спокойствіемъ. Если когда нибудь я могу еще служить отечеству, способствуя его шншинѣ, и, слѣдственно, счастью, то нѣтъ пожертвованія, котораго не привнесу ему, и нѣтъ мѣста, на которомъ-бы, пока живъ, не былъ я готовъ на всякое пожертвованіе.» — Въ Октябрѣ 1796 г. Герцогъ былъ уже въ Филладельфія;

на другой годъ, онъ обнялъ обоихъ братьевъ своихъ; мать переселилась въ Испанію. Не смотря на затрудненіе въ деньгахъ, Герцогъ и братья его рѣшились путешествовать по Америкѣ, и отпра- вились верхами; съ ними былъ только Бодуэнъ, вѣрный слуга, скитавшійся съ Герцогомъ и въ горахъ Швейцаріи и въ пустыняхъ Лапландіи. Августѣйшіе странники гостили у старика Вашингтона, долго жили между Чирокезами и другими Американскими дикарями, и осматрѣли Ніагару. Недостатокъ денегъ былъ у нихъ такъ великъ, что когда, въ 1797 году, по возвращеніи ихъ въ Филадельфію оказалась въ семъ городѣ желтая лихорадка, имъ не чѣмъ было выѣхать изъ города... Но вскорѣ мать при- слала имъ пособіе, и они немедленно рѣшились ѣхать въ Испанію—видѣться съ нѣжною, спрдав- шею безъ нихъ родительницею. Въ это время была война между Англіею и Испаніею. Герцогъ и братья его проѣхали черезъ Луизиану и отправились на островъ Кубу; корабль взялъ былъ на пуши Англій- скимъ каперомъ; Герцогъ и братья его объявили свои имена, и были высажены въ Гаванну. Но Испанское Правительство не позволило имъ при- ѣхать въ Испанію, и повелѣніемъ отъ 21 Мая 1799 года, велѣно было выслать ихъ изъ Испанскихъ владѣній. Возвращаясь въ Сѣверную Америку, Гер- цогъ и братья его получили позволеніе пріѣхать въ Англію, и немедленно прибыли въ Лондонъ. Послѣ свиданія съ Графомъ Д'Аршва, бывшимъ по- сломъ Королемъ Карломъ X-мъ, и послѣ переписки съ Людовикомъ XVIII-мъ, жившимъ тогда у насъ въ Мишавѣ, Герцогу и братьямъ его позволили остаться-

ся въ Англію, согласились вывезти къ нимъ и мать ихъ изъ Испаніи. Герцогъ отправился за нею въ Мальту; обстоятельство измѣнилось снова, и онъ, возвращаясь въ Англію, поселился въ Твиккенгамъ, въ сельскомъ уединеніи, совершая оныя времени до времени путешествія по Англіи и Шотландіи. Въ 1807 г. скончался средній братъ, Герцогъ Монспансерскій; меньшой братъ также сдѣлался боленъ, и врачи объявили, что только южный климатъ спасетъ его. Герцогъ отправился съ нимъ въ Мальту, но шамонній климатъ только усилилъ болѣзнь Графа Божоле. Король Сицилійскій позволилъ наконецъ поселиться Герцогу съ брашомъ на Эпнѣ, но позволеніе это не заспало уже Графа Божоле въ живыхъ... Герцогъ одинъ прибылъ въ Сицилію, и тогда-то положено было основаніе брачнаго союза Герцога съ дочерью Короля Фердинанда IV-го. Наполеонъ душилъ между тѣмъ Испанію, и Фердинандъ, желая пособить борьбѣ Испанцевъ съ Наполеономъ, отправилъ къ нимъ сына своего. Герцогъ ему сопутствовалъ; но когда они прибыли въ Гибралтаръ, то Губернаторъ Англійскій не только не дозволилъ Принцамъ продолжать путь, но даже отправилъ Герцога въ Англію. Герцогъ просилъ Англійское Правительство, по крайней мѣрѣ, позволить ему съѣздить въ Испанію и спасти мать свою отъ опасностей войны. Получивъ на то позволеніе, онъ былъ въ Портсмутѣ, когда прибыла въ Англію сестра его. Выѣхавъ съ нею отправился онъ въ Средиземное море. Но ему не дозволили ѣхать въ Испанію. Прибывъ въ Мальту, въ началѣ 1809 года, онъ узналъ, что мать его

счастливо избѣжала гибельныхъ опасностей: городъ Фигуера, гдѣ жила она, былъ осажденъ Французами и бомбардированъ; самый домъ Герцогини былъ разрушенъ бомбами; ночью бѣжала она тихонько изъ города, и удалилась въ Магонъ, на островъ Маіоркѣ. Герцогъ посѣтилъ снова Сицилію, и потомъ Сардинію. На обратномъ пути въ Сицилію, корабль, на которомъ онъ находился, едва не былъ взятъ Алжирцами. Наконецъ, препятствія кончились: онъ поѣхалъ въ Маіорку, и шамъ—послѣ 16-ти лѣтней разлуки, увидѣлся съ матерью. Возвращаясь съ нею въ Сицилію, Герцогъ вступилъ въ супружество съ дочерью Сицилійскаго Короля, Марією Амалією (род. въ 1782 году). Торжество брака совершено было 25 Ноября 1809 года. Въ 1810 году Кортесы Испанскіе усердно просили его участвовашъ въ ошчаянномъ ихъ сопротивленіи противъ Наполеона. Герцогъ пріѣхалъ въ Испанію; интриги и происки воспрепятствовали ему заняться дѣлами. Пробывъ въ Испаніи три мѣсяца, онъ возвратился въ Сицилію, увидѣлъ, что и Палермскій Дворъ раздѣляютъ разныя партіи, и рѣшился удалиться отъ всѣхъ дѣлъ. Въ шихомъ уединеніи, съ семействомъ своимъ, жилъ Герцогъ въ Сициліи до самаго паденія Наполеона. Тогда явился онъ во Франціи, послѣ двадцатилѣтнихъ бѣдствій и странствованій въ столь различныхъ странахъ. Удостоенный отъ всѣхъ ласковаго пріема, онъ возвратился за своимъ семействомъ въ Сицилію; и искорѣ Наполеонъ явился опять на землѣ Французской. Герцогъ былъ тогда отправленъ въ Ліонъ, вмѣстѣ съ Графомъ д'Аршуа (Карломъ X-мъ), и возвратился отшуда въ Парижъ,

вѣдѣ, що все преклонилось предъ могущимъ Наполеономъ. Король немедленно ошправилъ Герцога въ Сѣверную Францію. Напрасно испощалъ Герцогъ всѣ усилія, и хотѣлъ образовать войско. Принужденный еще разъ уступити волшебному дѣйствию Наполеонова имени, онъ еще разъ ошправилъ Францію, и соединился съ семействомъ своимъ, уже перѣхавшимъ въ Англію. Здѣсь, обвиненный въ неблагонамѣренности дѣйствій, Герцогъ публично оправдался спашьями въ Газетахъ Англійскихъ, и, вмѣстѣ съ Королемъ Людовикомъ XVIII-мъ возвратился во Францію, когда Наполеонъ разыгралъ послѣднюю, кровавую сцену жизни своей при Ватерлоо. Король призвалъ тогда Герцога засѣдѣть въ Палатѣ Перовъ. Здѣсь однимъ изъ первыхъ занятій былъ адресъ, коимъ предложено было очищеніе государства и наказаніе за прежнія политическія преступленія. Барбе-Марбуа, Бролю, Траси, Ланжюмне оспоривали рѣшительно сіе предложеніе; другіе хотѣли исключеній, уменьшеній. Герцогъ жарко подкрѣпилъ паршію прѣбывавшихъ полного всепрощенія и совершеннаго забвенія всего прошедшаго, безъ всякихъ исключеній. Но спрасни были въ такомъ волненіи, что подобное распоряженіе не могло состоятись. Герцогъ потерпѣлъ по сему случаю разныя непріянности, оставилъ Францію, и удалился къ своему семейству въ Англію, откуда оно не выѣзжало еще послѣ побѣга въ 1815 году. Только въ 1817 году, Герцогъ и семейство его возвратились во Францію. Съ тѣхъ поръ, дружба и согласіе между нимъ и другими Августѣйшими потомками Генриха IV-го, казалось, никогда не были

нарушены. Герцогъ уклонился отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ, самъ занялся воспитаніемъ дѣтей, и, имѣя огромное сословіе, покровительствоваль наукамъ, художествамъ, ученымъ людямъ; живя по въ Парижѣ, гдѣ принадлежишь ему Пале-Рояль, по въ Нёйльскомъ помѣстьѣ своемъ, близъ Парижа. Казимиръ Делавинъ одинъ изъ любимцевъ Герцога. Герцогъ хотѣлъ, чшобы старшій сынъ его учился въ Парижскомъ Университетѣ, на ряду съ другими, и безъ всякихъ ошличій. Желаніе его было исполнено, и Герцогъ Шартрскій оказалъ блестящіе успѣхи.

Нынѣ семейство Герцога составляютъ пять сыновей: *Фердинандъ*, Филиппъ, Герцогъ Шартрскій (родился въ 1810 г.); *Людовикъ*, Карлъ, Филиппъ, Герцогъ Намюрскій (род. въ 1814 г.); *Францъ* Фердинандъ, Филиппъ, Людовикъ, Герцогъ Жуанвилльскій (род. въ 1818 г.); *Генрихъ*, Евгенийъ, Филиппъ, Людовикъ, Герцогъ Омальскій (род. въ 1822 г.); *Антонъ*, Филиппъ, Людовикъ, Герцогъ Монспансьерскій (род. въ 1824 г.), и три дочери: *Луиза*, Марія, Терезія (род. въ 1812 г.); *Марія*, Христинна, Каролина (род. въ 1813 г.); *Марія*, Клеменшина, Каролина (род. въ 1817 г.). — Герцогиня Орлеанская родная шешка Герцогини Беррійской. Мать Герцога скончалась въ 1821 году.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Густавъ Адольфъ, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе Люсьена Арно (игранная на *Французскомъ Театрѣ* (Théâtre-Français) въ Январѣ 1830 года.

Вспомните, читатели, о минувшемъ вашемъ дѣтствѣ, вспомните, съ какимъ восторгомъ, любопытствомъ, наслажденіемъ, и—часто со слезами, читывали вы собранія избранныхъ анекдотовъ о великодушія и добродѣтели великихъ людей; съ какимъ не яснымъ инстинктомъ Изящнаго, вы не могли отшатнуться отъ собранія такихъ разсказовъ, иногда простыхъ и прекрасныхъ, иногда пошлыхъ и надушенныхъ: отъ *Избранныхъ примѣровъ нравственности, Повѣстей* въ родѣ *Бульи, Красоты исторіи Французской, Англійской, Греческой*, и проч.—Теперь вы улыбаешесь, вспоминая о своемъ дѣтскомъ удивленіи. Но отъ чего? Неужели вы потеряли способность удивляться добродѣтели и геройству? Напротивъ: сія способность въ васъ усилилась, укрѣпилась; но вы сдѣлались строже къ тому, что вамъ разсказываютъ. Испытанные спрашьями, узнавшіе трудность добродѣтели и героизма, вы готовы восхищаться живымъ, чистымъ порывомъ души человѣческой, сильнѣе нежели дѣше; но вы скупаете за книгою, гдѣ только великоду-

нѣ и геройскою; безъ связи, безъ оцѣнчивости, безъ смрастней, какъ Кишайскія дѣви, какъ подвижныя кукулы! Великіе писатели понимали это, и издавали поэтическихъ сочиненій своихъ сборниками избранныхъ примѣровъ нравственности, добродѣтели и высокихъ изреченій. Корнель, выражая Высочае, былъ въ своей области; но какъ онъ дорожилъ имъ, какъ былъ скупъ, какъ часто говорилъ: уму а не душѣ! Самые знаменитыя: Медентю, Луи и Гораціево, умереть, сушь богае выражений высокою гордости и дѣтскаго патріотизма, невели высокою нравственности. *Будемъ друзьями*, *Цинна* — юности единственная черта въ сочиненіяхъ Корнеля; и пѣтъ сильнѣе дѣйствию оной. Словомъ, по нашему мнѣнію, надобно было слышать неартемиды, чтобы вывески безъ умолченія дѣлаю книгу нравственныхъ и высокихъ дѣлъ и изреченій, особливо прочитанную актерами на сценѣ. Всякому же ребенку не совѣдуемъ принимать на себя подобаго испещанія, хотя бы книга названа была не *собраніемъ избранныхъ анекдотовъ и изреченій*, а *трагедіею*, и была писана не дѣтскою прозою, а королевскими стихами.

Но не такъ думалъ одинъ изъ нашихъ прагтковъ прошедшаго вѣка. Онъ конечно полагалъ, что народъ всегда остается ребенкомъ, и что следовательно, рифмованный сборникъ высокихъ мыслей, дѣлъ и словъ, всегда заставитъ партнеръ рукоприкладать. Онъ неупоминно искалъ всего, что сказано и сдѣлано было Высокаго отъ начала міра, и пошлъ слылъ все это въ трагедію. Что-же вышло? Анекдотическая пьеса, въ кошорой не было

ни истины: исторической, ни изображенія человеческого сердца, шрагедія сухая, сухая, сухая, сухой наборъ, апофеогъ и гиперболя. Трагикъ, оноперонъ мы говоримъ, былъ *Дюбеллуа*. Его *Гасмонъ* и *Балрадъ* есть высшее усиліе ложнаго направленія писанія героическо-правственныхъ шрагедій, кошерыми хлопають парьеръ, надъ которыми сѣются въ ложахъ. Дюбеллуа, доводя до каррикатуры великодушіе и геройство, былъ въ отношеніи къ Корнелю тоже, что Колле, въ своихъ *парадныхъ* комедіяхъ, къ Молюеру. Колле доводилъ игривость до излишества, желая нравиться Герцогамъ и Герцогинямъ старыхъ временъ; Дюбеллуа до сыща подчпналъ геройствомъ и великодушіемъ, стараясь заслужить хлопаты народъ. Оба, каждый по своему, отдѣлились въ парадное платье, но одишь зналъ, что дѣлаетъ, а другой работалъ отъ чуждаго сердца.

Дюбеллуа усилья; ему хлопали; *парадные герои* начали поддѣлываться безъ числа. Когда, во время Консульства, у народа явились свои Театры, парадное геройство завоевало Мелодраму; излишество вшой неудобо-варимой пиши было тогда доведено до шакой-же сшечени, до шакой въ наше время дошли мелодрамы, въ коихъ изображаются варшежничкоя, разбойничковъ и бездѣльничковъ. Но героическій парадъ ограничивался-ли только бульварными шештрами? Ни мало! И во время величайшаго шоржества своего въ нескладныхъ мелодрамахъ, онъ также шоржесничовалъ и въ сухихъ, выглаженныхъ шрагедіяхъ Французскаго Театра. «Мы пропали, когда кропашели мелодрамъ начнушь

писаны стихами!» говорила добродушно I. Шейе, и не замѣчала, что онъ самъ и его современники писали рифмованныя, парадныя мелодрамы. Въ самомъ дѣлѣ: *Марій въ Минтурнѣ*, *Элигариса и Неронъ*, *Фенелокъ*, или *Камбрейскія монахи*, что иное, если не сухіе сборники параднаго героизма, ошаченныя ошъ героическихъ мелодрамъ только штъ, что писаны стихами? И таково было время, что за эти парадныя творенія торжественно предлагали Сочинителямъ кресла Академическія! Но дѣтъ десять назадъ, пубанка стала умнѣе; новое, глубокое изученіе Драмматическаго Искусства и великихъ образцовъ, дошолъ неизвѣстныхъ, заставило краснѣть при видѣ мишурныхъ героевъ, размахивавшихъ руками на нашей сценѣ. Полетѣли бѣдныя куклы; страшно было опустошеніе: шуть раздѣвали надушого героя, созданнаго Г-мъ Арно; шамъ разоблачали пухлаго карлу, выведеннаго Г-мъ Жун! Сочинители закричали, что мы оскорбляемъ Корнеля, испровергаемъ Расина; на крикъ ихъ сбѣжались добрые люди помогать, и, благодаря смѣшному quiproquo, парадные герои все еще появляются на нашей сценѣ, а шворцы ихъ продолжаютъ шо и дѣло садиться въ Академическія кресла.

По природѣ-ли, по благоговѣйному-ли подражанію покойному родителю своему, Г-нъ Люсьень Арно есть одинъ изъ самыхъ крѣпкихъ, и самыхъ неугомонныхъ трагиковъ à la Дюбеддуа. Но если онъ былъ хорошъ въ прежнихъ своихъ трагедіяхъ, шо нынѣшняя, послѣдняя трагедія его есть верхъ совершенства въ эшомъ несчастномъ родѣ.

Гастонъ и Баярдъ уничтожаются передъ Густи-
вой Адольфомъ. Туть не два, три геройскія дѣла,
какъ у Дюбеллуа, но полною рукою собрано все,
что есть въ мирѣ великодушнаго, геройскаго, и
разсыпано безъ всякой жваости! Г-нь Арно обе-
бралъ всё *Красоты исторiи*, *Ошборные анекдоты*,
Черты великихъ людей, и проч. и проч. — Это со-
кращенiе повѣстей Вуави, Беркеня, разговорни
компиляціи всего, что даютъ читать ученикамъ
въ школахъ. За то, какіе кланья были слышны въ
партерѣ! Сколько восторговъ и рукоплесканій отъ
добрыхъ мѣщанъ! — Могуть подумать, что мы
преувеличиваемъ ситишное. И шакъ, надобны доказа-
тельствва? Представляемъ ихъ, и даже указыва-
емъ на испючники, гдѣ могъ заимствовать нашъ
фрагмекъ.

Густавъ Адольфъ уже побѣдилъ Тилли подъ Лейп-
цигомъ; онъ идетъ помѣряться съ Валленштей-
номъ. Довольно; мы знаемъ, что дѣйствіе прои-
сходитъ наканунѣ Люценской битвы. Оксенштирнъ,
подобно Сюлли министръ и воинъ, предупре-
ждаетъ своего повелителя, и проситъ опасаться
Герцога Саксенъ-Лауенбургскаго. Герцогъ былъ не-
когда оскорбленъ Густавомъ. Исторiя говоритъ
просто, что онъ получалъ отъ Густава пощечину;
но что не побоялся всапать въ трагедію Кор-
нель, того боится Г-нь Арно. Герцогъ оставилъ
Швецію и перешелъ въ службу Императора; по-
томъ оставилъ Императорскую службу, безъ вся-
кихъ явныхъ причинъ, и снова вступилъ въ службу
къ Густаву. Далекій отъ всякихъ подозрѣній, Гу-
ставъ не думаетъ слушать Оксенштирна, и чтобы

начать полный курсъ великодушiя, предлагаетъ Герцогу удовлетворенiе послѣ битвы. Герцогъ не съешь думаешь о поединкѣ съ Королемъ. Что-же Гусавъ? Зоветъ главныхъ своихъ полководцевъ, и торжественно проситъ прощенья у оскорбленнаго Герцога (смотри: *Beautés de l'histoire de France; Генрихъ IV, передъ битвою Иврискою; Спартакъ, трагедiя Сорена; Гастонъ и Балрдъ, трагедiя Дюбеллуа*).

Такое великодушiе не обезоруживаетъ злодѣя, Ауенбургъ заешь шайнаго трибунала, осудившаго Гусавъ на смерть. Но вѣшь, Валленштейнъ приходитъ къ Гусаву Пикколomini, предложить миръ. Посланныкъ оснаещя наедать съ Герцогомъ (смотри: сцена Герцога Урбинскаго въ *Гастонъ и Балрдъ*); Герцогъ открываетъ ему свои злоумышленiя, и видишь одно презрѣнiе. Но Герцогъ не обыкновенный злодѣй, ибо въ трагедiи все должно бышь велико и героическо. Въ наступавшей битвѣ ятшо ошведено ему подѣ Короля. Онъ надѣнеть пламя въ проваго цѣша, чшобы показатъ нечпрившемо, гдѣ находишь Гусавъ. Ошдавши Гусавъ на убой, онъ зарѣжеться надъ шрупомъ своего обдьяка (смотри сонню мелодрамъ, одѣ вилеены подобныя шадосши).

Являешь новое лицо: Фридрихъ, молодой студентъ, шысяча первый убийца, подобный Стабсу и Жаку Клеману. Тайный трибуналъ поручилъ ему зарѣзатъ Гусавъ. Его поймали, почли шпиономъ, и разстрѣляли-бы, есдишь не заступалась за него Королева Элеонора и дочь Гусавъ, Христина. Фридрихъ спасень, а Г-нъ Арно позволяетъ ему

громко говорить о своемъ умыслѣ въ ставкѣ Короля, и рассказать все Герцогу Лауенбургскому. Герцогъ не хочетъ допустить этого убійства, идиъ низкаго дѣла; самъ онъ испишеть, а не изтъникъ, и совѣтъ не поникаеть, что онъ и Фридрихъ равные бездѣльники.

И такъ жизнь Густава въ двойной опасности. Новая бѣда! Въ Стокгольмѣ вздумали не слушаться его. Государственные Шшашы утомлены войною, пошорую Густавъ вешеть на чужія деньги, ибо Франція платитъ ему всё издержки. Ялышолъ шри депутатъ, чтобы уговорить Густава принять шръ, шолько что предложенный Валленштейномъ, о чемъ они; Вотъ знаетъ какъ, узнади въ Стокгольмѣ. Слѣдуешь героическая рѣчь депутатомъ о блаженствѣ шра: (смотри рѣчи Лене, Фришана, и другихъ). Густавъ вешеть подати свою корону, и — слагаешь ее (смотри: *Beauté de l'histoire de France: Филлиппъ Августъ передъ Бованскою битвою*). Еще больше: онъ выхватываетъ ружье у одного воина, и хешеть шмаша прошымъ солдатомъ въ предстоящей битвѣ. Эта маленькая комедія шрогаешь всё сердца; все валится въ ноги Королю; онъ надвешеть снова свою корону. Вдругъ приходитъ ему мысль передать ее дочери своей, Христинѣ, а Г-ну Арно прекрасный случай къ шрогательнымъ возгласамъ объ обязанностяхъ государей: рѣчи предлинныя, вешавленія шреполезныя; жаль, что даме ушарьян (смотри яхъ — кошъ въ *Амалии*, дѣйствіе IV).

Наконецъ, Король утомленъ; ему хешется спать и онъ — засынаешъ на знаменахъ (смотри: *Vendôme*

à Villa-Viciosa). Тамъ идешь убійца, Фридриха, за-
стрѣлишь великаго человека (смотри *Maria et
Mimuris*). Разумѣется — рука у него дрожитъ,
дѣлаешь промахъ — страшная свадка, и судъ злодѣю!
Собобщивши яго, Герцога Лауенбургскій, хочешь
удалиться; Густавъ требуетъ, чинобы онъ уча-
ствовалъ въ Военномъ Совѣтѣ; кидаютъ жребій о
Президентѣ Совѣта, и нѣчто достается Герцогу.
Онъ допрашиваетъ подсудимаго, блѣднѣешь, но
пусть подсудимому очередь геройствовати: онъ не
открываетъ имени Герцога (смотри: *Beautés de
l'histoire romaine; Эпхармеу; Марию Фаліеро*, и
проч.). Злодѣй осужденъ на смерть, и радуется
этому; шувъ голову; молодость его заставляетъ
создать жалѣшь о немъ.. сколько пусть тёроевскихъ
фразъ выговорено! Но еще новости: Густавъ не
подписываетъ приговора, раздражаетъ его, прихо-
дишь къ злодѣю, говоришь огромную рѣчь, усовѣ-
щаешь его (смотри: *Альзира, Raoul de la duc de
Guise à Poltrot*); злодѣй въ одну минуту раская-
вается. Прекрасно! Жаль, что вдругъ слышишь
сигналъ битвы; Густавъ бѣжитъ въ сраженіе; нѣ-
когда было и сказать ему объ опасности, и вотъ—
весушь Густава, умирающаго! Но онъ все еще от-
даетъ приказы (смотри: *Beautés de l'histoire de Ma-
goc, Музей-Молукъ въ Алькацеръ-Элжебирской бит-
вѣ*, или *Beautés de l'histoire de France, Маршалъ де-
Сахъ при Фонтенуа*). Наконецъ, непріатели раз-
биты, бѣгушь; Густава можно умирашь, онъ умира-
етъ — конецъ курсу великодушія и геройства,
конецъ выборкѣ изъ всѣхъ на свѣтѣ *Beautés de l'hi-
stoire!* Такъ подумаешь зришель, или читашель.

Нить! идешь Пякколомини, окруженный со всѣхъ сторонъ Шведами: онъ ни кому не хотѣлъ отдаться плати, кромѣ Густава, и — кладешь ее на смертный одръ героя, и говоришь рѣчь, и цѣль въ горести... (смотри: *Beautés de l'histoire de France; Кляти Нѣфы-Рандонскаго замка, положенныя на гробѣ Дювеклена*). — Что скажешь въ заключеніе? Боги Г-нъ Арно не мастеръ изобрѣтать новое, за то память у него весьма хороша.

Говоришь-ли, что въ трагедіи Г-на Арно нить ни штии нешиной физиономіи грознаго Густава Адольфа, ни изображенія вѣка, ни сѣвда Тридцатилѣтней войны — этого послѣдняго вздоха Среднихъ Временъ въ Германіи? На что-же говоришь: Г-нъ Арно и не думалъ объ этомъ. Ему надобенъ былъ герой на ходуляхъ, злодѣй, еще злодѣй, рѣчь, возгласы, и все это есть въ его трагедіи, если пошло въ наше время такія созданія спомашъ названія трагедіи.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ засѣданіи Совѣща Государственныхъ кредитныхъ постановленій, Іюля 24 сего года, Г. Министръ Финансовъ изложилъ въ Рѣчи своей состояніе государственнаго кредита Россійской Имперіи.

Два важныя мѣры приняты были по кредитной системѣ нашей въ началѣ сего года: « излишнее накопленіе капиталовъ въ Банкахъ, усунуленіе оныхъ оубъ производительныхъ занятій, ошлагощеніе недвижимыхъ имѣній, » принудили къ *пониженію банковыхъ процентовъ*. Министръ замѣчаетъ, что сія операція донынѣ, « не только не произвела какихъ либо затрудненій, но даже на процентныя влады въ Банкахъ имѣла гораздо менше вліянія, чѣмъ предполагать было можно. » — Другая мѣра была: *временное прекращеніе выкупа фондовъ*. Къ оему вели необходимость и польза: *необходимость*, ибо не было предъявлено для выкупа достаточнаго ихъ количества; *польза*, ибо, при сильномъ возвышеніи фондовъ, » было-бы безразсудно производить выкупъ оныхъ, « съ большими пожертвованіями: (оубъ 10 до 40% выше 100), » когда ни какое обязательство не налагаешь на насъ шоль великихъ пожертвованій.»

За внесеніемъ въ Государственную долговую книгу, въ 1829 году, вѣшняго долга по 2-му Голландскому займу (42 милліоновъ Голл. гульденовъ) и нѣсколькихъ долговъ внутреннихъ (болѣе 300 тысячъ рублей), къ 1830 году долгъ *государственный* по Комиссіи погашенія, съ двумя Голландскими займами,

и съ внутренними, срочными и безсрочными долгами, считая на ассигнаціи, составляла 718,575,479 рублей, 16 коп. — Безсрочныхъ долговъ, выкупленныхъ Комиссіею по 1830-й годъ, было: 6%, золотомъ 8,700 р., серебромъ 2,974,700 р., ассигнаціями 59,559,940 рублей; 5%, серебромъ 14,278,300 рублей. — На цѣлеше долговъ, по усмотрѣнію, Комиссія получила въ 1829 г. 49,909,831 р. 99½ к. асс., а всего, съ остатками оныхъ прежнихъ лѣтъ, суммами за проданныя казенныя цѣлдія, и проч., поступило къ ней (по обращеніи части ассигнацій въ металлическую монету) золотомъ 1,875 р. 20 к., серебромъ 8,339,961 р. 46½ к., ассигнаціями 34,968,514 р. 5¼ к.

Количество ассигнацій въ 1829 г. оставалось безъ прибавленія прежее, 595,776,310 рублей.

Капиталъ Коммерческихъ Банковъ состоялъ по прежнему изъ 30 милліоновъ рублей. Трансферныя и вклады въ Коммерческіе Банки, составляли въ 1829 г. на ассигнаціи до 250 милліоновъ; въ семь чиселъ для обращенія изъ проценсовъ учтено было вкладовъ: золотомъ болѣе 800 т. р., серебромъ 6,329,795 рублей, ассигнаціями болѣе 168 милліоновъ; возвращено было вкладовъ изъ Банка, напрощая, золотомъ менѣе 20 т. р., серебромъ менѣе 700 т. р., ассигнаціями съ небольшоимъ 37 милліоновъ. — Подъ учетъ векселей выдано было 96½ милліоновъ. Вообще обороты Коммерческихъ Банковъ въ 1829 г. составляли болѣе 950 милліоновъ рублей, и принесли Казнѣ чистой прибыли 1,195,918 рублей, 31 к.

Высочайше утверждены правила, составившейся въ Январѣ сего года, Малороссійской Компаніи для

саработыиной сахара изъ докловницъ. Главное Правленіе оной будетъ въ Подшань; ежегодное собраніе Членовъ предполагается въ Ромы, въ Іюль мѣсяцъ; цѣна акціи 600 рублей; Компанія хочетъ наняти на первый случай 150 десятинъ земли для пества свекловицы, и, кромя производства сахара и сахарнаго песку, ошкармливанія выжимками скоша, и продажи патоки, предполагаетъ и выдѣлку изъ патоки рома. Проектъ Компаніи подписанъ восьмью особами, коихъ имена сунъ: Тайный Совѣтникъ Графъ Ламбертъ, Дѣйств. Ст. Совѣтникъ Локашевъ, Ст. Совѣтникъ Дьяковъ, Подполковникъ Блуха-Кохановскій, Колл. Ассессоръ Левенковъ, Аршил. Капитанъ Чудковскій, Колл. Ассессоръ Бабашевъ, Полковникъ Поповъ.

—

Въ *Сверномъ Мурзѣ* помѣщено извѣстіе о предполагаемомъ отъ Г-ва Министра Внутреннихъ Дѣлъ заведеніи публичныхъ Библіотекъ во всѣхъ губернскихъ городахъ Россійской Имперіи. Дѣло, достойное великожи-патріота, распространивша просвѣщенія! Не знаемъ, и нестерпливо ждемъ подробнѣйшихъ свѣдѣній о семъ благотѣльномъ предпріятіи, доказывающемъ много, очень много хорошаго: и ревностное участіе Правительства въ образованіи народномъ, и пошребность подобнаго предпріятія. Конечно, ни одинъ благонамѣренный Лишператоръ не откажется пожертвовать для губернскихъ Библіотекъ пошребное количество экземпляровъ своего сочиненія, перевода, или изданія; издаваемые отъ Правительства книги, Журналы, газеты дополняютъ Библіотеки, и черезъ нѣсколько лѣтъ кишели губер-

вѣдъ будущъ имать доспапочныя кабинеты чшенія; люди, жаждущіе познаній, найдуть средства удовольствія въ нихъ своему стремленію. Не худо думать, чтобы сіи Библіотеки могли пречинить помѣху продажѣ книгъ; напрошивъ, онѣ распространяющъ охоту къ чтенію повсюду, и современемъ усилятъ торговлю книжную, если только для общепользнаго дѣла должно говорить о диллантахъ, мѣдкихъ расчедахъ. Призираемъ, что въ сѣнь 19 заведенія губернскихъ Библіотекъ, по крайней мѣрѣ насъ, сердечно порадовала.

Въ Кіевѣ, въ началѣ Мая сего года, скончалася мѣщанка Марья Калиновская. Она достигла рѣдкой старости — 120 лѣтъ! Сладоственно, она родилась на другой годъ послѣ Полтавской битвы, и могла видѣть и поминать Петра Великаго; могла лично зрѣть и слышать самовидцевъ Богдана Хмельницкаго (онъ умеръ за 53 года до ея рожденія, въ 1657 году), такъ же, какъ самовидцевъ Наполеонова похода въ Россію; жила она Ташарскихъ грабтово до завоеванія окрестности Коншанинополя Русскими. Уже сплюснувъ лѣтъ лежалъ въ могилѣ Петра Великаго, и желшая спарушка еще влеклась по жизненному пути, переживая смерть цѣлхъ поколѣній, кончину великихъ царствъ!....

Въ Московскомъ и С. Петербургскомъ Воспитательныхъ Домахъ находилось къ 1829 году пиюмцевъ и пиюмокъ 35,174; вновь въ 1829 году поступило

9,438; выбыло по разнымъ обстоятельствомъ 908; умерло 7,102; къ 1830 году осталось 36,602; следовательно, число ихъ умножилось, противъ 1828 года, 1428.

Годовой оборотъ капиталовъ Сохранной Казны въ 1829 году увеличился противъ 1828 года болѣе нежели 50-ю милліонами рублей, и вообще проспирался до 673,897,213 р. 68½ к. — Но оборотъ, наличными деньгами уменьшился на 35 милліоновъ противъ 1828 года, и составилъ только до 254 милліоновъ. — Вклады въ Сохранную Казну въ 1829 г. проспирались до 167,655,265 рублей, 89½ коп.; выдано вкладчикамъ было 153,263,591 рубль 53 к.; следовательно, капиталъ вкладовъ увеличился въ 1829 году почти 14½ милліонами. Роздано было въ займы болѣе 81 милліона; получено отъ заемщиковъ болѣе 80 милліоновъ. — Въ Ссудныхъ Казнахъ находилось вещей, отданныхъ въ залогъ взятыхъ денегъ, на 6,250,095 рублей.

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

Эней рассказываетъ свои похождения Дидонѣ. Кто не знаетъ этого превосходнаго эпизода Энеиды? — Живописецъ Геренъ изобразилъ на картинѣ Энея и Дидону. Увлеченная очаровательнымъ разсказомъ, Царица Карфагенская не чувствуешь, какъ Амуръ, въ видѣ Асканія, юнаго сына Энеева, стоящій подлѣ нея, снимаетъ съ пальца ея обручальное кольцо бывшаго ея мужа. Дидна, сестра и подруга

Дидоны, внимательно слушаешь рассказ героя Троянскаго. Картина великодушная! Она явилась въ первый разъ на Парижской выставкѣ картинъ 1817 года. Теперь находится она въ Королевскомъ Люксембургскомъ Музеѣ. Ширина ея 12 футовъ, высота 9 футовъ.

Нѣкоторые изъ знатоковъ были недовольны колоритомъ картины; другіе положеніемъ Энея: зачѣмъ изображенъ онъ въ профиль? говорящъ криптики. Но вообще Гереново произведеніе возбуждало большія похвалы. Скажемъ-ли однакожь, что картина Герена не удовлетворяетъ насъ: въ ней нѣтъ природы, нѣтъ истины. Царица, полулежащая на своемъ ложѣ, прелестна, мальчикъ лукавъ и милъ, но она не Дидона, а фигурно-поспаивденный эпосъ: мальчикъ не Асканій, такъ-же какъ герой, передъ ними сидящій, не Эней, но какой-то Ларивъ, Лафонъ: все вымысло и принужденно. Мы не осмѣлились-бы сказать нашего мнѣнія, если-бы не прочитали сужденія опытнаго знатока о картинахъ Герена вообще. Вошь оно: «Чувствительная, страстная душа Герена видна во всѣхъ его произведеніяхъ, въ его *Федръ, Дидонъ, Андромашъ, Возмущенія Каирскомъ*. Но предписавъ себѣ строгій законъ: никогда не удаляясь отъ рисунка антиковъ, Геренъ впадаетъ въ ошибку. Не смотря на совершенство, рисунокъ антиковъ не представляетъ намъ разнообразія природы, и чтобы избѣжать однообразія, Геренъ принужденъ преувеличивать выраженіе своихъ фигуръ, и прибѣгать къ выдумкамъ положеній, болѣе остропушныхъ, нежели правдивыхъ.» — Художникъ хорошо оправданъ; но не значитъ-ли это, что его картина

No. 100. *Moore. The. 1850.*

болѣ великолѣпны и парадны, нежели истинно изящны?

Московскіе любители Изящныхъ Искусствъ понимаютъ, что въ числѣ живыхъ картинъ, представленныхъ нынѣшнюю зимою у Князя Д. В. Голицына, была и Геренова Дидона. Карфагенскую Царицу представляла М. А. Ушакова; Энея и Асканія Князь А. С. Долгорукій и А. С. Ланской; сестру (Дидону) Н. Н. Гончарова.

С М Ъ С Ъ.

По исчисленію, за полному кошораго впрочемъ не лзя ручаться, ибо въ Германіи нѣтъ ни одного полнаго библіографическаго Журнала, на нынѣшній годъ издано было Нѣмецкихъ альманаховъ около сорока. Сколько пустяковъ, сколько работы мѣлкимъ писателямъ, какое обширное поле безполезнаго чщенія! Хорошее и истинно-изящное надобно опыекивать въ эшой кучѣ альмацачной, какъ жемчужины въ кучѣ сора, смешеннаго съ поля Липшерашуры. Впрочемъ, у Нѣмцевъ и не считаются за важное дѣло альманахи, и слава изданія даже порядочнаго альманаха давно перестала шамъ бышь дипломомъ на безсмертіе. — Выписываемъ для читашелей нашихъ названія главнѣйшихъ Нѣмецкихъ альманаховъ на 1830 годъ, съ нѣкошорыми замѣчаніями.

Іюль 1 830.

— *Theodulia*, 4-й годъ; издашеля Мейсснеръ, Шмидтъ и Гофманъ, въ Грейцъ, XVI и 324 стр., съ 3 картинками, и ношами. — Стихи и проза.

— *Urania*, издаеть Брокгаузъ въ Лейпцигъ, XVI и 466 стр., съ портретомъ Уланда и 6 картинками. — Есть повѣсть Тика: *Das Zauber Schloss*.

— *Penelope*, 19-й годъ; издашеля Ѳ. Гелль, въ Лейпцигъ, 402 стр., съ 8 картинками (Галлерей Шиллера). — Есть стихи Тидге и Гоувальда.

— *Cornelia*, 15-й годъ; издашеля А. Шрейберъ, въ Гейдельбергъ, X и 350 стр., съ 7 картинками. — Стихи и проза.

— *Carnevals - Almanach*. Новый альманахъ, изд. Шляссеромъ, 310 стр., съ ношами и рисунками шапцевъ. — Гуморическое содержаніе.

— *Anekdotenalmanach*, 20-й годъ, изд. К. Михлеръ, XIII и 414 стр., съ картинкою. — Собраніе анекдотовъ.

— *Berliner Museen - Almanach*. Новый альманахъ, изд. Г. Финке, въ Берлинъ, 340 стр. — Есть стихи Гёте, Гоувальда, А. Шлегеля.

— *Alpenrosen*. Издашеля Кунъ, Виссъ, и другіе, въ Швейцаріи; 390 стр., съ 6 картинками. Стихи и проза.

— *Frauentaschenbuch*. Изд. Г. Дерингъ, въ Ниренбергъ, 447 стр. — Стихи и проза.

— *Rosen*. Издаеться въ Лейпцигъ, 526 стр. — Стихи и проза.

— *Vergissmeinnicht*. Изд. Клаурень, 615 стр., съ

портретами и картинками. — Это обыкновенно собрание новыхъ повѣстей Клаурена. Нынешній годъ оны помѣстилъ въ немъ : Die gute alte Zeit ; Die Eels-Höhle im Schieferbruche , и Milibu.

— *Vergissmeinnicht*. Изд. Швиндлеръ , въ Штутгартѣ , 360 стр. — Подражаніе Клаурену : повѣсти Издашеля , но только оны не Клаурены ; 7 картинокъ.

— *Seltha*. Издаетъ Пасторъ Фридерихъ во Франкфуртѣ , прописывая на заглавномъ листкѣ полный свой титулъ (evangel. Stadtpfarrer und Sonntags-Pred. der Weissfrauenkirche in der freien Stadt Frankfurt) ; 8 картинокъ ; печатается въ Штутгартѣ. — Нравственное содержаніе ; XVIII и 453 стр.

— *Dr. J. S. Vater's Jahrbuch der häuslichen Andacht*. Изд. А. Г. Эбергардъ , въ Галаъ , 271 стр. , съ картинкою. — Нравственное содержаніе.

— *Taschenbuch zum geselligen Vergnügen*. Изд. Фр. Квндъ , съ картинками , въ Лейпцигѣ , 403 стр. — Стихи и проза.

— *Taschenbuch für Damen*. Издается въ Тибингенѣ , съ рисунками , гравированными въ Англии , XXIV и 444 стр. — Стихи и проза. — Здѣсь напечатаны новые стихи Короля Баварскаго.

— *Almanach dramatischer Spiele*, начатый Авг. Коцебу ; 28-й годъ ; изд. К. Лебрюнь , въ Гамбургѣ , XIII и 338 стр. съ раскрашенными картинками.

— *Die Centifolie*. Изд. Докторъ J. Гриенкерль , въ Брауншвейгѣ , 158 стр. съ картинками. — Стихи и проза.

— *Politisches Taschenbuch*. Новый альманахъ , изд.

Вишомъ , въ Гамбургѣ , XIV и 360 стр. — Политическія сшашья.

— *Almanach des Dames*. Альманахъ на Французскомъ языкѣ , изд. книгопродавцами : Трейшелемъ и Вюрцомъ , и Кошшою , въ Тибингенѣ , съ каршинками. — Стихи и проза , 224 стр.

— *Literarischer Almanach*. So nützlich und angenehm als unterhaltend und lustig zu lesen , говоритъ на заглавномъ листкѣ Издатель , Л. С. Рашцебергерь. Эшо смѣсь исторической , литературной и забавной всячины ; XII и 324 стр. — Тутъ есть на примѣръ сшашья : Kleines Martyrologium der Gelehrten — похождения страдальцевъ — ученыхъ , по азбучному порядку отъ А до G , начиная Абельяромъ и оканчивая Галлаемъ ; Etwas von reichen Gelehrten ; etwas von armen Gelehrten : Исторія Кароагенскаго Епископа Кипріана , великаго богача , и Вильгельма Ксиандера (Гольцмана) , Гейдельбергскаго Профессора XVI-го вѣка , который свои замѣчанія на Діона Кассія , принужденъ былъ ошдашь за одну порцію супа , и проч.

— *Der prophetische Almanach*. 8-й годъ ; изд. въ Лейпцигѣ , 29 стр. — Гуморическое содержаніе.

— *Asträa*. Франкъ — Масонскій альманахъ , изд. въ Ильменау , Фридрихомъ Сидовомъ (Sydow) ; 5-й годъ ; VII и 400 стр. — Весьма любопытное содержаніе : Исторія Франкъ — Масоновъ , обзорніе нынѣшняго состоянія ихъ , біографіи , пѣсни , повѣсти ; но шолько достовѣрно-ли все эшо , и не уловка-ли для привлеченія любопытства читашелей ? —

— *Historisches Taschenbuch*. Изд. въ Лейпцигѣ , Ф.

Рауеромъ , 460 стр. — Его издавалъ прежде Баронъ Гормайеръ. — Историческіе отрывки.

— *Almanach für Geschichte des Zeitgeistes*. Изд. В. Шульцъ, въ Дармштадтѣ, XIV и 502 стр. въ 24 д.— Обзорніе прошедшаго года , пустое.

— *Berliner Taschenbuch*. Изд. въ Берлинѣ Королевско-Прусская Депушация изданія календарей , 204 , 108 , 107 и 66 стр. — Историческіе и Географическіе отрывки.

— *Genealogisches Taschenbuch*. Изд. Фр. Готтшалькъ, въ Штутгартѣ , 507 стр. — Генеалогія и исчисленія Государей и ихъ фамилій.

— *Gothaisches genealogisches Taschenbuch*. 67-й годъ ; изд. въ Готѣ , XII , 274 и 123 стр. , съ портретами. — Слѣдуютъ историческія , генеалогическія и географическія.

— *Taschenbuch aus Italien und Griechenland*. Изд. Вильг. Вайблингеръ , въ Берлинѣ ; 369 стр. , 2-й годъ , съ картинками и ношами. — Содержаніе : повѣсти и отрывки , касательно Италіи и Греціи.— Нынѣшній годъ содержаніе альманаха ограничивается Римомъ и Неаполемъ.

— *Musenalmanach*. Изд. А. Вендтъ , въ Лейпцигѣ ; VI и 288 стр. , съ картинками. — Стихи.

— *Rheinisches Taschenbuch*. Изд. Д. Адрианъ , во Франкфуртѣ ; 21-й годъ ; XXIV и 358 стр. , съ картинками (изъ сочиненій Ирвинга Вашингтона и Купера). Стихи и проза.

— *Orpheus*. годъ 7-й ; изд. въ Лейпцигѣ , XVI и 383 стр. , съ картинками. — Стихи и проза.

— *Taschenbuch* (ohne Titel). Новый альманахъ, изд. въ Лейпцигѣ, IV н 242 стр. — Гуморическое содержаніе.

— *Vielliebchen*. Изд. Тромлицъ, въ Лейпцигѣ, 432 стр., съ каршинками. — Повѣсти и стихи.

Сложивъ число страницъ всѣхъ, означенныхъ здѣсь, 31-хъ Альманаховъ, находимъ—около 13,000 стр, и полагая всѣ Альманахи въ 16-ю долю листа, видимъ, что они составляютъ болѣе 400 листовъ печатныхъ. Считая-же хошъ 100 листовъ на пронуженные Альманахи, надобно полагать, что альманачная литшерапура въ Германіи занимаетъ въ годъ до 500 листовъ, или 20 шомовъ въ восьмушку, считая по 25 листовъ въ шомъ.

Почти всѣ Нѣмецкіе Альманахи издаются великолѣпно, съ каршинками; особливо нынѣ вошли въ моду гравированныя на стали каршинки, прелестныя.—Изъ 34 альманаховъ половина посвящена Изящной Словесности; всего болѣе въ сихъ альманахахъ повѣстей; ужасная пущнопа содержанія ихъ наводитъ шоску! Повѣсти извѣстныхъ литшерапоровъ и писательницъ, какъ-то: Сарторія, Шваба, Шоппенгауеръ, Домана, Мильшица, Вихсмана, Блюенгагенъ, Шоппе, Тромлица, Лидеманна, Шефера, Кинда, Клаурена, Гелля — почти всѣ писаны на подрядъ, на заказъ, извѣстнымъ манеромъ, и безцвѣтны удивительно. Что-же скажешь объ остальномъ? — Но, въ Германіи не считаютъ Альманаховъ ничѣмъ другимъ, какъ шолько ошраслю книжной промышленности. Они шоже въ Германіи, что у насъ переводы романовъ В. Скопша. Хорошимъ

писателямъ плащяшъ издашели дорого, и сами стараются продать поварь лицомъ. Наши Русскіе Альманахи гораздо загадочнѣ Нѣмецкихъ! Издашелямъ, кромѣ весьма немногихъ, нѣтъ ни чести, ни барыша, и весьма немногіе изъ нихъ и думаютъ о продажѣ, кажется, ибо издають ихъ весьма неоправно. Нѣмецкіе Альманахи суть дѣти литшерашурной роскоши; Русскіе — дѣти младенчествующей Литшерашуры, которая не зная ничего важнѣйшаго, играеть въ куклы.

1

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ НЕНАПЕЧАТАННАГО СОЧИНЕНІЯ : *Введеніе въ Географію и Исторію* (*).

О НЕДѢЛИМЫХЪ И ОРГАНАХЪ ИХЪ.

§ 1 (**). *Недѣлимья* (Individua).

Въ природѣ все соединено въ общее цѣлое ; вѣшь вещи въ мірѣ , кошорая-бы не была подвержена внѣшнимъ вліяніямъ , и сущесшвовала бы совершенно опдѣльно опъ вѣхъ прочихъ вещей . Каковы бы ни были массы ешесшвенныхъ предметовъ , каково бы ни было ихъ распояніе , сущесшвованіе ихъ взаимно одно другому

(*) Первые отрывки , см. Телеграфъ 1829 года , № XV-й.

(**) Означеніе параграфовъ , пропущенное вовсе въ 3-хъ первыхъ отрывкахъ , здѣсь не по , по числительному порядку , какое будетъ во *Введеніи*.

ощущительно. Луна, солнце, звѣзды млечныхъ пущей, все, посредственно или непосредственно, дѣйствуетъ на малѣйшее насѣкомое, на послѣднюю былинку земную, и сіе насѣкомое, сія былинка, дѣйствуютъ обратно на Общее-Цѣлое, опзымающа въ его жизни. Во вселенной происходитъ непрерывное тяготѣніе *всего* на *каждое* и *каждаго* на *все*. Ничто не существуетъ единственно само собою, и единственно для самого себя. Всякая жизнь дѣлится своимъ существованіемъ со всѣмъ прочимъ.

И пакъ, въ семъ смыслѣ, совершенно *недѣлимаго* существа нѣтъ въ природѣ. Безусловно самостоятельное, совершенное недѣлимое, есть Богъ. Отъ того онъ одинъ можетъ назваться себя אלהים (Свя. Исх. III. 13. — VI, 5). Но Богъ не есть существо природы: Онъ есть Творецъ ея. Впрочемъ, все существующее въ природѣ одарено нѣкоторою, болѣе или менѣе ограничевою, самостоятельностью, все, следовательно, имѣетъ свою недѣлимость, несовершенную, *относительную*.

Всякое существо живетъ въ себѣ, и во вселенной. Его существованіе можно вообразить себѣ въ видѣ линіи, которой одна часть составляетъ *собственную, особенную* жизнь, другая служитъ для жизни *общей*. Различіе существъ зависитъ отъ неравенства сихъ противополо-

жнихъ ихъ жизнью. Перевѣсьшой или другой въ существѣ составляешь большее или меньшее его совершенство: отсюда происходятъ различныя степени *индивидуальнаго, относительнаго* существованія, приходишь множество въ единствѣ, происходятъ недѣлимые, не совершенно безусловныя; но болѣе или менѣе ограниченно-самостоятельныя.

Существо, чѣмъ болѣе пользуется *собственною* жизнью, чѣмъ менѣе подвержено *общей*, тѣмъ оно совершеннѣе, и на оборотъ; ибо, чтобы пользоваться *собственною* жизнью, надобно сперва освободиться отъ оковъ *общей*, надобно, слѣдовательно, имѣть великія силы и средства сопротивленія. Скажешь, что какое-то существо наслаждается обширною *собственною* жизнью, значить скажешь, что оно сильно сопротивляется *общей* жизни, и одерживаетъ надъ ней великую побѣду.

Слѣдствіе побѣды есть независимость; слѣдствіе независимости есть употребленіе свободы, владычество надъ побѣжденнымъ.

Общая жизнь есть общій плѣнь существъ; *собственная* жизнь есть освобожденіе отъ сего плѣна, побѣда со всѣми ея преимуществами. Но ни одно существо не живетъ единственно *собственною* жизнью, такъ какъ и *вѣнч* существа, совершенно погруженнаго въ *общую* жизнь.

Совершенно *общая* жизнь была бы для существа уничтоженіе, совершенно *собственная* — Все-могущество. Ничто и Творецъ : вопшь что находишься за предѣлами ошносительной индивидуальности. Существа природы заключены между сими великими полюсами.

И шакъ всякое существо часпію въ плѣну, часпію на свободѣ, часпію повинуется общей природѣ, часпію ею повелѣваетъ. Чѣмъ оно совершеннѣе, шѣмъ слабѣе его дань *общему*, и шѣмъ болѣе сіе *общее* служишь въ его индивидуальную пользу. Такъ напримѣръ, ошносительно предметовъ питания, мы видимъ, что многія насѣкомыя поддерживаютъ жизнь шолько вѣкошорыми расшеніями, не рѣдко однимъ расшеніемъ, или одною его часпію ; что жившныя высшихъ классовъ находятъ уже болѣе или менѣе разнообразную пищу, или въ растительномъ, или въ жившномъ царствѣ, что человекъ наконецъ, шравоядный и мясоядный вмѣстѣ, пользуется найразличнѣйшими снѣдами: для спола какого нибудь Лукулла служишь, шакъ сказашь, вся природа. Но и самъ человекъ, при всей обширности своего *собственного* существованія, не можетъ избѣгнушь ошъ внѣшнихъ вліаній, кошорыя дѣйствуютъ на него и измѣняютъ его не шолько физически, но и душевно. Философы и врачи давно согласились, что климатъ имѣетъ силу на самый характеръ народовъ : какъ

внѣшній видъ , шакъ и моральная физиогномія , разнообразяшся подъ разными полосами земли.

§ 2. Недѣлимая неорганическая.

Если нѣшъ вещи, кошорая бы не имѣла сколько нибудь *собственной* жизни , если нѣшъ вещи совершенно мертвой (совершенная смерть естъ уничтоженіе) , шо и минералы должны имѣть свою опносительную недѣлимость. Они шакже , какъ распенія и живошныя, умирають , если опдѣляюшся опъ нихъ существенныя ихъ часши. Въ самомъ дѣлѣ , въ составѣ всякаго минерала входяшъ шакія часши , кошорыхъ не лзя опмишъ опъ минерала , не разрушивъ его (*) : опдѣляете опъ воды ея оксигенъ , и она перешанешъ бышъ водою , умрешъ своимъ образомъ ; гранишъ , въ кошоромъ уничтоженъ кварцъ или фельшпатъ , продолжаетъ бышъ камнемъ , но не продолжаетъ бышъ гранитомъ : гранишная его жизнь прекращается. Чшо значашъ всѣ имена , кошорыми въ Нашуральной Ишторіи называюшся минеральныя веществва , какъ не шо , что сіи веществва имѣють свою особенность , свою недѣ-

---

(*) Нѣкоторыя минералы умирають только опъ Химическаго , другіе даже опъ одного Механическаго на нихъ дѣйствія ; эшо показываешъ , что ихъ шѣлоустройство имѣетъ свои различныя степени совершенства.

лимоспъ. *Адамъ* не могъ бы назвашъ шварей (*Быт. II, 19, 20*) особенными именами, если бы швари не имѣли *особенныхъ* качествъ.

Обыкновенно думаютъ, что только живошвыя и распенія могутъ быть, и должны быть, *недѣлимыми*: раздробляйше, говоряшъ, кусокъ мѣла, сколько угодно, всякая крошка его ошпанешся, какъ и цѣлой кусокъ, мѣломъ; а можно ли такъ раздробляшъ органическое шѣло, не умершвивъ его?

Но что это значишъ? То, что мѣлъ, какъ вообще и всѣ минеральныя вещества, имѣетъ великую способность дробишся безъ потери собственной своей жизни, способность, которую, болѣе или менѣе, имѣютъ и органическія существа; ибо сіи послѣднія не только могутъ быть раздѣляемы такъ, что одна ошдѣленная часть ихъ умрешъ, а другая ошпанешся живою, и удержишъ въ себѣ недѣлимость цѣлаго (что случается, и очень обыкновенно, съ самимъ человекомъ), но еще такъ раздѣляшся, даже дробишся, что каждая часть ихъ, или частичца, будешъ жива, и индивидуальность сохранишся во всѣхъ нихъ: это мы видимъ въ распеніяхъ, разводимыхъ черенками, это напуралишмы испытали надъ нѣкоторыми червями и полипами, это сама природа всегда производишъ съ нѣкоторыми органическими существа-

ми высшихъ классовъ, размножающимися обыкновенно посредствомъ членоопаденій.

И такъ способность дробиться не принадлежитъ единственно минеральнымъ шламъ, не исключаетъ въ шлахъ живыхъ и расщепляемыхъ способности быть *неделимыми*, не сопоставляетъ следовательно доказательствъ ни *за* ни *противъ* индивидуальности какого бы то ни было шла. Объ ней известно, что она мала въ органической природѣ, и велика, но не безпредѣльна въ неорганической. Безпредѣльною она могла бы быть только въ пустомъ пространстве.

§ 3. Органы *неделимыхъ*.

Что бы быть *неделимымъ*, нужно имѣть средства превращать *общую* жизнь въ *особенную*; и тѣмъ обширнѣе должно быть сие превращеніе, тѣмъ и средства должны быть разнообразнѣе и сильнѣе. Сии средства въ *неделимыхъ* существахъ органы.

Всякой организмъ есть усиліе *особеннаго* отдѣлился отъ *общаго*; но никакое дѣйствіе не можешь быть безъ прошивудѣйствія: следовательно, при отдѣленіи *особеннаго* отъ *общаго*, должна происходить взаимная между ими борьба.

Все, что отдѣлилось отъ *общаго*, должно было по необходимости превратиться въ *осо-*

бенное; и чѣмъ больше произошло сего превращенія, тѣмъ сложнѣе явилось *особенное*. *Общее* и *особенное* предсавимъ себѣ въ видѣ свѣшкѣ, завернушаго съ обоихъ концовъ: завиваніе одного конца непременно должно бытъ на счетъ другаго; и не можешь одинъ конецъ свѣшкѣ уменьшился безъ того, чшобъ другой конецъ его не увеличился.

Увеличиваніе *особеннаго* на счетъ *общаго* должно обнаруживаться въ организмѣ силою и разнообразіемъ его органовъ. И шакъ органы суть *гіероглифы общаго въ особенномъ*. Они показываютъ величину *собственной* жизни *недѣлимаго*, и степень его могущества въ природѣ.

Далѣе: органы въ организмѣ сущесствуюшъ шакъ-же, какъ организмы сущесствуюшъ во вселенной, п. е. служатъ и для *общей* жизни цѣлаго, и имѣютъ *собственную* жизнь. Органы суть какъ бы *недѣлимыя* въ *недѣлимыхъ*, и живушъ двойкою жизнью. Относительное ихъ достоинство опредѣляется большею или меньшею ихъ самостоятельностью.

ОТРЫВОКЪ ПЯТЫЙ.

Что есть просвѣщеніе?

§ 4. *Задача существованія человѣческаго.*

Жизнь человѣческая исполнена такихъ противоположностей, имѣетъ столько высокаго и низкаго, счастливаго и несчастнаго, совершеннаго и грубаго, что невольно рождается недоумѣніе, чѣмъ почишаешь ее, добромъ или зломъ въ природѣ. Величіе и ничтожность человѣка всегда представлялись его чувству и размышленію, и всегда представлялись вмѣстѣ, въ непосредствѣ ихъ сообществѣ. Здѣсь и поэтъ и философъ совершенно единодушны; оба, различными средствами, одинъ быстрымъ и выспреннымъ полетомъ воображенія, другой осторожнымъ и медленнымъ, но вѣрнымъ, шагомъ разсудка, достигали всегда до одной цѣли, вспрѣчались всегда въ одной истинѣ, что нѣтъ выше человѣка между тварями, и нѣтъ его ниже. Сія истина во все времена сильно поражала людей, и осмѣялась навсегда поразительною, ибо она для нихъ не безжизненное какое нибудь отвлеченіе, не теоретическій выводъ, но какъ бы предчувствіе всей судьбы ихъ, нѣкоторое пророчество насмѣящаго, прошедшаго и будущаго.

Сіе предчувствіе, сіе пророчество окружено великимъ ужасомъ и великою надеждою. Но надежда всегда, здѣсь особенно, сильнѣе ужаса: Разумъ и Воля, сей образъ и подобіе Бога въ человѣкѣ, не могутъ погибнуть. Существо, запечатлѣнное такимъ знакомъ, конечно определено быть добромъ.

Какъ обширно существованіе человѣка, о томъ говорено въ другомъ мѣстѣ (§ .) Всѣ прочія творенія весьма глубоко погружены въ общую жизнь; кругъ собственной жизни ихъ такъ широкъ, что для себя они почти мершвы. Дѣйствительно, что значить бытіе самаго совершеннаго животнаго передъ жизнью свободы и разума человѣческаго! Одна минута умственной или нравственной дѣятельности болѣе заключаетъ жизни, чѣмъ цѣлыя тысячелѣтія безчувственнаго бытія.

Но обширное существованіе должно обнаруживаться обширнымъ вліяніемъ на внѣшнюю природу; одно не можетъ быть безъ другаго. И такъ человѣкъ не есть простое звѣно въ цѣпи существъ, не есть обыкновенный гражданинъ въ республикѣ тварей (§ .): онъ есть великая въ ней сила, особенный законъ, отличный отъ общихъ законовъ природы.

Со всемъ тѣмъ сей царь творенія рожденъ для великихъ трудовъ; царство достается ему

не какъ наслѣдство, но какъ возмездіе. Все человѣческое, ш. е. могущество, достоинство, высокое, изящное, онъ долженъ самъ приобрести. Если не употребишь усилій своего разума, то упадешь ниже всѣхъ шварей, ибо, послѣдственный надъ ними главою, будешь ихъ невольникомъ; если не употребишь усилій своей воли, то будешь самымъ презрѣннымъ существомъ, ибо онъ одинъ можетъ быть порочнымъ. Разсмотримъ эшо ближе.

§ 5. *Общій законъ индивидуальнаго зла.*

Богъ видишь *добро*, какъ свидѣтельствуешь Священное Писаніе, во всѣхъ предметахъ природы; и эшо весьма понятно, ибо они суть Его произведеніе, Его идеи, по выраженію *Платона* (§). Предметы природы суть *добро*, пошому что нужны для взаимнаго своего сохраненія и совершенства. Всѣ они составляютъ такъ устроенное цѣлое, что каждая часть онаго служишь для общей пользы, каждая часть слѣдовательно есть *добро*.

Но составляя *общее добро*, они подвержены *собственному имъ, индивидуальному злу*, происходящему отъ прошивудѣйствія общей природы. И шакъ законъ необходимости, что чѣмъ совершеннѣе существо, шѣмъ обширнѣе можешь быть его индивидуальное зло.

Въ самой вещи, существо, получившее не много, можешь и шерашь не много; но всякое лишеніе ешь убавокъ ошь благосостоянія: слѣдовашельно, чѣмъ несовершеннѣе существо, тѣмъ незначительнѣе могушь бышь и убавки его благосостоянія. Такое существо живешь малую жизнью, но и умираешь малую смершію. Впрочемъ убавокъ ошь благосостоянія можешь назвашься зломъ отрицательнымъ; ешь зло положительное, и вошь его происхожденіе.

Всякой органъ, всякая способность ешь *особенность въ общемъ*. Всякая *особенность* должна имѣшь взаимную борьбу съ общимъ, безъ копорой невозможно ихъ существованіе (§ 4.). И шакъ всякая *особенность* имѣешь, по неизбѣжимому закону, своего врага, или враговъ, копорые усмивающься ее уничтожишь. Если, въ борьбѣ сей, *особенность* не уступаетъ *общему*, но она пользуется своею жизнью, она наслаждается: но если *общее* начинаешь превозмогашь ее, но она страдаетъ. Слѣдовашельно, каждое существо не только можешь шерашь свои органы и способности, ш. е. лишашься средствъ своего благосостоянія, но и страдаетъ ошь нихъ, или говоря почтѣе, страдаетъ по причинѣ ихъ. Чѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе органы его, тѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе могушь бышь его спраданія. Можно сказашь, что всякое совершенство въ сущестивѣ покупашься

цѣною соразмѣрной ему опасности. Здѣсь, какъ въ полипическихъ общеспвахъ, чѣмъ выше до-
стоинство, тѣмъ болѣе отвѣтственности. Вся-
кой рангъ есть мечъ обоюду оспрый.

§ 6. Тяжесть закона индивидуальнаго зла для
человѣка.

Сей законъ индивидуальнаго зла (§ 5) шже-
ле для человѣка, нежели для прочихъ существъ,
потому что ни одно изъ нихъ не заключаешь
въ себѣ такой полноты органовъ и способно-
стей, кака въ немъ содержится. Хотя мо-
гутъ нѣкоторыя пвари спорить съ человѣкомъ
въ совершенствѣ того или другаго органа, и
даже имѣть передъ нимъ, въ семъ отношеніи,
преимущество; хотя есть у нихъ способности
вовсе не данныя ему: однако и сіи пвари, не
говоря уже о прочихъ, не столь щедро одарен-
ныхъ природою, гораздо его несовершеннѣе;
потому что совершенства ихъ малочисленны,
сравнительно съ человѣческими. Въ нихъ по оди-
начкѣ разбѣяно то, что въ одномъ человѣкѣ
собрано; и если онъ кажется слабѣ ихъ въ нѣ-
которыхъ частяхъ своихъ, то въ цѣломъ со-
ставляешь такую силу, какой не видно ни въ
одномъ сотворенномъ существѣ.

Но въ превосходствѣ семъ содержится, если
можемъ такъ выразиться, превосходство воз-
можныхъ ему несчастій (§ 5).

Есть другое основаніе, по которому законъ индивидуальнаго зла тяжеле для человѣка, нежели для прочихъ существъ, и тяжеле въ обоихъ видахъ (§.) *собственной* жизни: въ защищеніи ея отъ общей природы, и въ нападеніи ея на сію послѣднюю, п. е. тяжеле въ сохраненіи жизни и въ наслажденіи жизнью.

а) *Сохраненіе жизни.* Природа, по видимому, печется о человѣкѣ меньше, нежели о всѣхъ прочихъ шваряхъ. Въ самой вещи, охранилъ-ли онъ ея напр. отъ вліяній климата шакъ, какъ живопныя и расшенія? Нѣтъ; въ знойныхъ и въ подполюсныхъ краяхъ онъ имѣетъ вездѣ одинакую наготу шѣла. Какія средства у него для защиты отъ безчисленныхъ непріятелей, которыми онъ повсюду окруженъ? Чшо противупоставишь зубамъ крокодила или когшамъ шигровымъ? Между шѣмъ природа шакъ удивительно бережетъ самаго послѣдняго червяка, самаго послѣдняго насѣкомаго.

Не шолько физически, даже морально, человѣкъ какъ бы оброщенъ природою. Чему она его научила? Сколь продолжишельно дѣшштво, шполь оно слабо и бессмысленно. Животное едва родишся, все уже знаешь, чшо ему нужно; не надобно учиться соловью пѣшь, пчелѣ извлекать изъ цвѣшовъ медъ; бобру строишь удивительныя свои жилища. Одинъ человѣкъ безъ

собственной своей науки ничего не знаешь. Для всего долженъ самъ прудиться.

И такъ мало защиты челоѣку отъ природы, но она дала ему больше, чѣмъ обыкновенную свою защиту: дала ему право и возможность самому защищаться.

б) *Наслажденіе жизни.* Челоѣкъ опредѣленъ для самыхъ совершенныхъ наслажденій, ибо онъ самое совершенное существо; а всякое совершенство есть средство для наслажденія. И такъ не только для него должно быть возможно все, чѣмъ пользуясь прочія существа, и что изъ ихъ наслажденій можешь служить къ его благосостоянію, но надобно, чтобы онъ ихъ превосходилъ во всякомъ родѣ наслажденій. И однако челоѣкъ не надѣленъ многимъ, чѣмъ надѣлены другія пвари. Жизнь его напр. коронка, въ сравненіи съ жизнію тысячелѣшняго дуба или баобаба. Что сила челоѣка передъ силою льва, легкость передъ легкостью серны, или оспроша зрѣнія передъ орлиною? Нѣтъ у него ни крыльевъ для полета, ни членовъ для плаванія, мало средства для защиты, можешь быть еще меньше для нападенія.

Со всѣмъ тѣмъ онъ долженъ давать свои законы въ природѣ. Онъ долженъ преодолевать самыя страшныя въ ней силы, не только шигра

побѣждають , или крокодила , но покоряють молвію. Эпо онъ можешь сдѣлать не усиленіемъ слабыхъ своихъ мышцъ , но познаніями разума , кошоры не даюшся , а пріобрѣтаюшся.

§. 7. Усиленіе физитескихъ способностей посредствомъ разума.

Разумъ можеть замѣнять для челоѣка все, что естѣ въ другихъ шваряхъ совершеннаго , можеть все эпо весьма превышать. Самый слабый органъ посредствомъ разума становится чрезвычайно сильнымъ. Объяснимъ примѣромъ ; возьмемъ зрѣніе. Что будетъ сказано о сей способности , можеть бышь приложено , болѣе или менѣе , ко всѣмъ прочимъ.

Зрѣніе челоѣка уступаетъ зрѣнію многихъ животныхъ , кошоры могушь видѣшь свою добычу или непріятели въ чрезмѣрномъ разстояніи. Но что значить способность видѣшь передъ способностью примѣчать ! Что примѣчаютъ животныи съ самымъ ошрымъ зрѣніемъ? Два предмета, добычу и врага ; все прочее предспавляется имъ, вѣроятно , не отдѣльно по одиначкѣ , а смушно, какъ бы во всей ихъ массѣ. Цѣлая природа составляетъ , можеть бышь , для нихъ одинъ безпрерывный предметъ , въ кошоромъ глазъ ихъ примѣчаетъ только друга и непріятели.

Допуская даже въ живописныхъ нѣкопору ю способность различать видимые предметы одинъ отъ другихъ, не лзя не признашь, что различіе въ семъ отношеніи между человѣкомъ и нимъ очень велико. Число предметовъ, примѣчаемыхъ человѣкомъ, нѣкопормымъ образомъ можно опредѣлить числомъ *видовъ* и *разницъ* въ природѣ. И пакъ, если исчислишь предметы одного растительнаго царства, то найдемъ, что по вышнему, еще далеко неокончательному, состоянію Бопаники, человѣкъ знаетъ около 50,000 видовъ, кошорые подраздѣляются на большее или меньшее число *разницъ* (*); но каждое расшеніе въ такомъ множествѣ раздѣлено на земной поверхности, что часто они находятся, на малыхъ пространствахъ, не тысячами, а миллионами. Сверхъ того каждое расшеніе со-

---

(*) Касательно видовъ и разницъ розана, а вмѣстѣ и совершенствованія Бопаники, замѣтимъ, что *Линне*, въ 1762 году, описалъ только 14 видовъ розана; но въ шеперешнее время *Prodromus regni vegetabilis*, auctore de Candolle, содержимъ ихъ 146; *разницъ* же розана извѣстно флѣристамъ и любителямъ впрое или втешверо болѣе противъ сего послѣдняго числа видовъ, не смотря на то, что опредѣленіе сего расшенія трудно; ибо самъ *Линне* писалъ: *Species rosarum difficillime limitibus circumscribuntur, et forte natura vix eas possit.*

Августъ 1830.

20

стоишь изъ многихъ, иногда безчисленныхъ, частей. Сколько однихъ листовъ въ вѣтвистой березѣ, сколько будетъ ихъ въ цѣлой рошѣ! Но нѣтъ листка, нѣтъ иголки сосноваго дерева, копорые бы чѣмъ нибудь не отличались отъ всѣхъ прочихъ, имъ подобныхъ. Все это человѣкъ примѣчаетъ-ли? Признаемся, что нѣтъ. Человѣкъ способенъ, но мало, *примѣчать недѣлимья*, еще меньше примѣчать ихъ части. Онъ можетъ ихъ только *видѣть*. Они всѣ представляются ему смутно, какъ бы въ массѣ, такъ какъ живописнымъ, вѣроятно, представляются въ массѣ самыя *виды*. Отличаютъ недѣлимья и ихъ части, видѣть въ особенностяхи каждую иголку конусоносныхъ растений (*coniferæ*), или каждую песчинку на днѣ морскомъ, можетъ только Богъ. Область яснаго зрѣнія человѣческаго не простирается такъ далеко. Она ограничивается на видахъ и разницахъ (*).

(*) Въ самой вещи, натуралистъ отличить напр. всѣ породы человѣческія, даже всѣ ихъ разницы, но не болѣе; наблюдательной ф.зіогномистъ можетъ часто по лицу узнавать, какой кто нація, иногда видѣть въ той или другой особѣ черты той или другой фамиліи: но все это не значитъ вполне примѣчать человѣческія недѣлимья; это значитъ только смутно распознавать нѣкопорыя недѣлимья отъ прочихъ. Физиогномистъ, примѣпившій въ полѣ Рускихъ Француза, знаетъ ли, чѣмъ сей Французъ

Но если мы здѣсь встрѣпили рубежъ сей области, то не показали еще ея пространства въ другихъ направленіяхъ.

Человѣку дано примѣчать только виды и различія: что это значить? Это значить, что онъ можетъ видѣть всѣ отличія, всѣ особенно-сти ихъ. Сколько частей наружныхъ примѣчаетъ онъ напр. въ растеніи; сколько различаетъ внутреннихъ частей, посредствомъ подробной Анапоміи! Если уже особенная Анапомія какогонибудь существа представляетъ великое множество предметовъ, то сравнительная умножаетъ ихъ, такъ сказать, квадратно.

отличенъ отъ всѣхъ прочихъ его одноземцевъ? Можно видѣть различіе между нѣкопородными недѣлимыми, но между всѣми невозможно. Еще труднѣе отличать части недѣлимыхъ отъ всѣхъ прочихъ, имъ подобныхъ. Если разглядывать листья какогонибудь дерева, то примѣняются конечно между ими различія, но можно-ли найдти всѣ ихъ различія, можно-ли сказать навѣрное, что такой-то листокъ имѣетъ такія-то особенности, ему только свойственныя, которыхъ нѣтъ ни у одного подобнаго листа въ цѣломъ свѣтѣ? Такъ говоритъ можетъ человѣкъ о видахъ и различіяхъ, но не о дѣлимыхъ или частяхъ ихъ. Какъ распознать одну каплю воды отъ другой! Помогутъ ли тутъ зрѣнію нѣкопородныя оппѣнки ихъ, нѣкопорая различія ихъ густоты, большая или меньшая текучесть, и прочія обстоятельствова, которыми можно отличить одну жидкость отъ другой (какъ виды),

Человѣкъ умѣетъ расширять познани безмѣрно естественное свое зрѣніе искусственными пособиями. Вооружая глазъ свой микроскопомъ, онъ видитъ какъ бы новый міръ въ спаромъ; посредствомъ телескопа ему открываешся какъ бы новая вселенная. Что теперь говоришь о зрѣніи орла, кошорому изъ подъ облаковъ видна его добыча! Человѣку съ земли видны звѣзды млечныхъ пушей.

хотя бы онъ, по наружности своей, и имѣли между собою великое сходство! И пакъ справедливо, что человѣкъ мало способенъ *примѣтатъ* недѣлимыя; онъ можетъ ихъ только *видѣть*, по примѣру живописныхъ; здѣсь его зрѣніе изъ человѣческаго переходитъ въ живописное. Правда, онъ оплечитъ своего опца, брата, даже какое нибудь распеніе или камень, опъ прочихъ людей, распеній и камней; но число пакихъ, извѣстныхъ ему недѣлимыхъ, чрезвычайно ограничено, почти ничтожно. Извѣстныя недѣлимыя поже для человѣка, что друзья и враги, полезное и вредное, для живописныхъ. Кромъ сихъ друзей и враговъ, всѣ другія недѣлимыя представляются взору человѣческому какъ одинъ непрерывный предметъ, какъ одна масса, въ кошорой онъ не видитъ ни начала, ни окончанія; ибо разуму его не дано знать, что принадлежитъ единственно, исключительно, каждому недѣлимому, что слѣдовательно оплечаетъ его опъ всѣхъ подобныхъ ему недѣлимыхъ, и прошедшихъ, и наслоящихся, и будущихъ. Такое знаніе-зрѣніе конечно есть Божеское.

Если бы какойнибудь шварц дана была на минушу способность обнять всю область зрѣнія человѣческаго, сія шварц почла бы, можешь бышь, человѣка на эшу минушу Божесшвомъ. Предположеніе позволено: ибо не разъ самъ человѣкъ, когда онъ не просвѣщенъ, принималъ просвѣщеннаго человѣка за высшее существо.

§ 8. Просвѣщеніе.

Почему просвѣщеніе можешь шакъ возвышать человѣка, можешь давашь ему шакую силу, понятъ не прудно. Просвѣщеніе не есть-ли познаваніе шого, *што* происходитъ въ природѣ, и *погему* все происходитъ; не есть-ли ошкрытіе причинъ и дѣйствій всего существующаго, истинное пріобрѣшеніе *познанія добра и зла*? Чшо изъ эшого выходитъ? То, чшо человѣку даешся какъ бы ключъ ошъ хранилища природы, шо, чшо онъ можешь войдши во владѣніе ея богашсшвомъ. Всякая машина не дѣлаешся-ли послушною шому, кому извѣсно ея строеніе? Кшо не знаешъ, гдѣ скршны пружины машины, и какъ за нихъ взяпшь, шощъ не будетъ управлшшь ею; но она усшупитъ, какова бы ни была ея сложность и сила, волѣ знающаго ее. Природа есть шакже машина, или справедливѣе сложность машинъ (§). Кшо разобралъ ее, и ошкрылъ ея пружины, шощъ, если имѣешъ волю, пріобрѣлъ ея силы. Онъ можешь все по-

лучишь , ибо знаешь гдѣ , и какимъ средствомъ достигающа всѣ нужныя для него сокровища ; онъ можешь все произвески , ибо знаешь , изъ чего , и какъ все составляется : словомъ , онъ спавнившись всемогущъ , ибо всемогущими можешь дѣйствовать силами. Просвѣщенное существо есть какъ-бы олицетвореніе всѣхъ силъ природы.

Натуралисты раздѣляютъ видимыя предметы на *естественныя* , созданныя природою , и *искусственныя* , произведенныя человекомъ. Это раздѣленіе вполне справедливо ; человекъ есть другая творческая сила , другая природа.

И чего не произведешь человекъ ! Какія силы не уступаютъ силѣ его познаній ! По волѣ его львы везутъ шоржественную его колесницу (*), рѣка течетъ вопреки естественному своему направленію , южное растение расцвѣщаетъ и приноситъ плодъ на сѣверѣ. Законы природы какъ-бы умолкаютъ передъ закономъ человеческимъ : они конечно не измѣняются въ существѣ своемъ , но перестаютъ дѣйствовать по собственному своему направленію , принимая направленіе , данное человекомъ.

Можно-ли послѣ этого думать , чтобы какое нибудь существо природы было болѣе человека

(*) Это бывало у Римлянъ.

одарено тѣмъ нѣбудь! Какъ малозначуще орлиное зрѣніе передъ человѣческимъ, шакъ слабы всѣ физическія свойства шварей передъ его свойствами, когда еѣ послѣднія усилены просвѣщеніемъ.

Для произведенія великихъ дѣлъ человѣку не нужно величайшаго совершенства органовъ: ему нуженъ прежде всего умъ. Helvetius думалъ, что одно различіе членовъ доснапочно произведши все различіе въ достоинствахъ шварей: «Если бы природа, говоришь онъ, вмѣсто гибкихъ рукъ и пальцевъ, дала верхнимъ нашимъ конечностямъ успроеніе лошадинаго копыша, что кто бы сомнѣвался, чтобъ люди не блуждали еще посреди лѣсовъ, безъ искусствъ, безъ жилищъ, безъ зашины противъ живошныхъ?» Грубый машеріализмъ разсуждаетъ грубо. Не умъ производится органами, а органы совершенствуются, даже родятся, опъ ума; даже родятся: ибо не видимъ-ли, что человекъ, безъ крыльевъ птицы, взлѣпаетъ выше облаковъ, безъ плавательнаго шѣлоустройства, переплываетъ эквапорный и полюсные океаны. Но безъ просвѣщеннаго ума всѣ средства физическія мертвы, какъ-бы не существовать. Если-бы глаза живошныхъ сдѣлались вдругъ микроскопическими или телескопическими, что-бы они увидѣли? Ничего лишняго передъ прежнимъ, ибо ошало бы при прежнихъ своихъ понятіяхъ: какъ прежде имъ предшавлялся одинъ непре-

ривный предметъ въ цѣлой природѣ, въ кошорой они опличали полько мѣстами свою добычу или своего врага, шакъ и шеперь предсшавляса-бы имъ пошь же непрерывный предметъ, безъ начала и окончанія.

Говорящъ нѣкошорме, что гражданшвенный человекъ ушрашил много физическаго совершеншва, и сожалѣютъ о пошь. Но должно ли сожалѣшь о пошерѣ нѣкошорыхъ шѣлесныхъ преимущесшвъ шогда, когда приобрѣшенія разума, посредшвомъ просвѣщенія, безъ всякаго сравненія важнѣ сей пошери? Не значишь-ли эшо сожалѣшь объ орѣхѣ, преврашвшемся, силою рашенія, въ кедръ Ливанскій? Удивительшо, что въ наши времена, даже опличные напуралиспы (*), пишутъ съ нѣкошорою, не народною уже, а человекшвенною гордосшью, о крѣпосши мышць, о быспрошѣ бѣга, объ ошрошѣ или шонкоеши чувсшвъ людей полудикихъ или дикихъ. Всѣ сіи совершеншва что значашъ? Паденіє человекъ до совѣршенсшвъ живопнаго, лишеніє нѣкошорымъ образомъ царшвеннаго сана, для кошораго человекъ призванъ. Эшо-ли его сила, чтообъ носишь шяжесши въ 450 килограммовъ? Его сила шакова, что онъ

(*) Histoire naturelle de l'homme, par le comte de Lacépède. Paris 1827.

осѣмлялся сказанъ : *da mihi punctum fixum, et terram movebo* (*).

Такъ, сила ошъ просвѣщеніа естѣ одна, достойная челоуѣка, одна *человѣческая*. Съ нею величіе и богатство, шакъ какъ безъ нея ни зосшь и нищеша. Сію поспыдную для челоуѣчества нищету легко доказашъ жизнію дикихъ народовъ, даже жизнію необразованныхъ людей, принадлежащихъ къ просвѣщеннымъ народамъ. Философы прославляли бѣдность, внушали любовь къ бѣдности, но не къ шой, кошорая происходишъ ошъ невѣжества, или, въ прошивномъ случаѣ, они сами ошибались. Невѣжество, какъ и порокъ, производишъ несчастія; невѣжество, и его слѣдствія, обшкновенно гибельнѣе порока. Просвѣщеніе не естѣ что нибудъ условное, изобрѣшенное; оно основано на сущности души, одаренной разумомъ, естѣ необходимое слѣдствіе души челоуѣческой (**). И шакъ должно положить, что одна изъ цѣлей сущесшвованія челоуѣчества въ здѣшней жизни, и прибавимъ, для здѣшней жизни, естѣ просвѣщеніе, ш. е.

(*) «Дай мнѣ на чемъ ушвердишься, и я буду повершываать землю!» Слова *Архимеда*, по свидѣтельству *Палла*.

(**) Весьма примѣчательна пословица Грековъ : *Μαθηται γυμνασται, δια τα υγιον' ανθρωπος*, ш. е. предаюсъ ученію, чшобъ бышь челоуѣкомъ.

пріобрѣтеніе способоꝝ управлять силами природы.

Но человѣчество не есть одно лицо: оно есть челоꝛѣки, прошедшіе, настоящіе и будущіе, изъ кошорыхъ каждый имѣеть свою собшвенную волю, каждый слѣдовашельно можетъ хотѣшь, и захочешъ распроспранить свою волю на всю природу. Опскуда по необходимости должно происходишь сполкнрвеніе волей челоꝛѣческихъ, ихъ взаимное спѣсненіе, ихъ бездѣйспвіе, если опѣ не условяшся поступашь всѣ единодушно. И шакъ челоꝛѣку не шолько надобно учишьса *управлять природою*, но и *управлятьса съ подобными себѣ*. Здѣсь являешся новый родъ *просвѣщенія*, кошорый можно назвашъ *гражданственнымъ* (*гражданственностію*, *цивилизациею*).

Если просвѣщеніе происпекаетъ собшвенно изъ души, сосшавляешъ жизнь одной часпи душевной, по всякой испребителъ просвѣщенія не долженъ-ли назвашся душеубійцею? Препяшшествованіе успѣхамъ просвѣщенія есть прешупление прошивъ челоꝛѣчества, и напрошивъ, распроспраненіе познаній разума есть великая передъ нимъ заслуга.

Докторъ Ястребцевъ.

МАІОРАТЪ.

(Повѣсть Гофмана).

Недалеко отъ берега Балшійскаго моря, въ одной изъ Оспзейскихъ областей, находится родовой замокъ Бароновъ * * *. Вокругъ него мѣста угрюмыя и обнаженныя. Кой-гдѣ, изъ глубокаго, сыпучаго песку выходятъ бмылки шравы. Въ мѣсто сада, примыкаешь къ голымъ стѣнамъ господскаго дома, со стороны земли, щой сосновый лѣсъ, копорый своею вѣчною, угрюмою мрачношью оскорбляетъ песпрый нарядъ весны, и въ копоромъ, вмѣсто веселаго распѣванія пробуждающихся къ новому наслажденію ппичей, опкликается одно печальное карканье вороновъ и пронзительный крикъ предвѣстницъ бури, чаекъ. Но опойдише опшуда на четверць часа пуши, и вы вдругъ увидите пере мѣну въ природѣ. Какъ бы волшебствомъ вдругъ вы перенесены на двѣпуція поля, на роскошныя луга и нивы. Передъ вами большая, богатая деревня, съ пространнымъ жилимъ домомъ управителя. Впереди миловиднаго ольховаго лѣса видѣнъ фундаменшъ огромнаго замка, копорый хошмъ выстроилъ одинъ изъ прежнихъ владѣльцевъ. Наслѣдники его, жившіе въ Курляндскихъ

своихъ помѣстьяхъ, оставили это спроеіе , а Баронъ Родерихъ фонъ **, поселившійся оишь въ родовомъ имѣніи своемъ , не продолжалъ спроеіа попому , что жише въ сшаринномъ , уединенномъ зѣмкѣ нравилось этому мрачному человеконенавистнику . Онъ кой-какъ поправиль развалившееся зданіе , и зашворился въ немъ , съ однимъ суровымъ дворецкимъ и небольшою прислугою . Рѣдко выдали его въ деревнѣ ; за шо часшо расхаживаль онъ и разѣзжалъ верхомъ по морскому берегу , и не разъ замѣчали , издалека , что онъ говорилъ , обращаясь къ волнамъ , и прислушивался къ ихъ спону и шишнію , какъ будшо понимая ошвѣшнй голось морскаго духа . На самой вершинѣ дома , въ башнѣ , устроиль онъ кабинетш , гдѣ находились зрительныя шрубы и полный аспрономическій приборъ . Тамъ наблюдалъ онъ , днемъ , корабли , пролешавшіе на ошдалемномъ горизонтѣ , подобно бѣлокрылымъ морскимъ шицамъ . Въ свѣшлыя звѣздныя ночи занимался онъ шамъ Аспрономіею , или , какъ угадывали нѣкопорые , Аспрологіею , въ чемъ помогаль ему сшарикъ дворецкій . Вообще , при жизни его бмль слухъ , что онъ занимаешся шайною наукою , или шакъ называемымъ чернокнижіемъ , и что одинъ неудачный оишь , копорымъ жеспоко оскорбилъ онъ какой-шо знаменишый Княжескій Домъ , бмль причиною изгнанія его изъ Курляндіи . Легчайшее напоминаніе

о тамошнемъ пребываніи , приводило его въ ужасъ. Но все , что случилось съ нимъ шамъ , и возмутило всю жизнь его , приписывалъ онъ единственно винѣ своихъ предковъ , ославившихъ прародительское помѣстье. Что бы по крайней мѣрѣ на будущее время привязать главу фамилии къ родовому замку , онъ учредилъ въ этомъ мѣстѣ Маіоратъ (*). Владѣтельный Государь его швъ охотно утвердилъ это учрежденіе , что черезъ него приобрѣшалъ онъ для своей страны богашую рыцарскими добродѣтелями фамилію , кошорой оспрали находились и въ другихъ земляхъ. Но ни Родериховъ сынъ , Губершъ , ни нынѣшній владѣлецъ Маіората , называвшійся , шакъ-же какъ дѣдъ его , Родерихомъ , не жили въ родовомъ замкѣ и оба оспавались въ Курляндіи. Видно что они глядѣли на жизнь веселѣе и привѣтливѣе , нежели ихъ угрюмый дѣдъ , и боялись спрашной пустоши его пребыванія. Баронъ Родерихъ позволилъ двумъ шарымъ , незамужнимъ сесшрамъ своего ошца , не имѣвшимъ наслѣдства и жившимъ въ нуждѣ , обшзать и имѣть содержаніе въ его помѣстьѣ. Онѣ были запрашаны , съ одною успармою служанкою , въ небольшихъ шеплахъ ко-

---

(*) Маіоратъ , недвижимое имѣніе , принадлежащее старшему въ фамиліи , нераздѣльное , и имѣющее средоточіемъ своимъ какое нибудь помѣстье. *Пр. Пер.*

мнашахъ боковаго флигеля. Кромѣ ихъ, да повара, который въ нижнемъ этажѣ, подлѣ кухни, занималъ проспорную комнату; въ высокихъ комнашахъ и залахъ главнаго зданія бродилъ еще одинъ дряхлый егеръ, исправлявшій въ тоже время должность каштеляна. Вся остальная прислуга жила въ деревнѣ, при управителѣ. Только позднею осенью, когда начиналъ падать первый снѣгъ и наставало время охопничать за волками и кабанамъ, пустой, оставленный замокъ оживалъ. Тогда прїѣзжалъ въ него изъ Курляндіи Баронъ Родерихъ, со своею супругою, родспвенниками, друзьями и многочисленною охопничьею свипою. Сосѣдспвенное дворянство, и даже друзья изъ ближняго города, любилели охопы, съѣзжались шуда. Главное зданіе и флигели едва могли вмѣщать въ себѣ толпы гостей. Во всѣхъ печахъ и каминахъ прещалъ роскошно оживляемый огонь. Опъ шусла-го упра до ночи шумѣли верпелы. На лѣспни-цу и съ лѣспницы бѣжали сонни весельчаконъ, господъ и слугъ. Тамъ раздавались спалкивающіеся бокалы и веселыя пѣсни егерей, здѣсь попанье шанцюющихъ подъ звуки музыки; вездѣ громкіе, веселые клики и смѣхъ. Такъ-то, опъ чепырехъ до шеспи недѣль, замокъ походилъ болѣе на великолѣпный пракширъ, лежащій на проѣзжей дорогѣ, нежели на жилище владычна помѣсшья. Баронъ Родерихъ посвящалъ эшо вре-

ня, сколько можно было, занятіямъ важнымъ , и, удаляясь отъ шума гостей своихъ, исполнялъ обязанности владѣтеля Маіорапа. Онъ не только приказывалъ подавалъ себѣ подробные отчеты о доходахъ, но и выслушивалъ всѣ предложенія объ улучшеніяхъ, всѣ жалобы своихъ подданныхъ, стараясь, по силамъ своимъ, приводить все въ порядокъ и предупреждать всѣ несправедливости. Въ этихъ занятіяхъ былъ у него усерднымъ помощникомъ старый адвокатъ Ф., поступившій отъ отца къ сыну, ходатай по дѣламъ Баронова Дома и юрисконсулъ находившагося въ П. помѣстьяхъ. Обыкновенно за недѣлю до назначеннаго дня пріѣзда Баронова въ Маіорапъ, онъ уже и опправлялся туда.

Въ 17** году, настало обыкновенное время ѣхашъ въ Родерихово помѣстье. Спарикъ Ф. чувствовалъ себя очень здоровымъ и крѣпкимъ; но онъ зналъ и то, что въ семьдесятъ лѣтъ не худо имѣть при себѣ хорошаго помощника. Какъ будто шутя, онъ сказалъ мнѣ: «Братецъ (такъ онъ называлъ меня, своего внука по братѣ: мы назывались однимъ съ нимъ именемъ)! Я думаю, не худо было-бы шебѣ немножко повѣшряться и повѣхашъ со мною къ Барону. Кроме того что ты славно пособилъ-бы мнѣ въ моихъ прескучныхъ занятіяхъ, да и самъ-бы оглядѣлся и попыталъ силъ въ дикой егерской жизни. Въ одно-бы ушро ты написалъ хорошенкій прошо-

коль, а въ другое съумѣлъ-бы какому нибудь дикому звѣрю, напримѣръ длинношерстному, спрашному волку, либо зубасному кабану, по-смопрѣшь въ огненные глаза, а можешь бышь и положишь его на мѣстѣ, удачнымъ выспрѣломъ изъ винтовки.» И безъ разказовъ о множествѣ чудесъ охошничьяго веселаго времени въ Бароновомъ зѣмкѣ, и безъ сердечной привязанности къ почтенному, спарому дѣдушкѣ, я былъ-бы въ восхищеніи, что онъ въ эпошъ разъ берешъ меня съ собою. Я былъ уже довольно опышенъ въ шѣхъ заняшяхъ, какія ожидали его, и общалъ ему съ усердіемъ взяшь на себя всѣ шруды и заботы.

На другой день, завернувшись въ теплыя шубы, мы сѣли въ повозку и поѣхали. Шелъ густош снѣгъ, съ вѣспромъ, предвѣспникъ близкой зимы. Дорогою, спарикъ разказалъ мнѣ много чуднаго о Баронѣ Родерихѣ, основателѣ Маіораша. Баронъ назначилъ моего дѣда, не смошря на то что онъ шогда былъ еще очень молодъ, своимъ юрисконсульшомъ и исполнителемъ завѣщанія. Дѣдушка говорилъ, что спарый господинъ былъ грубъ и дикъ; что эпош наследовала опъ него, кажешся, вся фамилія, и что даже нынѣшній владѣлецъ Маіораша, котораго дѣдъ мой зналъ крошкимъ и нѣжнимъ юношею, спановишся годъ опъ году спрашиве. Онъ сказалъ мнѣ, что я долженъ обращашся

смыло и непринужденно, дабы значить что нибудь въ глазахъ Барона, и наконецъ упомянулъ о жилищѣ въ замкѣ, которое онъ избралъ себѣ однажды навсегда, пошому что оно тепло, удобно, и такъ отдѣлено, что мы всегда можемъ укрыться въ немъ отъ безумнаго шуму веселыхъ гостей. Въ двухъ небольшихъ, обшитыхъ коврами комнашахъ, вполнѣ подлѣ большой судейской залы, въ боковомъ флигелѣ, напрошивъ того, гдѣ жили шарья дѣвицы — вопрь гдѣ всякій разъ пригошворяли ему резиденцію.

Послѣ скорого, но упомишельнаго путешествія, мы прѣехали наконецъ, глубокою ночью, въ Р**. Черезъ деревню проѣзжали мы въ Воскресенье: шамъ, въ пракширѣ музика, пляска, и радостныя вопли; домъ управителя освѣщенъ съверху до низу, и внутри его также музика и пѣніе. Послѣ этого, еще спрашивѣ казалась ша пустыня, въ кошорую мы вѣзжали. Морской вѣшеръ завывалъ пронзительными, печальными звуками, и, какъ будшо пробужденныя отъ глубокаго, волшебнаго сна, мрачныя сосны спенали вѣвѣшѣ съ нимъ глухимъ ропшомъ. Черныя, мокрыя стѣны замка возвышались изъ подъ снѣгу. Мы спояли передъ запершими ворашиами. Но шумъ не помогали ни крики, ни хлопанье бича, ни спукъ, ни зыкъ; ни въ одномъ окнѣ не было видно свѣша; какъ будшо все умерло. Спаракъ кричалъ своимъ грознымъ, сильнымъ:

Августъ 1830.

голосомъ: «Францъ! Францъ! да куда ты запропашился? Эй!... чоршъ возьми! да пошевеливайся! им мерзнемъ здѣсь у ворошъ!... Свѣтъ избилъ лицо до крови!... Да шевелись-же скорѣ!» Тупъ начала выть дворная собака; ешалъ видѣнь въ нижнемъ эшажѣ мелькающій свѣтъ; загремѣли ключи, и вскорѣ со скрипомъ распахнулись тяжелыя помы ворошъ. «А! Г. Адвокашъ! Желая здравствовашъ! честь имевтъ поздравить!... Да въ какую-же погоду!...» Это кричалъ старшій Францъ, поднявшій свой фонарь шакъ высоко, что свѣтъ изъ него весь ударялъ ему въ лицо, покрытое морщинами и спраннымъ искривившееся для дружелюбной улыбки. Пвозка въѣхала во дворъ, мы сошли, и шущъ-шо я разглядѣлъ всю удивительную наружность спараго слуги, закушаннаго въ спаромодную, проспорную егерскую ливрею, пречудно выложенную множествомъ шнурковъ. На бѣломъ, широкомъ лбу, лежали у него шолько два сѣдые локона; нижняя часть лица была грубаго, напоминавшаго егерскую жизнь цвѣща, и, не смопря на то что искривленные мускулы дѣлали лицо его похожимъ на спранныю маску, съ эшимъ чудакомъ примиряла васъ кака-шо глупенькая веселость, блиставшая въ глазахъ его, и игравшая на его устахъ.

«Ну, спарикъ» — началъ мой дѣдушка вошедши въ сѣни, и опрашивая съ своей шубы свѣтъ:—

« пригосовлено-ли все ? Выхлопана-ли пыль изъ обоевъ въ моей комнашѣ ? Внесены-ли шуда поспели ? Хорошо-ли поплено шамъ вчера и сегодня ? » — Нѣшъ , сударь , башюшка — ошвѣчалъ очень спокойно Франць—эшого ничего не сдѣлаво. — « Господи Боже мой ! » воскликнулъ дѣдушка. « Вѣдь я заблаговременно писалъ ? да я и прѣзжаю всегда въ назначенное время. Ужь эшо глауно ! . . . Сшало бышь мнѣ придется жить въ холодныхъ комнашахъ ? » Да , вошъ видишели , башюшка — продолжалъ Франць , щцашельно снявъ со свѣчи нагаръ щипцами , и попомъ запошпавъ его ногою — вошъ видишели , что всѣ эши хлопошны , а ужь особливо шопка , помогли-бы мало , пошому что шуда , въ ваши-шо комнашы , слишкомъ свободно залешаетъ снѣгъ и вѣшеръ , сквозь разбишыя спекла въ окнахъ . . . « Какъ ? » вскричалъ дѣдушка , далеко ошбросивъ ошъ себя шубу и подпершыя руками : « Окна разбишы , а шы , кашелянъ дома , не велѣлъ ничего исправить ? » — Да , башюшка ! — продолжалъ мирно и спокойно спарикъ . — Пособияшшо ничего не лѣзя , пошому что въ комнашахъ вашихъ ужь слишкомъ много обломковъ и кирпичей . — « Какъ , чоршъ возьми ! » вскрикнулъ дѣдушка . — « Да зачѣмъ въ моихъ комнашахъ кирпичи и обломки ? » — На счастье , дай Богъ здравшвовашъ молодому господину ! — проговорилъ спарикъ , учшиво наклоняясь , пошому что я въ

это время чихнулъ ; но онъ шощасъ продолжалъ : — Эпи киричи и извеснѣ ошъ боковой стѣнѣ , кошорая упала ошъ сильнаго удара. — « Да развѣ у васъ было землетрясение ? » съ гнѣвомъ пробормошалъ мой дѣдушка . — Нѣшъ , бапшюшка ! — онъ вѣчалъ спарикъ со смѣющимся лицомъ . — Да шри дни назадъ , въ судейской залѣ обрушился нашъ , споларной работы , шажелый пошолокъ , и съ какимъ шрескомъ ! . . . — « Спало бышъ » : . . . дѣдушка хопѣлъ , повинуясь своему горичему , пылкому характеру , сказашь какое-шо жестокое слово , но , прошинувъ правую руку къ верху , а лѣвою снѣвъ съ головы своей лисью шапку , онъ вдругъ удержался , оборошмился ко мнѣ , и сказаъ , громко засмѣявшисъ : « Ну , брашъ ! нашъ надо замолчашь , да и не спрашивашь ничего ; а шо — бѣда ! Либо услышимъ еще что нибудъ горше , либо весь замокъ повалишся на наши головы ! . . Однакожъ , « продолжалъ онъ , оборошясь опашъ къ спарику : « неужели въ шебѣ не было сполько догадки , что бы велѣшь очиспишь для меня и вышопишь другую комнапу ? И неужели шы не могъ шощасъ-же пригошовишь другой залы , въ главномъ здании , для судейскихъ засѣданій ? » — Да это ужъ почши все гошово — сказаъ спарикъ , и привѣшливо указавъ на лѣшпаицу , шощасъ же началъ всходишь по ней вверхъ . « Смошри пожа-

луй, какой чудодѣй!» вскричалъ дѣдушка, когда мы пошли по слѣдамъ снарика.

Францъ повелъ насъ по длиннымъ корридорамъ, съ высокими сводами. Пылающая свѣча, копорую онъ несъ, разливала какой-то необыкновенный свѣтъ среди глубокой темноты. Столбы, капители и пѣстрыя арки казались висящими въ воздухѣ. Съ боку шли съ нами испанскія стѣны наши, и чудныя изображенія на стѣнахъ, по кошорымъ скользили онѣ, какъ будто дрожали, шрепсали, и въпорили шопошомъ при звукѣ шаговъ нашихъ: « Не будите насъ, не будите! Мы безумный, дивный народъ; мы спимъ здѣсь, въ древнихъ камняхъ!» Наконецъ, когда мы прошли цѣлый рядъ холодныхъ, мрачныхъ комнатъ, Францъ отворилъ дверь въ одну залу, гдѣ пылающій свѣшлымъ пламенемъ каминъ обрадовалъ насъ своимъ веселымъ шипѣниемъ. Я тотчасъ ободрился, вошедши въ эту комнату; но дѣдушка спалъ по срединѣ ея, осмошрѣлся вокругъ, и весьма значительнымъ, почти шоржеспвеннымъ голосомъ сказалъ: « Такъ эша зала назначена для судейскихъ засѣданій?» Францъ поднялъ свѣчу къ верху: передъ нашими глазами, на большой, темнаго цвѣта стѣнѣ была свѣшлая, съ дверь величиною полоса. Глухо и съ огорченіемъ опвѣчалъ онъ: « Да ужъ здѣсь бывали засѣданія Суда.»—Зачѣмъ ты эшо говоришь, снарикъ! — сказалъ мой дѣдуш-

ка, сбросилъ съ себя шубу и подошелъ къ камину. «Такъ, нечаянно вырвалось!» ошвѣчалъ Францъ, зажегъ свѣчи и отворилъ дверь въ боковую комнату, кошорая совершенно скрпшно была пригошвлена для насъ. Вскорѣ передъ каминомъ споялъ накрышмй споялъ. Спарикъ принесъ хорошо пригошвленные блюда, а за ними послѣдовала, очень кспати для дѣдушки и для меня, добрая чаша, шочно по сѣверному климату пригошвленного пуншу. Успавши ошъ дороги, дѣдушка шощасъ послѣ ужина пошелъ спать. Но я не могъ и думать о снѣ. Новость, спранность жилища, и даже пуншъ, сильно взволновали мой духъ. Францъ собралъ со стола, поправилъ въ каминѣ огонь, и вышелъ, дружелюбно раскланявшись со мною.

Я оспался одинъ, въ высокой, обширной рцарской залѣ. Вьюга ушла; буря перешала шумѣшь; небо очисшилось ошъ шучъ, и полная луна кидала свои лучи сквозь широкія, полу-круглыя окна. Ею были магически освѣщены, въ спранномъ убѣжищѣ моемъ, всѣ шемные углы, въ кошорые не могъ достигнуть ни шускый свѣшъ свѣчи, ни огонь камина. Спѣны и пошолокъ залы — чпо и нынѣ еще встрѣчается въ древнихъ замкахъ—были украшены спариннымъ, нелѣпнымъ образомъ: пошолокъ споярною грубою работою, а спѣны фаншаспической живописью, и цестро-рас-

крашеною и раззолоченною рѣзбою. На большихъ картинахъ, представлявшихъ большую частію дикую сумашоку кровавой медвѣжьей и волчьей охопы, порчали рѣзныя, деревянныя головы звѣрей и людей, приспавленные къ написаннымъ шуловищамъ, и эшо, по крайней мѣрѣ при дрожачемъ, блѣдномъ освѣщеніи огнемъ и луною, соспавляло все вмѣстѣ нѣчто спрашноиспннное. Между эшими карпинами были помѣщены пор:прешы, въ человѣческой росшѣ, изображавшіе Бароновъ въ егерьскомъ нарядѣ, вѣроивно, охополюбивыхъ предковъ владѣльца. Живопись и рѣзба, все носило на себѣ шемный цѣпшъ давняго времени; но шѣмъ болѣе кидалась въ глаза свѣшлая, голая полоса на шой сшѣнѣ, въ кошорой сдѣланы были двѣ двери въ ближнія комнашы. Вскорѣ я замѣпилъ, что на эшомъ мѣстѣ шакже была нѣкогда дверь, послѣ закладенная, и что эша сшѣна не похожа была на другія ни живописью, ни рѣзною рабошою. Кто не знаетъ, что необыкновенное, спранное мѣшо пробуждаетъ шайною силою духъ нашъ? Самая лѣнивая фаншазія оживаетъ, когда человекъ въ долинь, окруженной дивными ушесами, или среди мрачныхъ сшѣнъ церкви, и проч. Тогда онъ вѣришь чудесному. Если къ эшому я прибавлю, что мнѣ было двадцать лѣтъ, что я выпилъ нѣсколько спакановъ крѣпкаго пуншу, что конечно повѣряшь, что сидя въ рыцарской

затѣ, я былъ въ странномъ, необыкновенномъ расположеніи.

Пусшь предсавяшъ себѣ нишину ночи; среди ея глухой шумъ моря, съ чуднымъ свиспомъ ночнаго вѣтра, подобныи звукамъ сильнаго, духами подвижнаго органа, и мимолепящія облака, свѣщлыи и блестящія, копорыи, какъ мимо бѣгущіи великаны, часшо заглядывали въ спекла, звенящіи ошъ вѣтра. Послѣ эпого согласяся, что я, чувсшвуя шайный ужасъ, могъ дрожать, и вѣришь, что невѣдомый міръ можешъ явшыся передо мною въ видимыхъ, ошушительныхъ образахъ. Но эпо чувсшво было похоже на шо пріятное солроганіе, какое чувсшвуютъ чшпая живо предсавляенную ишорію о привидѣніяхъ. Тушь мнѣ пришло на мысль, что не лзя избрашь лучшаго расположенія духа для чшенія шой книги, кошорую я, шакъ-же какъ шогда и всѣ, занимавшіеся романщическимъ міромъ, носилъ въ карманѣ. Эшо былъ Шиллеревъ *Духовидѣць*. Я чшпалъ, чшпалъ, и воображеніе мое разгорячалось болѣе и болѣе. Я дошелъ до разишельнаго, сильнаго своимъ очарованіемъ разсказа о свадебномъ празднествѣ у Графа фонъ В**. Въ шо самое время, когда окровавленный призракъ Іеронима входитъ—съ спрескомъ расшворилась дверь изъ передней залы. Въ ужасъ я вскочилъ, книга выпала у меня изъ рукъ; но все было пихо, и я заспидился самъ себя, послѣ

этого ребяческаго испуга. Дверь расшворилась, можешь бышь, опъ сквознаго вѣпра, или опъ чего нибудь подобнаго. Эшо вздоръ : мое разгоряченное воображеніе видигь въ каждомъ естественномъ явленіи призракъ. Такъ успокоивши себя, поднимаю книгу съ полу и снова бросаюсь въ кресла. Но—кпо-шо идешъ, шихо, медленно, мѣрными шагами, именно черезъ залу, и между шѣмъ вздыхаешъ, шенаетъ, и въ эшомъ вздохѣ, въ эшомъ шенаніи выражаешся высочайшее спраданіе человѣка и самая неушѣшная скорбь. О, эшо какой нибудь больной звѣрь, запершой въ нижнемъ эшажѣ. Извѣсно, какъ очаровашелень бываетъ акустическій обманъ ночью, кошорая все вдалекѣ раздающеся доказываешъ близкимъ. Кпо будешъ эшого бояшься! Такъ снова успокоивалъ я себя; но, вонъ, кпо-шо царапаетъ; въ шо же время слышны, подлѣ шой спѣны, кошорая новѣе другихъ, болѣе громкіе и шажкіе вздохи, какъ-бы въ опчаянной шоскѣ смершной мнупы вырывающіеся. « Да! эшо какой нибудь бѣдный, запершой звѣрь. Но я громко закричу, шопну хорошенько ногою въ полъ, и все шощасъ замолчишь, или звѣрь внизу явспвеннѣе опзовешся своимъ естественнымъ голосомъ.» Такъ думалъ я; но кровь спынешъ въ моихъ жилахъ, холодный потъ выслуупаетъ на лбу; въ оцѣпенѣнии остаюсь я въ креслахъ; не могу

вспашь, и еще менѣе вскрикнушь. Наконецъ ошврашишельное царпанье прекратилось; снова слышны шаги. Жизнь и движеніе пробудились во мнѣ; я вскочилъ и спунилъ два шага впередъ, но шупъ порывъ холоднаго вѣпру пробѣжалъ по зѣлѣ; въ то-же мгновеніе луна освѣшила изображеніе одного преважнаго, почти спрашнаго челоуѣка, и голосъ его, какъ будто сливаясь съ шумомъ волнъ морскихъ, и съ свиспомъ вѣпра ночнаго, ясно проговорилъ: — Оспановись! оспановись!... иначе, ты впадешь въ спрашные ужасы міра духовъ! — Дверь захлопнулась съ прежнимъ громкимъ ударомъ. Явспвенно слышалъ я шаги въ передней залѣ; они удалялись по лѣшницѣ внизъ; крылечная дверь съ визгомъ расшворилась, и опять захлопнулась. Тушь, я какъ будто слышалъ, что выведена изъ конюшни лошадь; черезъ нѣкоторое время введена обратно шуда—и все ушшло!

Въ эшу самую минушу разслушалъ я, что дѣдушка мой, въ боковой комнашѣ, шяжко вздыхаетъ и охаетъ. Я совершенно образумился, схватилъ свѣчу и поспѣшилъ къ нему. Видно было, что шарика мучитъ тяжелый сонъ. Я подошелъ къ нему, поднесъ къ его лицу свѣчу, шакъ что свѣшъ ея ударилъ прямо въ глаза ему, закричалъ: «Вшаньше, пробудишесь!» и въ шоже время шихонько взялъ его руку. Онъ пробормошалъ нѣсколько невнятныхъ словъ, пошомъ лас-

ково взглянулъ на меня , и сказалъ : « Спасибо , брашець , что ты разбудилъ меня . Такой скверный сонъ привидѣлся мнѣ ! А виноваты во всемъ эша комнаша и ша зала , попому что онѣ припамяшовали мнѣ прошедшее , и много чуднаго , что здѣсь случилось . Ну , да мы шеперь хорошенько поснимъ . » Тушъ шарикъ завернулся въ одѣяло и , казалось , шопчасъ заснулъ . Но когда я погасилъ свѣчу и легъ въ постель , шо услышалъ , что онѣ шихонько шворить молишвы .

На другой день началась работа . Пришелъ управишель съ опчешами ; начали являшсья люди , кто съ спорнымъ дѣломъ , кто съ предшавленіемъ о какомъ нибудь улучшеніи . Въ полдень , дѣдушка отправился со мною въ боковой флигель , засвидѣшельствовашъ форменное почшеніе шарымъ Баронессамъ . Францъ доложилъ ; мы подождали нѣсколько минушъ , и пошомъ уже были введены на аудіэнцію , при чемъ великую роль играла семидесятилѣшняя , согбенная шарушечка , одѣшая въ песпрое шелковое плашье , и называвшая себя Каммеръ-Фрейлиною милоспивѣйшихъ госпожъ . Насъ приняли , съ комическими церемоніями , двѣ шарыя дамы , одѣшныя очень смѣшно , по модѣ , давно ушарѣвшей . Особенно удивились онѣ , когда дѣдушка предшавилъ имъ меня , съ необыкновенною веселосшью объявляя , что я помощникъ его по

судебной часини. По лицу ихъ можно было видѣть, что онѣ почищаютъ молодость мою весьма опасно для благосостоянія подданныхъ Р-скаго помѣстья.

Сцена представленія у старыхъ госпожъ была очень смѣшна; однакожъ ужасы прошедшей ночи заспаляли еще меня прелепашъ. Я чувствовалъ въ душѣ своей что-то необыкновенное, или, лучше скажешь, я какъ будто касался круга, который переступишь и безвозвратно погибнешь—довольно было еще одного шага. Казалось, мнѣ надлежало употребить всѣ внутреннія силы свои, чтобы избавишься отъ страха, ведущаго къ неизлечимому безумію. Отъ того, даже старыя Баронессы, со своими высокими какъ башня прическами, и въ своихъ спранныхъ, шпофныхъ плашьяхъ, убранныхъ песпрыми цвѣтами и леншами, показались мнѣ не смѣшны, а спрашны и похожи на привидѣній. Я, казалось, видѣлъ на ихъ старыхъ, желтыхъ, испещренныхъ морщинами лицахъ, и въ ихъ мигающихъ глазахъ, шакъ-же какъ-б слышалъ въ ихъ дурномъ Французскомъ языкѣ, на половину хрипѣвшемъ изъ за синихъ, съезжившихся губъ, на половину гнусившемъ въ ихъ оспрыхъ, длинныхъ носахъ, что эти старухи были-бы по крайней мѣрѣ подъ масшъ невѣдомому, бродящему въ замкѣ привидѣнію, а можешъ быть и усилили-бы его ужасъ и ошврапительность. Дѣдушка

мой любилъ пошутить, и потому, говоря съ Баронессами, онъ заведъ ихъ въ шакія глупости, что я не зналъ-бы куда дѣться отъ смѣха, если-бъ только былъ въ другомъ расположеніи. Но, я уже сказалъ, что снаружи показались мнѣ, при всей своей болшовнѣ, спрашивающими, такъ что дѣдушка, спаравшійся позабавишь меня своимъ разговоромъ съ ними, поглядывалъ много разъ на меня съ большимъ удивленіемъ.

Послѣ обѣда, когда мы остались одни въ нашей комнаѣ, онъ спросилъ у меня: «Скажи, пожалуй, брашець! что съ тобой сдѣлалось? Ты не смѣешься, не говоришь, не ѣшь, не пьешь? . . . Боленъ? или что другое?» Я шопчасъ разсказалъ ему подробно все страшное и ужасное, что перенесъ въ прошедшую ночь. Ни что не было забыто, и особенно то, что я выпилъ много пуншу и чисталъ Шиллерова *Духовидца*. «Надобно сознашься», примолвилъ я, «что, вѣроятно, мое разгоряченное воображеніе создало всѣ эти явленія, и что они сущесшвовали только въ обласши моею мозга.» Я думалъ, что дѣдушка начнетъ шеперь подчивать меня колкими насмѣшками, но— не шупъшо было! Онъ самъ задумался, задумался, усшремилъ глаза въ землю, и вдругъ поднявъ голову, вскричалъ, кидая на меня сверкающіе взгляды: «Я не знаю, брашець, швоей книги;

но , повѣрь , что не она , и не пуншъ заспавили
тебя познакомившись съ привидѣнiями . Знай ,
что я видѣлъ во снѣ то самое , что съ тобою
случилось . Я сидѣлъ , шмакъ-же какъ и ты—эпо
мнѣ предсказывалось—въ креслахъ , подлѣ камин-
на ; но что понималъ ты только изъ звуковъ ,
то на это я глядѣлъ своимъ внутреннимъ
окомъ , и все ясно видѣлъ . Да , я видѣлъ , какъ
эпопъ спрашивающій домовой вошелъ , какъ онъ
спарался пройдши въ закладенную дверь , какъ
въ отчаянiи онъ царапалъ ее ногшами , до того
что изъ нихъ вышупила кровь ; какъ онъ вы-
шелъ , сошелъ съ лѣсшницы , вывелъ изъ конюш-
ни лошадь , и опять ввелъ ее шуда . А слышалъ-
ли ты , какъ на дальнемъ дворѣ закричалъ пѣпухъ ?
Въ это время ты разбудилъ меня , и я вскорѣ
освободился отъ привидѣнiя ужаснаго человека ,
который успѣлъ однакожъ жестоко смущить
свѣтлую жизнь . . . » Старикъ замолчалъ . Я
не спрашивалъ его больше , думая что онъ
самъ пояснитъ мнѣ все , что нужно . Черезъ
нѣсколько минушъ , въ кошорня онъ оспазавался
глубоко задумавшимся , старикъ сказалъ мнѣ :
« Бращецъ ! шеперь , когда уже ты знаешь , какъ
что дѣлалось , доспанешь-ли у тебя смѣлости
еще разъ побыть при посѣщенiи домоваго ? Я
буду съ тобою вмѣстѣ . » Разумѣвшись , я ска-
залъ , что шеперь чувствую въ себѣ довольно
силъ для этого . « И шмакъ , » продолжалъ спа-

рикъ, « въ слѣдующую ночь мы вѣснѣ не будемъ спать. Внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что не столько духовною силою, сколько мужествомъ, которое основано на твердомъ убѣжденіи, злой духъ будетъ изгнанъ, и что не только не грѣшно, но еще и благо, прекрасно—ошваживашь свою плоть и жизнь для изгнанія злаго впривидѣнія. Оно спарается выжить дѣшей изъ впрародительскаго наслѣдія. Но, шупъ и вѣпъ никакой ошваги, пошому что съ такимъ крѣпкимъ, искреннимъ одушевленіемъ, съ такою благоу вѣренностью, какія во мнѣ, не лзя не быпъ и не ошпашься побѣдшелемъ. Но, если еспъ воля Божія, чтошбы сокрушила меня бѣсовская сила, шо, брашець, шм объяви, что я палъ какъ Хрисціанинъ, въ борьбѣ съ адскимъ духомъ, кошорій въ эшомъ замкѣ влчашь свое губительное существованіе. Но — шм будь дальше—шогда съ шобою не случшся ничего. »

Вечерь прошелъ въ разныхъ занятіяхъ. Также какъ вчера, Франць собралъ со шшшла и принесть намъ пуншу. Полная луна свѣшила сквозь прозрачныя облака; морскія волны шумѣли, и ночной вѣперъ, завывая, ударялъ въ окна и заспавлялъ въ нихъ дрожашь щекала. Удерживая внутреннее движеніе, мы спарались разговаривашь хладнокровно. Дѣдушка положилъ свои съ релешпціей часы на шшшль. Ударило двѣнадцашь. Дверь со скрипомъ ошхлопнулась :

какъ вчера, слышно было, что шати шико и медленно несущся поперегъ комнашы ; какъ вчера, слышны были шенанія и вздохи. Спарикъ мой поблѣднѣлъ , но глаза его сверкали съ обыкновенною живосшью. Онъ вспалъ съ кресель. Подпершись лѣвою рукою, онъ выпрямился и прошянулъ впередъ свою правую руку : въ эшомъ положеніи , и при своемъ высокомъ ростѣ , онъ казался повелишельнымъ героемъ. Вздохи и шенанія ошановились слыньѣ и слышнѣ ; наконецъ по спѣннѣ , въ разныхъ мѣспахъ, началъ кпо-шо царапашся , еще опвратншельнѣ нежели вчера ; шпарикъ пошелъ прямо къ закладной двери , шаками швердыми шагами , что полъ дрожалъ подъ нимъ. Подлѣ шего самого мѣспа , гдѣ слыньѣ и слыньѣ слышно было царапанье , онъ ошановился и сказалъ рѣшительнымъ , шоржеспвеннымъ голосомъ, какого я опъ него и не слыхивалъ : « Даніиль ! Даніиль ! Что дѣлаешь шы здѣсь , и въ эшотъ часъ ! » Кпо-шо спрашно и опчаянно закричалъ : послыштался глухой ударъ , какъ будто на полъ обрушилась какая нибудъ шажестъ . « Ищи помилованія у престола Всевышняго : шамъ швое мѣспо ! Изыди изъ міра, кшпорому принадлежанъ шы не можешь ! » Эшо проговорилъ шпарикъ еще слыньѣ прежняго : жалобный шшонъ какъ будто пролетѣлъ по воздуху и слился съ завываніемъ начинавшейся бури. Тушь шпарикъ подошелъ

къ двери и захлопнулъ ее шакъ крѣпко, что спукъ раздался въ пустой передней комнашѣ. Въ его голосѣ и движеніяхъ было что-то не человѣческое, что приводило меня въ ужасъ. Онъ сѣлъ опять въ кресла, поднялъ руки и нѣсколько минутъ молился. Взоръ его прояснился. Оборотившись ко мнѣ, онъ сказалъ крошкимъ, доходящимъ къ сердцу голосомъ, кошорымъ всегда управлялъ мастерски: «Ну, брашець!» Спиряхъ, опчаяніе, тоска, благоговѣніе и любовь наполнили мою душу; я упалъ на колѣна, и горячими слезами оросилъ протянутую ко мнѣ руку. Сшарикъ заключилъ меня въ свои объятія, и, прижимая къ своему сердцу, сказалъ чрезвычайно ласково: «Ну, ужъ шеперь мы будемъ спокойно спать, любезный брашъ!» Такъ и случилось. Когда-же въ слѣдующую ночь не видно было ничего, то мы сдѣлались веселы по прежнему. Правда, это оказалось въ накладъ спарымъ Баронессамъ! Въ самомъ-ли дѣлѣ въ нихъ было что-то похожее на привидѣнія, или нѣтъ, но шолько онѣ были поводомъ ко многимъ веселымъ шушкамъ, которыя превесело мастерилъ мой дѣдушка.

Черезъ много дней послѣ этого, пріѣхалъ Баронъ: съ нимъ пріѣхала его супруга и многочисленная свита охотниковъ. Начали съѣзжаться званые гости, и въ замкѣ, вдругъ оживившемся, пошла пошѣха, дикая и шумная, какъ

Августъ 1830.

описано было выше. Баронъ, поспѣвъ послѣ своего прїѣзда вошедши къ намъ въ залу, казался странно изумленнымъ перемѣною нашего жилья. Онъ бросилъ мрачный взглядъ на закладенную дверь, поспѣвъ ошворотился отъ нея, и повелъ рукою по лбу, какъ бы спараясь прогнать отъ себя непрїятное воспоминаніе. Дѣдушка сказалъ ему о запускѣннѣхъ судейской залѣ и примыкающихъ къ ней комнатахъ; онъ изъявилъ неудовольствіе, что Францъ не помѣстивъ насъ гдѣ нибудь получше. Съ особенною правдымъ-воспѣью просилъ онъ дѣдушку сдѣлать все, чего не достаешь ему для спокойствія въ этихъ комнатахъ, кошорыя гораздо хуже нежели прїятныя. Вообще, въ обращеніи Барона съ дѣдушкою было замѣтно не только радушіе, но и какое-то дѣшское почтеніе, какъ будто они были другъ другу близкая родня. Впрочемъ, это одно только и примиряло нѣсколько меня съ грубымъ, повелительнымъ характеромъ Барона, выказывавшимся часъ отъ часу болѣе. Меня, какъ было видно, онъ не уважалъ ни сколько, или уважалъ очень мало, какъ обыкновеннаго писца. Въ первый разъ когда я написалъ одинъ актъ, онъ находилъ нѣчто неправильное въ изложеніи его. Кровь закипѣла во мнѣ: я хотѣлъ сказать колкость, но дѣдушка вступался, увѣряя, что я все сдѣлалъ по его волѣ, но только заключилъ это въ законныя формы.

Когда мы остались одни, я началъ горько жаловаться на Барона, болѣе и болѣе ненавистнаго душѣ моей. «Повѣрь, брашецъ,» ошвѣчалъ спарикъ, «что Баронъ прѣкрасный, добрый человекъ, не смотря на то, что характеръ его тяжелевекъ. Да и характеръ эшотъ, я уже оказывалъ тебѣ, появился въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался владѣльцемъ Маіорана: прежде онъ былъ тихій, скромный юноша. Вообще видъ онъ не шакъ дурень, какъ ты себѣ представляешь. Я можешь снашься и знаю, почему онъ шакъ прошивень тебѣ.» Спарикъ произнесъ послѣднія слова улыбаясь пренасмѣшливо. Кровь бросилась у меня въ лицо. Я увидѣлъ ясно, почувствовалъ несомнишельно, что спранная моя ненависть къ Барону была слѣдствіемъ любви, или лучше сказано привязанности, къ одному существу, прелестнѣйшему, совершеннѣйшему на землѣ, какъ мнѣ казалось. Эшо существо была сама Баронесса. Еще въ шо время, какъ только она прѣйхала и проходила черезъ комнаты, въ собольей, обхвашившей спанъ ея шубѣ, закушавшись въ богашое покрывало, я былъ пораженъ какимъ-шо неопразимымъ очарованіемъ при взглядѣ на нее. Все споеобшвовало эшому. Даже шо, что спармя пешушки, въ своихъ чудныхъ плашьяхъ и головныхъ уборахъ, шли по обѣимъ споронамъ Баронессы и ворчали въ носъ свои Французскія поздравленія съ прѣздомъ,

между шѣмъ какъ она съ необыкновенною любезностью глядѣла вокругъ и, кланаясь всѣмъ дружески, иногда проговаривала чистымъ голосомъ по нѣскольку Нѣмецкихъ словъ Курляндскаго нарѣчія — даже эшо, предопавляя необыкновенную прошивоположность, невольно пробуждало воображеніе, переносившее сію каршину въ рядъ съ привидѣніемъ, и Баронесса казалась ангеломъ свѣша, кошорому поклонялись злыя бѣсовскія силы. Эшо плѣнительное существо живо предсавлялось моему воображенію. Тогда было ей лѣтъ девятнадцать. Въ лицѣ ея, сшоль-же миломъ какъ и росшѣ, изображалось ангельское добродушіе. Но всего очаровашельнѣе былъ взглядъ ея темныхъ глазъ: въ немъ, какъ въ шомномъ лучѣ луны, было что-то печальное и не земное, шакъ же какъ въ сладостной улыбкѣ ея было все восхишительное и радостное неба. Чашо казалась она углубленною сама въ себя, и шогда на лицѣ ея видны были темныя облачка печали. Можно было думать, что ее шомншъ какая нибудь сокрушительная печаль; но мнѣ казалось, напросивъ, что эшо предчувствіе будущаго, угрожающаго несчастіями. Съ эшимъ соединялъ я, спраннымъ образомъ, домоваго, бродившаго въ замкѣ. А почему? Эшого я не зналъ и самъ.

На другое ушро по прїездѣ Барона, когда всѣ собрались къ завшраку, дѣдушка предсав-

вить меня Баронесса. Случилось и со мною то, что часто случается въ подобномъ моему расположеніи. Я спалъ невыразимо не ловокъ; мѣшался, отвѣчая какъ можно нелѣпѣе на самыя простиыя вопросы милой дамы — весело-ли мнѣ въ замкѣ и проч. Словомъ, я былъ шаковъ, что спармя тетушки, приписывая мое замѣшательство одному глубокому помяненію къ госпожѣ, великодушно вспунили въ мое положеніе, и начали, по-Французски, хвалишь меня, какъ преловкаго и преискуснаго молодаго чело-вѣка, какъ un garçon très-joli. Это взбѣсило меня; я шопчасъ собрался съ духомъ, и ска-залъ по-Французски, почище нежели тетушки, какую-шо қолкоспѣ. Онѣ вышаращили на меня глаза, и поподчивали табакомъ свои оспрые носы. Я замѣшилъ, что Баронесса, кинувъ на меня спрогій взглядъ, оборопилась къ какой-шо дамѣ. Догадавшись, что мое оспрое слово очень походило на глупость, я разсердился еще болѣе и проклиналъ двухъ несносныхъ шарухъ.

Дѣдушка своими насмѣшками давно прекра-тилъ для меня время паспушеской нѣжности и дѣшскаго ослѣпленія, когда бывають несча-стныи отъ любви. Но я чувствовалъ, что ни одна женщина, до сей поры, не сдѣлала еще на меня шакаго сильнаго впечатлѣнія, какъ Ба-ронесса. Я видѣлъ и слышалъ шолько ее; въ шоже время я швердо и ясно зналъ, что ошва-

живаешься на любовныя сплетни было-бы глупо, безумно, и точно такъ-же чувствовалъ, что мнѣ невозможно играть роль влюбленнаго дѣшани, смолчать надалека и поклоняться своему идолу: послѣ этого я спыдился-бы самого себя. Былъ близко къ этой единственной женщи-нѣ, и не давалъ ей никакого знака о моихъ чувствахъ; лишь сладкій ядъ ея взоровъ и рѣчей, и потомъ, вдали отъ нея, долго, а можешь быть и всегда, носилъ ея образъ въ своемъ сердцѣ — вошъ чего желалъ я, и что было возможно. Эта романтическая, можно сказать рыцарская любовь, пришла мнѣ на мысль въ безсонную ночь, и до такой степени настроила мое воображеніе, что я началъ самъ съ собою, и наконецъ, жалобно вздыхая, сказать: Серафима, Серафима!... Дѣдушка пробудился и вскричалъ мнѣ: «Брашецъ! брашецъ! ужъ ты слишкомъ громко шагаешь. Дѣлай это, если хочешь, днемъ, а ночью дай мнѣ спать.» Мнѣ было досадно что сдаришь, замѣтивши съ самаго пріѣзда Баронессы мое воскресенное воображеніе, теперь слышалъ и самое имя ея. Я ждалъ, что онъ на другой день осыплетъ меня своими сарказмами, но онъ во все утро не сказалъ ничего, и только входя въ судейскую залу, промолвилъ: «Господи! награди челоуѣка разумомъ и обуздай его. Дурно даваешь разгулъ нашей глупости.» Тутъ

онъ сѣлъ за большой столъ и сказалъ: «Брашецъ! пиши пояснѣе, что бы я могъ безъ шруда чыпашь.»

Уваженіе и, можно сказать, дѣшекая почтительность Барона къ дѣдушкѣ оказывалось при всякомъ случаѣ. Напримѣръ, за столомъ онъ занималъ, для многихъ завидное, мѣсто подлѣ Баронессы. Меня случай садилъ то на то, то на другое мѣсто, но большею частію я попадался на жершву двумъ офицерамъ изъ ближняго города; они садились подлѣ меня, разсказывали смѣшныя городскія новости, и порядочно пили. Такъ прошло много дней, и я все былъ въ ошдавленіи ошъ Баронессою, на нижнемъ концѣ стола, пока нечаянность не приблизила меня къ ней. Когда расстворилъ двери въ столовую и всѣмъ должно было идти туда, я разговаривалъ съ компаньонкою Баронессою, дѣвушкою, уже не въ первой молодости, но очень пріятною и умною; разговоръ нашъ, кажется, былъ для нея занимателенъ. Приличіе требовало, что-бы я подалъ ей руку. И какъ-же я обрадовался, увидѣвъ, что она садится очень близко Баронессою, кошорая весело поклонилась ей. Разумѣется, что послѣ этого всѣ слова мои относились не только что къ сосѣдкѣ, но, еще болѣе, и къ самой Баронессѣ. Можешь бышь ошъ того, что внутреннее расположеніе оживало мои рѣчи, только собесѣдница моя становилась болѣе и

болѣ внимательною, и наконецъ невольно увлеклась, слушая мои рассказы, непрерывно разнообразныя. Она, какъ уже я сказала, была довольно умна, и вскорѣ нашъ разговоръ, не смѣшиваясь съ бесѣдою другихъ гостей, поддерживался самъ собою, такъ что среди его, шамъ гдѣ хопѣлъ я, даже просверкивали искры чувства: Разумѣешь, я видѣлъ, какъ значительно поглядывала компаньонка на Баронессу, и какъ Баронесса старалась вслушиваться въ наши разговоры. Особенно это было замѣтно, когда я обратилъ разговоръ на Музыку, съ воспомогомъ говорилъ объ этомъ высокому, божественному Искусству, и наконецъ не скрылъ, что, занимаюсь сухою, скучною Юриспруденціей, я еще довольно искусно играю на фортепiano, пою, и даже въ разное время сочинялъ музыку многихъ пѣсенъ.

Послѣ шлола, когда всѣ перешли въ другую залу пить ликеры и кофе, я — самъ не знаю какъ — очутился подлѣ Баронессы, которая разговаривала съ компаньонкою. Она обратилась и ко мнѣ, ласковѣе прежняго, уже какъ къ знакомому, съ прежними вопросами: каково кажутся мнѣ жишье въ замкѣ, и проч. Я увѣрялъ, что въ первые дни ужасная пустыша окрестностей, и самъ древній замокъ, приводили меня въ необыкновенное расположеніе, впрочемъ нѣтъ своея пріятности, но что теперь я желаю

шолько избѣгнушь опъ наслажденія охотною, пошому што не привыкъ къ ней. Баронесса засмѣялась и сказала : « Да, я вѣрю, что дикое рысканье въ нашихъ сосновыхъ лѣсахъ не можеть бышь вамъ пріятно. Вы музыкантъ , и , вѣрно возшь ! . . . Я страшно люблю Музыку и Поэзію. Я сама немного играю на арфѣ , но теперь со мною нѣтъ инструмента ; Барону кажешся, что сюда не должно брать съ собою арфъ. Въ самомъ дѣлѣ , ея шикіе звуки не были бы въ согласіи съ охотничьимъ ау , и съ рѣзкимъ ошголоскомъ роговъ. А ихъ шолько и слышишь здѣсь. Но, какъ бы мнѣ пріятна была здѣсь музыка ! » Я обѣщаль исполнить все свое искуство , чпобъ шолько исполнишь ея желаніе , и думаль , что въ замкѣ вѣрно найдешся какое нибудь , хоть вѣнское фортепiano. Адельгейда (компаньонка Баронессы) расхохоталась , и сказала , что въ замкѣ съ незапамятныхъ временъ не слыживали никакого инструмента , кромѣ крикливыхъ шрубъ , и кромѣ плаксиво-шорже-снвенныхъ егерскихъ роговъ , да развѣ еще хриплыхъ скрипокъ , разспроенныхъ коншрабатовъ и козлоголосыхъ гобоевъ бродящихъ музыкантовъ. Но Баронесса непременно хотѣла слушашь музыку , и особенно слышашь меня. Она и Адельгейда придумывали разныя средства дошпашь какое нибудь вѣнское фортепiano. Въ што время проходилъ черезъ залу Францъ. « Вошь ,

у него для всѣхъ годовыхъ содѣланы, и все, что угодно, даже невданное и несмысленное!» Съ этими словами, Адельгейда пододвинула шарика. Покуда она располковывала ему въ чемъ соспоспѣть дѣло, Баронесса слушала ихъ, сложивъ руки, прогнувъ голову, и съ мягкой улыбкой глядя шарика въ глаза. Какъ прелестна была она! Точно доброе, невинное дитя, которому хочешь достать дорогую для него игрушку. Французъ, по своему обычаю, долго исчислялъ разныя невозможности достать скоро такой рѣдкій инструментъ но, вдругъ съ самодвольною улыбкой повелъ рукою по подбородку, и сказалъ: «Ну, а госпожа управительша, шажъ въ деревнѣ, играешь чудо какъ хорошо, на клавибордахъ, или какъ-бишь называешься это имече, но иностранному — и воешь, шажъ нѣжно и жалостно, что глаза ошь слезъ дѣлаются красны, какъ ошь луку; да можно и попрыгашъ»...—У нея ешь фортепиано? — вскричала Адельгейда. «Конечно ешь! выписано прямо изъ Дрездена, и...» — О, это прекрасно! — воскликнула Баронесса. «Превосходный инструментъ!» продолжалъ шарикъ. «Правда, былъ разсроченъ немцодко, попому что, вопшь недавно, органистъ хотѣлъ играть на немъ пѣсно: *Во естѣ дѣлать монтъ*, да все и переломалъ, шажъ, что...» — О Боже! — вскричали объ, и Баронесса и Адельгейда... «Такъ что» — продолжалъ шарикъ... «вадобно было по-

сылашь для починки въ Р***. Чего же это спомню?» — А шеперь, оно оишь здѣсь? — съ непергвньемъ спросила Адельгейда. «Конечно, милоспивая государыня! И госпожа управипельша вѣрно почпешъ себѣ за чеспь...»

Въ это мгновение Баронъ проходилъ мимо. Онъ посмошрѣлъ, какъ будшо съ изумленіемъ, на группу нашу, и насмѣшливо улыбаясь пробормошалъ Баронессѣ: «Не оишь-ли Франць даешъ совѣшъ?» Баронесса покраснѣла и пошупила глаза, а Франць, испуганный, окаменѣлый, споялъ выпянувъ голову и опуспивъ руки, по солдашски. Спармя шешушки пришли, шума своими шпофными плашьями, и увели съ собою Баронессу. За ними пошла и Адельгейда. Я, какъ очарованный, оспавался на одномъ мѣспѣ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ)

LE MAURE DE VENISE, tragédie en cinq actes et en vers, traduite de l'anglais de Shakespeare, par M. Alfred de Vigny. Représentée pour la première fois sur le Théâtre Français, le 25 Octobre 1829 (*Венеціанскій Мауръ*, трагедія Шекспира, въ 5 дѣйствіяхъ. Переведенная Альфредомъ де Виньи, и представленная въ первый разъ на Французскомъ Театрѣ 25 Октября 1829 года) (*).

(*Посвящено Е. В. Кологривовой*).

Не напрасно умы предусмотрительные, блюстители и совѣтники въ дѣлѣ вкуса, обращались къ властямъ съ первыхъ дней лѣта 1829-го отъ Рождества Христова. Не безъ причины зывали они къ Цезарю и его легионамъ, то естъ къ Его Превосходительству Министру Внутреннихъ Дѣлъ, заклиная его спасти отъ гибели святилище Музы и отразить вторженіе варваровъ. Опасность была близка; но, какъ въ шѣ давнія времена, и нынѣ Цезарь не внялъ совѣтникамъ; умиленная жалоба ихъ, ихъ *gemitus Britannorum* вознесся къ верху щещнымъ дымомъ, и зло уже неоправдимо. Варвары спучались у воровъ, и ободренные неподвиж-

---

(*). Изъ сего, довольно большого разбора, читатели наши увидятъ, на какой высокой степени находится нынѣ во Франціи Императорская Кришика. *Перев.*

востыю нашею, сбили первую преграду; попомъ они сдѣлали брешь въ главной стѣнѣ, и наконецъ принудили самую цитадель сдаться на капитуляцію. Французскій Театръ сдался, ошъ того что ему не помогли во время, и не прислали запасовъ. Вечеромъ прошедшаго 25-го Октября, Ашпила-Шекспиръ вошелъ въ него съ войскомъ и обозомъ, съ распущенными знаменами, при шумъ тысячи побѣдныхъ трубъ. Бѣдные поэмы стараго времени! что будешь съ вами? Слабые сдадутся и будутъ приносить жертвы на алтарь ложныхъ боговъ, а правотѣрные окушаютъ свою голову маншіею.

Шутки въ сторону: нынѣшній переворотъ во вкусъ публики естъ явленіе любопытное и достойное особеннаго вниманія. Никогда не бывало столь важнаго, блестящаго и быстраго измѣненія.

Много, если положимъ двадцать лѣтъ ошъ того дня, когда поплылъ по сценѣ Одеона корабль Г-на Лемерсье, несшій на себѣ изъ Испаніи въ Америку Христофа Колумба и его геній. Извѣстно, какъ былъ принятъ сей опытъ Романпическаго рода. Однакожъ имя Автора призывало къ почтенію, а рѣдкое дарованіе его имѣло права, по крайней мѣрѣ, на снисходительность. Сверхъ того, столько же смѣлый и оспорожный какъ и герой его, онъ пустился на удачу тогда только, когда сдѣлалъ все, что бы обезоружить предубѣжденный партеръ. Онъ выдавалъ своего сына погибели не инымъ чѣмъ, какъ прихотью воображенія и причудою, которая не можешь имѣть послѣдствій; онъ ошнюдь не думалъ называть его главнственными именами Траге-

дін, Комедіи, и даже Драмы — шо есть никакъ не хотѣлъ оскорблять ихъ. Друзья швердали о его глубококомъ почтеніи къ шройшвенному единству, къ превысокому Ариштопелеву Тримурши, къ высочайшимъ правиламъ, ушвержденнымъ поэпическими удоженіями Горація и Буало, и прославленнымъ въ ученыхъ глоссахъ Вашшѣ, Лагарпа, и въ *Риторикѣ для юныхъ дѣвицъ*. Предоспорожности напрасныя! На зло оригинальнымъ проблескамъ и неподдѣльнымъ красотамъ *Христофа*, бѣдный былъ расперзанъ несправедливо и несприлично. Осмѣлившіеся рукоплескашь ему дорого заплашили за свою дерзосшь, и оспальная часть зришелей, въ изсшупленіи негодования, гошова была избишь ихъ на мѣсшѣ. Двое, если не обманываешь насъ память, чущь не были шущь же лишены жизни — мученики едва раждавагося ученія, Іоаннь Гусь и Іеронимъ Пражскій раскола, кошорый еще ожидалъ своихъ Люшеровъ и Меланхшоновъ.

Теперь, съ величайшимъ снисхожденіемъ видимъ мы, на всѣхъ нашихъ шаепрахъ, нѣсы, гдѣ предспавляютъ намъ въ одинъ часъ времени — ноложимъ между осьмымъ и девлтымъ часомъ вечера — двадцашь, придцашь, сорокъ лѣшь, или около эшого!... Эши пьесы, гдѣ, буквально говоря, главное лицо

Enfant au premier acte, est barbon au dernier,

и не имѣють никакого инаго права на благосклонносшь, оказываемую имъ. Сидя на своихъ скамьяхъ, мы очень спокойно и безъ зазрѣнія совѣши сѣдуемъ за Людовикомъ XI-мъ изъ Плесси ла Туръ въ Перонну, сожалѣя шолько о шомъ, что эше малень-

кое пушешествіе совсѣмъ не доставляетъ намъ удовольствія.

Семь, восемь лѣтъ назадъ, шрое или чешверо Англійскихъ акшеровъ, бывши въ Парижѣ, на досугѣ вздумали угоспшишь насъ своимъ искусствомъ, избравъ для этого Театръ Сень-Маршенскій, гдѣ играются: *Жена двухъ мужей*, и *Баранья нога*. Поднялся страшный ропотъ! Вѣрно, шакого патріотическаго негодованія не возбуждало бы занятіе Кале и Дюнкирхена, войсками его Брипанскаго Величества. Хранительница чистаго ученія и благо-разумныхъ преданій въ дѣлѣ вкуса, бульварная публика вспушилась за это съ непоспшижимымъ ожесточеніемъ, и безъ помощи полиціи, заморскихъ лядцевъ конечно побили бы камнями.

Кшо могъ предвидѣшь тогда, что, черезъ шри года, Дрюри-Ленскіе и Ковеншгарденскіе корифеи спанушь ѣздишь взадъ и впередъ по Калескому Проливу для нашихъ новыхъ удовольствій; что самая блестящая публика Парижская будетъ шолпами осаждашь самый модный изъ нашихъ шеащровъ, для шого, чтобы рукоплескашь имъ изъ всѣхъ силъ, и расхваливашъ ихъ систему декламации, съ нѣкошорымъ излишешствомъ — если позволяешъ сказашь.

Можно вспомнишь ропотъ, прервавшій, въ шервое предшавленіе *Сиды Андалузскаго*, шу прелесниую сцену, гдѣ герой пьесы спокойно сидишь у ногъ своей шилой, и не забошясь, не думая ни о чемъ, единшвенно занимаешь мыслью о близкомъ своемъ блаженствѣ, совершенно забывая міръ, людей, и все, нишо говоришь ей, какъ возрастала

ить взаимная любовь, и напоминаешь, въ предельныхъ, изящныхъ сшихахъ, какъ начали они понимать другъ друга въ бѣгахъ, нѣмыхъ намекахъ.

Ни Тальма, ни дѣвица Марсъ, не могли тогда, своими дарованіями, вымолишь пощады у сурогаго партера. Онъ находилъ эту сцену излишнею; утверждалъ, что она задерживаетъ быстроту дѣйствія и, словомъ сказавъ, явно нарушаетъ правило: *Semper ad eventum festina*. Онъ былъ неумолимъ.

Не угодно-ли завтра во Французскій Театръ? Тамъ увидите вы Дездемону, обреченную смерти свирѣпымъ Отелло. Она еще въ оцѣпенѣніи отъ его страшныхъ словъ и ужасныхъ взглядовъ; она гошова перешагнувъ черезъ порогъ роковой комнаты, будущаго гроба ея, и вы увидите, что она ошановилась, и начнешь, въ присутствіи публики, сниматьъ каждый изъ своихъ нарядовъ отдѣльно, начнешь небрежно разговаривать съ своею собесѣдницей! Она повѣряетъ ей свои мучительныя безпокойства — она прерветъ ихъ, и станешь спрашивать, какія извѣстія привезъ изъ Венеціи молодой ея родственникъ, посланный Сенашомъ! Вдругъ, въ задумчивости, вспомнивъ о дняхъ своего дѣтства; она — вы услышите это — начнешь напѣвать въ полголоса старинную балладу, безъ всякаго отношенія съ ея положеніемъ, кромѣ неизяснимой скорби, выраженной въ оной. Наконецъ вы увидите, что Дездемона окончитъ этотъ разговоръ важно высказываемымъ сужденіемъ о добродѣтели и брѣнности женщинъ, скромнымъ, снисходительнымъ, но вмѣстѣ и возвышеннымъ упрекомъ къ Эмилиі за

ея легкомысленныя слова , и въ заключеніе смиренною молитвою къ Богу , да бодрствуетъ онъ надъ нею , и да сохранишь ее всегда чистою и разсудительною. И вы увидите что публика будетъ въ восхищеніи , дѣйствишельно въ восхищеніи , и скорѣе изъявишь сожалѣніе , нежели нестерпѣливость при окончаніи этой сцены.

Надобно замѣпишь однакожь , что это явное измѣненіе совершилось не въ понятіяхъ объ Искусствѣ , а болѣе , или по крайней мѣрѣ рѣшишельнѣе , въ самомъ вкусѣ публики.

Дайте ей драматическое сочиненіе , созданное по новымъ понятіямъ : она принимаетъ его съ нѣкоторымъ радушіемъ , уиѣщается имъ ; она благосклонно глядишь на него. Хлопушки и гремушки милыхъ дѣйствующихъ лицъ въ *Генрихѣ III-мъ* , замѣнили многія достоинства въ пьесѣ Г. Дюмаса. Восхищеніе , съ какимъ видѣли Англійскаго Ричарда , горбатаго , изуродованнаго , гадкаго , выкупило все , что было неблагодарнаго въ предметѣ *Іоанны Шоръ*. Успѣхъ *Ольги* былъ слѣдствіемъ той странности , что ее играли комическіе актеры , а *Маркио Фалiero* обязанъ своимъ успѣхомъ , хошь не много , тому , что не вѣрили соединенію Трагедіи съ Мелодрамою.

Но снисходишь , пошакать , и даже глядишь благосклонно , не совсѣмъ еще значишь одобряшь. Если вы слишкомъ поспѣшно утвердишь на этомъ , и заключишь , что шаяжа , раздѣлявшая нашихъ остроумцевъ лѣтъ пѣнадцатъ или двадцатъ , рѣшена , и публика окончательно выразила свое мнѣніе , то бойишь ошибишься. Въ самомъ

дѣлъ, часто видимъ, какая разница между дѣйствіями и правилами. Иной охотно вдается въ своевольство, а онъ-же не осмѣлится объявить себя свободномыслящимъ. Нашей публикѣ пріятны попытки нововводителей, а совѣсь, хоть не много, упрекаетъ ее за это; ей нравятся сін попытки, но она еще не увѣрена, справедливо-ли и благоразумно-ли? Вы получите отъ нея и рукоплесканія и успѣхъ, даже очень дешево получите, если это шакъ, мимоходомъ. Но пусть дѣло приметъ оборотъ болѣе значительный: попребуйте, напримеръ, что-бы она выразила свое истинное мнѣніе, приспала, какимъ нибудь обдуманномъ и не возвращаемымъ обязательствомъ, къ ученію реформы драматической, и вы удивитесь, какая скромница эта публика.

Не нужно далеко искать доказательствъ. Послѣ того, что случилось именно при первомъ представленіи *Венеціанскаго Мавра*, сомнѣваться не очень.

Тутъ дѣло шло — обо всемъ.

Одобривъ предпріятіе, не могли уже возвратившись къ прежнему и ошдѣлаться пустыми отговорками. Не о томъ шло дѣло, чтобы одобрить новичка-автора, благосклонно закрыть глаза, при взглядѣ на такую нибудь снѣдливость, въ награду за то, что она ловко включена и скрыта въ пьесъ-цѣпь! не этого требовалось. Тутъ не было никакого повода къ снисходительности: не дѣла было приписать ей ни маловажности сочиненія, ни мѣлкому званію театра. Дѣло шло только о рѣшеніи, и ни о чемъ болѣе; надобно было, или предъ небомъ и людьми уш-

вердишь драматическую систему, во всемъ проши-
воположную нашей, или закъашь утверженіе
оной; приняшь или ошвергнушь Вилліама Шекспи-
ра, въ качествѣ соперника властителей нашей
сцены.

Эшо событіе приуготовлялось издалека: его ожи-
дали, и не безъ нешерпѣливости. Объявляя о немъ
съ различными надеждами, періодическіе листки
большою частію согласно говорили, что эшошъ
день будеть днемъ великимъ, въ кошорый съ бою
рѣшился распря Классицизма съ Романшизмомъ, и
кошорый освѣтитъ шоржесиво, или паденіе новаго
лишперашурнаго ученія.

Но — шакова шцеша человѣческихъ предвидній!
Эшошъ, какъ думали, рѣшительный день прошелъ,
и послѣ всѣхъ соображеній видимъ, что мы не да-
леко подвинулись впередъ. Созданіе Англійскаго
Трагика было привѣтствовано громомъ рукоплеска-
ній: эшо узнали мы изъ тѣхъ-же періодическихъ
лишковъ; но они въ то-же время объявили намъ,
что рукоплесканія производила, почти одна, не-
большая группа шрасшныхъ обожателей Шекспира,
явившихся въ театръ съ швердымъ намѣреніемъ
быть въ восшоргѣ ошъ каждой запяшой, ошъ каж-
дой почки, ошъ каждого междумешія, и смѣло на-
зывать всякаго, несогласнаго съ ними, глупцомъ,
вѣждой, безчувственнымъ. Съ другою спороны
былъ слышанъ, во временамъ, и довольно громко,
свистъ, но, кажеться, ошъ выходилъ, также ис-
ключительно, изъ весьма не многочисленной груп-
пы ошчаянныхъ поносителей, рѣшившихся находить

все негоднымъ и не уступашъ своимъ прошивникамъ въ бранчивыхъ эпиграмахъ. Среди сихъ двухъ заговоровъ, большая часть паршера, кажешся, соблюдала благоразумный неупралишешъ. Она явно была на спорожъ, боялась, что-бы не опняли у нея прежней вѣры и не увлекли ея къ какому нибудь поспѣшному выраженію мнѣнія; однакожъ она чувствовала, глубоко чувствовала великія красоты пьесы, и постоянно, во все время представленія, показала себя внимательною, изумленною, восторженною, снисходительною; принимала съ хорошей стороны величайшія смѣлости; охотно, хотя безъ гнѣва и насилія, заставляла она поносителей сидѣть смиренно, и, благосклонно предоставивъ поприще энтузіастамъ, съ величайшимъ стараніемъ показала, что не становишся подъ ихъ знамена и не присоединяешся къ ихъ восторгамъ.

Такимъ образомъ, сердца покорены, но умы, еще покуда вѣтъ. Теперь всего труднѣе для нашихъ преобразователей уже не то, что-бы ихъ слушали, но что-бы громогласно одобрили ихъ шѣ люди; копорые искренно желаютъ имъ успѣха. Они въ томъ положеніи, въ какомъ двадцать лѣтъ находились черные обитатели Сень-Доминго: съ ними торгуютъ, но не хотятъ или уклоняются признашъ ихъ. Пошерпите! все придетъ своею чередой. Во время переворотовъ, надобно чтобы рѣшительно совершилось событіе, а Право всегда стѣдуетъ за нимъ близко. Они одержали побѣду надъ привычками, надъ несонзмѣримыми предразсудками, надъ сопрошивленіемъ невольнымъ. Вашъ обстоя-

тельство щекотливое, нѣжное! А теоріи, и особенно теоріи ушарѣлыя, не одарены живущею силою.

И пакъ, положеніе дѣлъ мы видимъ; успѣхи нововодительнаго духа съ каждымъ днемъ спановяшся явнѣ и явнѣ; оспаешся узнать, что причиною этого? Хорошо-ли это, или худо? И какой духъ это, въ настоящее время: духъ свѣта, или тмы?

Духъ тмы, кричащъ намъ съ одной стороны: настоящій духъ гибели!

Да! посоветуйтесь, на примѣръ, со многими изъ нашихъ людей со вкусомъ; войдите въ какое нибудь изъ ихъ сходбищъ, если входъ туда доступенъ вамъ: тамъ, сначала услышите вы ропотъ о смѣшеніи родовъ, о неуваженіи правилъ, о забытіи здраваго ученія и презрѣніи къ истиннымъ образцамъ; потомъ, если разговоръ безъ принужденія и въ искреннемъ кругу, вы пошчасъ узнаете, кто виною всего этого безпорядка. Авторъ книги *О Германіи*, Авторъ *Генія Христіанства*, Переводчикъ *Валленштейна*, оба Шлегели, и еще многіе другіе — вопъ виноватыя! У нихъ закружилась голова и они вскружили головы всѣмъ. Частъ апаемы падаетъ на Г-на Шпендгаля и особенно караепъ она *Глобусъ*. Впрочемъ, доспаешся всѣмъ, и даже Г-ну Ладвока, книгопродавцу-издапелю *Иностраннаго Театра*. Это скажущъ вамъ, съ превеликою важностью, многіе заслуженные поэты, пазываемые комическими или шрагическими. Если-бы у насъ не вздумали перевестъ гуршомъ чудовидныхъ пра-

изведеній за-Рейнскихъ, заморскихъ и за-Пиренейскихъ, не постарались издашь ихъ на хорошей бумагѣ, прекраснымъ шрифтомъ, и не возвѣстили всего этого великолѣпными аффишами и объявленіями, шо и не было-бъ шого, что совершилось нынѣ.

Правда, все это прекрасно сказано и еще лучше обдуманно.

Какъ употребили во зло невинность этой доброй публики! Парижскій народъ, шакъ-же какъ Пикійскій, въ Арисшофановыхъ *Всадникахъ*, народъ глупый: его сбили съ шолку и завели въ разврашъ злыми совѣтами.

Дѣлая щцапельно всѣ приличныя изслѣдованія, вы шакже найдете, на лѣвомъ берегу Сены, нѣсколько гостивныхъ, гдѣ собираются каждый вечеръ предобрыя души, и оплакивають, ошъ чистаго сердца, разврашъ нынѣшнихъ нравовъ. По словамъ ихъ, рано или поздно, непременно сойдесть съ небесъ огонь, пошому что наша бѣдная Франція сдѣлалась хуже Содома и Гоморра. Революція ужасно заразила сердца всѣхъ; а кто виновать въ этой проклятой революціи? Энциклопедисты, Тюрго и его преобразования; изданіе *Ответа* Неккерова, и — какъ знашь! можешъ бышь шо, что камзолы замѣнили жилешами и ввели въ моду кабриолеты.

Доказательства равносильны.

Жечь пламенемъ и огнемъ развращеніе нравовъ; громко восклицать прошивъ упадка вкуса; обвинять въ этомъ по или другое происшествіе, шѣхъ или другихъ писателей: одно, право, сифишь другаго. Тушь равенство здраваго вкуса, справедливости и смѣшливости.

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, скажутъ, что общія ощущенія массъ народа, ихъ обычныя расположенія и господствующія ими понятія, не имѣютъ ни какого основанія, и что ихъ можно колебать прикосновеніемъ мизинца? Неужели скажутъ, что они повинуются случайнымъ обстоятельствомъ и могутъ поддаваться какой нибудь полудюжинѣ шомовъ?

Правда, великіе умы всегда оказываютъ силу великую: это неоспоримо, и слава Богу что это такъ. Ихъ сила особенно является въ тѣ эпохи, когда настаетъ время какого либо перелома въ правительствѣ, въ законахъ, въ нравахъ и вкусѣ народа: это совершенно естественно, справедливо и благопворно. Но откуда заимствуютъ великіе умы свою неоспоримую власть?

Они люди своего времени: вошь ихъ тайна.

Они постигаютъ его влеченіе, предчувствуютъ его направленія, и прежде всѣхъ они слышатъ призывному голосу, который обращается ко всѣмъ безъ различія. Что для другихъ еще только потребность, того знаютъ они уже тайну. Эти высшіе умы идутъ впереди другихъ, расправляютъ при начинающемся вѣтрѣ свои крылья, открываютъ дорогу, уничтожаютъ препятствія, и раскрываютъ передъ изумленною толпою свѣтлыя истины и вѣчные законы, поражающіе въ ней безосчетныя желанія и новыя наклонности.

Въ эпоху, и только въ эпоху, вся ихъ сила. На эпоху основываются ихъ успѣхи.

Совсѣмъ не Философы осмнадцатаго столѣтія

произвели огромное движеніе 1789 года: слишком много чести для нихъ! Общія и отдаленныя причины издавна приугошоваи 1789-й годъ, и онъ-то при началѣ своемъ породилъ Философовъ осмнадцатаго столѣтія.

Точно также не современные намъ великіе писатели преобразили вкусъ публики. И шуть общія причины, уже заключавшія въ себѣ преобразование, пробудили и одушевили — когда настала чась — великихъ писателей нашего времени.

Что было причиною Французской революціи?

Конечно, не время и не мѣсто занимаешь здѣсь подобнымъ изслѣдованіемъ; но, какой разсудительный и прямодушный человекъ не согласился, что причины такого событія должны быть, и дѣйствительно были; весьма многочисленны, весьма глубоки, весьма различны; причины дѣятельныя и могущественныя, копорыя числомъ, глубиною и самымъ многоразличіемъ своимъ, ускользають отъ всякаго поверхностнаго разбора. Днишь шоть, кто сердиться на нихъ, и очень просшь, кто шумишь прошивъ нихъ.

Что, если какимъ нибудь случаемъ, однѣ и шѣ-же причины измѣняють нынѣ видъ Лишшерашуры, измѣнивъ прежде общество? Если шѣ-же самыя причины обновляють нынѣ Театръ, именно потому, что сначала онѣ обновили зрителей? Должно-ли удивляться этому? Развѣ это что нибудь необыкновенное? Не ребячество-ли, не глупость-ли будешь сердиться на это и лѣзши въ драку?

Да! въ мѣрѣ нѣшъ ничего ошдѣльнаго, и умъ человеческій составляетъ одно. Различныя силы, со-

едняемая нмъ въ одно, гармоническое цѣлое, безпрерывно помотающъ одна другой и призывающъ одна другую. Рѣдко идутъ онѣ рядомъ и одинаковымъ шагомъ, но какъ скоро одна изъ нихъ рѣшишельно выдвинулась впередъ, другія идутъ за нею.

Въ два послѣднія столѣтiя, Французскiй народъ представлялъ миру странное зрѣлище. Съ этого времени онъ шелъ впередъ образованности, и, довольно сказать, въ существѣ былъ достоинъ сей чести. Но для людей, оспанавливающихъ свои изслѣдованiя на поверхности предметовъ, онъ, казалось, рѣшилъ задачу: бытъ въ одно и то-же время самымъ въпренымъ и самымъ важнымъ изъ всѣхъ народовъ; самымъ въпренымъ въ дѣлахъ важныхъ, самымъ легкомысленнымъ во всемъ, что касается великихъ пользъ общества и человечества; самымъ важнымъ, разборчивымъ въ пустякахъ и бездѣлицахъ. Онъ былъ iерархически раздѣленъ на классы. Классификацiя его давно не соотвѣтствовала ничему полезному, ни даже существенному; она не имѣла уже никакой цѣли, кромѣ самой себя, то есть она существовала только для того что-бы существовать, возбуждая гордость и тщеславiе въ разрядахъ высшихъ, и зависть въ низшихъ. Впрочемъ, всѣ сословія общественныя сходствовали въ одномъ: они равно всѣ были лишены правъ политическихъ, равно не имѣли никакого публичнаго существованiя, равно были отчуждены отъ всякаго участiя въ дѣлахъ государственныхъ, отъ всякой дѣйствительной или гражданской обязанности.

Придворное Дворянство находилось въ первомъ разрядѣ.

Оно, если исключимъ нѣсколько мѣсяцевъ похода въ военное время, жило въ праздности, по праву рожденія, и гордилось этимъ.

Во второмъ разрядѣ являлось Дворянство провинціальное.

Это, какъ умѣло лучше, подражало, въ своемъ небольшомъ кругу, Дворянству придворному. Ненавидя сіе послѣднее, оно во всѣхъ мѣлочахъ шиянулось за своимъ блестящимъ образцомъ, и ни одному изъ сочленовъ его не западала въ голову мысль, искашь въ своихъ отношеніяхъ къ народу значительности и довѣрія, не наследованныхъ имъ отъ предковъ и не полученныхъ отъ благости Короля.

Мѣщанство принуждено было заниматься различными промыслами. Но должности судейскія часто были предметомъ осмѣянія и презрѣнія. Въ знаменитыхъ высшихъ Парламентскихъ должностяхъ семействахъ, другъ предъ другомъ старались ушранять отъ себя должности не блестящія и наряжались въ шишій кафтанъ. Занятія гражданской жизни налагали клеймо просонародія на шѣхъ, кше предавался имъ, и въ порядочныхъ мѣщанскихъ семействахъ старались смыть съ себя знакъ отверженія, купивъ должность Королевскаго Секретаря.

Ремесленники въ городахъ и крестьяне въ деревняхъ, досшойные послѣдователи Жака Добродушнаго, народъ подашной и шлягмій, жили со дня на день, не надѣялись ни на что, и не значили ничего.

При такомъ образованіи общества, какіе предметы могли исключительно занимать его?

Три; не болѣе, никакъ не болѣе: честолюбіе, волокишество, разсѣянность. Честолюбіе, то есть желаніе пробиться къ властителямъ, получить милости, чины, высшія должности, пенсіи, получить ихъ опъ благосклонности, посредствомъ дара нравившихся, интригами и шарканьемъ. Волокишество — дѣло самолюбія или чувственности. Наконецъ разсѣянность, во всѣхъ ея видахъ: въ видѣ охоты, игры, наслажденія, разврата; въ видѣ баловъ, ужиновъ, спектаклей; словомъ: разсѣянность была послѣднею, окончательною цѣлью существованія, цѣлью всѣхъ цѣлей — какъ будто жизнь дана человѣку только для наслажденій, а время для того, что-бы распоташъ его и промашивашъ.

Говоримъ вообще о состояніи общества, признавая сужденія безусловныя, пошому самому, что они безусловны, всегда несправедливыми и преувеличенными.

Но достойно замѣчанія, что при эшомъ ничтожномъ существованіи, при эшомъ образѣ жизни и дѣйствій, чувствованій и мнѣній, гдѣ суешность играла такую важную роль, ничто не дѣлалось случайно, по прихоти; никто не шелъ независимо; напрошивъ, все и вездѣ было подведено подъ права.

Превративъ большихъ господъ въ придворныхъ, сдѣлавъ изъ Парламентовъ судилища шляжебныхъ дѣлъ, отнявъ у мѣщанства его льготы, и — что-бы сказать все однимъ словомъ — перенесши цѣлый народъ изъ помѣщическаго порядка въ гражданскій, Людовикъ XIV предалъ однакожь нравамъ и промс-

шедшимъ ошъ нихъ обычаямъ что-шо важное , что-шо размѣренное , имѣвшее причиною на иное что , какъ его собственный характеръ.

Дворъ его былъ важенъ , хопя нравы придворныхъ были ошъ того не лучше прежня о; Судьи его были важны , безъ независимости въ характерѣ; умы его времени—важны и раболѣпны. Едва-ли нужно упоминать , что и здѣсь мы подразумеваемъ исключенія.

Послѣ него, врожденная въ челоуѣкѣ потребность , приводишь въ правила побужденія , каковы-бы ни были они , управляющія его поступками , и относитъ къ извѣстнымъ началамъ свои собственные поступки , хопя-бы для того шодько , что-бы знашь , что онъ дѣлаешь и куда спремится , и поступки другихъ , хопя-бы 'для того шодько , что-бы ободрить ихъ или обвинить за нихъ : эта потребность дѣйствовала въ прежнемъ , или по крайней мѣрѣ въ соошвѣтственномъ прежнему направленіи.

Напримѣръ , умѣнье сдѣлать каррьеръ , обрашилось въ науку : ушарьтые придворные преподавали ее своимъ дѣшамъ *ex cathedra* ; она имѣла свои догматы , свои правила , свои преданія.

Самый искусный инженеръ не споль методически располагаетъ свои ашпроши , при взятіи крѣпости , какъ честолубецъ высшаго разряда располагалъ свои , въ Деспаршаменахъ Минисперскихъ , и въ Версальскихъ Кабинетахъ. Самый спрогий , искренній , честный челоуѣкъ , изъ всѣхъ жившихъ когда либо при Дворѣ , Сень-Симонъ посвяшилъ при четверши своей жизни , почтенной во многомъ , чему? Придворной шяжбѣ за цренмудеспва и почеспми ,

изъ коихъ самое великое заставляешь насъ пожмать плечами и улыбаешься съ горькою усмѣшкою. Иногда онъ показывалъ при этомъ болѣе характера, нежели показывали его, въ своемъ мѣстѣ и за Калескимъ проливомъ, Марльборугъ или Боллингброкъ; когда хотѣли они принудить своего Государя къ миру, или войнѣ, и болѣе учености и изыскательности, нежели какой нибудь Бенедиктинскій монахъ выщаль ихъ въ свои полшныя книги.

Волокишиство было постоянною войною между мужчинами и женщинами, гдѣ была также своя Такшика и Спрапегія, свои правила атаки и обороны, свои условныя минушы для сомрошявленія и капишудяціи, свое право завоеванія и право народное.

Жизнь людей большаго свѣша зависѣла отъ требованій нравственности, условной, чрезвычайно ошличной отъ нравственности истинной, и часно прямо противоположной съ нею, но столько-же вискательной и сверхъ того недоснупной раскалаію. Высшимъ закономъ, даже въ самыхъ мѣлкихъ подробностяхъ, она признавала уложеніе извѣстныхъ приличій, кошорыхъ иго надобно было переносить съ пріятностью и снисходить къ ихъ приходямъ съ искреннимъ видомъ радости.

Умѣнье жить было самымъ первымъ, величайшимъ знаіемъ; искусство жить было первымъ изъ всѣхъ искусствъ.

Говорять, что Литтература, и особенно Литтература Драматическая, есть выраженіе общесп-

ва. Если это справедливо, а это безъ сомнѣнія справедливо въ извѣстномъ смыслѣ и въ извѣстной мѣрѣ, то наша Литтература вообще, и нашъ Театръ въ особенности, должны были отражать въ себѣ, болѣе или менѣе, двойственный характеръ: пустошью въ основаніи, и беднотствомъ въ формахъ.

Такъ и было.

Здѣсь опять надобно оговориться объ исключеніяхъ, и весьма большихъ. Наша Литтература господствовала надъ Европою сно дѣль, а безъ причины и безъ права не лзя добиться отъ людей удивленія; но, можно утвердительно сказать, что въ общихъ своихъ чертахъ, Литтература наша не была ученою, какъ нынѣ Литтература Нѣмецкая, или во времена Петрарки и Полициена Итальянская; не была и народною, какъ въ свою великую эпоху Литтература Испанская. Это, въ сущности своемъ и прежде всего, была Литтература вѣжли-востей. Цѣль ея заключалась въ разговорахъ о ней.

Точно такъовъ былъ и Театръ нашъ. Въ общихъ своихъ чертахъ это былъ не сколько національный Театръ, сколько препровожденіе времени людей хорошаго тона, забава людей свѣтскихъ, куда публика допускалась за свои деньги, почти такъ, какъ иногда позволяють ей сморѣшь сквозь окна на церемоніальный обѣдъ или нарядный балъ.

Всеобщимъ требованіемъ было — удивленіе къ Древнимъ. Военнымъ крикомъ, спасеніемъ и заповѣдью въ Литтературу было — подражаніе Древ-

нимъ. И между шѣмъ истиннаго понятія о Древности не имѣлъ ни кто, даже ни одинъ изъ ученыхъ; обладавшихъ всѣми тонкостями языковъ Греческаго и Латинскаго. Но, извѣстно что эпоха учености прошла скоро. Всѣ знающъ, что съ половины семнадцатаго столѣтія, здоровое ученіе, основательныя наставленія въ наукахъ, склонялись болѣе и болѣе, такъ что къ концу оснадцатаго вѣка они почти уничтожились. Опъ того-то наши Литтературныя созданія походили на Греческія мастерскія произведенія только именемъ и выборомъ предметовъ, нѣкоторыми совершенно посторонними принадлежностями, слѣпымъ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ, которыхъ происхожденія и ошнеспельной важности ни кто не смѣлъ повѣришь и оцѣнишь, и смиреннымъ рабствомъ въ различеніи родовъ. Что-жъ касается основанія самыхъ сочиненій, характеровъ, чувствованій, понятій, красокъ, по въ нихъ было все не только новое, но вчерашнее, и не только Французское, но даже Парижское, и даже Версальское.

Не лучше было знаніе Исторіи и народныхъ памятниконъ. Древностями отечества никто не занимался; никто не любилъ народныхъ преданій; объ изученіи языковъ и Литтературъ иностранныхъ не было и слуху.

Удивлялся-ли этому? Въ дѣлахъ ума, такъ-же какъ и во всемъ, господствовало лучшее общество. Кто не хотѣлъ жишь и умереть безвѣстнымъ, тому подлежало бышь въ модѣ, сначала въ дамскихъ пріюшахъ, пошомъ въ лучшемъ кругу и на ужинахъ.

Писатели Французскіе—поэты, ораторы, историки и правоучители—были подъ вліяніемъ Двора при Людовикѣ XIV, который изрѣдка удостоивалъ ихъ взглядомъ, но всегда держалъ въ благородной дистанціи. При его преемникѣ они сдѣлались всемогущи, и образовали, можно сказать, четвертый разрядъ въ Государствѣ; волновали Францію и Европу смѣлыми мыслями и силою дарованій, однакожь подражали высокоумности высокыхъ господъ и любезности милыхъ модниковъ, всегда вели жизнь свѣтскую, дорожили успѣхами въ обществѣ, унижали, въ эшомъ шѣсномъ объемѣ, свой геній, и кадили шому самому злу, которое порицали безпрестанно. Ни въ одной странѣ не было великихъ умовъ болѣе чѣмъ у насъ, и ни въ одной не были они столько приневолены закушывашься въ ливрею оспроумія. Сколько книгъ высокаго достоинства кажутся, почто какъ и авторы ихъ, въ расчесанномъ парикѣ и въ башмакахъ съ красными каблуками! Кто не улыбнется, напримѣръ, видя какъ славный Моншескѣ раздробляетъ свое великое твореніе на блестящіе ошдѣлы, и, еще чаще, старается заострить его эпиграммами, все для одного великаго преимущества: что-бы его бессмертное созданіе перечисловали поверхностные люди, и что-бы оно громко прочитано было при шуалетахъ дамъ!

Сверхъ того, какое неизмѣримо-важное дѣло была легкая Лишперашура! Какое событіе появленіе шуточной пьески или собранія мѣлкихъ стихотвореній! Сколько шуму о выборѣ въ Члены Академіи, или о какихъ нибудь закулисныхъ сплетняхъ!

Какая штука рифмоплетство всѣхъ сорптовъ! Какая бездна прозясановъ, пишущихъ обо всѣхъ минуемыхъ событіяхъ! И наконецъ, какая увѣренность у нихъ и у ашихъ, что человѣческій родъ обязанъ прекратитъ всѣ свои занятія и смотрѣть на нихъ, и что міръ, за нѣсколько тысячъ лѣтъ бывъ созданъ единственно для того, что-бы наслаждаться ихъ мѣлкими произведеніями, присутствовать при ихъ мѣлкихъ шріумфахъ и участвовать въ ихъ мѣлкихъ раздорахъ!

Французская революція разрушила все это общешвенное зданіе; она, шакъ сказашь, срыла его до шла.

Съ переменою общешвенствивъ во Франціи, сдѣлались Французы равны одинъ другому; они могутъ пользоваться правами каждый лично; у нихъ есть обязанности къ Государству. Всѣ неотъемлемыя завншія уважаются; всѣ ведутъ къ всему. Законныя отличія происходятъ единственно отъ различия нравъ и обязанностей, шакъ-же какъ отличія общешвенныя основываются единственно на превосходствѣ достоинства, воспитанія и пресвѣщенія. Честолюбіе обязано предьявлять свои права и доказывать ихъ предъ всѣми; разврашь принуждены скрыватьсь, ошибки искашь извиненій.

При шоль новомъ состояніи дѣлъ и умовъ во Франціи, шакъ называвшійся прежде большой свѣтшсущимъ флагъ.

Онъ скончался, какъ монархія великаго Короля; онъ опрелся отъ своихъ нравъ какъ Наполеонъ,
Августъ 1830.

называвшій великаго Короля своимъ предшественникомъ и всячески старавшійся воскресить его. Мы видѣли, какъ исчезъ эпошъ большой свѣтъ, со своими сумасбродными запрещеніями и безнравственными вольностями, со своими вздорными приличіями и заказными нравственными законами, со своими волокищами-завоевашелями и судопроизводствомъ старыхъ бабъ. . . . Тысяча другихъ круговъ раздѣляютъ Парижъ, и каждый сколько нибудь значительный городъ имѣетъ свои круги. Въ этихъ частныхъ обществахъ не знаютъ одно другаго, и въ нихъ нѣтъ глупаго прѣбыванія управляясь взаимно и выказываясь. Забавляйся кто какъ можешь и гдѣ можешь: никто не будетъ его пересуживать, никто не станетъ нищеславиться своимъ удовольствіемъ и почитать себя за него великою особою.

При другихъ нравахъ и другой вкусъ.

Жизнь, вообще, сдѣлалась проспою, дѣятельною, трудолюбивою и одушевленною. Въ занятіяхъ, въ стремленіи къ чему нибудь, стоящему эпошъ труда. Публичныя состязанія и свобода писанія непрерывно занимають насъ величайшими пользами челоука и общества. Не кровавыя, но пламенные, одушевленные прѣмія парламеншскія раздѣляютъ, разгорячаютъ, волнують, превозносятъ насъ и заставляють ежедневно переходить отъ страха къ надеждѣ, отъ шоржесства къ пораженію.

Что-бы привлечь къ себѣ публику отъ этихъ важныхъ, великихъ занятій, Литтература должна представлять ей нѣчто другое, кромѣ развлеченія,

вовсе не нужна, потому что время ей совсѣмъ не въ тягость. Надобно что-бы Липтерашура была привлекательна и поучительна; что-бы она заставляла публику забывать самое себя и все въ мірѣ, или побуждала къ сужденію и размышленіямъ. Соперничество поэзовъ для нея не значить ничего; академическіе раздоры не занимають ея ни сколько. Нѣтъ средства заставивъ ее спорить о шомъ,

.... des deux Poëzinet lequel fait mieux les vers,
или занимаешься двѣ недѣли эпиграммой Шамфора,
пѣсней Панара, или героидою Дораша.

Такимъ образомъ уже лѣтъ двѣнадцать или пятнадцать, со времени, какъ Франція начала свободно дышать послѣ бѣшенства безначалія и шума побѣдъ, при поспешенномъ упадкѣ и осмѣяніи всей этой жеманной, мѣлкой Липтерашуры, имѣвшей свое запоздалое лѣто, свои парадныя платья, свои придворные нравы и правила, видимъ, что повсюду возраждается любовь къ основательному, истинному. Ученіе обновилось; познаніе Древнихъ нынѣ гораздо существеннѣе, нежели когда либо прежде; знаніе иностранныхъ языковъ распространяется непрерывно; путешествія умножаются; ученые и липтерашурныя сообщенія увеличиваются повсюду; въ Департаментахъ нашихъ учреждаются небольшія средоточія умовъ и начинаются основательныя труды касательно древностей нашихъ. Нормальное Училище блистало не долго, но оставило слѣды неизгладимые: на примѣръ, оно служило основаніемъ

школы Философской, нынѣ первой въ Европѣ. Она не клянется словами ни какого учителя, не презираешь прудовъ ни одного изъ своихъ предшественниковъ, не уклоняешь ни ошъ какой изъ великихъ задачъ о мирѣ и человѣчествѣ, не рѣшаешь ихъ съ надменностью двумя словами, и не удаляешь ошъ себя съ хвастливымъ презрѣніемъ. Наряду съ сею школою возвышается школа Историческая, гдѣ часто соединяюшся и обширная ученость, не упускающая изъ виду ни одной подробности, и могущественное, смѣемъ сказать, шворческое воображеніе, воскрешающее времена прошедшія и людей уже не существующихъ: ихъ показываетъ намъ она, блестящихъ красками жизни и истины. Даже удивительные романы генія, самаго оригинальнаго и плодовитаго въ наше время, даже сіи романы, столь привлекательные и поучительные, соединяющіе въ себѣ въ высочайшей степени дѣятельность и поэтическій вымысль, воображеніе, ученость, искусство, непринужденность, даже они, видѣрившись повсюду, видѣряюшъ и великое расположеніе духа, порождающее ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, мало значишь шо, что они восхищаютъ высшіе классы и возбуждаютъ удивленіе въ знамокахъ: они пробираюшся въ конпоры, въ лавки, удовлетворяюшъ потребности всеобщей, непобѣдимой, и доставляюшъ ей пищу, которая питаешь, не насыщая.

Скажемъ откровенно: неужели при этомъ всеобщемъ движеніи одинъ Театръ могъ ошастыся неподвижнымъ? Неужели публика можетъ прихо-

дѣлать въ театрѣ не съ тѣми понятіями, не съ тѣми вкусомъ, не съ тѣми наклонностями, которыми господствуютъ ею и кошорыя показываешь она вездѣ и во всемъ?

Нынѣ театры существуютъ для нея, для публики, для ея ощущеній и умственаго занятія, а не для того, что-бы часа на два разсѣять скуку небольшого числа бездушныхъ, праздныхъ модниковъ, или дославить предметъ для разговоровъ чепыремъ или пѣши оспроумцамъ и дюжинѣ ихъ подражателей, корифеевъ въ кофейныхъ домахъ. Могло-ли одно это не оказатъ, рано или поздно, вліянія на общій характеръ сочиненій? Нашъ Театръ изобилуетъ красошамъ безсмершными, красошамъ всѣхъ времянь и мѣстъ, и онѣ, слава Богу, не потеряли своей власти надъ нами; но, къ кому, въ наше время, можешь относиться учтивая, притворная метафизика, комическій или трагическій *Мариво-даль*, и философико-саншменшальные возгласы, столь часто обезображивающіе нашъ Театръ?

Неужели въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что если-бы великій Корнель возвратился въ міръ, шо его Римляне не опзывались нѣсколько менѣе и школьною амплификаціею?

Неужели думаютъ, что если-бы величайшій Расинъ возвратился въ міръ, шо онѣ ошашъ зашлавиль-бы Ахиллеса говорить какъ Французскаго рыцаря, и вложилъ въ уста Пирра, Мишридата, или Нерона, мадригаалы?

Неужели думаютъ , что если-бы возвратился въ міръ Вольшеръ , блестящій , спрасный Вольшеръ , то онъ заставилъ-бы Заиру проповѣдывать равнодушіе въ дѣлѣ религіи , дикихъ Американцевъ восклицашъ о шерпимости , а Магомета изобразилъ-бы какимъ-то Таршюфомъ , выражающимся надушими сеншенціями , или Чингисъ-Хана убитымъ любовникомъ и философомъ , разочарованнымъ онъ величія человѣческаго ?

Нѣтъ , вѣрно нѣтъ , тысячу разъ нѣтъ ! Всему свое время . Самъ Вольшеръ , первый насмѣхался надъ героями своего предшественника , *нѣжными , тихими и скромными* , первый онъ чувствовалъ , какъ смѣшно изображалъ

Caton galant et Brutus dameret.

Онъ пытался писать трагедіи безъ любви; онъ хотѣлъ , однажды навсегда , представить намъ Грековъ древней Греціи , Римлянъ Римскихъ , и для большаго успѣха ему не доставало только лучшаго знанія ихъ . Шенье , въ свою очередь , полагалъ , что надобно передать Вольшерову *Эдипа* . Вольшеръ , опять первый , спарался вызывать народныя чувства и воспоминанія , и въ эпомъ имѣлъ онъ многихъ послѣдователей . Можно отыскать слѣдъ , гораздо прежде начала нынѣшняго столѣтія , слѣдъ шемной пошребности въ театральномъ преобразованіи , и предвѣтіе , что въ нашемъ Театрѣ есть много высокопарнаго , ничтожнаго , мѣлкаго . Въ Перепискѣ Гримма видимъ это на каждой страницѣ . Болѣе семидесяти лѣтъ назадъ , Колле пародировалъ Французскую Трагедію въ каррикашурѣ , гдѣ остроуміе и здравый

разсудокъ являюща въ неистощимой замальчивости злой насмѣшки. Если эту потребность ощущали уже въ то время, то чтожь пещерь? И что, если авторы, какъ мы скажемъ, имѣють дѣло съ насмѣющею публикой? Что, если эта публика сама приослушуваетъ, уже сорочъ лѣтъ, при величайшихъ событіяхъ въ мірѣ?

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ мы принимали участіе въ ужасныхъ событіяхъ; мы видѣли, собственными глазами, какъ возвышаются и падаютъ государства. Какъ-же, послѣ этого, убѣдишь насъ, что такіе перевороты совершаются между шестью, семью человѣками (изъ которыхъ двое или трое глупыхъ наперсниковъ), совершаются въ то время какъ эти люди суетятся и разглагольствуютъ на пространствѣ пятидесяти квадратныхъ футовъ! Мы знали, лично знали великихъ людей, завоевателей, ораторовъ, заговорщиковъ, людей изъ такихъ-же костей и мяса какъ и всѣ, могущественныхъ гениемъ, оружіемъ, словомъ. Вы привлечете насъ къ себѣ, показавъ такихъ-же существенныхъ людей какъ они, или похожихъ на нихъ.

И, пусть-бы еще были нынѣшніе поэмы наши Расины и Вольтеры; пусть-бы умѣли, подобно имъ, въ жалко-урѣзанныхъ рамкахъ, разсыпавъ полною рукою сокровища чувства и поэзіи; пусть-бы могли, подобно имъ, подражать благородной пищѣ времени рыцарскихъ, снимавъ иногда съ несущей ихъ руки присланика, и парить, блестящимъ и быстрымъ полетомъ, въ облака—мы пожелаемъ-бы имъ счастливаго пути.

Но совсѣмъ нѣтъ: хошяшь, что-бы именно и единственно неудобства шого рода сочиненій, которыи процвѣтали за сто лѣтъ, веселани и радовали насъ, нынѣшнюю публику! Эшо: трагедіи, воѣ или почти воѣ, выроченныя по одной вырочкѣ, вылишныя въ одну форму, и до шакой спешени однообразныя, что человекъ, нѣсколько привыкшій къ театральному колдовству, скажешь навѣрное, изъ сцены въ сцену, что случится до самаго конца. Въ первомъ дѣйствіи, описаніе сна или буря; во второмъ, объясненіе; въ третьемъ признаніе, и такъ далѣе. Александрійскіе стихи, рифма подлѣ рифмы (*côte à côte marchant*), точно какъ взятыя изъ театральной кладовой, вмѣстѣ съ декорациями и костюмами! Лица, у которыхъ роль опредѣленная, ходъ извѣстный, какъ у шахматовъ на шахматной доскѣ, и все эшо въ шакой спешени, что можно означить, среднею мѣрою, какимъ нибудь родовымъ названіемъ воѣ лица: вошъ эшо Царь, эшо ширанъ, эшо Царевна, эшо заговорщикъ, эшо наперсникъ! Почти такъ Гёте, въ одной изъ своихъ драмъ, назваль разговаривающія лица: Отець, Мать, Братъ, Сестра, и проч. Дѣйствительно: какое дѣло, что убившая своего мужа Королева называется Семирамида, Клиштемнеспра, Иоанна Неаполитанская или Марія Стюартъ; что Царь-законодатель именуется Пешръ Великій или Минось; что похитишель престола Аршабанъ, Полифонъ, или Кромвель, если ихъ слова, дѣйствія, мысли и чувства, всегда одни и шѣ-же, или почти шѣ-же, и если эшо не иное что какъ шолько вариация на заданный мотивъ?

Разсказываютъ, что одинъ молодой поэтъ—имени его не припомнимъ—взялъ изъ Испанской Исторіи предметъ для трагедіи. Вышедъ въ разладъ съ Цензурою, онъ издумалъ, перемѣною нѣсколькихъ буквъ въ рукописи, перенести мѣсто дѣйствія изъ Барселоны въ Вавилонъ, и опшолкнулъ происшествіе шестнадцатаго столѣтія — къ временамъ Потопа. Эпо удалось ему шѣмъ лучше, что *Babylone* и *Barcelone* рифмуютъ съ одними и тѣми-же словами, и состоятъ именно изъ одинакаго числа слоговъ, такъ что ему почти нечего было перемѣнять въ самыхъ блестящихъ ширадахъ.

Не ручаемся за достовѣрность этого анекдота, но онъ очень правдоподобенъ.

Нѣтъ сомнѣнія: нестерпимое однообразіе, ложный и дѣтскій характеръ всего этого прибора условности, и происходящія отъ нихъ ошвращеніе, скука, пошнота въ публикѣ, подобной нашей, безнадежность увидѣть что нибудь болѣе истинное — вотъ что непрерывно открываешь пушь нововведеніямъ во всѣхъ родахъ.

И наша публика склоняется къ нимъ не изъ прихоти; она не порицаетъ хорошихъ произведеній, не бранитъ полубоговъ прошедшаго времени; она говоритъ, какъ одна маленькая дѣвочка: «Няня! ужъ мнѣ наскучило солнце!» или какъ великій Конде: «Прощаю Аббата Обиньяка въ помъ, что онъ соблюдаетъ правила, но не прощаю нравилъ, что они заславляли его сочинилъ весносную пьесу.»

Въ недоумѣніи, не зная къ кому обратиться, что-бы избѣгнуть ошъ этого.

Race d'Agamemnon qui ne finit jamais ,
ошъ энихъ вѣчныхъ лицъ, освистанныхъ сего дня въ шогъ, и являющихся завтра подь чалмою, публика вдругъ видишь искусныхъ криптиковъ, писателей съ превосходными дарованіями, высокихъ умомъ, которые улыбаясь говорятъ ей:

«Но неужели вы не видите, ошъ чего эта скука, это однообразіе, приводящія васъ въ ошчаніе? Въ назначенное время, въ ограниченномъ пространствѣ, можно предсавить только извѣстное число предметовъ, и чѣмъ менѣе это время, чѣмъ ограничите пространство, тѣмъ менѣе число предметовъ. Переменяюшь имена, переменяюшь костюмы: болѣе ничего и сдѣлать не лзя. А если вы еще увеличиваете предписанія и запрещенія произвольныя! Если, напримѣръ, вы шребуеши, что кто плачетъ, то пусть плачетъ всегда, кто смѣется, то пусть все смѣется; если вы запрещаете говорить въ прозѣ шому, кто разъ поговорилъ стихами, и на оборотъ; если кто говорилъ разъ двѣнадцатисложными стихами, тошъ не смѣй употребить стихомъ покороче; если вы оскорбляетесь, услышавъ въ трагедіи простое слово! Свяжише челоуку руки и ноги: это вы можете; надѣньте ему на лицо маску: въ добрый часъ! Прикажише ему непременно говорить рѣчи — прекрасно! Но, послѣ этого не шребуише ошъ него ни разнаго образія движенія, ни игры физиономіи, ни много различія языка.»

Надобно сознаться, что въ этомъ сужденіи есть правда.

Пошому-шо, когда юные поэмы, ободренные обспояшельствами, приближаются къ публикѣ, и съ робостью просятъ ее на минушу забыть правила утвержденныхъ и необходимыхъ пумы, обѣщая за эту свободу распрогать ее, занявъ умы и показавъ живыхъ людей и существенныя событія, что отвѣчаешь имъ публика?

«Начинайше, мы носмотримъ.»

Вотъ вся разгадка того; что происходитъ нынѣ.

Но, не правда-ли, что мы, Французы, почти дерзки? Въ сорокъ послѣднихъ лѣтъ, мы нападали на учрежденія, казавшіяся попрочнѣ нашей театральнѣ системы; мы подняли руку на такіе предметы, которыя почитались драгоценнѣ предписаній Аришотеля.

Если-бы у насъ явился теперь великій драматическій поэтъ; если-бы онъ подкрѣпилъ нововводишель, то тяжба была-бы рѣшена немедленно. Но то бѣда наша, что нѣтъ никого! Между авторами новой школы, досего времени не явилось ни одного превосходнаго дарованія, которое рѣшительнѣ побѣдило-бы своихъ собратовъ старой школы. Конечно, въ сочиненіяхъ новыхъ писателей болѣе занимательности, болѣе движенія и разнообразія; это достоинство рода, и пошому-шо сочиненія ихъ привлекають толпы, между шѣмъ какъ сочиненій ихъ собратовъ никто не смотришь. Но, у новыхъ поэтовъ видно болѣе начитаннаго, нежели соб-

сшвеннаго своего; болѣе доброй воли шворить, нежели испанно шворческаго генія; въ самомъ исполненіи ихъ замѣсны небрежность и нерѣшимельность, а не сила, не истинная оригинальность. Это ихъ вина, и пошому-шо публика не знаетъ еще на чемъ остановишься; пошому-шо она болѣе расположена благодарить ихъ за похвальныя усилія, нежели вручить имъ пальму побѣды.

Долго-ли еще продались эша слабость полеша драматическихъ дарованій, эша, замѣсная донимъ, бесплодность новой школы, едва за четыре или за пять лѣтъ явившейся у насъ?

Богъ знаетъ, и да поможеть онъ намъ! Для чести Искусства и Франціи, желательнѣе было, что-бы недоспашокъ въ истинномъ геніи прекратилася скорѣе. Но, въ ожиданіи будущаго, прилично-ли, и справедливо-ли шоржествуюшь надъ эшимъ, и слишкомъ часто, приверженцы старыхъ правилъ лишпературныхъ? Основательнѣе-ли спрашивають они у насъ съ насмѣшкою: какими превосходными произведеніями можеть похвалиться новая система театральная? Имѣють-ли они право сказашь изслѣдовавшимъ и объяснившимъ ее кришикамъ: «Вы сами не знаете что говорите; а доказательство этого, все, что пишеться подъ вашимъ покровительствомъ: все это не соотвѣшствуетъ вашимъ великолѣпнымъ обѣщаніямъ.»

Съ эшимъ мы никакъ несогласны, ибо, что если мы въ отвѣтъ вздумаемъ спросить у *Питтисы* Аришпшелевой: какія удивительныя шрагедіи по-

дарила она Греціи? У *Пинтики* Горациевой: какіе сямияшники прославляютъ Театръ Лашиновъ? У *Лагарпова Курса Литтературы*: какими превосходными произведеніями мы обязаны ему? Ошвѣтъ шаже былъ-бы не въ ихъ выгоду.

Природа шворишь поэшовъ; она, изрѣдка, посылаешь въ міръ Софокловъ, Шекспировъ, Расиновъ, Мольеровъ, и послѣ каждаго шакого посланника долго ошдыхаешь. Тупъ никакое человекское усиліе не пособишь, и Мегалантропогенезія (*) шакая же глупосшь, шакое-же шарлатанство въ Лишшерапуръ, какъ и во всемъ. Скажемъ еще болѣе. Чшо справедливо ошносительно генія, шо справедливо и ошносительно дарованія. Какъ-бы ни было оно мало, на какой-бы ни встрѣчалось спешени — вся честь за него природѣ, одной природѣ! Кришика дѣлаешь для дарованія шоже чшо и для всѣхъ: у нея нѣтъ для него форменнаго предписанія, нѣтъ реценшовъ, какъ писать хорошія трагедіи и остроумныя комедіи.

Впрочемъ, всего скорѣе можно ошибаться шакимъ образомъ о природѣ и цѣли нѣкошорыхъ предешовъ.

Когда въ Средніе вѣка ошысканъ былъ *Органонъ* Шагагрійскаго Философа (Арисшошеля), шо первые занявшіеся имъ были въ нѣкошоромъ очарованіи. Они имѣли причину, ибо эшошь *Органонъ*, эшошь

(*) Великочеловѣкорожденіе.

пракшашъ о высшей Логикѣ, если одинъ изъ удивительнѣйшихъ памятниковъ величія и силы ума человеческого. Но неслѣ, пошчасъ вообразилъ, что Логика имѣеть цѣлю научить разсуждашь, и что разсужденіе, если не единственнее, то по крайвей мѣрѣ главное средство къ достиженію истины. Кто вполне выразумѣеть составъ силлогизма, пошъ не будешь ни въ чемъ ошибашься, и будешь разумѣть все. Это была ошибка большая. Богу извѣстно, сколько породила она глупостей и софизмовъ, споровъ и упорченностей словесныхъ. Логика не научаетъ человѣка ничему такому, чего не дѣлаешь онъ самъ по себѣ, безъ ея помощи. Силлогистическое дѣйствіе естественнее, врожденно: не нужно учиться ему, для того что-бы употреблять его. Сверхъ того, для надлежащаго сужденія необходимо: видѣшь вѣрно и понимаешь ясно, имѣшь въ виду всѣ условія задачи и не упустить изъ виду ни одного при выводѣ. Все это природныя способности: для приобрьшенія ихъ Логика не имѣеть ни какого секрета. Но должно-ли изъ этого заключить, какъ и заключали нѣкоторые Философы, что Логика не годится ни къ чему. Боже сохрани! Это значило-бы безусловно перейти къ другой крайности. Логика не имѣеть цѣлю научить разсуждашь; она учитъ: какъ разсуждають. Это отрасль философіи ума человеческого; она открываетъ намъ природу одной изъ самыхъ блестящихъ нашихъ способностей; она объясняетъ намъ ея законы, дѣйствіе, механизмъ; она открываетъ уму человеческому его самого. Кто изучитъ ее надлежащимъ образомъ, пошъ изучитъ съ пользою. Послѣ этого изученія умъ становитъ

яснѣе, опышнѣе, сильнѣе, искуснѣе, однимъ словомъ, способнѣе ко всему, не исключая даже сужденія, ибо умъ никогда безполезно не развивается, шакъ-же какъ и разсудокъ никогда не расширяется, не укрѣпляется безполезно.

Тоже должно сказать о Кришникѣ. Она шакже есть отрасль философіи ума человѣческаго. Она шакже освѣщаетъ его ему самому, и показываетъ ему собственную его дѣятельность, не почитая его школьникомъ и не принимая на выучку.

Изящное существуетъ; оно сущесивуетъ въ мірѣ внѣшнемъ и въ душѣ человѣка; въ явленіяхъ Природы, и въ шѣхъ явленіяхъ, гдѣ раскрывается человѣчество. Иногда показывается оно шамъ вполне, но чаще даетъ себя шолько провидѣть и предчувствовать. Имъ овладѣваетъ геній и усвоиваетъ его себѣ; онъ принимаетъ впечатлѣніе и передаетъ его болѣе чистымъ, болѣе живымъ, нежели принялъ; онъ пораженъ имъ и поражаетъ въ свою очередь. Геній дѣйствуетъ при вдохновеніи; приемы Искусства знакомы ему невѣдомо ошъ него самого; это собственное его, врожденное ему стремленіе. Орелъ паритъ потому что онъ орелъ; олень прыгаетъ потому что онъ олень.

Что-же дѣлаешь Кришика?

Она спановишся между образцовыми произведеніями Искусства и умами, жаждущими насладиться ими, между человѣкомъ съ дарованіемъ и шѣми, къ кому обращается онъ, а иногда между геніемъ и шрудомъ его. Она вводитъ насъ, мѣлкихъ и великихъ, не посвященныхъ и прозрѣвшихъ, въ шамн-

ею удивительныхъ красотъ. Она открываетъ намъ шокія черны, скрытыя отношенія, тайные законы. Вошь ея дѣло, не болѣе и не менѣе.

Но является съ своими сужденіями посредственностью. Съ ферулою въ рукѣ и высокопарными словами въ устахъ, овладѣваетъ она средствами созданія, и грубо составляешь изъ нихъ рѣзкія формулы, превращаетъ шокія и умѣренныя объясненія въ педантскія предписанія, и взываетъ къ мылкимъ умамъ, открывая передъ ними кладовую наспавленьицъ, примѣрцевъ, указаницъ. По голосу ея, ремесленники принимаются за работу. Вооруженные циркулемъ и линейкою, они проводятъ линіи, чертятъ фигуры, методически разрѣзываютъ на части образцовыя шворевія, крадутъ шамъ и шамъ, у одного положеніе, у другаго черту чувства, у шрепьяго мысль, у четвертаго поэтическій оборотъ, и дѣлають изъ всего этого, какъ умѣють лучше, произведенія наборныя, печальныя мозаики, всинные Арлекинскіе наряды! Вошь ошкуда, на всѣхъ, сколько шибудь обработанныхъ измахахъ, эта бездна сочиненій незаконнорожденныхъ, кошорыя не хороши и не худы, не прекрасны и не безобразны, не занимательны и не смѣшны, и въ кошорыхъ ешь шось незамѣнимый ничѣмъ недостатокъ, что они не соотвѣтствуютъ ничему, ни въ Природѣ, ни въ человекѣ, ни въ умѣ самозванца-поэша, ни въ умѣ его несчастнаго чинашеля. Вошь ошкуда, напримѣръ, эше превровожденіе времени, эшось кассъ-шеть множества поэтовъ послѣдняго столѣтія, сочинявшихъ тысячи пастушескихъ сти-

хошвореній, изъ которыхъ видно, что авторы, во всю свою жизнь, не взглянули ни разу даже на Тюльерійскія деревья, и не поглядѣли какъ шечеть рѣка хошь на Гобеленевыхъ обояхъ. Однимъ словомъ: вошь испочникъ всего, ошь чего Ляшперапура спановишся однообразна, а Поэзія несносна.

Кришика, доспойная своего имени, кришика испинная, не войдешъ въ раздоръ съ глупымъ требованіемъ учредишь фабрику пріятнаго и изящнаго. Она не учишь создавашъ изящныя произведенія, а шолько выспавляешъ передъ глаза всѣхъ, заспавляешъ всякаго понимашъ, чпѣ шакое значишь изящное произведеніе. Цѣль ея: умножишь число умовъ возвышенныхъ и шонкнхъ, свободныхъ и благоразумныхъ, просвѣщенныхъ и нѣжныхъ; предугошовишь людянь съ геніемъ или съ дарованіемъ, когда прирѣдъ угодно будешъ шродишь ихъ, публику, дошпойную внимашъ имъ; публику, согрѣвающую ихъ своимъ удивленіемъ, вразумляющую, удержигающую ихъ своимъ шпрогимъ вкусомъ.

(Оконсаніе въ слѣд. книжкѣ).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Книги 1830 года.

Опыт перевода Горациевых Оды, В. Орлова. СПб. 1830. въ ш. Экси. заг. Госуд. бумагъ, 178 стр. in-8.

Мы долго медлили извѣщеніемъ о выходѣ въ свѣтъ сей достойной вниманія книги. Признаюсь, намъ желалось написать подробное изложеніе мнѣній нашихъ о *безсмертномъ трустѣ*, Горация, кошорого судьба въ Россіи очень незавидна: онъ поэтъ, котораго не понимающъ наши многоученые знашюки Римскихъ писателей. Разумѣется, нѣтъ правила безъ исключеній; но по крайней мѣрѣ можемъ сказать рѣшительно, что печатныя Русскія мнѣнія о Горация — невѣрны, и всего чаще неѣпы. Опираемся въ этомъ на всѣ учебныя книжки, и почти на всѣ журнальныя статьи, гдѣ упоминается о достоинствахъ Горация.

Множество различныхъ занятій и развлеченій принуждаютъ насъ ошказаться, по крайней мѣрѣ на долго, ошъ пріятнаго труда, подробно изложитъ наше мнѣніе о Горация, и потому не можемъ ошкладывать далѣе извѣстія о прекрасномъ переводѣ Г-на Орлова. Скажемъ однакожъ нѣсколько словъ о Пѣвцѣ Тибурскомъ.

Какъ вообще судяшь у насъ о Гораціи? Чтѣ видяшь въ немъ? Ему приписываютъ всѣ совершенства; веляшь учиться у него всему поэтическому: и языку, и силѣ мыслей, и пылкости воображенія, шо есть всему тому, чему не лзя выучишься, ибо, — какъ сказалъ самъ Горацій — *поэты рождаются*. Это одно мнѣніе. По другому, Горацій есть величайшій философъ, испивный мудрецъ, и все отъ того, что иногда онъ велитъ топить горе въ винѣ. Напротивъ, кришкы наши забываютъ существенное: они не изучиваютъ Горація, какъ предшавшеля Поэзии своего времени. Въ немъ, можешь бышь боже чѣмъ во всѣхъ современныхъ ему поэсахъ, отражаешь знаменишый вѣкъ Августа, вѣкъ паденія свободы и духа Римскаго, вѣкъ воспоминаній о прошедшей славѣ, въ ушѣшеніе за ничтожество настоящаго. Горацій былъ первый рабъ-поэшь своего времени. Одаренный необыкновеннымъ пишическимъ духомъ, онъ понималъ свое положеніе, и выражалъ страшное для души высокой чувство, выражалъ его вездѣ и всегда, какъ шолько размыгрывалась его фантазія. Да! страшно было для Римлянина, для поэта, видѣшь на самомъ себѣ униженіе и безславіе своего народа. Эшошь гордый Римлянинъ — бѣжалъ съ поля битвы! Онъ, пошомокъ желѣзныхъ Цинциннашовъ, Сципионовъ, ушопалъ въ роскоши и находилъ одно ушѣшеніе — въ забытіи всего настоящаго!

Beatus ille, qui procul negotiis,

восклицаешь онъ, отвращая взглядъ свой отъ неправосудія и пришѣсненій, дошедшихъ до высо-

чайшей степени въ его время. Иногда, съ благороднымъ негодованіемъ, какъ въ Одь in Avagos, призываетъ онъ согражданъ погубить въ волнахъ причину золь — драгоценныя вещи и золото (Ода XXIV Книги III-й), и съ извѣстной насмѣшкою говоритъ о юныхъ современникахъ:

Nescit equo rudis

Nagere ingenius puer,

Venarique timet; ludere doctior,

Seu Græco jubeas trocho,

Seu malis vetita legibus alea . . . (*)

Даже, намъ кажется, что самый развратъ и чувствительность, прославляемая Горациемъ, суть негодованіе поэта, который погибая самъ въ безднѣ современныхъ пороковъ, хочетъ увлечь съ собою и всѣхъ подобныхъ ему. Невозможно, что-бы душа такого поэта не сознавалась себѣ въ минувши воспора: и мы видимъ его, часто благороднаго, вѣрнаго служителя чистыхъ Музъ. Вошь ошь чего въ немъ, какъ въ свѣтломъ зеркалѣ, отражается вѣкъ современный, ибо на тускломъ стеклѣ предметы не были-бы видны. И вошь ошь чего Гораций есть по преимуществу поэтъ своего вѣка, то есть поэтъ истинный.

Син-шо мысли хотѣли мы развитъ въ подробномъ разборѣ Одь Горациа, переведенныхъ Г-мъ Орло-

(*) Въ переводѣ Г-на Орлова:

Ни звѣря, ни коня не можеть укропить

Женоподобный сей, цвѣтъ Рима благородный, и проч.

вымъ. Это было-бы шѣмъ приличіе, что переводъ сей, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, даетъ лучшее понятіе о подлинникѣ, нежели всѣ переводы, являшіеся доселѣ на Русскомъ языкѣ. Мы убѣждены, что не лзя понимать стихотворныхъ красотъ оригинальнаго поэта ни въ какомъ переводѣ, и особенно въ переводахъ съ Лашинскаго, ибо это не только языкъ иностраннѣйшій, которѣй выучите и понимайте все на немъ писанное, какъ напримѣръ на современныхъ намъ Европейскихъ языкахъ; нѣтъ! это ошдѣльный ошъ нашего міръ, гдѣ самое шеченіе словъ, образы и выраженія, все чуждо, все ошлично ошъ нашего и пошому зашруднишельно для перевода. Но шѣмъ не менѣе можно передать красоты и этой чужеземной Поэзіи, лучше или хуже. Для переводчика остаешся одно средство: не привязываясь къ словамъ, выражаетъ духъ поэзіи переводимаго Автора. Въ этомъ отношеніи, переводъ Г-на Орлова заслуживаетъ большую хвалу. У него выражаетшя то-же высокое негодованіе, которое одушевляетъ Римлянина. Не лзя сравнивать его перевода съ оригиналомъ, но можно получить изъ него понятіе объ оригиналѣ — а этого довольно.

Надобно сказать, что на Русскомъ языкѣ есть безчисленное множество разныхъ предложеній Оды Горациевыхъ. Кто не переводилъ его! Но, какъ мы сказали въ началѣ сей статьи, многіе изъ нашихъ Гг. переводчиковъ и изыяснителей Горация почитали его какимъ-то шулуномъ, какимъ-то баричемъ, восшпаннѣмъ разврашными гуверніерами и закоренѣвшимъ въ обществѣ безшутныхъ праздно-

любовь. *День мой, откъ мой* — вошь единственный выводъ ихъ изъ всей Гораціевой поэзіи. Къ этому прибавляли они, вмѣстѣ съ другими знаками, безусловное, безошечное, неограниченное удивленіе, не основанное на истинномъ пониманіи. Оного Русскіе переводы Горація, съ немногими исключеніями, или безцѣльные слѣпки со словъ Горація, или буйные гимны, вовсе не Гораціанскіе. Г-ну Орлову принадлежишь ша честь, что онъ первый понялъ, какъ должно переводить Горація. Послѣ сего, насъ конечно не укоряшь въ пристрастіи, если мы скажемъ, что, какъ первый опытъ, трудъ его обезоруживаетъ Кришнику, а своими не поддѣльными красошами, не мишурою, но истиннымъ чувствителънымъ поэзіи, даетъ право Г-ну Орлову на почетное мѣсто въ Русской Литтературѣ.

— *Театральный Альманахъ на 1830-й годъ*. СПб. Въ ш. Плюшара. 1830. 354 стр. in-16.

Недавно, въ одномъ Журналѣ, сказалъ кто-шо, что наши писатели гошояють свои новняки къ земѣ, и что прошедшимъ лѣтомъ типографскіе станки отдытали. Этому прошиворѣчатъ событія: книгъ оппечатано въ канникулы столько, что розѣ подираетъ по кожѣ, когда сообразяшь всѣ эти драгоцѣнностіи. Вотъ одна изъ нихъ: *Театральный Альманахъ*, гдѣ помѣщено и обзорніе Русскаго репертуара за 1829-й годъ. Тутъ есть маленькая хронологическая ошибка: Авторъ гогоришь, что театральный годъ *начинается съ 1-го Марта*, слѣдовашельно въ Великій постъ, и слѣ-

довашельно, когда театры закрываются, тогда начало ихъ дѣйствій. Но эта ошибка ничто въ сравненіи съ понятіями и мнѣніями Обозрѣвателя Театра. Онъ говоритъ, что брань Журналистовъ неизбежна, если авторъ не имѣетъ *собственнаго вѣса въ Литтературѣ*, и эту преполезную расправу смѣшиваетъ съ продажей литературной совѣсти, такъ что по его мнѣнію выходитъ все равно, бранятъ-ли по-дѣломъ, то есть за то что писатель *легко какъ пухъ*, или бранятъ по связямъ. За свое обозрѣніе онъ ожидаетъ *бури*: брызнулъ водою изъ дѣтской брызгалки, и думаетъ, что возспавитъ этимъ бурю! Бури не видашь ни съ которой стороны; однакожь, въ силу журнальнаго права, мы сдѣлаемъ Обозрѣвателю маленькую литературную *нотацію*.

М. Г. ! Впередъ не беритесь за то, что не по вашимъ силамъ: не пишите обзорѣній литературныхъ; не говорите противъ совѣсти, что *Аристокланъ* поставилъ Князя Шаховскаго въ разрядъ первоклассныхъ Европейскихъ писателей, если подь словомъ: *первоклассный*, вы разумѣете не первый классъ Уѣзнаго Училища; но больше всего берегитесь изъяснять причины неурожая драматическихъ дарованій. Знаете-ли, что въ этомъ отношеніи вы поставили писателей на ряду съ поденщиками, которые не хотятъ работать потому, что имъ худо платятъ! Въ самомъ дѣлѣ, повѣривъ-ли публика, что вы, не шутя, а въ сердечной простотѣ, написали слѣдующее откровенное признаніе: «Если *писательство* не открываетъ входа въ хоршее общество, не доставляетъ никакихъ вы-

« годъ гражданской жизни , не даетъ даже дѣтямъ « нашимъ правъ дѣшей Коллежскаго Регистратора : « по кому придетъ охота дѣшело , неусыпно , « единственно заниматься Литшературою ? Это « была-бы болѣзнь , несчастіе , бредъ ! » Если вамъ никогда не удалось еще услышать , или понять , что Литшература не для приобрѣтенія насущнаго хлѣба существуешь въ мірѣ , то позвольте сказать вамъ объ эпломъ , и посовѣшовавъ заняшь должность . . . приличную вашимъ способностямъ , а Литшературу оставишь въ покоѣ ! И что въ ней толку , когда она не даетъ ни чиновъ , ни хлѣба ! Пусть занимающіеся ею люди въ болѣзнь , въ несчастіи , въ бреду !

Послѣ этого объясненія съ Гмъ Обозрѣвателемъ , намъ остается только пожелать , что-бы онъ послѣдовалъ нашимъ совѣтамъ . Читатели видяшь , что съ нимъ не лзя разсуждать о Литшературѣ , по той-же причинѣ , по которой съ глухими не лзя говорить о Музыкѣ , а съ слѣпорожденнымъ о цвѣтахъ . Для чести нашихъ современниковъ думаемъ , что не многіе имѣють его понятія о благородномъ занятіи Литшературою , и не почишають драматическихъ писателей *несчастнѣйшими* отъ того , что *доходъ ихъ не обезпеченъ* (слова Обозрѣвателя).

Послѣ обзорѣнія , въ семь Альманахъ помѣщены разные драматическіе отрывки . Вотъ замѣчательнѣйшіе изъ нихъ : изъ трагедіи Ермакъ ; изъ перевода (Гна Рошчева) трагедіи : *Макбетъ* ; изъ пере-

вода трагедіи : *Донъ Карлосъ* (Гна Обедовскаго). На ряду съ ними находяшся ошрывки изъ самыхъ несчастныхъ, анши-поэтическихъ созданій. Во всемъ эшомъ много перепечашокъ. Изъ прозаическихъ спашей вѣшь ни одной, достойной вниманія. Любопышно было-бы исчисленіе новыхъ пьесъ, игранныхъ на Пешербургскихъ шеатрахъ въ 1829 году, но оно явно невѣрно. Напримѣръ, ошрывки изъ *Горя отъ ума* означены какъ двѣ новыя пьесы; *Переходъ черезъ Балканскія горы* (горскія горы!) названъ оперою, шакъ-же какъ другія случайныя пьесы названы *водевиллями* — не пошому-ли что въ нихъ поюшь? Но шакъ какъ въ нихъ и шанцююшь, шо не худо назвашъ ихъ и *балетами*.

Изъ всего сказаннаго нами ясно, что книжонка эша составлена безъ шолку, безъ всякаго понятія о цѣли ея, и безъ всякаго соображенія о разнородныхъ ея элеменшахъ. Желашельно-бъ было, что-бы ея совсѣмъ не покупали: эшо было-бы жесточайшимъ воздаяніемъ для *Эстетика-Издателя*, ищущаго въ денежныхъ выгодахъ причинъ упадка Русскаго Театра. Сверхъ сего, шакое неуспѣхъ ошвадилъ-бы его отъ Русской Литшерашуры — чего и надобно желашъ.

— *Димитрій Самозванецъ*. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Василія Нарѣжваго. 1800 года. Печашано съ изданія 1804 года, безъ исправленій. М. Въ ш. Степанова. 1830. 207 стр. іа-8.

Эпоха Самозванца, болѣе всѣхъ другихъ изъ нашей Исторіи, занимала и занимаешъ Русскихъ Литшерашоровъ. Димитрій Самозванецъ былъ пред-

мешомъ нѣсколькихъ сочиненій. А. П. Сумароковъ сославилъ трагедію изъ его паденія, и она почталась въ свое время превосходною. Можешь бышь сей успѣхъ оболещалъ Нарѣжнаго, написавшаго свою трагедію лѣтъ черезъ шридцать послѣ Сумарокова. Съ тѣхъ поръ прошло еще шридцать лѣтъ, и трагедія Нарѣжнаго, человѣка съ дарованіемъ, служишь единшвенно памяшникомъ необдуманнаго предиріяшя, несообразнаго ни съ силами Авшора, ни съ шребованіями Искусства. Подражая Сумарокову, Нарѣжный вывелъ на сцену Ксеію, фаншашическое лицо Георгія Князя Галщцаго, вмѣшалъ шущъ любовь, выдумалъ ошца Димштріева, и изъ всего этого написалъ, пухлою прозою, пьесу не глушую, но пущую, безцвѣшную, замѣчашельную шолько смѣлосшью молодаго человѣка, кошорому, въ послѣдствіи, судьба не дозволила вполнѣ развить своего истиннаго дарованія въ комическихъ романахъ. Въ нихъ Нарѣжный являешся писателемъ, достшойнымъ вниманія и хвалы.

— *Исторія древней и новой Литтературы.* Сочиненіе Фридриха Шлегеля. Переводъ съ Нѣмецкаго. Часть вторая. 1830. СПБ. Въ ш. Смирдина. 370 стр. in-8.

И шакъ, шеперь мы имѣемъ полный переводъ сей прекрасной книги. О появленіи въ свѣшь I-й части сего перевода мы извѣщали въ прошедшемъ году (М. Т. Ч. XXVII-я, стр. 504-я). Тамъ-же познакомили мы читашелей нашихъ съ жизнью покойнаго Фридриха Шлегеля. Помнимъ обѣщаніе наше — написашъ подробный разборъ его книги, и шимъ

болѣе почитаемъ себя обязанными къ этому, что при всѣхъ своихъ достоинствахъ, книга сія заключаетъ въ себѣ много такого, на что должно глядѣть глазами непредубѣжденными. Фридрихъ Шлегель принадлежалъ къ извѣстной *сектѣ*, и это часто вредило его превосходнымъ дарованіямъ. Непремѣнно надобно доказать это, и показавъ, чему надлежитъ учиться у Фр. Шлегеля, и чего избѣгать при чтеніи его книги.

— *Собраніе писемъ Императора Петра I-го къ разнымъ лицамъ, съ ошвѣтами на оныя. Часть третія.* СПб. Въ Морской ш. 1830. 378 стр. in-8.

Въ 23-й книжкѣ М. Телеграфа прошедшаго года (Ч. XXX-я, стр. 358-я), мы писали о напечатаніи двухъ первыхъ частей сей любопытной книги. В. Н. Берхъ заслуживаетъ совершеннѣйшую благодарность своихъ соотечественниковъ за сей трудъ. Впрочемъ, мы не дивимся его усердію въ изданіи писемъ нашего Преобразителя. Кто изъ Русскихъ не согласился-бы посвятить части своего времени на то, что-бы представилъ нѣсколько новыхъ чертъ изъ великой жизни Безсмертнаго? А въ письмахъ Петра — сколько сихъ чертъ! Онъ видѣнъ вездѣ, но особенно въ письмахъ, касающихся какого либо важнаго предмета. Тутъ благоговѣнно дивимся его генію! Желашельно, что-бы всѣ, подобно Гну Берху, могущіе сдѣлать извѣстными какіе либо матеріалы для Русской Исторіи, не жалѣли для сего трудовъ и не боялись встрѣчающихся при подобныхъ предпріятіяхъ затрудненій. Благодарность соотечественниковъ будетъ ихъ наградою.

— *Картина войны Россіи съ Турціею въ Царствованіе Императора Николая I-го.* Сочиненіе Ф. Булгарина. Съ присовокупленіемъ подробнаго описанія битвы Наваринской, составленнаго В. Б. Броневскимъ. Съ каршою шешра войны Россіи съ Турціею, и съ планомъ битвы Наваринской. СПб. Въ ш. Греча. 1830. 212] стр. in-8.

Краткое, но удовлетворительное описаніе послѣдней войны Россіи съ Турціею сочинено Гмь Булгаринимъ въ дополненіе къ *Картинѣ войны Россіи съ Турціею*, Генерала Бушурина, изданной на Русскомъ языкѣ въ прошедшемъ году. Прибавленное шупъ-же описаніе Наваринской битвы, любопышно, особенно съ планомъ сего знаменитаго сраженія. Разумѣется, что сужденія современниковъ не могутъ бысть *оконгательными* въ такихъ великихъ дѣлахъ, какова Турецкая война, два дѣла продолжавшаяся. Посему, намъ кажется, что Г. Булгаринъ поступилъ благоразумно, удалившись ошъ всякихъ сужденій, и ограничившись однимъ изложеніемъ событій.

— *Подарокъ другу на новый годъ, или пукъ изъ семи цвѣшовъ на именины, и Небольшой завтракъ для голоднаго.* Сочиненіе Θεоктиста Улегова. М. Въ ш. Степанова. 1830. 23 и 24 стр. in-8.

Книжечка сія, или книжечки, написаны въ шомъ-же духѣ, коимъ ошличаются двѣ переведенныя Гмь Улеговымъ повѣсти: *Германъ Дроворубъ* и *Валезская Крестьянка* (М. Т. XXXII-я, стр. 512-я). И здѣсь изложены полезныя истины, шолько ужъ слишкомъ замысловашо, шакъ что въ нныхъ мѣстахъ надобно угадывашъ мысль Авшора. Если

книжка сія предназначена для простаго народа, шо для чего-бы не говоришь яснѣе?

— *Новый и вѣрнѣйшій способъ леченія ломоты и ревматизма*, обнародованный славнымъ Французскимъ Медикомъ Каде де Во. Переведенный съ Нѣмецкаго для всякаго званія людей Маркомъ Магашнеромъ, Кіевскимъ Городовымъ Шшабъ-Лекаремъ, и проч. *Второе изданіе*, исправленное и умноженное выпискою изъ Лекарскаго журнала полковаго лазареша Тверскаго драгунскаго полка. СПБ. въ ш. Гвице. 1830. VIII и 104 стр. in-8°.

— *О распознаваніи и леченіи бѣлой горячки, происходящей отъ пльмства*. Сочиненіе Доктора Георга Баригаузена, съ Нѣмецкаго на Россійскій языкъ переведенное Шшабъ-Лекаремъ Александромъ Никишинымъ. СПБ. въ ш. Восп. Дома. 1830. 83 стр. in-8°.

Извѣщаемъ Гг. Медиковъ о выходѣ въ свѣтъ сихъ двухъ книгъ.

Замѣтимъ, что подлинникъ книги *о бѣлой горячкѣ* удостоился похвальнаго отзыва въ Гуфеландовой Библіотекѣ (Майская книжка 1829 года), и что увѣрившись въ безпристрастіи сего отзыва, Г. Никишинъ рѣшился перевести книгу Баригаузена на Русскій языкъ.

Въ доказательство полезности новаго способа леченія ломоты и ревматизма, Г. Переводчикъ приложилъ выписки изъ Лекарскаго журнала одного полка. Изъ нихъ видно — какъ говоритъ Г. Переводчикъ — что *горячая вода*, употребленная по методѣ Гна Каде де Во, есть самое полезное и превосходное, а для небогатыхъ людей и самое безцѣнное средство противъ ломоты и ревматизма.

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ.

Новый Мугаммеданскій же-пророкъ, явившійся въ Африкѣ.

Великія событія въ Европѣ ошвлекають вниманіе наблюдашелей ошъ событій въ другихъ странахъ. Въ Америкѣ, Азіи, Африкѣ въ наше время совершаются перевороты, о которыхъ мы узнаемъ иногда черезъ нѣсколько лѣтъ, видя уже ихъ послѣдствія. Но причины, ихъ произведшія, но самый ходъ переворотовъ, большею частію намъ невѣдомы. Тѣмъ болѣе невѣдніе наше относительно Азіи и Африки. При затруднительности сообщеній, удаленіи Азіатскихъ и Африканскихъ многочисленныхъ народовъ ошъ всякихъ сношеній съ Европейцами, мы даже смѣливаемъ въ нашихъ понятіяхъ самыя названія шамонскихъ царствъ и шамонскихъ народовъ. Тѣмъ любопытнѣе всякое извѣстіе, полученное изъ сихъ невѣдомыхъ странъ. Посему мы думаемъ, что въ Лѣтописяхъ Современной Исторіи, читашели наши съ любопытствомъ увидяшъ описаніе религіозной и политической революціи, совершающейся въ настоящее время въ Африкѣ. Мы извлекаемъ подробности изъ Ошчета, читаннаго Гвѣ Давезакъ-де-Макайя, въ зашданіи Азіатскаго Общества въ Парижѣ, въ Сентябрѣ прошедшаго 1829 года.

И незнающимъ подробно Исторіи, Географіи и языковъ Восточныхъ извѣстно, какое уваженіе оказываютъ Музульмане къ шакъ называемымъ *Магди* (Mahdy): Сіе прозваніе принимали многіе знаменитые люди и государи Восточные, иногда съ прибавленіемъ къ шому шишула: *б'эллазъ* (богодуховенный), иногда просто. Такъ Халифъ Мугаммедъ, царшвовавшій въ Багдадѣ съ 775 года по Р. Х., назывался *Магди*. Но собственно Магди значить, въ понятіи Музульманъ, человека посланнаго Богомъ для обновленія вѣры и народовъ.

Послѣ смерти Мугаммеда, между его послѣдователями были великіе споры о выборѣ наслѣдника сему же-пророку. Отъ сего явилось множество расколовъ. Главнѣйшія раздѣленія Музульманъ, изъ этого происшедшія, суть: послѣдователи Алія, которые думаютъ, что зять Мугаммеда, Али, наслѣдовалъ тѣлесное и духовное родство послѣ Мугаммеда, что онъ передалъ его своимъ потомкамъ, и что съ послѣднимъ потомкомъ Алія, Абуль-Каземомъ Мугаммедомъ, умершимъ въ дѣтскихъ лѣтахъ, въ 264 или 267 году Эгире (877 или 880 году отъ Р. Х.), прекратился рядъ великихъ *Имамовъ*, верховныхъ законныхъ первосвященниковъ. Другіе послѣдователи Алія говорятъ, что Абуль-Каземъ собственно не умеръ, но скрылся; что онъ являлся тайно, будучи уже старцемъ; съ тѣхъ поръ удался въ пещеры *Серра-манъ-раа*, на берегахъ Тигра, и придетъ снова въ міръ, торжественно. Вообще къ послѣдователямъ Алія принадлежатъ Персіане. Но другіе Музульманскіе народы, уважая Алія, называютъ однакожъ послѣдователей его *Сшиан-*

тами (Schuyte), ш. е. раскольниками, а самих себя Соннитами, ш. е. *отрядами преданію*. Сонниты вообще дѣлятся на четыре секты, кои суть: *Ханифиты*, послѣдователи *Халифа* (Abou-Nhanufah al-Na'amân ben-Tsâbet, уроженецъ Куфы, ум. въ 767 г. отъ Р. Х.): этой сектѣ слѣдуютъ Турки или Ошшоманы; *Малекиты*, послѣдователи *Малека* (Abou-Abd-Allah Mâlek ben-Anas, уроженецъ Медины, ум. въ 795 г. отъ Р. Х.): этой сектѣ наиболѣе слѣдуютъ западные Африканцы; *Шафайты*, послѣдователи *Шафая* (Abou-Abd-Allah Mohammed ben-Edrys al-Schâfay, уроженецъ Газы, ум. въ 819 году отъ Р. Х.): ему слѣдуютъ Египтяне; *Ханбалиты*, послѣдователи *Ханбада* (Ahmed ben-Nhanbal al-Scheybânû, уроженецъ Багдада, ум. въ 855 году): сему ученію слѣдуютъ вообще Аравіяне. — Сонниты полагаютъ, что послѣдній попомокъ Мугамеда донынѣ живъ, но только скрывается, и что онъ долженъ вновь явиться. Но по мнѣнію однихъ, онъ явился самъ, шось-же самый, которъ скрлся въ половинѣ III-го столѣтія Эгиръ; по мнѣнію другихъ преобразенный, чиствѣйшій. Но всѣ Сонниты согласны, что сей *Великій Магди* можетъ являться нѣсколько разъ, какъ Государь и Пророкъ, исправлять злоупотребленія, и снова скрываться.

Удивительно-ли, что симъ заблужденіемъ успѣвали уже нѣсколько разъ пользоваться Музульманскіе изуверы; что они являлись подъ шаиншвеннымъ именемъ Магди, и увлекали за собою многочисленныхъ послѣдователей изъ Соннитскихъ сектъ.

Прибавимъ къ сему, что у Музульманъ существуетъ еще особенное пророчество, касающееся

Западной Африки. Мугаммедъ сказалъ, что когда-то взойдетъ солнце на Западъ. Это изъясняютъ тѣмъ, что реформа вѣры и обновленіе славы Музульманской начнется съ Западной Африки, называемой Аравишянами *Ал-Магрэбъ* (Западъ). Сямъ пользовались уже многіе фанатики, или обманщики.

Первый изъ такихъ былъ *Обандъ-Алла*, Магди, явившійся въ шрешемъ столѣтіи Эгиры. Послѣдователи его, отъ предѣловъ *Сагры*, или великой Африканской степи, простерли ученіе и оружіе на Фэсъ, Кайруанъ и далѣе, въ Египетъ, гдѣ построили они *Каиръ* (въ половинѣ X-го вѣка), и вообще основали при династіи сильныхъ Государей: *Фашимитовъ*, *Аліидовъ* и *Измаилитовъ*, ибо они говорили, что *Обандъ-Алла* происходилъ по плоти отъ *Измаила*, сына *Фашимы* и *Алія*. Это была собственно *Сніацшская* секта.

Другой изувѣръ, называвшій себя не Магди, но просто: *Марабетъ* (*Марабу*, какъ произносятъ Европейцы: это значить *пустынникъ*), *Абдалла Бенъ-Іазикъ*, явился между Берберами, въ западной части *Сагры*; и основалъ династію *Ламшунидовъ*, обладавшихъ въ послѣдствіи отъ Египта до Атлантическаго Океана, и отъ Эбро въ Испаніи до южныхъ Негровъ въ Африкѣ. Государей сей секты Испанцы называли *Альморавидами* (испорченно, отъ слова: *Марабетъ*).

Могущество *Марабетовъ* изложилъ шрешій Магди, *Абу-Мугаммедъ Абдалла Бенъ Токру*. Отъ подошвы *Ашласа*, его послѣдователи всюду шли съ оружіемъ, и были основателями династіи

Муамедность, или *соединенныхъ*. Испанцы называли ихъ *Альмоадама*.

Не распространяясь о другихъ подобныхъ, религиозныхъ и политическихъ, движеніяхъ между Музульманами, видимъ, что значить Магди, и какое сильное вліяніе можеть онъ имѣть на послѣдовавшей Мугаммеда.

Такого рода Магди явился въ наше время въ Западной Африкѣ. Предложимъ сперва географическое извѣстіе о мѣстѣ его появленія.

На Югъ отъ Мавританскихъ народовъ великой степи, или Сагры, шянется, между народами Негрипаянскими, рядъ владѣній Мугаммеданскихъ, коихъ обитатели мѣднаго цвѣта и Азіятской фizioноміи. Простираясь вообще отъ береговъ Атлантическаго Океана и рѣки Уадъ-Негеръ (Севгала), сіи владѣнія идушь полосою внутрь земли, до самаго Бурну. Есть преданіе между ими, что праотцы ихъ пришли съ Востока. Вообще сихъ Музульманъ называютъ *Феланами* и *Феллатами*. Но они раздѣлены на нѣсколько различныхъ государствъ, между коими находится земля Негровъ, изъ сильнаго поколѣнія *Банбарровъ*, или *Мандинговъ*; шѣмъ не менѣе, *Феланы*, живущіе на Гіалыбѣ или Нигерѣ, народъ *Гени* (завоевавшій въ 1826 году славный Тень-Букпу или Томбукпу), жители *Кассу* и *Фуладу*, сосѣди Сегускихъ Банбарровъ, и жители *Бонду* и *Футага*, отдѣленные отъ Кассу и Фуладу Банбукскими Банбаррами, сушь однородныя поколѣнія *Фелановъ*.

Изъ числа Феланскихъ государствъ, составляющихъ западную часть оныхъ, главнѣйшія суть: *Бонду* и *Фуагъ*. Сіе послѣднее государство состоитъ изъ трехъ областей: собственно *Фуага*, находящагося въ срединѣ, *Дамгага*, лежащаго на востокъ, и *Торо*, лежащаго на западъ. Область *Торо*, преимущественно населенная Неграми, болѣе можешь назваться областью, плащащею дань, нежели составляющею часть *Фуага*. Сѣверные сосѣди *Фуага* суть *Мавры Терарзагскіе* и *Беракнагскіе*, происшедшіе отъ народовъ *Сангаганскихъ*, среди коихъ нѣкогда являлся *Марабу*, о кошоромъ мы выше говорили.

Въ *Фуагѣ*—собственно, на лѣвомъ берегу *Сенегала*, въ городѣ *Палди*, живеть владѣтель *Фуага*. Прежде назывался онъ просто *полководецъ* (*Салтикъ*: *Сиратикъ*, какъ произносили это слово Европейцы), но уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ владѣтели *Фуага* называются *Эмиръ ал-Муменикъ*, ш. е. *глава правоверныхъ*; Негры, испортивъ это названіе, говорятъ: *Алмами*. Со времени принятія сего титула, *Мугаммеданская* религія сдѣлалась господствующею и общею въ *Фуагѣ*. Государь избирается совѣтомъ *имамовъ* и *военачальниковъ*. Безпрерывныя волненія съ давняго времени раздрають *Фуагъ*, особливо послѣ *Абдолькадера*, убитаго въ 1807 году; и царствовавшаго около сорока лѣтъ. Въ 1818 году избранъ былъ *Могаммадо*, свержень въ томъ-же году, и убитъ. Мѣсто его заступилъ *Юзефъ-Бень-Сирн*. *Эмиръ Ибрагимъ* свергъ *Юзефа*, но онъ умѣлъ возобладать снова престо-

домъ, и, не смотря на буншы и заговоры, удержашься донныѣ.

Среди шакихъ-шо волненій, въ области Торо, явился изувѣрь, нынѣшній Магди. Имя его: *Мугаммедь-бекъ-Амарь*, *бекъ-Агмедь*. Онъ происходитъ отъ чистаго Феланскаго рода, и родился въ 1803 году. Мѣсто рожденія его былъ городъ *Суймагъ* близъ *Подора*, гдѣ находилась нѣкогда крѣпость Французской Сенегальской Кмпаніи.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ, Мугаммедь, оказывалъ необыкновенныя способности, и былъ отличнѣйшимъ ученикомъ, или *Талебомъ*, Музульманскаго училища, управляемаго Ал-Гассаномъ, *Кефомъ*, или *Керно*, ш. с. *накальникомъ* города Маго; также другаго высшаго училища, Гамагскаго, состоящаго подъ начальствомъ Абу-Бакера, имама Димарской округи, сильнѣйшей въ области Торо. Въ 1819 году, Мугаммедь оставилъ сіи училища, и странствовалъ по вѣсьмъ главнѣйшимъ училищамъ Марабускимъ, разсѣяннымъ между Мавришанскими народами, обошелъ множество странъ, и, какъ многіе полагають, посѣщалъ Мекку и Медину.

Въ Апрель 1828 года, Мугаммедь возвратился въ отчизну, во время святой луны Рамадана, въ шеніе коей и лже-пророкъ Мугаммедь объявилъ свое ученіе. Надобно еще прибавить, что въ 1828 году Мугаммедане считали таинственный 1243-й годъ своей Эгиры. Глаза Мугаммеда сверкали, губы дрожали, онъ былъ шочно сумасшедшій, во молчалъ. Сошечественники окружили его съ

благоговѣніемъ, и положили устроить ему маленькую хижинку внѣ города. Когда сказали ему объ этомъ, онъ пошелъ гордо, молча, сложивъ руки, вошелъ въ новое свое жилище, ударилъ челомъ о порогъ хижины, и — *дванадцать дней* не пилъ, не ѣлъ, шепталъ молитвы, и не выходилъ никуда.

Въ штринадцатый день, когда свершалась вечерняя молитва (*ssalâto-'l-a'ssri*), Мугаммедъ явился среди народа. Онъ изумилъ своимъ благороднымъ, величественнымъ ростомъ, прекрасными чертами лица, заговорилъ, и его слова, какъ пересказывающъ самовидцы, были произносимы *гремящимъ голосомъ, съ испобѣдимымъ красноречіемъ*. Онъ требовалъ реформы, упрекалъ въ грѣхахъ, невѣріи, и все пало предъ нимъ, всѣ закричали, что онъ новый Магди, ожидаемый, желанный. Отвсюду принесли къ нему богатства, сбѣжался народъ. Прежній учитель его Абу-Бакеръ, и низверженный Эмиръ Ибрагимъ, подчинили себя его велѣніямъ. Мугаммедъ двинулъ ихъ на Юзефа, и обѣщала побѣду. Онъ говорилъ, что Ибрагимъ назначенъ чрезъ него содѣлаться великимъ государемъ, а что самъ онъ Магди, посланный Богомъ.

Но сдѣствія не соошвѣшествовали его обѣщаніямъ. Юзефъ, не дожидаясь прихода Магди и его послѣдователей, выступилъ на встрѣчу имъ, и разбилъ ихъ. Ибрагимъ бѣжалъ; Мугаммедъ скрылся, неизвѣстно куда. Два мѣсяца объ немъ ничего не знали. Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, явился онъ среди своихъ послѣдователей, одѣтый въ торжественное бѣлое платье. На одной рукѣ у него ле-

жаю грудное дымя, сынъ его; въ другой рукѣ былъ кинжалъ. Печальный, грустный, Мугаммедъ обозрѣлъ народъ, вокругъ толпившійся, началъ говорить, напомнилъ о разбитіи своемъ. «Если Богъ,» воскликнулъ онъ, «не хотѣлъ дароватьъ победы войнамъ, предводимымъ чрезъ его избранника, по сему причину грѣха и преступленія, лежащія на его послѣдователяхъ. Одними молитвами не очистимся мы отъ нихъ: Богъ требуетъ великой испушительной жертвы! Сія жертва необходима; но избранникъ Божій никого къ ней не принуждаетъ. Онъ самъ, своею кровью, хочешь смыть грѣха и преступленія съ избранныхъ его . . .» При сихъ словахъ, Мугаммедъ возилъ въ несчастнаго сына своего кинжалъ, и кинулъ шрупъ дышати въ народъ, вскричавъ: «*Возьмите! вотъ кровь моя, кровь сына моего!*» Онъ закрылъ лицо одеждою, повергся на землю, и до самой ночи, не перемѣняя положенія, читалъ испушительныя молитвы. Ужасное событіе сіе было въ 25-й день Іюня, 1828 года, когда въ 10-й день мѣсяца Дзулхагагъ, Музульмане отправляютъ *праздникъ жертвъ* (по Турецки, *bûyük bayram*).

Страшная жертва, принесенная Мугаммедомъ, не только собрала къ нему прежнихъ послѣдователей, и оживила ихъ надеждою, но привлекла еще множество новыхъ фанатиковъ. Весь Фушагъ взволновался. Юзефъ не смѣлъ уже идти съ войскомъ, и призывалъ Мугаммеда предъ судилище Имановъ. Послѣдователи Мугаммеда разграбили Подоръ, и магазины, принадлежавшіе Беракнагскимъ Маграмъ. Начались междоусобія; къ Мугаммеду подославы

были убійцы , обѣщаны награды за его голову. Ославивъ своихъ союзничей , Мугаммедъ пошелъ волновать другіе народы. Напрасно Юзефъ и Государь Беракнангскій грозили войною каждой странѣ , гдѣ окажутся госпепрїимство Мугаммеду. Вездѣ , гдѣ онъ проходилъ , его встрѣчали съ шоржесшвомъ и возставали.

По послѣднимъ извѣстіямъ , реформа Мугаммеда уже распространилась повсюду около Сенегала. Эмиръ Уалоскій , хотѣвшій ославновить Мугаммеда , былъ низверженъ съ престола ; писали послѣ того , что Мугаммедъ уже вступилъ снова въ Фусагъ , и что Юзефъ не въ состояніи ему прошивиться. . . .

Кто знаетъ , какія слѣдствія могутъ произойти отъ бѣшеннаго фанатизма Мугаммедова ! Можешь бышь , онъ произведетъ революцію , которая измѣнитъ положеніе всѣхъ Африканскихъ Музульманъ. Завоеваніе Алжира Французами и побѣды Рускихъ надъ Турками произвели сильное впечатлѣніе на всѣхъ Музульманъ : они думаютъ , что настало послѣднее время прежняго Мугаммеданства. Прѣисшествія бывають связаны одно съ другимъ шайными , удивительными узлами судьбы. Будемъ ожидать слѣдствій съ надеждою , что все въ мірѣ къ лучшему.

МОСКОВСКІЙ НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ.

Двое Климберговъ, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. Коцебу. — *Гостинница городъ Морей*, соч. Омана, съ музыкою Ленарда. Представленіе 2 Сентября.

Самыя маленькія событія напоминають намъ, и очень часто, о великихъ переворотахъ, случившихся на памяти нашей. За оснадцать лѣтъ, ровно за оснадцать, 2 Сентября 1812 года, Наполеонъ вступилъ въ Москву, представилъ изумленному міру спектакль, котораго зрителями были не только всѣ просвѣщенные, но даже и варварскіе народы. Съ тѣхъ поръ, какой рядъ вѣковыхъ событій! Какъ измѣнилось все, все! Однакожь, Московскій жишель не можешь не вспомнить великаго дня 2-го Сентября, Тѣмъ разительнѣе это воспоминаніе при мирныхъ забавахъ общественной жизни, и на тѣхъ мѣстахъ, которыя такъ недавно были театромъ великихъ событій.

Шедши въ Нѣмецкій спектакль 2-го Сентября, я думалъ объ всемъ этомъ, вспоминалъ о Наполеонѣ, о Московскомъ пожарѣ, о добрыхъ Нѣмцахъ, всегдашнихъ друзьяхъ нашихъ, но въ 1812 году стремившихся съ великимъ завоевателемъ въ сердце Россіи, губить нашу независимость. Какъ все перемѣнилось! Теперь эти Нѣмцы угощаютъ насъ своимъ искусствомъ, картинами своей мирной, патриар-

хальной жизни, и право жаль, что удача ихъ въ этомъ не лучше удачи Наполеонова завоеванія Россіи. Мы однакожь не виноваты въ ихъ неуспѣхѣ. Такъ-же какъ въ 1812 году мы защищали свою независимость политическую, такъ и теперь, хоть съ меньшими издержками, защищаемъ свою независимость вкуса. Было время для Наполеона, было время и для Коцебу; но теперь ни Большая армія, ни репершуаръ Коцебу уже не овладѣють нами, по самой естественной причинѣ, а именно потому, что они скончались, умерли. Мы въ этомъ не виноваты! Коцебу дѣйствительно былъ Наполеономъ Нѣмецкаго репершуара, а обстоятельство сдѣлало то, что онъ чуть было не спалъ Наполеономъ и всѣхъ Европейскихъ репершуаровъ. Любопытно взглянуть на причины возвышенія и упадка этого карлыгганша.

Безспорно, Коцебу имѣлъ необыкновенныя способности, изъ которыхъ остроуміе было главною. Но не одаренный ни глубокимъ мысленіемъ, ни поэтическимъ вдохновеніемъ, онъ жадалъ единственно успѣха. Трудно-ли человѣку съ острымъ умомъ, съ наблюдательностью, рисовать съ природы картины смѣшныя, и часто шрогашельныя, но непремѣнно должешвуюющія имѣть успѣхъ, ибо онѣ истины, или по крайней мѣрѣ блещуть истиною. Такъ и дѣлалъ Коцебу. Съ юныхъ лѣтъ своихъ не щадя никого, задѣвая своими эпиграммами и памфлетами всѣхъ, онъ вывелъ на чистую воду смѣшныя стороны своихъ земляковъ, закрывая разительныя каррикатуры чѣмъ-то похожимъ на чувство. **Добрыя Нѣмцы** — то есть не великіе Нѣмцы, краса

человѣчества, а Нѣмецкіе мѣщане, Бароны и Графы по названію — были въ восторгѣ. Они удивились, сколько жизни въ домашнемъ быту ихъ, и, не замѣчая что слыли насмѣшки прямо попадали въ нихъ, ничего не требовали макоцець ошь Театра, кромѣ пьесъ Коцебу. При шогдашнемъ безплодіи на дарованія, при засноѣ Литпературы во Франціи, которая, подобно океану послѣ бури, долго не могла успокоившья, Коцебу имѣлъ средство видришья во всѣ репершуары. Литперашура домашняго обшгода давно есть удѣлъ Французовъ, но за ошсушсливіемъ яхъ, онъ попустилъ на порожнюю ваканцію. Вошь причины успѣховъ Коцебу! Многія пьесы его были переведены на Итальянскій языкъ; на Англійскій, между прочимъ, перевелъ, или лучше сказать перенесъ на Англійскій Театръ, Шериданъ его *Смерть Роллы*, подъ названіемъ *Пизарра*; на Французскомъ А. Дюваль заимствоваль у него оперу *Беньовскій*; Вейсъ, Жюфре и Пашра перевели его *Примиреніе двухъ братьевъ*, а Графиня Валливионъ *Непосиость къ людямъ и раскаяніе*. Кромѣ шого, при пьесы его переведены въ большомъ Собраніи иностранныхъ Театровъ. На Рускомъ есть отличный переводъ множества его пьесъ, въ 20-ши томахъ, и сверхъ шого многія пьесы переведены отдѣльно. У насъ вообще Коцебу имѣлъ успѣхъ необыкновенный. Ему онъ одолжень, во-первыхъ прекраснымъ переводомъ, о которомъ упомянули мы, а во вторыхъ штъмъ, что эпошь переводъ пришелся во время. Но, съ недавняго времени, у насъ — давнихъ послушниковъ Европейскихъ направлений — возродилась независи-

ность во вкусъ, и Коцебу рухнулъ въ забвеніе со всею громадою своихъ сочиненій. Да! я самъ помню, съ какимъ наслажденіемъ читывалъ я Театръ Коцебу! Мнѣ, десятилѣтнему ребенку, казался Коцебу величайшимъ знашникомъ свѣша и величайшимъ философомъ. Но не вѣтъ бытъ челоуку ребенку, не всегда и обществу оставался въ дѣшствѣ. Когда оно познакомилось съ шеоріями, оудешественными Шекспиромъ и Гёше, когда оно испыдало на самомъ себѣ великія чувствованія, сладствіе великихъ событій, тогда Коцебу ошкрывся во всей нагошѣ своей бездарности, и мишура чувства облетѣла съ него, какъ съ сшаромоднаго платья шѣхъ времянь, когда лицо украшали мушки, а платье золотыя блестяки. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не можетъ бытъ пошлѣе его возгласовъ о добрѣ и злѣ, его наслышныхъ фразъ о величій и мѣлкости людей! И все это ограничивается только словами, ибо во всѣхъ пьесахъ Коцебу не омышеше вы ни одного великаго характера, ни одного рѣзко изображеннаго историческаго или современнаго событія. Коцебу — ошрякъ и умникъ Нѣмецкаго маленькаго городка. Онъ кое-что читалъ, кое-что чувствовалъ, но все это — и образованность его и чувствва — все размѣрено по масштабѣ Нѣмецкихъ городковъ. Гусшавъ Ваза и Докторъ Бушъ, Гуго Гроцій и Синдикъ Моорландъ равно записаны имъ въ цехъ Нѣмецкихъ мѣщанъ. Но удивительно-ли, что Коцебу, при бѣдныхъ средствахъ оштроумія и наблюдательности, овладѣлъ Нѣмецкимъ и ошчасшн другими Театрами, когда у насъ многіе восхищаются Княземъ Шаховскимъ, подѣ

шакъ горячо свой фомъ, и множество острить словъ, въ разныхъ мѣстахъ пьесы, невольно срываютъ улыбку. Но, при всемъ этомъ, вы чаще смѣетесь не надъ дѣйствующими лицами, а надъ Авторомъ. Въ самомъ дѣлѣ: какой комизмъ вся сцена дуэля! Какъ глупа шутка Графини, когда она призываетъ къ себѣ Штейна! Какъ неумѣстны великодушныя рѣчи Барона, сестры его, жены, и Адольфа, неумѣстны потому, что онѣ не естественны, и обличаютъ мѣлкій умъ и пустошу воображенія Автора. Онѣ не понимаютъ, что его жеманное великодушіе слишкомъ неискусно, и что оно вслѣдствіе открываетъ — самого Коцебу. Каковъ былъ онъ въ жизни, таковъ и въ сочиненіяхъ своихъ.

Объ игрѣ Г-жъ актрисъ и Гг. актеровъ не лзя не отозваться съ похвалою. Дѣвица Герстель была прелестна въ роли Генріэшшы; Г-жа Вейландъ представляла смѣяться вѣрному изображенію неспособной болтушки-говоруньи. Г. Оманъ съ большаю искусствомъ игралъ роль Графа; въ первомъ дѣйствіи, правда, не очень естественно, но за то въ слѣдующихъ прекрасно. Адольфъ, признается, былъ очень дурень, и походилъ не на свѣтскаго вѣтреника, а на какого-то отчаяннаго купеческаго прикащика. Прочія роли такъ не значительны, что въ нихъ и не лзя было показашъ дарованія. Замѣшимъ однакожь, что Балтазаръ, парикмахеръ роскошнаго барина, былъ шакъ запачканъ, шакъ неопрятенъ, что не лзя было не дивиться, какъ Графъ не замѣчаетъ эшого и не гонитъ его умышля и одѣшся почище.

: Der Gasthof zur Stadt Moreo, веселая шутка, кошо-
рую очень мило разыграли Г-жа Массовъ и Г-нъ
Ризе, ибо въ ней, кромѣ слугъ, только два дѣй-
ствующія лица. Превращеніе Виктора изъ Англи-
чанина во Французскаго кавалера было исполнено
Г-мъ Ризе прекрасно.

N.

ВѢСТИ ИЗЪ МОСКВЫ.

(Отрывки изъ письма къ Д. И. Е.).

. . . Мнѣ хотѣлось-бы видѣть, кромѣ спашиспи-
ческихъ и географическихъ описаній разныхъ Рус-
скихъ областей, описанія, копорыя, не пріискавъ
шеперь другаго названія, назову *физиогномическо-*
психологическими. Да, именно, желалъ-бы я видѣть
портреты разныхъ мѣстъ Руси, физиогномію ихъ
наружную, и очерки характера природы ихъ и оби-
шателей. Рядъ такихъ портретовъ, обведенный
спашиспической рамою, и пославленный за стекло
Исторіи, былъ-бы полюбопытнѣе иной Statistisches
Gemälde, Ручной книжки (Handbuch) страницъ въ
1000, унизанныхъ цифрами, гдѣ нравы, образова-
ніе, природа мѣстъ и жителей, и характеры ихъ
упущены. Послѣ того можно-бы заняться Сравни-
тельской Анапомією одного мѣста съ другимъ, и
изъ сухихъ цифръ и изъ живыхъ портретовъ сдѣ-
лать что нибудь полное. Я не прочь ошъ цифръ;
но только *однимъ* цифрамъ не вѣрю. Въ шо-же вре-

мя скажу, что если-бы характеристика и физиогномія мѣстъ были извѣстны, то цифирныя таблицы могли-бы быть драгоценны. Напримѣръ: возьмемъ таблицы продажи вина, продажи каршъ, таблицы преступленій, богашеня мѣстнаго, учащихся, и вѣрь, что при соображеніи характера и физиогноміи мѣстъ, ты найдешь вѣрную аналогію одного предмета къ другому: *тѣмъ больше, тѣмъ больше*, и узнаешь причину, почему шакъ, а не иначе.

Поводовъ къ размышленію въ шакнхъ случаяхъ исчислишь невозможно: шакъ много ихъ. Недавно взглянулъ я на сравнительную табличку Петербурга и Москвы. Какъ это любопытно и важно! Сообщи себѣ нѣсколько, мимоходомъ сдѣланныхъ, выводовъ.

Въ Петербургѣ мужчинъ 300 тысячъ, въ Москвѣ 150; но женщинъ въ Москвѣ 86,000, слѣдственно, болѣе нежели на *половину*; въ Петербургѣ 125,000, немного болѣе *трети*. Выводъ о шалостяхъ ты угадаешь самъ; но шуму объ нихъ бываетъ въ Петербургѣ меньше: тамъ *Классицизмъ*, въ Москвѣ *Романтизмъ*; Москва городъ *семейныхъ*, Петербургъ городъ *неженатыхъ*.

Помни-же, что Петербургъ *едвое* многолюднѣе Москвы. Тамъ купцовъ болѣе 6,000; въ Москвѣ должно-бы быль 3,000, а ихъ 5,000. Разобравъ, найдешь, что Московскіе болѣе *домосѣды*, Рускіе, фабриканты, заводчики; Петербургскіе болѣе *иностранцы*, комисіонеры, люди *разъѣзжіе*, ремесленники и *господворцы*.

Перейдемъ къ жилищамъ. Въ Петербургѣ 2,400 каменныхъ домовъ, въ Москвѣ 3,000. Въ Москвѣ больше; но Петербургскіе дома великаны, набишы народомъ, хозяева живутъ въ антресоляхъ, сѣбны унизаны вывѣсками разнообразными, а въ Москвѣ мало большихъ домовъ, и шѣ нуспы: это дома Осшермановъ, Салшыковыхъ, Мамоновыхъ, Шереметевыхъ, Куракиныхъ, купленные когда-то для пріѣзда или жишья бояръ, доживавшихъ въ Москвѣ преклонные годы. Небольшихъ каменныхъ домовъ множествво, но хозяева ихъ живутъ въ бель-этажахъ, а вывѣски въ Москвѣ встрѣчаешь только двухъ родовъ: *Растеряція* и *Авошнал лафка*; другія мелькають еще кое-гдѣ на Тверской, Никитской, вообще на Кремлевской сшоронѣ, а Замоскворѣчье, Заяузье — дома купцовъ, гдѣ каждая вороша на замкъ, совершенная пишина, и въ девять часовъ вечера по улицамъ хоть шаромъ покаши.

Но, развѣ *Растеряцій* въ Москвѣ больше Петербургскаго? Да, разгулье это пало на Москву. Въ Петербургѣ ихъ 180; въ Москвѣ должно-бъ бышь 90, а ихъ — *слишкомъ триста*; шакъ-же какъ пшнейныхъ домовъ должно-бъ бышь 50 (ибо въ Петербургѣ 100), а ихъ въ Москвѣ *болѣе ста тридцати*. Замѣшимъ еще, что Петербургскія рестораціи сущъ госпшницы, а Московскія харчевни. Въ Петербургѣ въ нихъ живутъ, какъ въ домахъ; въ Москвѣ въ нихъ только гуляютъ: Петербургскія необходимость, Московскія прихощь. — Сообрази число церквей: въ Петербургѣ 112; въ Москвѣ должно бышь 56, а ихъ счишается, за исключеніемъ множества уничтоженныхъ послѣ 1812 года, *святѣ*

Августъ 1830.

ро болѣе — 254. Замѣть еще, что богоугодныхъ заведеній въ Петербургѣ 29; въ Москвѣ же, не 14-ть, а *шестеро* болѣе: *восемьдесятъ пять!* Тушь выводъ ясный: Москва набиша нищими, ибо набожность и милосердіе безъ разбора питають въ Москвѣ и истинно-бѣднаго, нищаго, и празднаго шунелца, шашуна. Опъ сего болѣе посьшпшпелей въ шрашпшахъ и шпшейныхъ домахъ, и празднолюбець кѣшпшь болѣе, нежели въ Петербургѣ, надежды на убъжпще своей дряхлости.

Не подумай, что-бы я восспавалъ прошивъ благошворпшельныхъ общеспшь, компшешовъ, заведенія больницы и домовъ прпзрѣнія бѣдныхъ. Нѣшь! Боже меня сохрани; но, прпзнаюсь, что *ревности не по разуму* я не могу одобритъ. Истребленіе нищеспшы и бѣдности, прпзрѣніе безпомощныхъ и спракдушпхъ — сія важныя вопросы нынѣ уже рѣшены въ Европѣ. Въ нашихъ нравахъ сохранилась еще спшарпнная мысль о семъ прѣдмешъ: *даютъ милостыню*, и — шолько! Но давань милостыни безъ шолку не должно, ибо она прпчпняешь болѣе зла, нежели добра въ семъ случаѣ. Когда нпбудь я перѣдамъ шѣбъ нынѣшнія поняшія Европы о благошворпшельности, и думаю, что прошивъ нпхъ спорпшь не лъзя, а надобно шолько пожелашь, что-бы они скорѣ сдѣлаались Русскими поняшіями.

Продолжпмъ о Москвѣ. Если къ вышеозначенному вычешу о каменныхъ домахъ, прпбавпмъ вычешъ о домахъ деревянныхъ, садахъ и лавкахъ, шо мы прпбавпмъ еще нѣсколькo чершъ къ разлпчію харакшерпшкп Москвы и Петербурга. Въ Петербургѣ дѣ-

ревянныхъ домовъ до 5-ми тысячъ , садовъ 1,000 , лавокъ 1,500. Въ Москвѣ должно-бъ бытъ , считая на половину, деревянныхъ домовъ 2,500 , садовъ 500, лавокъ 750. Но здѣсь считаешься — домовъ едва не *строе* (больше 7,000) , садовъ едва не *строе* (около 1,500) , лавокъ почти въ *тринадцать* разъ болѣе (около 9,200).

Теперь вспомни : биржу въ Петербургѣ , и 1,000 кораблей , ежегодно приходящихъ , относительное количество казенныхъ и частныхъ зданій Петербурга и Москвы , исторію , физіогномію , природу обоихъ городовъ. Чѣмъ слѣдуешь ? Москва составила въками , шихо , безъ порядка ; Петербургъ вдругъ , быспро , систематически. Москва веша , спара , пестра , разнообразна , распянуша , Азія ; Петербургъ свѣжъ , новъ , одноцвѣтенъ , однообразенъ , сжатъ , Европа. Хочешь-ли узнать , что такое внѣшняя Россія — взглядишь въ Петербургъ ; хочешь-ли узнать , что такое внутренняя Россія — наблюдай Москву. Ты бывалъ на Иванъ Великомъ и на Адмиралшейской башнѣ ; согласишься , что панорамы съ сѣхъ двухъ мѣсць — живые поршрешы монхъ выводовъ . . . .

Но я желалъ-бы , что-бы наблюдатель Москвы разглядывалъ ее во всей подробности , ибо въ ней сшодько разнороднаго , разнообразнаго , что наблюдатель , привыкшій къ Петербургу , не скоро приглядшся къ Москвѣ. Тамъ общія , широкія чершы ; здѣсь шонкія и мѣлкія. Возьми шонъ общества : въ Петербургѣ , начиная съ высшаго , сжимай по немногу формы , и ты увидишь постепенность мно-

жества кружковъ, одинъ въ другомъ заключающихся; общество повыщика и вельможи однообразны, основаніе въ нихъ одно, формы однѣ, только и разницы, что гости вельможи— съ звѣздами, а гости повыщика съ знаками оплачія безпорочной службы, и съ крестниками въ пеплкахъ; что у перваго роль, у послѣдняго клавикуды; у перваго гости съхались въ каресахъ, у послѣдняго сошлись пѣшкомъ. Таково-же другое ошдѣленіе: общество иностранцевъ, гдѣ высшая степень негоціанты, а низшая Нѣмцы, сидящіе у *васисдасовъ*, и шрешье—Русскихъ купцовъ, гдѣ высшая степень подрядчики, а епшшая мѣлочные торговцы. Въ Москвѣ совсѣмъ другое: разнообразіе, смѣшеніе обществъ, неспроша, оригинальность. Въ одномъ и томъ-же званіи—Европейская, опряшная свѣтскосшь и Азіятское, вельное великолѣпіе; мебель Парижа и борода Русская, вкусъ и безвкусіе, и проч. и проч.—Въ Москвѣ найдешь нѣсколько городовъ: хочешь-ли прогуляться въ *Татарскую* слободу? Угодно-ли тебѣ видѣть какой-нибудь Бирмингамъ или Манчестеръ? Желаеть-ли взглянуть на Русскій уѣздный городъ, даже на Русскую деревню; видѣть вдругъ зданія XV, XVI, XVII, XVIII, XIX вѣка; Русское народное гулянье и гулянье Парижское? Все я покажу тебѣ не выѣзжая изъ Москвы. . . .

Я заговорился о характеристикахъ Москвы, и едва ли успѣю тебѣ поговорить о многомъ другомъ... а любопытнаго набралось у меня довольно: надобно-бы сказашь тебѣ о ходѣ выспавки здѣшней, о вѣсняхъ съ Нижегородской ярмарки, и проч. и проч.

Обращаюсь къ тому, что занимаетъ теперь умы многихъ : Москву безпокоятъ слухи о повальной болѣзни , свирѣпствующей въ нѣкоторыхъ Приволжскихъ губерніяхъ; *холера морбусъ* была въ прошломъ году въ Оренбургѣ , казалась утихнувшею , но теперь снова появилась въ Астрахани , Саратовѣ. Вѣсти уподобляя шарикъ Сумароковъ снѣжнымъ шарикамъ , когорыя чѣмъ далѣе капятся , тѣмъ болѣе шановяшся. Мнѣ кажется , что опасность совсѣмъ не такъ велика , какъ представляется она воображенію многихъ Московскихъ шарушекъ.

Во-первыхъ , распространеніе холеры должно приписать всего болѣе не готовности воспрѣять ее : она заспала въ располхъ , и , сообщаясь не ошъ прикосновенія , но распространяясь въ воздухъ , не могла бытъ удержана карантинными. Теперь приняты повсюду мѣры : отправлены врачи , взяты предосторожности. Если-бы и въ Москву пожаловала холера , надобно только бытъ осторожнымъ , и принять мѣры предохранительныя. Совѣтую каждому прочитати внимательнѣе статьи о холерѣ въ *Журналѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ*. Деготь , дегтярная вода , куреніе по способу Гитона де-Морво (1 $\frac{1}{2}$ части марганцу , 3 части поваренной соли , 2 части сѣрной кислоты , или купороснаго масла) , прекращеніе сообщеній съ зараженными мѣстами , избѣжаніе ошъ сырыхъ , шѣсныхъ помѣщеній , здоровая , легкая , неошягошительная пища , одежда попелтѣ , спараніе не выходить изъ дома ни рано ушромъ , ни поздно вечеромъ — вошь средства охранительныя. Будемъ надѣяться

на Бога и на заботливость Правительства, которое постарается холеру в Москву не пустить. А придетъ она — ошь чего сохрани Богъ — станемъ ее выкуривать, выживать, гнать, спросимся врачей, будемъ слушать ихъ совѣты. Одинъ хлоръ есть уже средство прошивъ нея побѣдительное. Самое-же главное средство — смѣлый, бодрый, веселый духъ, оспорожность, не робость, предохранительность, не пугливость. Климасть Московскій вообще здоровъ, легокъ; мѣстоположеніе Москвы возвышенное, сухое; а зима? Она пріятельница наша и врагъ холерѣ.

Второе, должно знать, что холера не рѣшительно смертельная болѣзнь: ошь нея выдѣчивающа. Только надобно, что-бы помощь подана была какъ можно скорѣе, и подана врачомъ: кровопусканіе, ванны и лекарства рѣшительно спасающъ больныхъ.

Словомъ: будемъ оспорожны, но не шрусливы, и главное — расскажем вѣстовщиковъ не спашемъ вѣришь, пока Правительство не скажетъ объ опасности. Между шѣмъ пригошовимъ охранительныя средства, и будемъ уповать на милость Божію. Вѣстовщики говорили, что холера уже в Колоніи, а напрошивъ слышно, что и в Саратовѣ она ушихаетъ.

Не знаю, съ чего вспала мнѣ шеперь на мысль Русская Липшерашура! На нее нѣтъ холеры, но, право, она поражена какою-то шлякою болѣзнью, въ родѣ сухощки или чахошки. Чшѣ слышно у васъ в Пешербургѣ? Мы слышали о печатаніи *Басма*

Крылова и *Исторіи* Карамзина; говорили еще намъ, что Пушкина *Борисъ Годуновъ*, и *Горе отъ ума*, Грибоѣдова, печатающся — но все это не новое! Что новенькаго? Увѣдомь, сдѣлай милость; шолько не объ Альманахахъ, а о чемъ нибудь подъяльнѣ. Въ Москвѣ по *литтературной гаски* швшина совершенная:

Все пошъ-же толкъ и пѣ-жь стихи въ альбомахъ!

Жизнь Московскихъ Журналовъ шолько и оказывається иногда бранью; иначе подумаешь, что всѣ они окоченьли. Но, ошлагаю рассказы о лишшературномъ бездѣйствіи Москвы до другаго раза, а шеперь поспѣшу шолько сказать тебѣ о пріямной рѣдкости. Въ Москвѣ печашається переводъ превосходной книги. Согласись, что это диковинка у насъ? Книга, о которой говорю, ешь сочиненіе Дюпена: *Производительныя и торговыя силы Франціи*. Правительство выдало деньги на напечатаніе, и книга печашається. Подлинникъ тебѣ извѣшенъ; въ Телеграфѣ писано было объ немъ много разъ, и шолько что выйдешъ Русскій переводъ, я пошлю его тебѣ. Замѣшь, что вошь уже другое сочиненіе Дюпена выходяшь на счешъ Правительштва. Слыша объ этомъ, не лзя не порадовашься.

Изъ числа старыхъ лишшераторовъ Московскихъ, нашъ добрый, милый *Василій Львовичъ Пушкинъ* скончался Августа 20, а 23-го Августа похоронили его въ Донскомъ монастырѣ. За гробомъ его шла лишшературная брашя всѣхъ приходовъ. Всѣ люби-

ли старика ; для всѣхъ онъ былъ гостепріимнымъ, ласковымъ хозяиномъ и любезнымъ собесѣдникомъ, съ которымъ, бывало, не соглашаешься, но не споришь. Въ одинъ годъ въ Москвѣ скончалось старыхъ лишперашоровъ шрое: *Измайловъ*, *Мерзляковъ* и *Пушкинъ*. Измайловъ и Пушкинъ были ревностные Карамзиниспы, и далѣе этого не шли. Пушкинъ родился въ Москвѣ въ 1770 году. Примѣръ Карамзина пробудилъ въ немъ сознаніе стихотворнаго шаланша, а знакомство съ Карамзинымъ было—и наградою и побудишельнымъ средствомъ занимашся Лишперашурою. Пушкинъ былъ лишперашоръ Французскаго образованія старой школы ; ѣздивши за границу въ 1801 и 1802 году, былъ онъ знакомъ и дружескъ со всѣмъ, что блистало тогда во Французской Лишперашурѣ : Легуве, Мишо, Дюссомъ, Лагарпомъ, Делилемъ, Сень-Пьеромъ, I. Шенье; съ эшимъ и умеръ Пушкинъ ! Общество de madame Рекамье и поэзія Делиля всегда составляли для него верхъ совершенства. Онъ жестоко вооружался, бывало, въ нашихъ дружескихъ бесѣдахъ, прошивъ Романшизма и другихъ лишперашурныхъ расколовъ и новостей, и передъ смертію говорилъ : « *Ахъ ! какъ скутны статьи К*** въ Литтературной Газетѣ !* » Вообще въ душѣ его былъ зародышъ Поэзіи, но несчастное лишперашурное образованіе ограничило его басенками, посланіями, стихами въ альбомы, стихами на заданныя рифмы, добрыми эпиграммами и смѣсю. Только однажды геній истинной Поэзіи коснулся его пера : ты знаешь *Опаснаго состада*, и кто его не знаешь ! Но эшо-шо *единственное поэтическое стихотвореніе* Пушкина и не напечатано. Еще съ

1797 года, онъ отказался отъ всякой службы, и боляще притцаши лѣтъ жилъ для друзей, для себя и для Липшерауры.

С М Ъ С Ъ.

Въ Москвѣ полученъ Французскій переводъ, въ прозѣ, Мицкевича *Валленрода*, изданный въ Парижѣ. Переводъ весьма хорошъ; къ нему присовокуплены переводы *Фариса* и *Крымскихъ Сонетовъ*. Первое изданіе Валленрода раскупили въ Парижѣ въ нѣсколько дней. Неперпѣливо ждемъ, что скажутъ Французскіе критики.

Любителямъ Музыки конечно пріятно будетъ услышать о пріѣздѣ въ Москву ошличной аршистки, Г-жи Бершранъ. Игра ея на арфѣ заслужила единогласное одобреніе Петербургскихъ знашковыхъ. Пребываніе въ Москвѣ Г-жи Зонншагъ доказало, что геній Музыки не чуждъ Москвѣ. Г-жа Бершранъ намѣрена дать здѣсь нѣсколько концершовъ.

Въ Парижѣ непрерывно выходятъ собранія разныхъ анекдосовъ, старыхъ и новыхъ. *Записки* (*anecdotes*), безпрестанно нынѣ печатаемыя во Франціи, служатъ для собирашелей анекдосовъ богатѣйшимъ матеріаломъ. Перескажемъ нашимъ читателямъ нѣсколько забавныхъ спашеекъ изъ одного собранія

анекдотовъ и оспрыхъ словъ , нынѣ въ Москвѣ полученнаго.

Графъ Морепа , бывшій въ послѣдствіи Министромъ Людовика XVI-го, при Людовикѣ XV-мъ находился въ немилости , и принужденъ былъ удалиться въ свои помѣстья. Однажды, онъ осматривалъ тамъ свои земли. Къ нему подошелъ человекъ , желавшій поговорить о какомъ-то дѣлѣ. *Permettez, monseigneur,* сказалъ проситель , *que quoique vous soyez en route ..* — *Ah! monsieur, dites en déroute,* отвѣчалъ Графъ улыбаясь.

Таллейранъ посѣдилъ Г-жу Б***. Желая спокойнѣе усадить спарика, она предложила ему свои большія Вольтеровскія кресла. *Comment vous trouvez-vous dans ce fauteuil, dont j'ai fait rembourrer pour moi le dossier extraordinairement?* спросила потомъ Таллейрана Г-жа Б***. — *Mais pas trop bien, madame,* отвѣчалъ Таллейранъ — *votre fauteuil est comme le tems qui court, il fait hausser les épaules.*

Линге не щадилъ въ своихъ разговорахъ Маршала Дюра. « Скажише ему,» говорилъ однажды Маршалъ, « что я прибью его палкою! » — Очень радъ , что подамъ случай Маршалу, хоть однажды употребить на что нибудь его Маршальскую палку — отвѣчалъ Линге.

Во Франціи изданы были въ нынѣшнемъ году *Записки Гудзона Лова*, бывшаго Губернаторомъ на островѣ св. Елены , во время пребыванія тамъ Наполеона. Теперь въ Англійскихъ Журналахъ объявляютъ , что эти Записки подложныя ; что Гудзонъ Ловъ живъ еще , находишся Губернаторомъ на ос-

шровъ Цейлантъ, и не думалъ издавать Записокъ. Изданіе ихъ основывалось на ложномъ слухѣ о смерти Гудзона Лова.

Извѣстный *Греческій Словарь* Генриха Стефана (*Thesaurus linguae Graecae*) печатается въ Лондонѣ. Не смотря на огромную цѣну (болѣе 50 ф. ст.) при выдачѣ первой тетради было у издателей 1,086 подписчиковъ. Теперь въ Лейпцигѣ объявлено изданіе сего Словаря, въдесятеро дешевле. Его будешь издавать Профессоръ Диндорфъ: онъ помѣститъ множество своихъ поправокъ, и все, что исправлено и дополнено въ Лондонскомъ изданіи; онъ предполагаетъ раздѣлить весь Словарь на 40 тетрадей, и издашь въ печеніе семи лѣтъ. Французы не захотѣли уступить Англичанамъ и Нѣмцамъ. Извѣстный эдлинисъ Газе составилъ планъ, и по утвержденіи онаго особенною Коммисіею, составленною изъ Академиковъ, объявилъ о Парижскомъ изданіи исправленнаго Стефанова Словаря, въ лисъ, и въ 28 тетрадяхъ. Цѣна за каждую тетрадь 12 франковъ; ежегодно будешь издаваемо отъ 6 до 8 тетрадей. Такое соревнованіе въ ученое огромное трудъ показываетъ, что въ Англіи, Франціи и Германіи, есть кому и есть для кого издавать. Что если-бы въ Россіи объявилъ объ изданіи Греческаго огромнаго и дорогаго Словаря? Экземпляра два, шри, купи-ли-бы его непременно, а можешь бышь и менѣе.

• 18 • Nio e Moer. (Macasso).

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ИЗВѢСТІЕ

О НѢСКОЛЬКИХЪ ДРЕВНИХЪ, И ДОНЫНѢ ВЫШИХЪ НЕ-
ИЗВѢСТНЫМИ, ГРАМАТАХЪ.

(Статья вторая).

7. Списокъ съ грамоты Боярина и Воеводы Мос-
ковского Государства Князя Димитрія Тимо-
еевича Трубецкаго и Стольника и Воеводы Ди-
митрія Михайловича Пожарскаго, писанной
съ 1612 году (*).

Московского Государства отъ Боярина и Вое-
воды отъ Князя Димитрея Тимоѣевича Тру-
бецкаго да отъ Стольника и Воеводы Дми-
итрея Михайловича Пожарскаго въ Алексинской
уѣздъ въ подгородной спань, въ селцо Сер-
ковское, шшо было шо селцо въ помѣстьѣ за

(*). Достоверный списокъ съ сей грамоты, законно
засвидѣтельствованный, хранится въ дѣлахъ архива
Тульского Дворянск. Депутатск. Собранія.

Августъ 1830.

28

Ермолаемъ Уваровымъ, а послѣ въ опшчнѣ за нимъ же Ермолаемъ, вѣсмъ крещьяномъ, кошорые въ помѣ сельцѣ живутъ. Былъ намъ челомъ Сошникъ Спрѣмецкой Ермолай Владиміровичъ Уваровъ, помѣстной де ему окладъ чепыреша пшъдеша чепши, а помѣстье де за нимъ было въ Алексинскомъ уѣздѣ сельцо Серковка, на рѣчкѣ на Вошнѣ, а другая половина сельца Серковского на ровномъ колодезѣ, девяносто семь чепши, и шо де ево помѣстье дано ему на Москвѣ въ вошчину за Московское осадное сидѣнье, и грамаша де у него на шое вошчину была, и та де грамаша на Москвѣ сгорѣла, и ему де оною вошчиною владѣшь не почему и намъ бы велѣши даши ему вошчину грамашу. И будешъ пакъ, какъ намъ Сошникъ Спрѣмецкой Ермолай Уваровъ былъ челомъ, шшо вошчина дана ему за Московское сидѣнье, и вм-бъ всѣ крещьяне, кошорые въ помѣ сельцѣ живутъ Ермола Владиміровича Уварова слушали, пашню на него пахали и доходъ ему вошчинниковъ плашили. Какъ ошдасъ Богъ на Московское Государство Государя и тогда велишь Государь за нимъ шое вошчину на Москвѣ въ Помѣстномъ Приказѣ по книгамъ и по дачемъ справишь, и грамашу, и выпишь съ книгъ даши. Къ сеѣй грамашѣ Бояринъ и Воевода Князь Дмитрей Тимоѣевичъ Трубецкой да Спольшникъ и Воевода Дмитрей Михайловичъ Пожарской велѣли Зем-

скую печать приложишь. Писана на Москвѣ лѣша
7121, Ноября въ 22 день.

На оборотѣ подлинной граматы подписано :
Дѣюкъ Герасимъ.

Сія грамата принадлежитъ къ той самой эпохѣ, когда Россія, испытавъ все ужасы безначалія и междоусобной брани, гошовилась избрашь Царя изъ среды сыновъ своихъ. Въ продолженіе междоусобія кормило правленія сначала находилось въ рукахъ Думы Боярской, а потомъ перешло въ Думу Земскую. Бояре, заседавшіе въ Думѣ управляли Государствомъ, писали грамоты отъ своего имени, и народъ, по приговору ихъ, соглашался на все. Акты сихъ двухъ Думъ, сохранившіеся въ архивахъ, составляютъ важные матеріалы для Исторіи Русскаго народа; ибо они одни могутъ дать полное понятіе о характерѣ сего національнаго правленія (*). И въ семъ отношеніи Правительство во время междоусобія можно раздѣлить на два періода: въ первомъ управляла Государствомъ Дума Боярская до учрежденія Триумвиратовъ; а во второмъ Земская Дума, собранная изъ Выборныхъ войска до избранія Михаила

(*) Одинъ почтенный Сочинитель Русской Исторіи, С. Н. Глинка, указываетъ на 43 грамоты, изданныя во время междоусобія отъ сихъ Думъ. См. Русск. Ист. ч. V, стр. 7.

Феодоровича. Бросимъ взглядъ на сіе національное Русское Правительство.

Дума Боярская получила свое существованіе со времени сведенія съ престола Царя Василия Іоанновича Шуйскаго. Рѣшительнымъ приговоромъ низведя Вѣнецосца съ престола 17 Іюля 1610 года, она одной себѣ предоставила право завѣдывать Государствомъ и избирать Царя. Дума Боярская сославилась изъ семи Бояръ, подъ предсѣдательствомъ Князя Феодора Мстиславскаго, судъ и власть коихъ должны были всѣ признавать священными. Главными предсѣвателями сего національнаго Правительства были: Князь Мстиславскій, Князь Голицынъ, два брата Ляпуновыхъ, Михаилъ Салтыковъ и незабвенный Папріархъ Ермогенъ. Мстиславскій, робкій душою и чуждый козней, могъ-бы быть хорошимъ правителемъ, если-бы паршіи его поварницей имѣли одинаковую цѣль. Его намѣреніе искалъ Царя для Россіи внѣ опечества, хотя и оскорбительно для сердца Русскаго, но все показываешь въ немъ, что онъ желалъ блага опечесству, проникалъ губельными послѣдствіями междоусобія, и въ семъ отношеніи былъ выше своихъ современниковъ, искавшихъ только личныхъ выгодъ. Князь Голицынъ тогда жилъ и дышалъ происками: его главная цѣль была— достигнуть престола. Ляпуновы, непримиримые враги Шуйскаго, вышли въ полъ, и опытные въ Думѣ,

имѣли въ виду спасеніе отечества. Михаилъ Салтыковъ, оиъъявленный врагъ отечества, приверженецъ Сигизмунда, возмущалъ и раззорялъ Россію. Пашріархъ Ермогенъ, какъ глава Церкви, могъ-бы имѣвъ рѣшительное вліяніе на Думу Боярскую; но его благоразумныхъ совѣщевъ она не хотѣла принимать.

Упрочивъ свое существованіе, Дума Боярская обратилась къ избранію Царя на Россійскій престолъ. Избирая Владислава, она, согласно съ поляшкой Жолкѣвскаго, хотѣла сама предписывать ему законы; но вышло напротивъ. Сигизмундъ сдѣлалъ изъ нее раболѣпную исполнительницу своихъ замысловъ. Несчастливая судьба Царя Василія Іоанновича Шуйскаго налагаетъ позорное пятно на Думу Боярскую. Самовольно лишивъ его престола, она передала его въ руки Жолкѣвскаго — на посрамленіе всей Россіи. И чего-бы ожидать Россіи отъ сихъ правителей, когда они содѣлались явными ея врагами? Когда въ стѣнахъ Москвы раздался гласъ Пашріарха Ермогена и Проконія Ляпунова къ восстанію за свободу Государства и Церкви, Дума жалобно умоляла Сигизмунда карать ихъ наборниковъ. Сомнѣваясь въ добродѣтели Русскаго народа, она ждала отъ него болѣе мятежей, нежели сверженія оковъ иноплеменниковъ, и не посмѣдѣла даже посягать на ревниела отечества, Пашріарха Ермогена. Наконецъ, рас-

шоргнувъ узы съ роднымъ опечесшвомъ, Дума совѣщовада Ляхамъ для ихъ спасенія сжечь Москву. Къ счасію Россіи, сами Лишовцы прекратили правленіе Думы Боярской, взяшіемъ подъ стражу Князя Мсциславскаго и его сотрудниковъ. Таково было первое Правительство во время междуцарствія.

Сожженіе Москвы ускорило ополченіе Ляпунова. На развалинахъ Москвы, дружины рашныя были служили Церкви и Государству, не чинили Бояръ Московскихъ правителями и не признавали Владислава Царемъ Русскимъ. Послѣ бѣшвы подъ Москвою, бывшей 6 Апрѣля 1644 года, Воеводы, для прекращенія несогласія, избрали шрехъ начальниковъ: Князя Трубецкаго, Прокопія Ляпунова и Ащамана Заруцкаго. Вожди рашные содѣлались вмѣстѣ и вождями государственнымъ. Вскорѣ ошкрлся гибельный замысль Заруцкаго: недовольный властію Триумвираторскою, онъ желалъ овладѣть Царствомъ. Ляпуновъ узналъ — и одинъ, безъ Трубецкаго, возбудилъ дворянъ и дѣшей Боярскихъ успановилъ Думу Земскую, составивъ оную изъ Выборныхъ войска. Земская Дума признала власть Триумвировъ, успанною драмашю предписала динихъ правъ, и шакимъ образомъ образовала собою Правительство, болѣе сообразное съ духомъ несчастнаго опечесшва, нежели Думы Боярской. Обезоруживъ Заруцкаго, Ляпуновъ ошъ

лица Земской Думы занялся важнымъ дѣломъ для Государства — избраніемъ Царя. Изъ ненавистныхъ Ляхамъ, обратились къ Шведамъ и преобладали одного изъ Шведскихъ Царевичей. Вблизи Новгорода, на берегу Волхова, Бушурлинъ заключилъ съ Делагардіемъ договоръ отъ имени Великой Земской Думы и народа Московскаго — на избраніе Шведскаго Царевича. Подъ Москвою въ это время произошелъ бунтъ. Глава народнаго восстанія, Ляпуновъ, цалъ отъ козней Заруцкаго. Смерть его произвела гибельное послѣдствіе. Москва опять перешла въ руки Ляховъ. Безъ Ляпунова Дума потеряла свое назначеніе; но Провидѣніе воззвало другихъ мужей: Пожарскаго и Минина. Обишель Св. Сергія снова явилась защитницею Россіи. Архимандритъ Діонисій и Келарь Авраміи Палицынъ доставляли имущества, спяжанныя вѣками, для содержанія войска. Нижегородское ополченіе успрашило Заруцкаго и онъ удалился въ Поморскіе города. Съ Земскою Думою остался одинъ Князь Трубецкой. Съ ратными дружинами прибылъ Пожарскій, и во имя Бога ополчились на пораженіе враговъ. Жестокою борьбою Рускіе яскупили опечесство, и послѣ прехлѣшняго междуцарствія, Рускіе вожди прекрашили и междоусобныя брани. Знаменитый Пожарскій присоединился къ Земской Думѣ, и, вѣвше съ Трубецкимъ, приступилъ къ избранію Царя.

Россiяне сдѣлали въ Москву и единодушнымъ согласiемъ избрали юнаго Михаила на осиротѣлый Русскiй Пресноль. Избранiе Михаила возвышило зарю будущаго величiя Русской Державы.

Правленiе Земской Думы оказало болѣе благородствiя, нежели правленiе Думы Боярской. Обѣ имѣли одну цѣль: благоденствiе опечесыва и избранiе Царя; но дѣйствовали различно. Правительствованiе Земской Думы существовало для пользы Россiи, и доказывало усердiе своихъ представителей.

8. *Списокъ съ грамоты Государя Михаила Ѳеодоровича, пожалованной Тульскимъ кирпичникамъ, въ 1622 году (*).*

Божiею милоспiю Мы Великiй Государь, Царь и Великiй Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русiи Самодержецъ пожаловалъ есмь Тульскихъ кирпичниковъ Силку Милаева да Васку Ѳомина съ шоварыщи, что Намъ онѣ были челомъ и положили жалованную грамоту блаженныя памяти Дяди Нашега Государева, Государя, Царя и

(*) Подлинная грамота, писанная на большомъ листѣ, связнымъ потеркомъ, хранилась у Тульск. мѣщ. И. С. Добрынина, предки коего были кирпичники, или, какъ ихъ называютъ нынѣ, гончары.

Великаго Кнзя Θεодора Ивановича всеа Русіи 95 году, чшобъ Намъ ихъ пожаловати вельщми имъ шу прежнею жалованную грамошу переписати вновь на Наше Царское имя и даши имъ Нашу жалованную новую грамошу. И азъ Царь и Великій Кнзя Михайло Θεодоровичъ всеа Русіи Тульскихъ кирпичниковъ Силку Милаева да Васку Θεоміна съ поварьщми пожаловалъ вельщми имъ съ шюъ прежніа жалованнма грамоши блаженнма памяши Дяди Нашего Государева, Государя, Царя и Великаго Кнзя Θεодора Ивановича всеа Русіи, даши сю Нашу Царскую жалованную новую грамошу на Наше Царское имя; а въ прежней жалованной грамошѣ написано: чшо ихъ дворы въ городѣ и на посадѣ и гдѣ хшо на Туль ни живешъ, и шѣ ихъ дворы обѣлени, и ошъ черныхъ и ошъ шяглыхъ ошо всякихъ людей всякимъ шягомъ и пошлннами, и съ черными людьми ни въ какіе Наши подаши съ шѣхъ ихъ дворовъ шянуши не вельно, и въ Ямскую слободу въ охошники изъ нихъ имати не вельножъ; и даши, и посохи, и въ мосповщину, и къ ямчинному анбару и двору, и въ подѣлку денегъ и провозные и пищальные деньги, и въ городовое дѣло и въ янма во всякіа Наши подаши немати съ нихъ ничего; и Тульскимъ чернымъ людамъ во всякое шягло невершати и полавочнаго съ нихъ и съ ихъ шовару, кошораго шовару меньше дву рублевъ, пошлннъ имати не-

вельножь; а у кого у нихъ шовару будетъ больше дву рублевъ и съ шѣхъ ихъ шоваровъ всякая пошлина имаши по Нашему указу; а гдѣ они найдутъ глину и копають имъ вездѣ беспошлинно; и посланникомъ, и гонцомъ, и всякимъ иноземцомъ и рашнымъ людямъ на дворехъ у нихъ сильно не спаваши, и кормовъ своихъ и конскихъ у нихъ неемлють; а копорые ихъ брашья, и дѣди, и племянники, и дѣти живутъ съ ними на одномъ хлѣбѣ, а не въ розныхъ дѣлахъ — и ихъ разводили съ ними невелико, а копоры ихъ шоварыщи, Тульскіе кирпичники, бѣгле учнутъ на Тулу приходитъ и шѣхъ кирпичниковъ велико имаю, мешаши въ шюрму на время, да имаши по нихъ крѣпкіе поруки записи въ шомъ, что имъ быши въ кирпичникахъ по прежнему, и къ нашимъ дѣламъ ходити ежегодно, гдѣ имъ велико быши; а кому у нихъ лучипца къ празднику, или къ свадьбѣ, или родипелей помянуши, сваритъ пива или браги, и съ того у нихъ пипья Наши Намѣсники и ихъ Тиунъ явки неемлютъ, а корчемнаго пипья имъ на продажу не держати; а какъ они пойдутъ къ нашимъ х каменнымъ дѣламъ, и по дорогамъ и по рѣкамъ мыпчикомъ и перевозщикомъ, и мосповщикомъ и всякимъ пошминникомъ имша съ нихъ и явки и перевозу и мосповщикомъ и иныхъ никакихъ пошлинъ неимати пошому, что живутъ они у нашихъ каменныхъ дѣлъ еже-

годъ. И суда на нихъ и управы безъ Нашихъ грамашъ никому ничемъ недаваши, опричь душегубства, и разбоя и шашьбы съ поличнымъ; а вѣдающъ ихъ и судящъ на Москвѣ въ Каменномъ Приказѣ, кому пошъ Каменный Приказъ вѣдашъ будешъ приказанъ; а по Нашему Государскому указу судиши ихъ въ годъ на два срока: на Рождество Хришово, да на Семень день лѣшопроводца, а опричь шѣхъ Нашихъ указныхъ дву сроковъ на иные сроки ихъ не судиши и на поруки недаваши. А хшо чрезъ сю Нашу Царскую жалованную грамошу Тульскихъ кирпичниковъ Сялку Милаева да Васку Оомна съ шоварищи, чѣмъ хшо изобидишъ, и шому опъ Насъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Θεодоровича быши въ опалѣ. Дана ся Наша Царская жалованная грамоша въ Нашемъ царшвующемъ градѣ Москвѣ 7130, Августа въ 14 день. А подписалъ Государевъ Царевъ и Великаго Князя Михаила Θεодоровича всея Русіи Діакъ Иванъ Поздѣевъ.

Къ сей грамашѣ привѣщена на красномъ шелковомъ швуркѣ большая печашь краснаго сургучу, на кошорой съ одной стороны изображенъ Георгій, на конѣ, съ надписью вокругъ: «Божією милостію Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Θεодоровичъ.» А съ другой двуглавый орелъ съ надписью кругомъ: » Всеа Русіи

Самодержецъ ; многихъ Господарствъ Господарь и Обладатель.»

На оборотѣ подлинной граматы вверху подписано : *Царь и Великій Князь Михаилъ Θεодоровичъ всея Русіи Самодержецъ.*

Далѣ на срединѣ граматы находится слѣдующая припись :

« Лѣта 7169, Маія въ 25 день Великій Государь , Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ сее грамоту слушавъ Тульскихъ кирпичниковъ Савку Андреева съ поваричи пожаловалъ велѣлъ имъ сию грамоту подписашъ на свое Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, имя и рудить се не велѣлъ никому ничѣмъ, а велѣлъ ходишь во всемъ по шому, какъ въ сей грамотѣ написано. Діакъ Вареоломѣй Алексѣевъ.

« Справилъ подъачей Иванъ Гороховъ. »

Кирпичники, или гончары составляли особенный классъ жителей въ Туль до половины XVII столѣтія. Они были поселены на Оружейной сторонѣ , пользовались данными имъ правами во всей силѣ и производили торговлю. Нынѣ сей классъ причисленъ къ мѣщанамъ ; многіе изъ нихъ имѣють значительный капиталъ, и между ними донынѣ еще многіе производяшъ древесне

свое художество : выдѣлываніе кирпича и продажу глины.

9. Списокъ съ уставной грамоты, жалованной Веневу монастырю Государемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1624 году (*).

Божіею милостию Мы Великій Государь, Царь и Великій Князь Михайла Ѳеодоровичъ всеа Русіи Самодержецъ, пожаловалъ есми Тульскаго уѣзда Николы чудотворца Веневскаго монастыря Игумена Варлаама съ брашіею, или хшо по немъ въ помъ монастырѣ иные Игумены и брашніи будущъ. Въ нынѣшнемъ во 132 году, по Нашему указу положили они предъ Нами жалованную грамоту Государя, Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всеа Русіи 114 года, за приписью Дьяка Васильева, и во 121 году на наше Государево, Царево и Великаго Князя Михайла Ѳеодоровича всеа Русіи имя, та грамота подписана, а на подписи подписалъ Дьякъ Богданъ Тимоѳеевъ; а въ той грамотѣ написано: вощина монастырская въ Тульскомъ уѣздѣ въ спану въ Спаромъ Городище, сельцо Борш-

---

(*) Сія грамота найдена мною при разборѣ архива Венева монастыря; она писана связнымъ почеркомъ, на большемъ листу. По уничтоженіи Венева монастыря, архивъ скрывался подъ церковнымъ поломъ и уже въ 1827 при перестройкѣ найденъ и перенесенъ на колокольню.

ники на рѣкѣ на Осепрѣ, сельцо Новоселки, да шѣхъ сель деревни: деревня Онышино, да въ верхуши пустошь Судакова, пустошь Каршасенево, да сельцо Хавково, деревня Славково, починокъ Семьяна, деревня Медвѣжья за рѣкою за Веневою у Медвѣжья Пря; да въ Нухавскомъ шану: пустошь безъ жеребья, что была деревня Теплая. Да они-жъ предъ Нами положили выпись съ Тульскихъ писцовыхъ книгъ Ивана Жеребцова 98 году, а въ той выписи написано: монастырская ихъ вошчина въ шану въ Старомъ Городищѣ, что были деревня Прудцкая, полпустоши на Волынскихъ поляхъ. И Мы Великій Государь, Царь и Великій Князь Михайла Феодоровичъ всеа Русіи, и Опець Нашъ Великій Государь, Свяшѣйшій Патріархъ Филаретъ Никишичъ Московскій и всеа Русіи, Николы чудоповорца Веневского монастыря Игумена Варлаама съ брашєю, или хто по немъ въ шомъ монастырѣ иные Игумены и братія будутъ, пожаловали велѣли имъ ту прежнюю жалованную грамоту переписать на Наше Государево имя, и шюю монастырскою вошчиною и всякими угодыми велѣли имъ владѣть по прежнему и по сей Нашей Государской жалованной грамотѣ. И кто въ той ихъ монастырской вошчинѣ учнешъ земли, монастырскимъ людемъ и шѣмъ крестьяномъ Нашимъ никакихъ податей, и денежныхъ всякихъ поборовъ, и козачьихъ

хлѣбныхъ запасовъ и кормовыхъ недаваши, опричь ямскихъ денегъ, и спирвелецкихъ хлѣбныхъ запасовъ, и городского и острожного дѣла. Также ося Игумена Варлаама съ брашією пожаловали: Воеводы Наши, и Дѣяки и всякіе приказные люди Игумена Варлаама съ брашією, и ихъ монастырскихъ людей и крестьянъ. несудяшъ ни въ чемъ, опричь душегубства, и разбоя, и шапъбъ съ полчнымъ, и кормовъ своихъ и конскихъ на нихъ неемляшъ и невлашъ и незаѣжающъ къ нимъ ни почпо; а выдаетъ и судитъ монастырскихъ людей и крестьянъ Игумень съ брашією сами во всѣмъ, или кому прикажущъ; а случився судъ мѣстной монастырскимъ людямъ и крестьяномъ съ городскими и волосскими людьми, и Воеводы Наши, Дѣяки и всякіе приказные люди судяшъ, а Игумень съ брашією, или ихъ прикащикъ съ ними же судяшъ; оправленъ будешъ или виновашъ монастырской чловѣкъ и онъ въ правдѣ и въ винѣ Игумену съ брашією, или ихъ прикащику, а Воеводы наши, и всякіе приказные люди въ монастырскаго чловѣка ни въ праваго ни въ виновашаго невшупающся. А кому будешъ чего имашъ на Игумену съ брашією, и на ихъ слугахъ и на крестьянехъ, сужу я самъ Царь и Великій Князь Михайла Θεодоровичъ всеа Русіи, или кому прикажу. А по Нашему Государскому указу въ судимхъ дѣлахъ спавившя имъ

къ опвѣшу на Москвѣ въ Приказъ Большаго Дворца въ годъ на при сроки: на Рождество Христово, да на Троицынъ день, да на Сементъ день лѣтопроводца, а опричь шѣхъ Нашихъ указныхъ сроковъ на иные сроки не судишь; а кто по нихъ судимую или зазывную грамапу, или приспава возмешъ не по пѣмъ срокомъ, и пѣ грамапы не въ грамапы, а приспавъ ѣзду лишень. А въ духовномъ дѣлѣ Игумена съ брашею судишь Архіепископъ Рязанскій и Муромскій, по правиломъ Св. Опець; а Архіепископли десятники и шіуны ихъ несудяшъ ни въ чемъ, опричь духовнаго дѣла, и кормовъ своихъ и конскихъ на нихъ неемлютъ, коней кормишь не спавяшъ и двора десятника недѣлають. Также еси пожаловали: учинишся у нихъ на монашырской землѣ душегубство, а не будетъ того душегубца въ лицо, и они того убишаго являшъ Намѣспникомъ, а явки дають чепыре алпына, а опричь того монашырскимъ людемъ и кресшьяномъ виры и прѣдажи нѣтъ; а будетъ учинишся у нихъ на монашырской землѣ душегубство безхшпросно: кого громъ убьешъ или съ древа убьешся, или кого звѣрь съѣсть, или хшо озябнешъ, или ушопнешъ, или хшо опъ своихъ рукъ ушеряешся, или инымъ конюрымъ дѣломъ смершь уллучишся, и онмщупъ въ правду, чшо учинилось безхшпросно и монашырскимъ людемъ и кресшьяномъ въ шомъ вири

и продажи нѣшъ. Также есмь пожаловали: хшо у нихъ въ ихъ монаспырскихъ селехъ и деревняхъ продаешъ или мѣняешъ лошадей монаспырскимъ людямъ, а неволоспнымъ, и шѣхъ лошадей пашнаши монаспырскимъ пашномъ, кому Игумень съ брашію веляшъ, а Намѣшницкіе и волоспные люди въ по у нихъ невшупающса. Также есмь пожаловали Игумена съ брашію: монаспырскіе люди ихъ коня моего не кормяшъ, и сѣнъ не косяшъ и не возяшъ, и Намѣшничьихъ и волоспелиныхъ дворовъ недѣлають; а Бояре Наши, и Воеводы рашные и всякіе ѣздоки въ шѣхъ ихъ монаспырскихъ селехъ и въ деревняхъ у монаспырскихъ людей и у креспьянъ сильно не спаяшся, и подвошь, и проводниковъ, и кормовъ своихъ и конскихъ у нихъ неемлюшь, а кому у нихъ случишся шаши и кориъ свой и конской купяшъ у нихъ по цѣнѣ, какой имъ продадушъ. Также есмь ихъ пожаловали: къ ихъ монаспырскимъ людямъ и креспьяномъ на пиры, и на браки, и на свадьбу и на иное люди незваные неходяшъ, а хшо къ нимъ придешь пиши незванъ, и они шого незваного сошлюшъ со двора съ пенью, а не послушаешъ и со двора поидешъ, и учнешъ у нихъ сильно пиши, и учинишся въ шомъ пиру, при шомъ незваномъ, какая гибель, и шому незваному за гибель плашиши въ двое безъ суда и безъ справы. А гдѣ они явяшъ сю Нашу Госу-

дарскую жалованную грамоту по городамъ Воеводамъ Нашимъ, и Дьякомъ и всякимъ приказнымъ и пошлиннымъ людямъ, и они явки не дающъ ничего, а хшо черезъ сѹ Нашу Государскую жалованную грамоту переслушишь, Игумена съ брашією и ихъ монастырскихъ слугъ и крещьянъ изобидишь, и шому ошъ Насъ, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всей Русіи быши въ опалѣ. Дана сѹ Наша Царская жалованная грамота на Москвѣ лѣша 7132, Февраля въ 25 день.

На оборотѣ грамоты подписано: *Дѣлкъ Прокowej Пахиревъ. Справилъ подъятей Гришка Старый.*

(Окончаніе съ слѣд. книжкѣ).

МАЮРАТЪ.

(Продолженіе).

Я восхищался, воображая, что буду наконецъ приближаться къ обожаемой мною женщинѣ. Но мысль о Баронѣ наводила мнѣ на душу грусть и печаль. Онъ явился передо мною грубымъ деспотомъ: иначе, опъ чего-же шармъ, поедѣлимый слуга его принялъ на себя такой рабскій видъ? « Не видишь и не слышишь ничего! » вскричалъ дѣдушка, ударивъ меня по плечу. Мы пошли въ нашу комнату. Тамъ сказалъ онъ мнѣ: « Ради Бога, братецъ, не подбивайся пмы къ Баронессѣ. Пусть дѣлаютъ это молодые фанфароны, которыхъ на свѣнѣ довольно. » Я рассказалъ ему какъ все было, и просилъ рѣшить: виновашъ ли я? Но онъ опивѣчалъ мнѣ только: хмъ, хмъ! надѣлъ шлафрокъ, закурилъ шрубку, сѣлъ въ кресла, и началъ подшучивашъ надо мною, припоминая, какъ на вчерашней охотѣ я спрѣлялъ все не впопадъ.

Между шѣмъ, въ замкѣ все уникло: дамы и кавалеры, въ своихъ комнашахъ, наряжалнсь къ вечеру. Тѣ самыя музыканты, съ хрипящими скрипками, съ разспроенными коншрабасами и съ крикливыми робоями, о которыхъ говорила Адельгей-

да , пришли , и къ ночи гош овился , просимъ не прогнѣвайтесь , балъ по формѣ ! Сшарикъ мой не хошѣлъ промѣняшь на эшо шумное препровожденіе времени спокойнаго сна , и оспался въ своей комнашѣ . Я , вапрошивъ , былъ совсѣмъ гошовъ на балъ , когда у двери пихонько постучался и вошелъ къ намъ — Францъ . Съ веселою улыбкою объявилъ онъ мнѣ , что , сей часъ , въ савяхъ привезли опъ Гжи управительши *клавирный цимбалъ* , что онъ уже у милостивѣйшей госпожи Баронессы , и что дѣвица Аделъгейда велѣла немедленно пригласиць меня къ нимъ . Можно представивъ себѣ , какъ сильно билось у меня сердце , и какъ радостно препешалъ я , отворяя дверь той комнаты , гдѣ была — она . Аделъгейда съ веселымъ видомъ встрѣтила меня . Баронесса , въ полномъ бальномъ нарядѣ , сидѣла задумавшись подлѣ шанспвеннаго ящика , гдѣ хранились тѣ звуки , которые долженъ былъ я пробудиць . Она вспала , и блескъ ея красоты былъ такъ ослѣпятеленъ , что я , устремивъ на нее глаза , не могъ выговорить ни слова . Ласково , непринужденно сказала она мнѣ : « Теодоръ (она всѣхъ называла просто по имени , слѣдуя въ эпомъ привѣпливымъ обычаемъ Сѣвера , которые встрѣчаются также у жипшелей крайняго Юга) . Вотъ форшепіано . Дай Богъ только , что-бы оно было не совсѣмъ недостойно вашего искусства . » Я открылъ верхнюю доску — и множество лопнувшихъ струнъ заму-

мѣли. Я пробѣжалъ по клавишамъ, и услышалъ, что даже уцѣлѣвшія струны были сильно разспроены и производили отвращительные, несносные звуки. «Видно органистъ опять наложилъ шумъ свою легкую ручку!» со смѣхомъ вскричала Адельгейда. Но Баронесса печально прибавила къ ея словамъ: «Это кошмарное несчастіе!.. Видно не суждено мнѣ здѣсь никакой радости!...» Къ счастью, я нашелъ въ резервуарѣ фортепیانномъ нѣсколько кашушекъ струнъ; но опять не было ключа. Новыя жалобы! «Годишься всякой ключъ, только-бы пришелся онъ по колкамъ!» сказалъ я, и обѣ мои собесѣдницы, Баронесса и Адельгейда, побѣжали въ разныя спороны. Вскорѣ, передо мной, на резонансѣ, лежалъ цѣлый магазинъ блестящихъ ключей.

Я началъ прилежно заниматься. Адельгейда, и даже сама Баронесса, помогали мнѣ, пробовали топъ, другой колокъ; наконецъ одинъ ключъ пришелся по колкамъ, и онѣ весело закричали: «Годишься! годишься!» Вошь, одна струна звучитъ почти надлежащимъ тономъ, но вдругъ—лопъ! и Баронесса съ Адельгейдой въ ужасѣ отскакиваютъ прочь. Баронесса разбираетъ своими прелестными ручками грубыя проволочныя струны, подаешь мнѣ нѣ нумера, которые надобно, и щцательно держишь кашушку, которую я развиваю. Но вдругъ одна кашушка выскакиваетъ изъ рукъ вашихъ, и Баронесса неперифливо вскрикиваетъ:

ахъ! — Адельгейда хохочетъ ; я бросаюсь за убагающею спруною до угла комнашы, и всѣми снова спараемся прикрѣпить ее къ колку ; но она оцѣпъ лопаешся. Досада ! Но, вопъ, вопъ кашушка хорошихъ спрунъ , кошорны выдерживающъ дѣйствіе напягивающаго ихъ ключа , звучатъ спройнтѣ , и звуки ихъ сливаюшся въ правильные аккорды. « Ахъ, ахъ, форшеціано наспроивается ! » сказала Баронесса, глядя на меня съ милою улыбкою.

При этомъ общемъ шрудѣ , какъ биспро исчезло все спранное, ничтожное обыкновенныхъ приличій ! Какая искренность явилась между нами ! Подобно электрической силѣ, она согрѣла мою душу , и робкая принужденность , какъ ледъ охлаждавшая мнѣ грудь, шопчасъ оставила меня. Тайнственное чувство , испытываемое влюбленными въ присущствіи ихъ богинь , не существовало для меня болѣе, шакъ, что когда форшеціано было довольно наспроено, я , кошорнй хотѣлъ сначала выразитъ свои чувствованія въ живыхъ фанпазіяхъ , я началъ припоминашь сладостныи вдохновенія Юга, и перенесся въ сферу Ишалъи-ской Музыки. Въ то время какъ я игралъ Senza di te — Sentimi idol mio — Almen se non poss'io, и сонню Morir mi sento, Addio, и Oh dio — взоры Серафимы блиспали яснѣе и яснѣе. Она сѣла подѣ меня, шакъ близко, что я чувствовалъ ее дыханіе на моихъ щекахъ. Но когда она облокотилась на спинку кресель моихъ ; когда бѣлая

лента съ ея плашья упала мнѣ черезъ плечо, и препешала ошъ моего дыханія и шихихъ вздоховъ Серафины — не знаю, какъ не пошерялъ я разсудка.

Припоминая одинъ новыи напѣвъ, я пробѣгалъ аккордами по фортепиано, когда Адельгейда вдругъ выскочила изъ угла, въ кошоромъ она сидѣла во все время, спала на колѣна передъ Баронессою, взяла ее за обѣ руки, и прижимая ихъ къ своему сердцу, сказала: «Милая Баронесса! Серафина! и ты должна пѣшь!» — Какъ тебѣ не сшвидко, Адельгейда! — ошвѣчала Баронесса. — Могу-ли я передъ нашимъ виршуозомъ выйдши на сцену со своимъ бѣднымъ пѣніемъ! — Надобно было видѣшь ее! Какъ скромное дитя, пошупивъ глаза, краснѣя, она сражалась и съ желаніемъ пѣшь и со спрахомъ. Разумѣвешся, что я умолялъ ее, и когда она упомянула о Курляндскихъ народныхъ пѣсенкахъ, то я не опспалъ ошъ нея, покуда она не проптянула лѣвой руки своей къ фортепиано и не взяла нѣсколькихъ ношъ, какъ-бы вмѣсно введенія. Я хотѣлъ ушупишь ей свое мѣсто, но она не согласилась, увѣряя, что не можешъ сдѣлашь ни одного аккорда, и что пошому-то ея пѣніе, безъ аккомпанименпта, будетъ сухо и непріятно. Она запѣла нѣжнымъ, чиспнымъ, звучнымъ, изъ души выливающимся голосомъ, народную иѣсеню, кошорой просная мелодія носила на се-

бъ весь характеръ истины. Въ этихъ-то пѣсняхъ узнаемъ мы, сколько поэзіи заключаетсѣ въ собственной природѣ нашей! Есть таинственное очарованіе въ самыхъ незначительныхъ словахъ, служащихъ гіероглифами невыразимаго, что наполняешь грудь нашу. Кто не вспомнитъ о той Испанской канцонеттѣ, кошорой слова заключающъ въ себѣ не болѣе какъ слѣдующій смыслъ: «Съ моею дѣвицей плавалъ я по морю; было бурно; и дѣвица моя, въ спрахѣ, кидалась шуда и сюда. Нѣтъ! Не плаваю уже я съ моею дѣвицею, по морю!» Въ пѣсенкѣ Баронессы было слѣдующее: «Въ молодости, плясала я съ моимъ сокровищемъ на свадьбѣ; съ голови моею упалъ цвѣшокъ; онъ поднялъ его, подаль мнѣ, и сказалъ: когда, моя дѣвица, будемъ опять мы на свадьбѣ?» При второй спростѣ, я аккомпанировалъ эту пѣсенку арпеджіиными аккордами, и будучи одушевленъ, можно сказать, срывалъ съ губъ Баронессы мелодіи слѣдующихъ пѣсенъ. Опѣ этого я показался ей и Адельгейдѣ величайшимъ музыкантомъ: онѣ осипали меня похвалами. Между пѣмъ, зажженныя свѣчи въ бальной залѣ свѣщили въ комнату Баронессы изъ боковаго флигеля, и разногласный шумъ прубъ и валпорнъ возвѣщаль, что время собираешься на балъ. «Надобно идти!» сказала Баронесса. Я ошскачилъ опѣ форшепіано. «Вы доставляли мнѣ нѣсколько блаженныхъ минушъ:

онѣ лучшія изъ всѣхъ, которыя провела я когда нибудь въ Р.***» Съ этими словами Баронесса протянула ко мнѣ руку. Съ восторгомъ прижалъ я ее къ своимъ губамъ, и почувствовалъ, что ея пальцы сильно шептали въ моей рукѣ. Не знаю, какъ пришелъ я въ комнату дѣдушки и ошнуда на балъ. Одинъ Гасконецъ боялся сраженія, почипая для себя каждую рану смертельною потому, что онъ весь состоялъ изъ сердца. И я, да и всякой на моемъ мѣстѣ, могъ бытъ уподобленъ ему. Тутъ каждое прикосновеніе было смертельно! Рука Баронессы, и ея шепещущіе пальцы поразили-меня какъ ядовитыя стрѣлы. Кровь пылала въ моихъ жилахъ.

На другое утро, мой старикъ, не спрашивая у меня ничего прямо, пошчасъ узналъ, какъ провелъ я вчерашній вечеръ съ Баронессою. Я изумился, когда онъ, весело разговаривая со мною, вдругъ принялъ на себя важный видъ, и сказалъ мнѣ: «Прошу тебя, братецъ, сопрошивляйся всевозможно этому дурачеству: оно совсѣмъ покоряетъ тебя. Знай, что твое поведеніе, которое кажется такъ невинно, можетъ имѣть ужасныя послѣдствія. Ты, въ беззаботномъ безуміи, стоишь на тонкой льдинѣ: она обломится подъ тобою, прежде нежели ты замѣнишь это, и тогда — бухъ въ пропасть! Я не стану удерживать тебя за полу; знаю, что вытащишь себя, или вздурись опять»

и скажешь при смерти больной: у меня насморкъ! А у тебя горячка! Прежде нежели ты вздумаешь прошивишься ей, пройдушь годы и у тебя не будетъ мозгу въ костяхъ. Но, чортъ возьми твою Музыку, если ты упошребляешь ее на то, что-бы лишашь спокойствія чувствительныхъ женщинъ!» — Мнѣ и не приходило въ голову, заславшись Баронессу влюбиться въ меня! — прервалъ я спарика. — «Дурачина!» вскричалъ онъ. «Да если-бы я въ этомъ не былъ увѣренъ, то сей часъ-же выкинулъ-бы тебя въ окно.» — Разговоръ нашъ, споль пиягоспный для меня, былъ прерванъ приходомъ Барона. Я принялся за свои занятія, и вырвался изъ любовныхъ мечтаній, въ которыхъ видѣлъ одну Серафину и думалъ шолько о ней.

Въ обществѣ, Баронесса изрѣдка говорила со мною по нѣскольку дружескихъ словъ. Но не проходило почти ни одного вечера, что-бы я не получилъ шайнаго посольства отъ Адельгейды, которая приглашала меня къ Серафинѣ. Вскорѣ, разговоры начали смѣшиваться у насъ съ музыкою; Адельгейда была не такъ молода, и казалось не могла-бы вѣпрено и опкровенно предаваться веселью; но она, всякой разъ какъ шолько мы съ Серафиной начинали углубляться въ саншименпальныя предчувствія и мечтанія, вмѣшивалась въ разговоръ съ какою нибудь смѣшною и даже глупою рѣчью. По многимъ пра-

знакамъ я замѣнилъ, что въ самомъ дѣлѣ на душѣ Баронессм шягошѣло что-то спрашное, какъ предполагалъ я, увидѣвши ее въ первый разъ. Непріязненное дѣйствіе домоваго спановилось для меня ясно. Да! что-то ужасное случилось, или должно было случиться. Какъ часто порывался я разсказать Серафинѣ свое приключеніе съ невидимымъ врагомъ, и то, что дѣдушка, вѣроятно навсегда, изгналъ его. Но, непонятный для меня самого страхъ пошчасъ связывалъ мнѣ языкъ, какъ шолько я хошѣлъ говорить объ этомъ.

Однажды Баронесса, не явилась къ обѣду. Она была не совсѣмъ здорова и не могла выйдши изъ своей комнаты. У Барона съ учашіемъ спрашивали, не опасна-ли болѣзнь ея. Онъ засмѣялся адски, и какъ будшч насмѣхаясь, сказалъ: « Не больше какъ проспуда : ее навѣялъ суровый морской воздухъ, кошорый здѣсь не шерпншъ нѣжныхъ голосковъ, и позволешъ разносншся шолько грубому охопничьему крику. » Говоря эти слова, Баронъ злобно взглянулъ на меня, сидѣвшаго наискось опѣ него. Не къ сосѣду своему, но ко мнѣ обращался онъ. Адельгейда сидѣла подлѣ меня: лицо ея вспыхнуло. Успремивъ глаза на шарелку, она сшала водншъ по ней вилкою и шепшала : « И сего дня увидншъ шы Серафину, и сего дня швои пѣсни будшъ облегчашъ ея больное сердце. » Адельгей-

да обращала эти слова ко мнѣ. Въ эту минуту я почувствовалъ, что мои отношенія къ Баронессѣ кажутся какою-то пресупною, запрещенною любовною связью, которая должна окончившись чѣмъ-то ужаснымъ. Я подумалъ о наоминаніяхъ дѣдушки, и содрогнулся. Чѣмъ дѣлалъ мнѣ? Не выдашь ея, болѣе? Это невозможно, пока я остаюсь въ замкѣ; а выѣхавъ изъ него и возвратишься домой — я не въ силахъ. Ахъ, я слишкомъ чувствовалъ, что самъ собою я не могу освободиться отъ упоительнаго сна, обольщавшаго меня фаншаспическимъ счастьемъ любви. Мнѣ показалась почти неприличною роль Адельгейды; я гошовъ былъ чувствовалъ къ ней презрѣніе — но, послѣ минутнаго размышленія, я самъ стыдился своей глупости. Все, чѣмъ занимались мы въ блаженные часы вечеровъ, имѣло слѣдствіемъ не иное что, какъ нѣкоторое обдженіе съ Баронессою, ни сколько не нарушавшее приличій, и самой строгой нравственности. Не знаю съ чего взялъ я, что Баронесса чувствуетъ ко мнѣ что-то; но шолько я былъ убѣжденъ въ опасности своего положенія.

Столъ кончился скорѣе обыкновеннаго, потому что надобно было скакать за волками, которыхъ замѣнили въ сосновомъ лѣсу, подлѣ самаго замка. Я былъ въ такомъ расположеніи, что для меня не было ничего приличіе охоты.

Когда дѣдушка услышалъ отъ меня, что и я отправляюсь на охоту, то весело засмѣялся и сказалъ: « Славно, славно! Наконецъ ты выльзаешь изъ гнѣзда. Я остаюсь дома, и ты можешь взять мое ружье, можешь привѣсипь къ поясу мой охотничій ножъ: въ случаѣ нужды онъ вѣрное оружіе; только надобно быть хладнокровнымъ. »

Та часъ лѣса, гдѣ замѣтили волковъ, была окружена егерями. Холодъ былъ рѣзкій; вѣтеръ свиспалъ между соснами и навѣвалъ мнѣ на лицо хлопья снѣгу, такъ что, когда смерклось, я едва на нѣсколько шаговъ различалъ предметы. Совершенно окосненѣвъ отъ холода, я оставилъ указанное мнѣ мѣсто и искалъ защиты въ глубинѣ лѣса. Тамъ прислонился я къ дереву и взялъ ружье подъ мышку. Охота вылѣшла изъ головы моей: мысли мои носились во внутреннихъ комнахахъ Серафимы. Выстрѣлы были слышны далеко, когда вдругъ что-то зашумѣло по сухимъ вѣтвямъ, и я увидѣлъ, менѣе чѣмъ въ десяти шагахъ отъ себя — спрашнаго волка: онъ бѣжалъ мимо. Я прицѣлился, спустилъ курокъ — и не попалъ! Звѣрь прыгнулъ ко мнѣ сверкая глазами, и погибель моя, казалось, была неизбежна; но я сохранилъ столько присутствія духа, что выхватилъ охотничій ножъ, и вонзилъ его въ пасть волка въ то самое мгновеніе, когда онъ гошовъ былъ по-

жрашь меня. Кровь изъ паспи звѣря брызнула черезъ мою руку. Споявшій близъ меня егеръ съ воплемъ бросился ко мнѣ на помощь, закрычалъ, и на крикъ его къ намъ сбѣжались всѣ охотники. Баронъ спѣшилъ ко мнѣ. « Ради Бога! скажите — вы весь въ крови — вы ранены? » Я увѣрялъ его, что не получилъ никакой раны. Онъ началъ бранишь егеря, котораго былъ близъ меня, зачѣмъ шопъ не высрѣлнлъ въ волка, когда увидѣлъ, что я сдѣлалъ промахъ. Напрасно увѣрялъ егеръ что это было невозможно, ибо волкъ шопчасъ бросился на меня и высрѣлъ непременно досался-бы мнѣ: Баронъ оспался при шомъ, что меня, какъ неопытнаго охотника, надобно было всячески оберегать. Между шѣмъ звѣря поднали: онъ былъ необыкновенно огроменъ, инакъ что давно уже и не видывали подобнаго. Всѣ удивлялись моею рѣшимельноспи, моему мужеству, а мнѣ казался поступокъ мой очень еспешивеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, я и не подумалъ объ опасности, въ какой находилась моя жизнь. Особенно заботился обо мнѣ Баронъ: онъ не переспавалъ спрашивашъ, не боюсь-ли я слѣдшвй испуга, если звѣрь и не ранилъ меня. Когда надобно было возвращашься домой, Баронъ дружески взялъ меня за руку и велѣлъ одному егерю нести мое ружье. Онъ безпрешанно говорилъ о моемъ геройствѣ, шакъ что наконецъ я и самъ повѣрилъ этому,

пошерялъ всю скромность и чувствовалъ, бывши съ Барономъ, что я человекъ удивительно храбрый и рѣшительный. Школьникъ выдержалъ счастливо свой экзаменъ, забылъ что онъ школьникъ, и для него уже не было ни какихъ школьныхъ непріятностей. Мнѣ казалось, что я приобрѣлъ право увиваться около Серафимы. Всѣ знаютъ, къ какимъ глупостямъ способна фаншазія влюбленного юноши. Въ замкѣ, передъ огнемъ камина и при благоухающемъ пуншѣ, я осмался героемъ этого дня. Кромѣ меня, только Баронъ убилъ одного порядочнаго волка; всѣ осмальные довольствовались тѣмъ, что оправдывали свои неудачные выспрѣлы погодою и темнотою, и рассказывали ужасныя испоріи о прежнихъ своихъ счастливыхъ подвигахъ и опасностяхъ на охотѣ. Я надѣялся, что дѣдушка расхвалишь меня и будешь удивляться: съ этою надеждою я рассказалъ ему довольно подробно свое приключеніе, и не забылъ описать кровавадную наружность убишаго дикаря самими ужасными красками. Что-же? Старикъ разсмѣялся и сказалъ: «Да! Богъ заспуникъ слабыхъ.»

Соскучившись, опъ попойки и опъ общества, я пробирался по корридору въ судейскую залу, когда вдругъ, передо мною, со свѣчей въ рукахъ, промелькнула человѣческая фигура. Вошедши въ залу, я узналъ Адельгейду. «Право, на-

добно бродишь привидѣніемъ и лунашикомъ, что-бы опыскашь васъ, милый, храбрый охотникъ!» Такъ шептала она, схвативъ меня за руку. Слова: *лунашикъ*, *привидѣніе*, здѣсь, въ эпомъ мѣсцѣ произнесенныя, спѣснили мнѣ грудь. Тотчасъ представили они мнѣ страшныя явленія шѣхъ двухъ ужасныхъ ночей, когда морской вѣперъ шумѣлъ какъ сильный органъ, когда свиспалъ и бился онъ въ окна, когда луна бросала свой блѣдный свѣтъ прямо на шаниственную стѣну, гдѣ слышно было царапанье. Мнѣ показалось, что я вижу на ней кровавыя пяпна, и Адельгейда, все еще державшая меня за руку, должна была чувствованъ пробѣгавшій по мнѣ холодъ. «Что съ вами? Что съ вами?» говорила она мнѣ шихо. «Вы совсѣмъ коспенѣете! Ну, да я оживлю васъ. Знаете-ли, что Баронесса почти не надѣется и увидѣшь васъ? Она думаешь, что злой волкъ въ самомъ дѣлѣ загрызъ васъ. Ахъ, какъ она печалится! Ну, только, что это сдѣлали вы съ Серафиной! Я еще и не видывала ее такою. О, какъ запрыгала у васъ пульсъ! Какъ скоро ожилъ эпомъ мершвый господинъ! Да пойдеше-же, но шихонько — къ Баронессѣ.»

Молча позволилъ я весши себя. Мнѣ показалось, что Адельгейда неприлично выражаешся говоря о Баронессѣ, и особенно не понравился мнѣ намекъ ея о шомъ, что мы понимаемъ вз-

инныя чувства наши. Когда мы вошли къ Серафинѣ, она тихо произнесла: ахъ! спутила шри, чешыре шага на встрѣчу къ намъ, и оспановилась посреди комнашы, какъ будшо размышля о чемъ-шо. Я осмѣлился схватишь ея руку и прижать къ своимъ губамъ. Баронесса, не опнимаю своей руки опъ меня, сказала мнѣ: «Боже мой! Ваше-ли дѣло рашоборшвовашъ съ волками? Развѣ не знаете вы, что баснословныя времена Орфея и Амѳіона давно прошли, и что дикіе звѣри пошеряли все почшеніе къ искуснымъ пѣвцамъ?» Эшошъ пріашный оборотъ рѣчи, кошорымъ Баронесса разрушила всю двусмысленношъ своего участія, шопчасъ возвратилъ мнѣ присущствіе духа. Самъ не знаю какъ случилось эшо, но вмѣсто того что-бы, по обыкновенію, сѣсть къ форшепіано, я сѣлъ на канаше, подлѣ Баронессы. «Какимъ-же образомъ попали вы въ шакую спрашную опасностъ?» Эши слова Баронессы показали, какъ хорошо понимали мы оба, что не Музыкой будемъ занимашся, а разговорами. Когда я разсказалъ свое приключеніе, и, упомянувъ о живомъ участіи Барона, далъ замѣтишь, что недочипалъ его способнымъ къ нему, Баронесса начала говорить тихимъ, почши задыхающимся опъ прискорбія голосомъ: «Можешъ бышь, обхожденіе Барона съ вами очень жестоко, очень грубо! Но, повѣрьше мнѣ, что шолько во время жишья въ

эпихъ мрачныхъ , невеселыхъ спѣнахъ , только во время дикой охоты по здѣшнимъ лѣсамъ , онъ такъ перемѣняется , или по крайней мѣрѣ перемѣняется его обращеніе . Всего больше разспроиваетъ его всегдашняя мысль , и даже увѣренность , что здѣсь случится что нибудь ужасное : отъ этого-то , какъ видно , его глубоко встревожило и ваше приключеніе . Къ счастью , оно осталось безъ всякихъ непріятныхъ послѣдствій . Баронъ спарается , что-бы и послѣдній изъ его слугъ не подвергался никакой опасности , а пѣитъ больше другъ , не давно пріобрѣтенный . Я увѣрена , что Гошлибъ , которому Баронъ спавишь въ вину , что онъ не помогъ вамъ въ опасности , будетъ наказанъ , если не шюрьюю , такъ самымъ жестокимъ для егера наказаніемъ : его заспизавашъ , безъ ружья , съ дубинкой въ рукѣ , идти за другими егерями . Такія охоты , какъ здѣшнія , никогда не бывають безъ опасности ; а Баронъ , всегда боишся несчастія , и между пѣмъ находить радость и наслажденіе охотничать , то есть самъ привлекаетъ къ себѣ демона зла : это возмущаетъ его жизнь , и для меня дѣлаетъ много непріятностей . Рассказываютъ много страннаго о нашемъ предкѣ ; которій основалъ Маюррашъ , и я знаю , что какая-то спрашная фамильная шайна заключена въ эпихъ спѣнахъ : она , какъ злой духъ , гонитъ отсюда владѣльцевъ , и пошому-то они могутъ не иначе провести здѣсь

даже коропкое время, какъ въ самомъ дикомъ шумѣ. Но, за шо, какъ одинока я въ эшомъ шумѣ, и какъ настроиваетъ мнѣ душу эша непріязненности, которая здѣсь видна во всемъ! Вы, своимъ Искусствомъ, доставили мнѣ первыя пріятныя минуны въ эшомъ замкѣ! Я не могу довольно взъявишь вамъ мою признательность!» Я поцѣловаль пропашную ко мнѣ руку и при молвилъ, что я самъ въ первый день своего пріѣзда, или, лучше сказать, въ первую ночь, испытываль всю непріятность и даже ужасъ жизни въ эшомъ замкѣ. Баронесса со спрахомъ глядѣла на меня, когда я приписываль свое непріятное впечатлѣніе самому устройству замка, особенно-же украшеніямъ въ судейской залѣ, овишту морскаго вѣпра, и проч. Можеть бышь мой голосъ и выраженіе показывали не только шо, о чемъ я говорилъ: не знаю; но, когда я замолчалъ, Баронесса съ живостью вскричала: «Нѣтъ, нѣтъ! Съ вами случилось что нибудь ужасное въ эшой залѣ, въ которую я не могу войдти безъ шрепеша. Заклинаю васъ: скажите мнѣ все!»

Лицо Серафимы покрылось смершною блѣдностью. Я увидѣль, что благоразуміе поспуцлю рассказавъ ей все вѣрно, все что случилось со мною; а иначе, разгоряченное воображеніе ея могло-бы предсавишь себѣ спрашилище, неизвѣстное мнѣ ни въ какомъ отношеніи, гораздо ужаснѣйшимъ, нежели оно было въ самомъ

дѣль. Она слушала, и ея горещь, ея поска увеличивались болѣе и болѣе. Когда я упомянулъ о царапаньѣ по стѣнѣ, она вскричала: «Эшо ужасно! Да: въ эшой стѣнѣ скрывается какашо спрашная шайна!» Когда я далѣе разсказалъ ей, какъ дѣдушка мой, духовною силою и высшимъ могуществомъ изгналъ домового, она глубоко вздохнула, какъ будио освободившись отъ тяжкаго чувства, шягошившаго ея грудь. Она прислонилась къ спинкѣ канапе и закрыла свое лицо руками. Только тутъ замѣнилъ я, что Адельгейды съ нами не было. Я давно переспалъ говоришь, и видя, что Серафина все молчишь, всшалъ шихонько, подошелъ къ форшешіано, и спарался, возвышающимися аккордами, вызвать упѣшишельныхъ духовъ, кошорые извелики-бы Серафину изъ мрачнаго міра, куда перенесена была она моимъ разсказомъ. Вскорѣ я заигралъ, какъ могъ нѣжнѣе, одну изъ духовныхъ пѣсней Аббаша Стефани. При исполненныхъ жалобы звукахъ: *Ochi, perchè piangete* — Серафина пробудилась отъ мрачнаго сна, и слушала, нѣжно улыбаясь, съ прозрачными перлами на глазахъ. Не знаю, какъ бросился я передъ нею на колѣна, какъ наклонилась она ко мнѣ, какъ я обхватилъ ее руками, и долгій, пламенный поцѣлуй горѣлъ на губахъ моихъ! Не знаю, какъ не поперялъ я разсудка, чувствуя, что она шихо прижимаетъ меня къ

себѣ, и какъ освободилъ я ее изъ своихъ объ-
щій. Быстро вскочилъ я и подошелъ къ фор-
шеіано. Ошвернувшись ошъ меня, она подо-
шла къ окну, ворошилаь назадъ, и подспушив-
ши ко мнѣ почти съ гордымъ, несвойственнымъ
ей видомъ, сказала, быстро глядя мнѣ въ гла-
за: «Дѣдушка вашъ благороднѣйшій сшарецъ:
подобныхъ ему не знаю! Онъ ангелъ-хранишель
нашей фамиліи. Да включишъ онъ меня въ свои
благочесшивыя молишвы!» Я не могъ выгово-
ришь ни одного слова: жестокій ядъ ея поцѣ-
луя горѣлъ и пламенѣлъ у меня во всѣхъ жилахъ,
во всѣхъ нервахъ. Вошла Адельгейда: бѣшен-
ство внушренной боръбы излилось у меня горя-
чими слезами, кошорыхъ я не могъ удержашъ.
Изумленная Адельгейда взглянула на меня и
двусмысленно засмѣялась: я гошовъ былъ убилъ
ее! Баронесса прошянула ко мнѣ руку, и съ не-
выразимою нѣжноспью сказала: «Прощайше,
прощайше, милый другъ! Будше сшасшлively, и
знайше, что можешъ бышь никшо лучше меня
не понимаешъ вашей музыки. Ахъ! Эши звуки
будушъ долго, долго опзывашъ мнѣ!» Я при-
нудилъ себя сказашь нѣсколько несвязныхъ, глу-
пыхъ словъ, и побѣжалъ въ свою комнашу.

Сшарикъ мой уже покоился. Я осшался въ за-
лѣ, кинулся на колѣна, и началъ громко рыдашь,
произносишь имя, милое сердцу, однимъ сло-
вомъ, предался всѣмъ дурачешвамъ влюбленна-

го, и только громкій голос пробужденнаго мнѣ шумомъ дѣдушки, кошорый кричалъ: «Брашецъ! Съ ума ты сошелъ, что-ли? Или опять дерешься съ волкомъ? Не угодно-ли тебѣ спрятаться въ постель!» — только эшотъ голосъ заспавилъ меня войдши въ нашу комнапу, гдѣ я легъ въ постель, швердо рѣшившись мечпашъ объ одной Серафинѣ.

Было около полуночи, когда я все еще не спалъ. Вдругъ чувспвую вдалькѣ голоса, слышу что бѣгающъ вверхъ и внизъ, ошворяющъ и зашворяющъ двери. Прислушиваюсь; слышу, что приближающа шага по корридорю, ошворяется дверь въ залу, и вскорѣ — спучающъ у нашей комнапы. «Кшо шамъ!» громко вскринулъ я. Изъ за двери ошвѣчали! «Г. Адвокашъ! Пробудилесь, вспаньше!» Я узналъ голосъ Франца, и когда спросилъ: «Не пожаръ-ли въ замкѣ?» — дѣдушка пробудился и вскричалъ: «Гдѣ пожаръ? Гдѣ опять явился эшотъ прокляшый домовой?» — Ахъ, вспаньше, Г. Адвокашъ! — сказалъ Францъ. — Вспаньше: Баронъ пребуешъ васъ. — «На что я Барону ночью!» вскричалъ дѣдушка. «Развѣ онъ не знаетъ, что виѣспѣ съ Адвокашомъ и юспици ложился спать, и спитъ шакъ-же спокойно какъ онъ.» — Ахъ! — горесшно воскликнулъ Францъ. — Милоспивѣйшій Господинъ Адвокашъ! Вспаньше, ради Бога! Госпожа Баронесса умираешъ! —

Съ ошчаяннымъ воплемъ вскочилъ я съ поспехи. «Отвори Францу дверь!» сказалъ мнѣ дѣдушка. Безчувственно бродилъ я по комнатамъ и не могъ найдши ни двери, ни замка. Спарикъ долженъ былъ пособить мнѣ, и Францъ вошелъ, блѣдный, съ измѣнившимся лицомъ. Онъ зажегъ у насъ свѣчи. Едва успѣли мы накинуть на себя плащъ, какъ услышали голосъ Барона уже въ залѣ. «Могу-ли поговорить съ вами, любезный Ф.?» кричалъ онъ. — «Ты, брашець, зачѣмъ одѣлся?» сказала мнѣ дѣдушка, будучи гошовъ выйдши. «Баронъ хочешъ видѣшь одного меня.» — Я... туда, я долженъ ее увидѣшь и попомъ умереть! — проговорилъ я глухимъ, задыхающимся ошъ горести голосомъ. «Да, да, да! Ты прекрасно выдумалъ, брашець?» сказалъ мнѣ дѣдушка, захлопнулъ дверь, съ такою силою, что всѣ крюща въ ней зазычали, и заперъ ее ключемъ снаружи.

Въ первую минупу, эшо принужденіе взбѣсило меня. Я кошѣлъ вышибить дверь; но, пошчасъ одумавшись, обсудилъ, что эшо можешъ имѣшь полько пагубныя слѣдствія необузданнаго бѣшенства, и рѣшился подождать спарика, а попомъ уже, во что-бы шо ни спало, убѣжашъ ошъ его надзора. Я слышалъ, что дѣдушка жестоко спорить съ Барономъ; слышалъ, что часто упоминающъ мое имя; но разслушашъ болѣе не могъ ничего. Съ каждымъ мгновеніемъ, положеніе мое спановилось убійспеннѣе. Нако-

нецъ, я услышалъ, что Барону принесли какое-то извѣстiе, и онъ поспѣхъ побѣжалъ вонъ.

Дѣдушка возвратился въ свою комнату. «Она умерла?» закричалъ я, бросившись на встрѣчу къ нему. — А ты дурачишься, брашець! — примолвилъ онъ, поглядѣвъ на меня и посадилъ на стулъ. «Нѣтъ! я пойду туда!» закричалъ я. «Пойду! я увижу ее, хошя-бы эшо сповло мнѣ жизни! . . .» — Изволь, брашець, спупай! — сказалъ дѣдушка, замкнулъ дверь, вынулъ ключъ изъ нея и подожди егo въ карманъ. Я закипѣлъ бѣшенствомъ, схватилъ заряженное ружье и вскричалъ: «Не сходя съ мѣста, передъ вашими-же глазами я прострѣлю себѣ голову, если вы сей часъ-же не отпирете мнѣ двери!» Дѣдушка спалъ подлѣ меня и, пронизательно глядя мнѣ въ глаза, сказалъ: «Ребенокъ! Неужели ты думаешь успрашишь меня своими дѣшскими угрозами? Неужели ты думаешь, что для меня драгоценна швоя жизнь, когда ты самъ, въ своемъ дѣшскомъ ослѣпленiи, кидаешь ее какъ ненужную игрушку? Какое дѣло тебѣ до супруги Барона? Кто далъ тебѣ право подражать докучливымъ дуракамъ, и пробиваешься туда, гдѣ тебѣ не должно быть, и гдѣ тебя не могутъ принять? Развѣ ты хочешь разыграть роль влюбленнаго паспущка въ таинственный часъ смерти?» Я былъ уничтоженъ его словами, и упалъ на стулъ. Послѣ нѣкотораго молчанiя, старикъ

продолжалъ смягченнымъ голосомъ : « Къ тому же , надобно знашь тебѣ , что мнимая опасность жизни Баронессы , кажешся , ешь одна пустая тревога . Адельгейда точно также бываешь вѣ себя опъ всего . Если ей упадешь капля дожда на носъ , шо она кричишь : какая ужасная погода ! Къ несчастію , сумашоха дошла до спарыхъ шѣпущекъ : онѣ , съ вснужнымъ плачемъ , припащились , и приволокли цѣлый арсеналь крѣпительныхъ капель , жизненныхъ эликсировъ , и Богъ знаетъ чего еще ! Сильный обморокъ... » Дѣдушка оспановился , замѣшивъ мою внушреннюю борьбу . Онъ прошелъ нѣсколько разъ по комнатамъ , спалъ опашь напроливъ меня , и , засмѣявшись опъ чистаго сердца , сказалъ : « Брапещъ , брапещъ ! Какую глупую шпуку запѣялъ ты ! Ну , это значишь , что нечистиый духъ подшучиваешь здѣсь разными манерами ; ты попался ему въ когти , и вопъ онъ съ побой шеперь и забавляешь ! » Онъ опашь прошелся нѣсколько разъ , и сказалъ : « Сонъ мы прогуляли . Теперь , я думаю , не худо будешь выкуришь шрубку , и такъ провести пару часовъ ночи и шемнош . » Съ эпини словами спарикъ вынулъ изъ шкафа глиняную шрубку , и , бормоча какую-шо пѣсню , долго и шщашельно набивалъ табакъ ; потомъ вачалъ онъ рышься въ бумагахъ , и наконецъ выпацилъ изъ нихъ одинъ листъ , свернулъ его въ шрубочку , и зажегъ . Пуская гущиша облака дыму , про-

говорилъ онъ сквозь зубы: «Ну, брашець! А какъ у тебя было съ волкомъ-шо?» Не знаю почему, хладнокровные пошупки спарика произвели на меня спрванное дѣйствіе. Миѣ мечшалось, что я уже не въ Р—скомъ замкѣ; что Баронесса далеко, далеко, и что я могу только мыслями доспигать до нея. Послѣдній вопросъ дѣдушки оскорбилъ меня. «Незнаю,» отвѣчалъ я, «ошъ чего мое приключеніе на охотѣ кажешся вамъ шакъ забавнымъ, шакъ приличнымъ для шушки!» — Совсѣмъ нѣшъ! — возразилъ спарикъ. — Но, шы не повѣршшъ, любезный братъ, какое комическое лицо представляешъ въ свѣшъ шаккой молодець, шакая горячка, какъ шы, и какъ вообще онъ бываешъ неуклюжъ, когда Богъ захочешъ его помиловашъ въ какомъ нибудь особенномъ происшешвіи. Въ школѣ у меня былъ другъ: скромный, шихій, укладчивый малой. Случай замѣшалъ его въ одно дѣло, гдѣ надобно было защищать свою честь — его, кошорый никогда не давалъ къ шому повода! Чшо-жъ вышло? Большая часть молодежи почишала его шрусомъ, просшачкомъ; но онъ пошупилъ шакъ храбро и рѣшительшо, что всѣ съ почпеніемъ удивились ему. Но съ этого времени онъ совсѣмъ перемѣнился. Изъ шрудололюбиваго, скромнаго юноши, вышелъ заносчивый, песперпимый забіяка. Онъ ссорился, вздорилъ, дрался, все ошъ глупаго ребячесшва, и дошелъ до шо-

го, что, наконецъ, одинъ помѣщикъ, котораго онъ оскорбилъ самымъ грубымъ образомъ, убилъ его на дуэль. Я рассказалъ себѣ эту испорію, а ты думай о ней что хочешь. Теперь возвратимся опять къ Баронессѣ и къ ея болѣзни...— Въ это мгновеніе, въ залѣ послышались шаги, и мнѣ показалось, что по воздуху разносится шажкое шенаніе. «Ея уже нѣтъ!» Эта мысль пролетѣла во мнѣ какъ убійственная молнія. Дѣдушка послѣшно вспалъ и громко вскрикнулъ: «Францъ! Францъ!» — Что прикажешь? — ошвѣчали изъ за двери. — «Францъ!» продолжалъ дѣдушка. «Поправь огонь въ каминѣ. Да не лзя-ли, брапецъ, приготоишь намъ пару чашекъ чаю? Чоршъ знаетъ какъ холодно!» примолвилъ онъ, оборотившись ко мнѣ. «Лучше намъ поиди шуда, и подлѣ камина поговоришь о чемъ нибудь.» Спарикъ ошворилъ дверь; я, безъ всякой мысли, пошелъ за нимъ. «Ну, что, какъ вы шамъ?» спросилъ онъ у Франца. — Да ничего! — ошвѣчалъ слуга. — Госпожа Баронесса опять весела, и думаешь, что маленькій обморокъ ея пришелъ ошъ дурнаго сна. — Я гошовъ былъ закричашъ ошъ радости и воспорга, но важный взглядъ дѣдушки ошановилъ меня. «А вѣдь не худо было-бы намъ шеперь лечъ, да соснушъ еще часика два?» сказалъ дѣдушка. «Чаю, брашъ Францъ, не надо.» — Какъ угодно — ошвѣчалъ Францъ, и ошавилъ насъ, желая спокой-

ной ночи, хотя въ это время уже пѣли вѣшу-хи. «Слышалъ, брашъ?» примолвилъ дѣдушка, выбивая въ каминъ пепель изъ шрубки. «Спало бышь хорошо, что тебѣ не приключилось никакого несчастія ошъ волка и ошъ заряженнаго ружья.» Теперь я понималъ все, и спыдился что далъ случай спарику поспуишь со мною какъ съ зашалившимся ребенкомъ.

«Сдѣлай, брашъ, одолженіе,» сказалъ мнѣ на другое ушро дѣдушка: «сходи въ низъ, и освѣдомься о здоровьѣ Баронессы. Скажи, что ты пришелъ къ Адельгейдѣ, а ужъ она тебѣ доспа-вишь большой бюлешень.» Можно предспавишь себѣ, какъ спѣшилъ я исполнить это приказаніе. Но въ шо самое мгновеніе, когда я хотѣлъ шихонько поспучатъся въ двери передней комнашы, изъ нея вышелъ ко мнѣ на встрѣчу Баронъ. Онъ въ изумленіи оспановился и мѣрля мена суровыми, проицашельными взглядами. «Что вамъ угодно здѣсь?» выговорилъ онъ наконецъ. Хотя сердце мое сильно билось, но я скрѣпился и ошвѣчалъ швердымъ голосомъ: «Дѣдушка поручилъ мнѣ освѣдомишься о здоровьѣ Баронессы.» — О, скажише что ничего: это былъ обыкновенный ея нервный припадокъ. Она спокойно спитъ, и я увѣренъ, что къ сполу явишся вдорова и веселая. Скажише это, скажише! — Баронъ выговорилъ всѣ эти слова съ нѣкоторою спрасшною горячностію, и я думалъ

видѣшь по выраженію его голоса, что онъ за- боишься о Баронессѣ болѣе нежели показывается. Я оборотился и гошовъ былъ выйдши, но Баронъ схватилъ мою руку и сказалъ, глядя на меня сверкающими глазами: «Мнѣ надобно поговорить съ вами, молодой человѣкъ!»

Я видѣлъ передъ собою оскорбленнаго супруга; я могъ спроситься такого приключенія, которое могло окончиться неблагопріятнымъ для меня образомъ. Я былъ безоруженъ, но пошчасъ вспомнилъ, что у меня въ кармапѣ есть охотничій ножъ, недавно подаренный мнѣ дѣдушкою. Баронъ быстро тащилъ меня за собою, и я шелъ, швердо рѣшившись не щадить своей жизни, если хошь не много будетъ задѣпа моя честь. Мы вошли въ комнашу Барона; онъ замкнулъ за собою дверь. Въ сильномъ движеніи, сложивъ руки одну на другую, ходилъ онъ по комнапѣ, наконецъ оспановилея передо мною и повпорилъ свои слова: «Мнѣ надобно поговорить съ вами, молодой человѣкъ!» Я одушевился дерзкою храброспью и сказалъ громкимъ голосомъ: — Надѣюсь, что ваши слова не пошребуюшь опъ меня возмездія! — Баронъ съ изумленіемъ поглядѣлъ на меня, какъ будто не понимая моихъ словъ. Послѣ этого, онъ мрачно пошупилъ глаза, закинулъ руки на спину и началъ опяпъ шаганъ по комнапѣ. Онъ взялъ ружье, споявшее въ углу, и опуспилъ въ него

шомпаль, какъ-бы пробуя, заряжено-ли оно. Кровь закипѣла въ моихъ жилахъ; я схватился за ножъ, и спалъ влошь подлѣ Барона, чшобы помѣшанъ ему прицѣлился въ меня. «Славная вещь!» сказалъ Баронъ, сшавя ружье на прежнее мѣсто. Я опонелъ на нѣсколько шаговъ назадъ, а Баронъ опять подонелъ ко мнѣ. Сильно ударивъ меня по плечу, онъ началъ говорить: «Вѣрно, я кажусь вамъ смущенъ и вспревоженъ? Я шаковъ и въ самомъ дѣлѣ, послѣ прошедшей ночи, проведенной въ тысячѣ спраданій. Нервный припадокъ моей жены былъ совсѣмъ не опасенъ: шеперь я вижу это самъ. Но здѣсь, здѣсь, въ эшомъ замкѣ, въ которомъ изгнанъ мрачный жишель другаго міра, я спрашусь всего ужаснаго; а Баронесса больна здѣсь еще въ первый разъ, и вы, вы одни винованы въ эшомъ!» — Какъ это можешь бышь! Я эшого не могу посшигнушь! — возразилъ я спокойнымъ голосомъ.—«О, если-бы провалилось сквозь землю, разбилось на тысячу кусковъ проклятое форшепіано управишельши!» продолжалъ Баронъ. «О если-бы вы... но нѣшь, нѣшь! эшому должно было случишься! Во всемъ виноваты одинъ я. Я могъ въ шу-же минушю, когда вы начали заниматьсѣ Музыкою въ комнацѣ жены моей, сказашь вамъ обо всемъ, увѣдомишь васъ о душевныхъ свойствахъ моей жены.» Я хотѣлъ говорить, но Баронъ продолжалъ: «Дайше мнѣ

сказать все! Прежде всего я долженъ предупредить всякое преждевременное ваше сужденіе. Вы сочтете меня за грубаго, недослупнаго Искусшвамъ челоѵка? Я совсѣмъ не таковъ. Но основанная на глубокомъ убѣжденіи предусмолпришельность заслավляетъ меня всевозможно изгоняшь ошсюда всякую Музыку, которая поразитъ чувшва не шолько другаго кого нибудь, но, вѣроятно, и мои собственныя. Знайте, что жена моя больна раздражисельностью, которая лишитъ ее наконецъ всѣхъ радостей жизни. Въ здѣшнихъ шайнспвенныхъ спѣнахъ она почти не выходитъ изъ усиленнаго, раздраженнаго состоянія, обыкновенно приходящаго къ ней на короткое время и часто даже предвѣщающаго сильную болѣзнь. Вы можете спроситъ: для чего, не избавляю я нѣжную женщину ошъ прїѣзда въ эшошъ унымый замокъ и ошъ житья въ кругу бѣшеныхъ охошниковъ? Но, называйте эшо слабосшью, а довольно сказать— я не могу осшавитъ ее одну. Я былъ-бы непрерывно въ поскѣ, не могъ-бы ничѣмъ заняшь порядочно; я знаю, что ужасныя каршины того спрашнаго несчашія, которое она могла-бы испытать, предспавлялись-бы мнѣ и въ лѣсу, и въ судейской залѣ. Сверхъ шого, я полагаю, что слабой женщиной, здѣшней образъ жизни можете служишь вмѣсто укрѣпляющей желѣзиспой ванны. И въ самомъ дѣлѣ, морской вѣтръ, славно

завывающій здѣсь въ сосновомъ лѣсу, глухой лай собакъ, и шумный, веселый звукъ роговъ, можно предпочесть разслабляющему, разнѣживающему брянчанью на клавикордахъ. А вы, вы рѣшились меподически уморить имъ мою жену!» Баронъ проговорилъ это усиленнымъ голосомъ, дико сверкая глазами. Кровь бросилась мнѣ въ голову: я съ живостью сдѣлалъ движеніе рукою впередъ и хотѣлъ говорить, но Баронъ не допустилъ меня. «Знаю, что хошите вы скажете!» началъ онъ снова. «Знаю, и повшорю, что вы могли уморить мою жену, и что однакожъ я никакъ не могу жаловаться на васъ, хотя вы понимаете, что я долженъ положить этому конецъ. Однимъ словомъ: вы воспламенили воображеніе моей жены пѣніемъ и игрою, и когда она плавала, безъ кормила и якоря, по бездонному морю мечтапательныхъ видѣній и предчувствій, кошорыя вызвала ваша Музыка какъ злое волшебство, вы погрузили ее въ глубину этого моря своимъ рассказомъ о непрізнанномъ домовомъ, явившемся вамъ памъ, вверху, въ судейской залѣ. Дѣдушка вашъ рассказалъ мнѣ все; но я прошу васъ, повшорите мнѣ все, что вы видѣли и чего не видали, что слышали, чувствовали, подозрѣвали!» Я собрался съ духомъ, и спокойно рассказалъ, какъ что было съ начала до конца. Въ это время Баронъ шолко

по временамъ проговаривалъ немногія слова, выражавшія его удивленіе. Когда я дошелъ до того, какъ дѣдушка съ благочеспивымъ мужествомъ прошивушалъ домовому, и своими сильными словами изгналъ его, Баронъ всплеснулъ руками, поднялъ ихъ къ небу, и съ одушевленіемъ вскричалъ: « Да! онъ геній хранишель нашей фамиліи! Его смертная оболочка должна покоиться между нашими предками!» Я замолчалъ. « Даниль! Даниль! что дѣлаешь ты здѣсь, въ эшотъ часъ!» бормошалъ Баронъ про себя, и между шѣмъ рассказывалъ по комнатамъ, сложивъ руки одну на другую. « И такъ, Г. Баронъ, опасноспи нѣшъ никакой?» громко сказалъ я, и сдѣлалъ видъ, что хочу удалиться. Баронъ какъ будто пробудился отъ сна, взялъ меня дружески за руку, и опшѣталъ: « Да, любезный другъ! Жена моя, которую вы, безъ намѣренія, шакъ жестоко заиграли, должна бышь вами-же и вылечена. Одни вы можете сдѣлать эшо!» Я чувствовалъ что лицо мое запылало, и если-бы споялъ прошивъ зеркала, то конечно увидѣлъ-бы въ немъ преглупую фигуру. Баронъ, казалось, забавлялся моимъ смущеніемъ, присшально глядѣлъ мнѣ въ глаза и улыбался съ адскою ироніею. « Но какимъ образомъ могу сдѣлать эшо?» пробормошалъ я наконецъ съ большимъ усиленіемъ. — О! — прервалъ меня Баронъ. — У васъ на рукахъ будешь совсѣмъ не опасная больная.

Августъ 1830.

Теперь я именно пребуду вашего Искусства. Баронесса, шакъ или иначе, но живешъ въ очарованномъ кругу вашей Музыки : вдругъ исхлпяшь ее изъ него было-бы и глупо, и жестоко. Продолжайте занимашься Музыкою. Прошу васъ приходишь всякій вечеръ въ комнаты жены моей. Но въ выборѣ Музыки поспешенно переходите къ слабѣйшему ; искусно соединяйте веселое съ важнымъ ; и сверхъ того, болѣе всего, повсоряйте ей чаще разказъ о домовомъ. Баронесса привыкнетъ къ нему, забудетъ что домовою обшпаетъ въ эшихъ спѣнахъ, и наконецъ испорит о немъ будетъ столько-же дѣиспивовать на нее, какъ и всякой другой разказъ о волшебствѣ, копорымъ угощаютъ ее въ романахъ и въ книгахъ о привидѣнїяхъ. Вошь что должны вы дѣлать, любезный другъ! — Съ этими словами Баронъ отпустилъ меня, и я ушелъ.

Какъ упалъ я въ собственномъ своемъ мнѣнїи ! Я былъ ничтожный, глупый ребенокъ !... Безумецъ ! Я воображалъ, что въ груди его шпашься ревностъ ко мнѣ — а онъ самъ посылаетъ меня къ Серафинѣ ! Онъ видитъ во мнѣ одно невольное средство, которое можно употребить и попомъ бросить, когда ему угодно ! За нѣсколько минутъ я спросилъ Барона. Въ глубинѣ души, я сознавался самъ себѣ въ виновномъ поступкѣ ; но эта виновностъ давала мнѣ чувствовашь высшую, блаженнѣйшую жизнь !...

Теперь — все одѣлось густымъ мракомъ! Я видѣлъ только глупое дымя, кошорое въ дѣшскихъ шалостяхъ надѣло на свою горячую голову бумажную корону, и почиало ее золошою!...

Я поспѣшилъ къ дѣдушкѣ: онъ уже ожидалъ меня. «Куда эшо, брашець, дѣвался ты?» кричалъ онъ мнѣ на встрѣчу. — Говорилъ съ Барономъ — сказалъ я шихимъ голосомъ и скоро, не имѣя силъ даже взглянуть на шарика. «Вошь тебѣ на!» вскричалъ дѣдушка, какъ будто удивившись. «Скажи пожалуй! Выдумай эшо! Вѣрно Баронъ гонитъ тебя, брашъ?» Громкій хохоть, кошорымъ дѣдушка разразился, говоря сіи слова, показалъ мнѣ, что и въ эшошь разъ, шакъ-же какъ всегда, онъ видитъ меня насквозь. Я закусилъ губы, и не ошвѣчалъ ни однимъ словомъ, зная навѣрное, что слова мои послужили-бы только поводомъ къ тысячѣ насмѣшекъ, уже вершѣвшихся у шарика на языкѣ.

(До слѣд. книжки).

LE MAURE DE VENISE, ETC. *Венеціанскій Мауръ*, трагедія Шекспира, переведенная Альфредомъ де Виньи и представленная на Французскомъ Театрѣ 25 Октября 1829 года.

(Окончаніе).

Убѣдившись во всемъ вышеизложенномъ, можно ли сказать, что новая Кришка, которую ксати или не ксати, или, лучше сказать, и ксати и не ксати укоряють измѣненіемъ, совершающимся нынѣ въ нашемъ Театрѣ, можно ли сказать, что сія Кришка вовсе не достигла своей цѣли? Если она не преобразила, ударомъ волшебнаго прутика, скромныхъ дарованій въ геніяльныя, то развѣ не открыла она пути будущимъ великимъ поэтамъ? Если она не заставила вырасти изъ земли превосходныхъ произведеній, то развѣ не потеряла она многимъ глазъ, не раскрыла многимъ ушей? Развѣ не приготовила она обстоятельство такимъ образомъ, что превосходныя произведенія, если когда нибудь небо пошлетъ ихъ намъ, найдушь слушателей, готовыхъ ихъ понимать, способныхъ судить о нихъ?

Мы никакъ не думаемъ, что-бы труды ея въ семъ отношеніи были совершенно тщетны. Напротивъ, мы скорѣе готовы полагать, что, во многихъ отношеніяхъ, или по крайней мѣрѣ въ отношеніи существеннѣйшемъ, она успѣла превыше своихъ надеждъ, и, можешь быть, даже превыше своихъ

желаній. Мы готовы думать, что она не остановилась на одном своемъ дѣлѣ, но освободила наши умы, невольнымъ образомъ, отъ бѣльшаго числа снѣсеній, нежели предполагаешь и подозреваешь сама.

Въ самомъ дѣлѣ: въ чемъ состоятъ недостатки Критики вообще, Критики, разумѣется, высокой, ибо о другой не спѣишь и говоришь, недостатокъ, отъ котораго новая Критика также очень не изъѣла?

Это, какъ намъ кажется, недостатокъ въ свободѣ ума, при одобреніи или осужденіи, и какое-то предрасположеніе, пламенное, пристрастное, исключительное, не позволяющее уму ничего означить съ надлежащею строгостію въ томъ, что удивляетъ его, ни удивляться чему либо съ полною души въ шакомъ произведеніи, которое ему не нравится.

Древнимъ, напримѣръ, удивляюся всѣ, и никто не станеть спорить, что удивленіе это очень справедливо. Имъ удивляются во Франціи, въ Германіи, въ Англіи, по причинамъ весьма различнымъ, часомъ даже противоположнымъ, или по крайней мѣрѣ вслѣдствіе началъ, весьма несходныхъ между собою. Но, сказать по правдѣ, гдѣ, до сихъ поръ, были разсмотрѣны они? Гдѣ были они оцѣнены безъ энтузіасма условнаго, безъ обожанія заказнаго? Первый, кто укажетъ на ихъ недостатки откровенно, и притомъ сохраняя какое угодно почтеніе къ нимъ, развѣ не подвергнется названію варвара и Визигота? Да и мы сами, осмѣлившись

сдѣлашь эшошь намекъ, какую бурю, можешь бышь, накликаемъ мы на свою голову!

Великіе писатели Французскіе были очень хорошо поняты, очень хорошо разсмотрѣны, очень хорошо изъяснены Лагарпомъ, ибо Лагарпъ былъ Кришникъ не пошлый. Но, съ одной стороны, онъ полагалъ, что не ошдалъ-бы должной дани Расину и Вольшеру, если-бы не привязалъ къ нимъ шоржешственной модесницѣ Шекспира и не пащилъ его по грязи; съ другой стороны, шолько изрѣдка, и шо съ шрепешомъ осмѣливаешся онъ указашъ на какое нибудь легкое несовершенство въ предметѣ своего обожанія; но величайшіе недостатки нашего Театра не поражаютъ его: онъ, кажешся, и не видишь ихъ.

Возьмемъ, напрошивъ, какъ представилешя новой Кришники, шого, кто безъ сомнѣнія составляешъ ея славу и красу, человека, который обширностью и разнообразіемъ своихъ свѣдѣній, глубиною и оригинальностью своихъ взглядовъ, живымъ чувствомъ изящнаго, всегда одушевляющимъ его, и высокою проницательностью, не оставляющею его никогда, дѣйствовалъ болѣе всѣхъ другихъ на понятія и мнѣнія своихъ современниковъ, возьмемъ А. В. Шлегеля: эшо будешъ совершенно другая сторона медали.

Онъ удивляешся Шекспиру; онъ перевелъ его, какъ художникъ; онъ шрашно удивляешся Кальдерону и Театру Испанскому. Но, за шо, онъ судишь о нашемъ Театрѣ, всегда болѣе нежели строго; удивительная ешественность и комическій даръ Мольера встрѣчаютъ въ немъ человека, нечув-

спвующаго ихъ; *Федра* Расинова для него гораздо ниже *Эврипидовой*; наши достоинства не всегда находясь въ немъ сочувствіе и справедливость; наши малѣйшіе недостатки подвергаются жесточайшимъ его приговорамъ.

Онъ удивляешься Шекспиру, и энтузіасмъ его такъ, что для него не только Шекспиръ есть совершенство во всѣхъ отношеніяхъ, но и все, что относится къ Шекспиру, болѣе или менѣе, все причастно этому идеалу совершенства. Эпоха, въ которую жилъ Шекспиръ, была не только великая эпоха, но и время образованности, вкуса; это было не только время учености, но и нѣжности чувствованій; вѣжливость, пріятность, тонкая шушка были характеристическими, отличительными чертами этого времени. Самъ Шекспиръ не только великій поэтъ, но и глубокій философъ, котораго умъ изслѣдовалъ всѣ пуши, всѣ таинства міра, и всѣ изгибы души человѣческой. Его пьесы не только производятъ величайшее дѣйствіе, но онѣ и сочинены съ изумляющимъ, не погрѣшительнымъ искусствомъ. Въ нихъ все, и самое малое и самое великое, находится на своемъ мѣстѣ и въ точномъ размѣрѣ. Грубая неблагоприспособности, которыя у Шекспира шма, суть порывы воображенія; игра словъ, ошрошы, каланбуры, кошорые встрѣчающіяся у него на всякомъ шагу, даже въ самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ, суть блескъ самаго чистаго вкуса; анахронизмы его имѣютъ свое достоинство; ошибки историческія и географическія, при изображеніи нравовъ, имѣютъ свои причины.

Такое-же идолопоклонство, такая-же суевѣрная горячность къ Театру Испанскому.

Правда, первые изъ нашихъ Кришниковъ, принявшіе ученіе Шлегеля, осшерегались и не пошла такъ далеко, какъ онъ. Они чувствовали преувеличенія его, они сохранили спаринное свое удивленіе къ Расину, при новомъ удивленіи къ Шекспиру, и въ самомъ Шекспирѣ сшарались отдѣлить признаки его времени, отъ рѣдкаго генія, которымъ наградила его Богъ.

Но, должно признаться, это благоразуміе не было ни всеобщимъ, ни продолжительнымъ.

Видя, какъ выражаются корифеи новой школы нашей, когда говорятъ они объ Англичанахъ и Нѣмцахъ, о Шиллерѣ, Шекспирѣ и Гёте, можно легко замѣшшь, что они удивляются имъ не разсуждая; легко замѣшшь, что они въ такомъ-же состояніи умшвенномъ относительно ихъ, въ какомъ былъ Лагарпъ относительно Расина и Вольтера; что они согласны не одобрить какой нибудь бездѣлицы, но только съ тѣмъ, чтобы не оуждали обожаемыхъ ими писателей ни въ чемъ великомъ, основномъ.

Напримѣръ — впрочемъ одобряемое нами отъ всей души — предпріятіе дашь на Французскомъ Театрѣ Ошелло, вполне, переведеннаго стихъ въ стихъ, не выпуская ничего, кромѣ роли безпутной дѣвки, роли почти излишней, да многихъ грубыхъ двусмысленностей и отвращительныхъ неблагоприсшойностей (чего не пропустила-бы и расправа благочинія), это предпріятіе, кто не почтеть его желаніемъ представить публикѣ, не зрѣлице занима-

шельное своею новостью, и любопытное по времени, къ компорому оно переноситъ насъ, но совершенный образецъ Искусства, сочиненіе, непогрѣшительное ни въ какомъ отношеніи?

Осмѣлимся сказать, что время подобныхъ превеличій для Французовъ прошло; осмѣлимся предречь, что въ общемъ здоровомъ смыслѣ, развитомъ и приготовленномъ борбою, продолжающаюся лѣтъ пятнадцать или двадцать, заключается препяшствие непобѣдимое, при которомъ частныя обоженія никогда не возобладаютъ нами, никогда не сдѣлаются общимъ мнѣніемъ и принятою всѣми школою. Насъ извели изъ одной крайности, и мы не допустимъ кинуть себя въ другую; насъ избавили отъ тысячи мѣлочныхъ предубѣжденій, и мы не позволимъ запустать себя въ предубѣженія другаго рода.

Всякій разъ, когда возобновится попытка, нынѣ сдѣланная на Французскомъ Театрѣ (а мы надѣемся, что она будетъ возобновляться часто: это въ миллионъ разъ лучше нежели угощать насъ новыми посредственными пьесами), всякій разъ случившаяся по-же, что случилось нынѣ, то есть что публика не согласится лишиться себя свободы сужденія, для кого-бы то ни было; что многое, чему прикажутъ ей удивляться, она только стерпитъ, многое осудишь, и наконецъ многому будетъ удивляться, но по причинамъ новымъ, собственно ей принадлежащимъ и въ ней заключающимся; что, по крайней мѣрѣ въ безпристрастіи, она покажетъ себя выше самозванцевъ-учителей ея, и что на представля-

емое ей она будетъ смотрѣть съ высшей и болѣе вѣрной точки зрѣнія, нежели они, эши училиши.

Говоримъ, что эшо уже случилось нынѣ, и говоримъ не потому только, что большая часть публики не хотѣла рѣшишельно пристать ни къ порицашелямъ, ни къ энтузіасмамъ Шекспира. Неустрадищешъ публики происходилъ скорѣе отъ того, какъ мы объяснили, что ея понятія, ея мнѣнія еще не установились, и что она боялась ошибиться. Но мы основываемся на впечатлѣніи, произведенномъ общностью и частями пьесы: въ немъ, какъ мы думаемъ, заключается сужденіе истинное, откровенное, не подготовленное, которое можно было чпшашъ на лицахъ всѣхъ. Оно не во всемъ согласовалось съ понятіями многоуважаемыхъ Кришниковъ, старающихся поселить и въ насъ свои понятія объ Англійскомъ произведеніи; но тѣмъ болѣе было оно оригинально, и, по мнѣнію нашему, болѣе достойно вниманія.

Въ самомъ дѣлѣ, Англійская пьеса раздѣляется на два, почти равные отдѣла. Въ первомъ, которое составляютъ два первыя дѣйствія и нѣсколько явленій трешьяго, главное мѣсто занимаетъ характеръ комическій, среди коего трагическое, или почти сказашъ, важное, возвышенное, является одинъ разъ, мимоходомъ. Во второмъ отдѣлѣ, напротивъ, преимуществуешъ характеръ трагическій; комическое только иногда сверкаешъ, какъ молнія.

Эшо различіе столь ярко въ подлинникѣ, что вообще его комическая часть писана прозою, ме-

жду шѣмъ какъ трагическая почти вся сплхтами. Такое смѣшеніе употребляешь Шекспиръ обыкновенно съ искусствомъ удивительнымъ; но Французскій Переводчикъ не осмѣлился испытать его на нашей сценѣ.

Комическая часть показалась длинною и нѣсколько тяжелою; дѣйствіе, произведенное ею вообще, было — нешерпѣливость, досада.

Ошъ чего?

Неужели единственно ошъ сближенія комическаго съ трагическимъ? Или ошъ несовмѣстности двухъ впечатлѣній вдругъ? Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть слушателей такъ изъясняла свои ощущенія. Но предположимъ, что комическое было бы другаго рода, что оно было-бы умѣреннѣе, приличнѣе, соразмѣреннѣе; произвело-ли бы оно шо-же дѣйствіе? Богъ знаетъ! Но благосклонность, съ какою приняты были нныя выходы, и общій смѣхъ, кошорый возбуждали онѣ, показываютъ даже прошивное.

Мысль, соединить въ изящномъ произведеніи два противоположные элемента въ равной мѣрѣ, или почти въ равной, кажется намъ необдуманною и должною. Мы не поклонники единствѣ вообще, но думаемъ, что одно основное единство, во всѣхъ родахъ, составляетъ необходимое условіе, при коемъ можешь проявляться на землѣ изящное. Собственное дѣйствіе изящнаго, какого-бы оно ни было рода, есть — восхишить, увлечь душу въ шу сферу, гдѣ исчезаешь для нея отношенія, и уничтожишь въ ней, на минушу, чувство ея ошдѣль-

ности. Но душа человѣческая создана такимъ образомъ, что не можешь она забывать себя, и шептаться; въ одно время, или сряду, въ двухъ впечатлѣніяхъ, совершенно противоположныхъ и равносильныхъ; не можешь вполнѣ отдать себя имъ. Добиваясь этого, значило-бы принуждать ее.

Если-бы предметъ *Отелло* былъ вовсе незнакомъ публикѣ; если-бы она произвольно, безъ соприкосновенія поддавалась одной веселой части пьесы — безпрерывнымъ мистификаціямъ, усмрленнымъ противъ *Родерико*, удивленію и гнѣву *Брабанціо*, опьянѣнію *Кассіо* и глупымъ шушкамъ дурака, то сначала она настроилась-бы къ веселости, но за то ощутила-бы весьма непріятное пошрясеніе, когда-бы ей надобно было вдругъ перейдши изъ этого веселаго, радостнаго расположенія духа, къ ужасному высокому стѣхъ великихъ сценъ, които оканчивается прешіе дѣйствіе.

Напротивъ, когда она собралась въ театральную залу, уже напередъ занятая сценами ревности, и не менѣе ужасными сценами, слѣдствіемъ этой ревности, то болѣе чѣмъ два дѣйствія, наполненныя сарказмами, шушками и насмѣшками, при перптѣливомъ ожиданіи развязки, показались ей шягостнымъ испытаніемъ и досаднымъ предисловіемъ. Въ эшомъ она видѣла не только нѣчто шягостное, но даже оскорбительное, излишнее, уклонявшееся ошь цѣли, какова-бы ни была сія цѣль.

Винова-ли она въ эшомъ? Не предубѣжденіе-ли эшо? Не думаемъ.

Впрочемъ, смѣшніе комическаго съ трагичес-

кимъ не бываешь, или по крайней мѣрѣ не должно быть произвольнымъ. Не лѣзя сближашь ихъ безъ причины, ибо противоположности, антитезы, въ произведеніяхъ Искусства, не имѣюшь сами по себѣ ни достоинства, ни внутренняго значенія. Ихъ сближаюшь, если сближеніе производишь нѣчто изящное; сближаюшь потому, что при событіяхъ, испровергающихъ всякую жизнь, свѣтъ и общество, идушь, не заботясь и не смущаясь, люди равнодушные, эгоисты, идушь размыренными шагами, не упуская изъ виду своихъ пользъ, будучи обладаемы своими привычками, своими алчными желаніями: противоположность, сихъ столь различныхъ положеній и чувствованій, вырываетъ у насъ улыбку, открываешь новую точку зрѣнія на жизнь человѣческую, и невольно заставляешь задумываться. Ихъ сближаюшь потому, что проблескъ неожиданной веселости освѣщаетъ иногда души, пожираемыя угрызениями совѣсти, или погруженные въ отчаяніе; поспавляя ихъ на минушу въ положеніе, погибшее для нихъ, погибшее безвозвратно и безнадежно, онъ вновь покидаетъ ихъ черезъ минушу, какъ лучъ свѣта, блеснувшій для того только, что-бы освѣтить самую глубину бездны:

Nessun maggior dolore
 Che ricordarsi del tempo felice
 Nella miseria.

Ихъ сближаюшь, потому что часто одно и тоже событіе имѣетъ различныя стороны, и полусвѣтъ, брошенный на одну, возвышаетъ живой блескъ другой; наконецъ ихъ сближаюшь потому,

что несчастіе ужасное и странный случай часто соединяются какою нибудь случайною связью, какою нибудь чуднымъ отношеніемъ, невольно, вдругъ овладѣвающимъ нами: тогда душа человѣческая не уклоняется отъ сихъ впечатлѣній, какъ-бы желая раздвинуться, уравновѣситься и ошдохнуть.

Противоположность можетъ имѣть мѣсто при одномъ, необходимомъ условіи: не разрушишь, но развишь главное впечатлѣніе; не истребишь его, но сдѣлаешь болѣе продолжительнымъ и глубокимъ. Никто не понималъ этого лучше Шекспира; никто не представилъ столько удивительныхъ образцовъ для этого. Но, признаемся, что не въ *Отелло* далъ онъ сѣмъ образцы. Въ *Отелло*, комическое совершенно произвольно: оно, такъ сказать, приложено къ трагическому, безъ всякаго внушеннаго соотношенія между ими, безъ общей цѣли; связь ихъ не почерпнула изъ глубины души человѣческой.

Исключите изъ пьесы Родерико, этого настоящаго мелодрамнаго дурака, являющагося для того только, что-бы Яго насмѣшичалъ надъ нимъ, обманывалъ его и бранилъ — это очень легко. Родерико можетъ быть совершенно замѣненъ первымъ встрѣчнымъ, и кромѣ Яго, его никто не знаетъ, никто не заботится о немъ. Пусть Бранціо, благоразумный и швердый Сенаторъ, ловкій и владѣющій собою, важный и уважаемый, не сбивается съ своего характера и не превращается, въ продолженіе двухъ сценъ, по волѣ Автора, въ Жеронша или Сганареля; пусть Кассіо подвергнется земилосши своего начальника за что нибудь

другое, а не за стаканъ вина, выпитый не кста-ти (что было-бы сходнѣе съ свойствами его и съ недостатками); наконецъ, пусть не будешь роли шу-ща, столь несообразной, что Французскій подра-жатель, при всемъ своемъ благоговѣнн къ подлин-нику, не сохранилъ ея — все комическое въ пьесѣ исчезнетъ, и ни одно изъ существенныхъ лицъ да-же не замѣнишь этого, ни одно изъ главныхъ по-ложеній не измѣнится ни сколько. Это отдѣлилось-бы такъ-же, какъ одна изъ двухъ вещей, кошо-рья имѣли только по соединеніе, что одну изъ нихъ положили въ другую.

Все это довольно объясняетъ впечатлѣніе зри-телей. Они могли-бы показать себя болѣе спро-гими, не сдѣлавшись несправедливыми: они точно и были-бы строже, когда-бы дѣло шло о произве-деніи новомъ. Но, какъ мы уже сказали, они по-ставили себя на точку зрѣнія, болѣе существенную, нежели на какой былъ Французскій подражатель: они пришли не чудо посмощрѣть, но изучить въ жи-выхъ, истинныхъ впечатлѣніяхъ, старинное и чрез-вычайно знаменитое произведеніе. Сначала неприяш-но взумленные, они взяли шерпѣніе, сдѣлали ошсроч-ку Сочинишелю, и, что по нашему мнѣнію весьма выгодно говоришь въ пользу ихъ свободы ума и гибкости ихъ вниманія, дождь непрерывныхъ шу-шокъ ни сколько не повредилъ шремъ превосходнымъ явленіямъ шрешьяго дѣйствія, когда Ошелло спо-койно ошвергасш гнѣвъ ошца Дездемоны, когда онъ изьясняеш Сенашу, какъ побѣдилъ онъ сердце юной дѣвушки, и наконецъ, когда является сама Дездемона и проситъ дозволишь ей слѣдовать въ

Кипръ, за Мавромъ, ея повелишелемъ и господиномъ.

Разсказъ Отелло не могъ не произвеси дѣйствія. Эпопъ ошрывокъ переведенъ на всѣ языки : красота его восхитишельна и оригинальность несравненна. Самъ Лагарпъ не могъ ошказати ему въ дани удивленія. Но предшешвующее ему и слѣдующее за нимъ явленія, можеть бытъ еще болѣе показывають Шекспира во всемъ его величіи.

Какойъ взумишельный живописецъ природы эпопъ человекъ! Да! Онъ шочно свыше получилъ часпицу шой силы шворишь, кошорая дунувъ на персть, оживляешъ ее для жизни и для вѣчнoshi.

При свиданіи съ Брабанціо, Отелло произносишь не болѣе пшнадцати стиховъ; передъ Сенашомъ, Дездемона не говоришь и двадцати стиховъ, и уже Отелло весь шущъ, Дездемона вполнѣ существуетъ: вопъ они оба, живые передъ нашими глазами, безъ принужденія, во всей красѣ, со всею сшраннoshiю своихъ харакшеровъ, со всею ошкрышою, неизгладимою особеннoshiю своихъ лицъ! Уничшожьше весь ошашокъ пьесы, вы не испребите изъ нашей памяти ни Дездемоны, ни Отелло. Поставьше ихъ въ какой угодно другой рядъ обшояшельствъ, дѣлайше что угодно, но не обманывайшесь, ибо мы знаемъ ихъ, мы знаемъ напередъ, что могутъ они сказашь или сдѣлашь!

И между шѣмъ, въ эшихъ харакшерахъ сколько сложнаго, сколько прошивоположнoshiей, тонкoshiи и ошшѣнкови!

Въ самомъ Отелло два человекъ : сначала дикій, долго бывшій дикимъ, долго ошававшійся зѣтремъ,

предающійся, безъ всякаго признака внутренней борьбы, первому кипѣнію каждой сипрасши, являющейся въ его душѣ, но въ основаніи одаренный шюю доброшою, шѣмъ великодушіемъ, кошорья инстинкциъ нашихъ пиншическихъ вымысловъ приписываетъ царю лусшынь, льву. Пошомъ, человекъ образованный, но образованный войною, одною войною, величіемъ мужества и шюю властію надъ самимъ собою, кошорую развиваешь въ человекъ пошюоянная, продолжшпельная привычка къ опасносши. Въ наслажденіяхъ мирной жизни, человекъ образованный преимуществуешь безъ усилія. Ошелло спокоень, увѣренъ въ превосходствѣ своего характера, въ величіи души своей, въ важносши своихъ заслугъ; но повинуется первому знаку, идешь при первомъ слевѣ; онъ подчиняешь какъ солдашь, онъ приучаешь къ людянь какъ звѣрь. Онъ покоришь юное сердце Дездемоны, но эшо успѣхъ несамланый, кошорого правдоподобіе и самая возможносшь совершенно пашическія. Такой успѣхъ непоняменъ душамъ обминовеннымъ, ибо, какъ говоришь Яго: «Что за удовольсшвіе эшой прекрасной дѣвушкѣ глядѣшь на чорта?» Но эшомъ успѣхъ кажется совершенно протшымъ ему, существу не размышляющему и беззаботному; онъ не сдѣлашь для своего успѣха ни одного шагу, не беспокоился ни минушы, не имѣль случая подумашъ о своихъ лѣшахъ, о своей наружносши, о жестокосши своего права. Онъ обладаешь Дездемоною какъ своимъ добромъ, какъ мечемъ своимъ, не думая, что-бы у него стали оспориовать достояніе его иначе нежели силою; а послѣ эшого онъ спокоень. Впрочемъ, онъ предаешь любви; но лю-

бовъ есть только случайность въ его существованіи: война его жизни, его снхія, его поприще. Любовь можешь рѣшить его судьбу, но, въ ожиданіи этого, онъ не утѣешь ни господствовать сю, ни исполнять ея законы.

За шо Дездемона есть совершеннѣйшій идеаль, самый чистый первообразъ женщины, женщины въ самой себѣ, существа высшаго, однакожь божественнаго, обреченнаго судьбою повиноваться, свободнаго прежде выбора, но невольницу послѣ него. Скромность, нѣжность, покорность: вошь она. Скрамность ея неперечна, нѣжность безконечна, покорность неизмѣрна и нераздѣльна. Ошь всѣхъ женщинъ отличаетъ она шѣмъ, что не она обладаетъ этими качествами, но они обладаютъ ею, безусловно. Въ душѣ ея нѣтъ мѣста ни для чего другаго, посторонняго, худаго, и даже добраго: ни для другихъ склонностей, ощущеній, и даже другихъ обязанностей. Она отдала себя, кому-бы шо ни было, для чего-бы шо ни было, но, довольно! она отдала себя всю, душу и шѣло, мысли и желанія, надежду и воспоминаніе. У нея не осталось болѣе ничего, что-бы она могла сохранить для другаго. Она оспавдаетъ своего отца, обманываетъ его, прошившись ему, сколько можешь, съ полнымъ сердцемъ, краснѣя, но не изъявляя ни нерѣшительности, ни раскаянія. Споднѣшь только взглянушь^в на избранный ею предметъ: онъ краснорѣчиво говоритъ, какъ чисты ея помысленія. Для нея нѣтъ обольщеній, ни въ будущемъ образѣ жизни, ни даже въ наградѣ, какая ожидаетъ ее за столько любви. Напередъ она покорна всему, всему, ибо утѣ-

рена, что шаковъ жребій ея въ мірѣ, что ни при какомъ случаѣ въ будущемъ, она не броситъ сожалительнаго взгляда на прошедшее, и никогда не будетъ нерѣшимельною.

И много-ли надобно Шекспиру, что-бы все это показатъ намъ?

Четыре взмаха карандаша, не болѣе. Посмотрите, напримѣръ, какъ оканчивается эша сцена.

Брабанціо привелъ Мавра въ Сенашъ, отъ самаго подножія алтаря. Послѣ соединенія своего съ Дездемоной, едва-ли успѣлъ Ошелло сказатъ ей два слова. Простой, возвышенный разсказъ о взаимной любви ихъ, обезоружилъ всѣхъ и заставилъ плакатъ. Дездемона воспротивилась родительской власти скромно, почтительно, но съ швердостью непобѣдимую. Дождь подтверждаетъ ихъ счастье; отецъ отдаетъ ихъ другъ другу; всѣ Сенашоры окружаютъ и поздравляютъ ихъ. Дездемонѣ позволено прѣхатъ къ супругу ея въ Кипръ, когда онъ тамъ водворился.

«Но вѣхатъ должно въ эту-же ночь,» говоритъ Дождь старому воину.

«Въ эту-же ночь?» Единственное слово, вырывающееся изъ устъ Дездемоны.

«Отъ всего сердца!» отвѣчаетъ Ошелло.

Онъ услышалъ звукъ шрубы, и у него уже нѣтъ никакой другой мысли.

Дездемона, столь вѣжно любящая; дочь, столь рѣшительная передъ отцомъ и только что сдѣлавшаяся супругою, пощупываетъ глаза и робко стано-

вишя за своимъ мужемъ , не произнося ни одного слова , не обращая на него даже ни одного взгляда укоризненного.

Разказу Ошелло рукоплескали съ воспоргомъ : тому и надлежало быть. Но всѣ при сцены вообще , имѣли , по нашему мнѣнію , успѣхъ совсѣмъ другаго рода. Представыше себѣ человека , котораго уже давно жила не иначе какъ при свѣтѣ лампъ , свѣчъ и цвѣтныхъ спаканчиковъ , дышала только душнымъ воздухомъ гостинныхъ , и шолько въ Оперѣ видѣла водопады , горы намалеванныя на холстѣ и гирлянды изъ поддѣльныхъ цвѣтовъ ; вдругъ , этого человека переносащъ , въ прекрасное Юльское ушро , при чистомъ дыханіи воздуха — подѣ шцїя и прелестныя орѣховыя деревья Уншерлакенскїя , на видѣ льдовъ гористой Швейцарїи : вы будете имѣть довольно вѣрное понятїе о нравственномъ состояніи посѣщителя первыхъ представленїй на Парижскихъ спектакляхъ , когда онъ вдругъ , неожиданно видите красоты простиыя , великія , новыя.

Невольное чувство Французской публики оказалось еще несогласнымъ , совершенно несогласнымъ съ обожаемыми Шекспира — касательно роли Яго. Эта роль , ось , на которой вершится вся пьеса , чрезвычайно славна и въ Англїи и въ другихъ земляхъ. Всѣ критики , безъ исключенїя , Англїйскїе , Нѣмецкїе и Французскїе , не могутъ испощиться въ похвалѣ ей. На сценѣ , какъ намъ показалось , она не понравилась вообще , очень не понравилась , и неодобренїе публики увеличивалось съ каждымъ дѣйствїемъ , такъ что если-бы роль эта была играна не столь искусно и рѣшительно , то ей было-бы худо.

Ошъ чего не понравилась она?

Любопышно было, по окончаніи каждаго дѣйствія слушать, какъ всякій зришель изъяснялъ свое ошвращеніе, свое неудовольствіе. Одинъ находилъ, что Яго слишкомъ безнравственное лицо; другой напрошивъ думалъ, что Яго не довольно искусный лице-мѣръ: «Злодѣйствомъ не хвастаюшь!» говорилъ онъ. Третій возмущался шѣмъ, что преступленіе совершается шушя — и шакъ далѣе.

По нашему мнѣнію, роль Яго не понравилась по-тому, что она не хороша, и не то что-бы несообразна (впрочемъ, что естественнѣе несообра-зности для человѣка?), но не складна; частіи ея не связываюшся одна съ другою, шакъ что, пра-во, не знаешь что думаешь о ней.

По крайней мѣрѣ шакъ на нее смошримъ мы. Пусть поклонники Шекспира проклянушь насъ, если имъ угодно.

Что шакое Яго?

Злой духъ, или по крайней мѣрѣ предшавишель его на землѣ? Имѣешь-ли причину Ошелло смошрѣшь на его ноги, что-бы увидѣшь, не раздвоенныя-ли у него ступни? Такое-ли эшо существо, кошорое дѣлаеть зло по склонности ко злу и заражаеть ядо-выми дыханіемъ союзъ Ошелло и Дездемоны по-тому шолько, что Дездемона подобна ангелу, а Ошелло человѣкъ прямой, храбрый и великодушный?

Но зачѣмъ-же тогда приданы Яго побужденія че-ловѣческія, корыстныя? Для чего-же показываешь въ немъ низкое корыстолюбіе, злопамятность за на-несенное ему оскорбленіе, зависть къ мѣсту, болѣе

его мѣста возвышенному? Для чего избираешь онъ этого бѣднаго Родерико, такъ-же какъ Скапены или Сбригани выманивають у какого нибудь глупца кошелекъ изъ кармана? Эти спраски низкой пробы уничижаютъ все фантастическое его роли, пошому что у чорпа нѣтъ ни досады, ни чести, ни ссоры, ни гнѣва, ни алчнаго желанія. Чорпъ существенно безкорыстное: онъ дѣлаешь зло пошому что оно зло, а онъ самъ зло духъ.

Напротивъ, не естъ-ли Яго, чѣмъ онъ и самъ щеславится, совершенный эгоистъ, человекъ, умѣющій въ высочайшей степени любить самого себя, подчинять свои желанія одно другому, разнообразно ихъ важности, и располагать свои дѣйствія такъ, что они склоняются неизмѣнно къ его высочайшему удовольствію, во что-бы то ни стало другимъ, безъ раздумываній, безъ угрызеній совѣсти, и также безъ увлеченій желаніями нисшаго разряда?

Но зачѣмъ-же тогда стремился онъ вдругъ къ шремъ или чetyремъ различнымъ цѣлямъ, весьма не равно важнымъ для него? Зачѣмъ предпринимаешь онъ одно за другимъ двадцать различныхъ дѣлъ, и оставляешь ихъ одно послѣ другаго? Но, болѣе всего, зачѣмъ при всякомъ случаѣ онъ роскошествуетъ зломъ, во сто разъ болѣе нежели нужно? Въ этомъ отношеніи Іонаанъ Вильдъ-Великій былъ гораздо знающѣе его, когда онъ говорилъ: «Надобно дорожить зломъ; это такая хорошая вещь, что не должно спрашивать ее по пусшому.»

Далѣе, какъ согласить различныя понятія, кошорья даютъ намъ объ этомъ лицъ?

Его представляюшь намъ умнымъ , неустрашимымъ воиномъ , достойнымъ всей довѣренности Отелло и Семапа ; такъ что справедливо можно было бы возвысить его на первую степень , и послѣ этого показываюшь намъ въ немъ самаго мѣлкаго мошенника и ослѣпительнаго разбойника !

Онъ цѣпаетъ глубокое презрѣніе къ человѣческому роду , и въ человѣческомъ родѣ особенно презираетъ женщинъ . Онъ пожимаетъ плечами при одной мысли о возможности женской чести ; болѣе другихъ пуглива и несносна ему собственная его жена . Единственная цѣль его въ здѣшнемъ мірѣ , счастье , и наслажденія , сильныя и вещественныя . И послѣ этого мы видимъ , что одно подозрѣніе о старинной связи его жены съ Отелло , имѣетъ сильное дѣйствіе на его душу !

Его выдаюшь намъ хитрѣйшимъ въ мірѣ злодѣемъ ; но всѣ предпріятія его такъ не искусны , такъ неловки , такъ уклоняюшся отъ здраваго смысла , что ни одно изъ нихъ не удается , и не могло бы удасться .

Его выдаюшь намъ хитрецомъ ужасающей глубины и непроницаемой скрытности ; но силки , разставляемыя имъ , слишкомъ грубы , и счастье его , что онъ имѣетъ дѣло съ такимъ глупцомъ , подлѣ котораго Г. Пурсоньякъ былъ-бы орломъ проницательности—съ бышенимъ живопнымъ . Всякій сколько нибудь разсудительный человѣкъ не дался-бы въ обманъ его ни на двѣ минушы .

Какъ ? Дездемона спала супругою Отелло ; она сама избрала его изъ тысячи другихъ людей , до-

стойнѣйшихъ ея выбора ; она все оставила для него ; она , по всѣмъ вѣроятностямъ , любила его ; самъ Яго не сомнѣвается въ этомъ ; только что получивъ благословеніе брачное , она разошлась съ супругомъ ; Ошелло идетъ съ Кассіо , замѣшше : съ Кассіо ; Дездемона также отправляется въ путь ; случайно , оба корабля , оплывшіе одинъ послѣ другаго , прибыли въ Кипръ въ одинъ день , получасомъ раньше одинъ другаго . Всѣ , и самъ Ошелло , знаютъ , что Кассіо , сопутникъ его , могъ говорить съ Дездемоною не болѣе десяти минутъ на публичной площади . И на другой день послѣ этого , во время первыхъ восшорговъ союза , испышавшаго споль много отсрочекъ , Яго рѣшается увѣришь влюбленнаго Ошелло , что Дездемона , нѣжная Дездемона измѣнила , еще и не принадлежавъ ему , что она отдала свое сердце и самое себя , кому ? Кассіо , который не могъ ни видѣшь ея , ни говорить съ нею ! И Яго рассказываетъ объ этой спрасши какъ о дѣлѣ , уже прошедшемъ , но , замѣшше также , случившемся уже послѣ брака Ошелло ,

Cursed fate , that gave thee to the Moor !

рассказываетъ ея подробностями безчисленными и изъясненіями нескончаемыми !

Кто безумнѣе : пошъ-ли , кто рѣшился на это предпріятіе , или пошъ кто даетъ себя уловить имъ ?

Это предпріятіе удается , говорятъ намъ .

Да , пошому что этого хочешь Сочинитель . А здравый разумъ : что говорятъ онъ ?

И самъ Сочинитель имѣешь успѣхъ; но отъ чего? Вошь отъ чего: глубина и живость первой его мысли шаковы, что самыя разишельныя невѣроятности, самыя непоспихимыя неспости проходящя мимо глазъ незамѣтно; никто не имѣешь ни желанія, ни времени взглянуть на пружины драмы его. Иное дѣло выдавашь намъ эщи несообразности дошюишвами.

Да, эшо совершенно справедливо! Съ первой минушы, когда первый намекъ срываешся съ языка Яго, съ тѣмъ что-бы онъ доспигъ ушей - Мавра, и какъ шолько произнесены пагубныя слова: «Ахъ, эшо мнѣ не нравится!» до шой шоржешвенной минушы, когда занавѣсъ упадаеш на шрупы обоихъ любовниковъ, зришель не смѣешь дыхнуть. Вы услышали-бы полешъ мухи во все эшо время, и, право, очень несмѣшливы шѣ приверженцы Сочинителя, которые ревностно усиливаюшся прерывашь рукоплесканіями эшу, ежеминушно возрастающую скорбь.

Съ перваго слова все уже сказано, все рѣшено.

Проси навсегда, Дездемона, проси Опедро! Дездемона являешся уже шолько невинною пшичкою, которая слабо бѣшся въ когшяхъ ястреба; но эшошъ ястребъ самъ какъ бѣшеный бѣшся въ когшяхъ другаго ястреба, и мстишь невинной жершвѣ за ужасныя мученія, которыхъ онъ самъ жершва.

Зришель смощришь на эшу картину не съ безпкойнымъ любопышшвомъ, переходящимъ отъ шпраха къ надеждѣ, но, если позволяшь шакъ выразишься и примушь въ разсужденіе всю разицу — съ шою невыразимою скорбію, которую чувшвуемъ мы

въ уголовномъ судилищѣ , видя шщепныя усіяя несчастнаго , невольно увлекаемаго къ роковому и несомнѣнному осужденію.

Опедло никогда не думалъ, никогда не имѣлъ случая подумашъ , сколько страннаго , непостижнаго въ чувствѣ , внушенномъ имъ Дездемонѣ. Теперь онъ думаетъ объ эпомъ. « Я черный » — говоришь онъ — « я склоняюсь къ концу жизни. Нѣтъ у меня дара нравиться, кошорымъ обладають придворные.»

Narly, for I am black;
And have not those soft parts of conversation
That chamberers have; or, for I am declin'd
Into the vale of years;—

Склонность къ разврату, сказала ему Яго, облачаетъ и другія безпушства. Нѣтъ сомнѣнія, она погибла: she's gone.

Эшо первое подозрѣніе (какъ выразительнo сказано о немъ Шлегель) есть капля яду : опъ нея, въ одну минушу, начинаешъ бурно кипѣть вся кровь Опедло. Дикій подымаетъ голову. Его не можешъ болѣе удержатъ образованное существо, никогда не встрѣчавшееся съ нимъ въ подобномъ случаѣ, и повелѣвавшее имъ шолько на полѣ битвъ. Борьба продолжается нѣсколько минушь. Нѣсколько минушь Опедло, воинъ, государственнй человекъ, властитель другіхъ и самого себя, старается починашъ свою любовь блудящимъ огнемъ, свою ревность дурачешвомъ. « Починай меня козломъ, если « я когда нибудь перемѣню занятія души своей на « пущія мечшы, пузыри мыльныя въ воздухъ!—

« Нынь, Яго! прежде нежели буду сомнѣваться, хо-
 « чу видѣть; пошребую доказательствъ, когда буду
 « сомнѣваться; когда-же будетъ доказано, то дѣ-
 « лать больше нечего, какъ къ чорту любовь и рев-
 « ность! — Посмотри, Яго: такъ изгоняю ошь себя
 « всю гаупую любовь; она исчезла!»

Exchange me for a goat,
 When I shall turn the business of my soul
 To such exsufflicate and blown surmises,
 . . . . . No, Iago;
 I'll see, before I doubt; when I doubt, prove;
 And, on the proof, there is no more but this,
 Away at once with love, or jealousy.
 . . . . . Look here, Iago;
 All my fond love thus I do blow to heaven:
 'Tis gone.

Но, тщетныя усилія, бесполезная хвастливость!
 Этому сильной герой видѣть свою гибель; онъ
 чувствуетъ себя побѣжденнымъ съ перваго удара;
 онъ въ послѣдній разъ обращаетъ свой взглядъ на то,
 что услаждало его такъ долго, онъ прощается съ
 конемъ и побѣдною трубою, съ бишвою и побѣдою:
 « пущь Ошелло кончень.»

O, farewell!
 Farewell the neighing steed, and the shrill trump,
 The spirit-stirring drum, th'ear-piercing fife,
 The royal banner; and all quality,
 Pride, pomp, and circumstance of glorious war!
 . . . . .
 Farewell! Othello's occupation's gone!

« Прощайте, прощайте, звучная труба, ржущій конь, вселяющій мужество барабанъ, провизгивающая флейша, королевское знамя, и весь блескъ, величіе и принадлежности славы воинской. . . . . прощайте! Ошелло кончилъ свой путь! »

Съ эшимъ крикомъ скорби, вся борьба въ немъ прекратилась.

По мѣрѣ того, какъ ревность увеличиваетъ свои перзанія въ этой, уже побѣжденной душѣ, зѣтрообразное существо является во всѣхъ отвратительныхъ образахъ, возрастаетъ, производитъ рыканіе. Оно не покоряется разуму; оно глухо къ голосу истины, нечувствительно къ звукамъ нѣжности, недоступно нравственнымъ доказательствамъ; оно переходитъ отъ одной крайности бѣшенства къ другой, и по усремляеши погрѣшъ Яго, по съ ужасною радостью забавляеши разсказомъ и подробностями нанесеннаго ему оскорбленія, описываемаго въ самыхъ возмущительныхъ выраженіяхъ. Тогда восклицаетъ оно: « Крови, Яго! крови! »

O, blood, Iago, blood!

и наконецъ падаеши безъ чувствъ, отъ бѣшенства и отчаянія.

Человѣчество не отзывается болѣе въ немъ; оно замѣтно только въ частыхъ обращеніяхъ его, нѣжныхъ, жалосныхъ, горестныхъ, но всегда вызываемыхъ воспоминаніемъ о прелестяхъ Дездемоны, и помышленіями о чувственныхъ наслажденіяхъ. Оно замѣтно только въ немногихъ проблескахъ правосудія гругаго, какое обнѣаетъ подъ шапгромъ

Бедуина или въ пещерѣ бандитовъ. «У нея были глаза; зачѣмъ она выбрала меня?» И когда Яго предлагаешь зарѣзать ее на ней самой постелѣ, которую она обезчестила: «Славная мысль! Въ справедливость мнѣ нравишься.»

Впрочемъ, никакого сѣда чувствованій, замѣстимыхъ въ образованномъ обществѣ; никакого уваженія ни къ самому себѣ, ни къ другимъ; никакого воспоминанія о приличіи. Онъ, ни мало не задумываясь, велишь предательски убить Кассію; онъ звѣрски бьетъ Дедемону, въ присутствіи посланныхъ Сената и своихъ подчиненныхъ; онъ обращается съ нею, и публично, и безъ свидетелей, какъ съ презрѣнною шварью, истощая противъ нея всѣ самыя язвительныя сарказмы и самыя унижительныя эпитеты.

Изображеніе геройской души, ниспадающей на спешень дикаго животнаго, могло-бы повредить достоинству Искусства, если-бы Поэтъ не воспользовалъ лицомъ къ лицу съ нимъ прелестнаго, чистаго, истинно ангельскаго существа; Дедемоны.

Никогда, нигдѣ не были изображены съ большею нѣжностію это изумленіе невиннаго сердца, когда въ первый разъ изліянія его отщадкиваютъ прутьемъ словомъ, спрогимъ взглядомъ, и эти робкія усилія обращаются все въ шушку, возобновишь нѣжное, веселое обхожденіе, подѣйствовавъ еще нѣсколько минушь улыбающеюся, преходящею вѣдасью юной супруги на другой день счастья.

Выспѣ съ шѣмъ какъ новый характеръ. Отверже развивается боате и боате, видно, такъ сказать,

своимъ вѣту прозрачную лозвию, коюрой шайну зналъ одинъ Шекспиръ, какъ нѣжное лицо Дездемоны поспешенно шеряетъ свою ясность. Первая мысль ея, что жестокость Отелло, предвидѣнная ею издалека, возоблала на нѣ; но въ одну минушу сердце ея предается своей участи; у нея гогого извнненіе.

«Вѣрно, неприятели извѣстія возмутили его характеръ; люди, занятыя великими дѣлами, часто «вымѣщаютъ свой гнѣвъ на мѣлкихъ событіяхъ. Да «впрочемъ, развѣ они боги? Мы и не должны ожидать отъ нихъ всегда такого вниманія, какое «прилично въ день брака.»

. . . Nay, we must think, men are not gods;
Nor of them look for such observances
As fit the bridal. —

И когда Отелло бьетъ ее публично; она только плачетъ, и говоритъ: «Я не заслужила этого.»

I have not deserved this.

Но, когда наконецъ Отелло изрыгаетъ противъ нея самыя оскорбительныя ругательства, когда онъ именуешь ее безчестною, распутною — она не можешь ничего выговорить. Кровь бросается у нея въ голову и задушаетъ ее; она не знаетъ что дѣлать отъ сматенія, коюрое происходитъ отъ того что она слышитъ такой языкъ, а не отъ того, что онъ обращенъ къ ней. Нѣсколько слабыхъ вздоховъ, нѣсколько шидешныхъ разувтреній — вся защита ея. Она видитъ свой жребій въ страшныхъ

взглядахъ Ошелло. Она повикаетъ головою, при-
казывая Эмилию положить къ ней на постель сва-
дебное платье ея, въ которомъ хочешь бышь схо-
ронена. Она протягиваетъ голову подъ покрывало, какъ
невинный агнецъ (другое счастливое выраженіе
Шлегеля), какъ агнецъ, который только прыгалъ
в рѣзвился на лугу: онъ идетъ къ алтарю, не спра-
шивая для чего, и лижетъ ведущую его руку.

Въ этомъ-то именно заключается неизъяснимое
очарованіе и прелестъ уже упомянутой нами сце-
ны, которая во всякомъ другомъ мѣстѣ была-бы
уродливою.

Ошелло, прощаясь съ посланными Сената, ска-
завъ тихимъ голосомъ Дездемонѣ: «Иди сію-же ми-
нута въ постель; я приду поспѣе. Вынь свою
«служанку; слышишь-ли? Не забудь этого: — Я
«исполню это.»

Get you to bed on the instant; I will be return'd forth-
with; dismiss your attendant there; look, it be done. —
I will, my lord.

Она слышала свой смертный приговоръ; она зна-
етъ это; но у нея нѣтъ мысли не только о непови-
новеніи, но и о какой нибудь малѣйшей помощи:
ей говорилъ Ошелло.

И такъ мы видимъ, что сцена, когда она раз-
дѣвается, готовясь лечь въ постель, есть для нея
именно та четверть часа, которую предоснавляютъ
осужденнымъ къ смерти передъ ихъ казнію.
Напрасно хочешь она разуверить Эмилию, оболь-
стишь сама себя и привлечъ свои мысли къ какому
нибудь легкому предмету: вся душа ея выказываетъ

ся и замираешь при каждомъ словѣ. И точно такъ-же эта сцена для сокрушеннаго зрителя : онъ исчисляешь минушы; онъ привязываешь къ малѣйшей случайности; онъ кричишься къ малѣйшей вещи; онъ спрашиваешь, для чего нѣтъ еще бантика, для чего нѣтъ еще крючка; онъ желалъ-бы схватить Дездемону за плашье и удержашь.

Поэты трагическіе : вошь взъ образецъ ! Учись у него, если можеше.

Сцена, когда Мавръ убиваешь Дездемону, изумила публику, но не на долго : одобреніе вскорѣ взяло верхъ. Публика привыкла въ оперѣ Россини видѣть эту сцену продолжительною, привыкла къ торжественнымъ тѣлоположеніямъ Г-жи Пасты, къ усиліямъ Г-жи Малибранъ защищать свою жизнь, и крашкость Англійскаго подлинника сначала удивила ее. Но, въ по-же время, эшошь разговоръ, чистый, быстрый, ведущій прямо къ цѣли; эши спрашныя, раздирающія душу слова Отелло, произносимыя въ полголоса; неосклонное рѣшеніе, исполняемое имъ скоро, съ полнымъ сердцемъ и сжатыми зубами, почти безъ взгляда на жертву, но и безъ минушнаго боренія; мольбы Дездемоны, крашкія, нѣжныя, робкія, когда дѣло идешь только о ея жизни; ея опѣшны, дышащіе всею гордостью невинности, когда Отелло говоришь ей о платкѣ, найденномъ у Кассіо : « Сшила бышь онъ нашель его. »

He found it then.

И когда Отелло объявляешь ей, что Кассіо при-

знался въ своемъ преступленіи: «Онъ не скажетъ этого.»

He will not say so.

Эти слова, простые и высокія, выговоренныя дѣвицею Марсъ просто и возвышенно; эти крики, за дверьми, ускоряющіе роковой ударъ и шакъ сказашь двигающіе рукою Отелло, все это было глубоко чувствовано, и сопровождалось рукопашесканиями, сколько позволяли зрителямъ внутренніи ихъ ощущенія. Мимоходомъ скажемъ, безъ всякаго сравненія, что трагическая сцена показалась столько же возвышенною передъ сценою лирическою, сколько самая трагедія *Отелло* выше книжонки, за тридцать су продаваемой у входа въ Оперу-Буффу.

Извѣстно, что пошчасъ послѣ этой сцены слѣдуетъ мѣсто, которому удивляются всѣ кришники, которое прославляютъ во всѣхъ новыхъ Пиншикахъ, и которое расхваливаютъ сами философы, какъ неподражаемо-естественную черту.

Въ комнату входитъ Эмилиа, и Дездемона, умирающая, имѣетъ еще столько силъ, что обвиняетъ самое себя въ своей смерти, желая отвлечь подозрѣніе отъ Отелло.

Nobody; I myself; farewell:

Commend me to my kind lord; O, farewell!

«Никшо: я сама; прощай! Скажи обо мнѣ доброе слово милому властителью моему. Прощай!..»

Августъ 1830.

Должно признаться, что слова эти не произвели никакого дѣйствїя, и, говоря ошкровенно, мы никогда не сомнѣвались, что-бы могло случиться иначе.

Пусть поразишь насъ громъ, пусть побьютъ насъ каменїемъ, но намъ всегда казалось, что эшошь на-ленькїй вымыслъ — за цѣлую милю ошзывается ше-аипральный обольщенїемъ, и что въ немъ ушами дѣйствующаго лица говоритъ самъ Поэшь. Намъ всегда казалось, что въ послѣднихъ словахъ умирающей Дездемоны заключается слишкомъ сложное, слишкомъ упомянное поняшїе, предвидѣнїе, предосторожность, несогласнїя ни съ ея положенїемъ, ни даже съ ея характеромъ.

Со дня брака своего, Дездемона почишаетъ себя собственностью Ошелло, и чѣмъ-то таннїмъ, съ чѣмъ онъ власнень обходится какъ хочеть, и даже употребляетъ во зло свою власшь. Она почишаетъ себя невольницею, которую онъ можеть бить, и даже убить, если ему вздумается. Какъ-же придетъ ей на мысль, что Ошелло подвергается какой нибудь опасности за нее, и что надобно его защищать отъ уголовного преслѣдованїя? Пусть, умирая, она поцѣлуетъ руку Ошелло: вошь эшо она! А что-бы она заблаговременно свидѣтельствовала за него, передъ правосудїемъ — эшо не шо.

Впрочемъ, правы-ли мы или виноваты, эшо постороннее дѣло. Въ качествѣ историка, повшоряемъ, что сїя слова не произвели никакого дѣйствїя.

За то, надобно сказать совсѣмъ другое о послѣдней сценѣ, почти не замѣчаемой крипиками, но, по нашему мнѣнїю, одной изъ удивительнѣйшихъ во всей

пѣсть, и произведшей достойное ея красоты дѣйствіе.

Въ самомъ дѣлѣ : едва Дездемона испустила послѣднее дыханіе, едва слѣпое оспервененіе Отелло насыпилось, какъ сцена перемѣняется : онъ образумивается ; истина обхвачиваетъ его своимъ свѣтомъ и являея къ нему со всѣхъ сторонъ. Не извѣстенія Эмилиа разувѣряють его, и даже не слова Яго. За полчаса онъ не слушалъ-бы ничего; шеперь, онъ знаетъ все напередъ.

Какъ при первыхъ приступахъ ревности онъ старался призывашъ на помощь разсудокъ и свою швердоспъ, такъ шеперь стараешя онъ призывашъ на помощь свое бѣшенство и ослѣпленіе, прошивъ свѣтлаго приближенія разсудка.

Уже съ прищворнымъ звѣрствомъ восклицаетъ онъ, говоря о Дездемонѣ : « Ну, она, какъ обманщица, пошла въ адскій пламень ! я убилъ ее. »

She's like a liar, gone to burning hell ;
'Twas I that kill'd her.

Онъ громко взываетъ къ Яго, честному Яго,

Honest , honest Iago ,

и хочеть что-бы онъ былъ его защищомъ; онъ еще разъ усиливаетъ изрыгать неистовыя брани , которыя такъ недавно произносилъ съ яростію, но языкъ его отказываешя :

'Tis pitiful; but yet Iago knows,
That she with Cassio hath the act of shame
A thousand times committed.

«Какъ жаль! Но Яго знаетъ, что она съ Кассіо шляется разъ нарушила вѣрность.»

Усилія тщетныя! Онъ принужденъ видѣть себя нѣмъ, что онъ естъ въ дѣйствительности. Лишенный божественнаго существа, обожаемаго имъ самимъ, онъ видитъ себя такимъ-же, какимъ видятъ его другіе: онъ предметъ не только ужаса, но и осмѣнія, презрѣнія; названія клеветника, убійцы, душегубца, савшикомъ легки для него: онъ сумасшедшій, онъ бѣшеный песъ, онъ вошь, укушенный сѣпиемъ, или кинувшійся рогами и копытами на красный клочекъ, которымъ помахали передъ нимъ въ насмѣшку.

Положеніе его точно то-же, что положеніе Софоклова Аякса, когда шось приходитъ въ себя, послѣ своего плачевнаго неистовства.

Названія безумнаго Мавра, презрѣннаго жюкшанаго, ошвратительнаго, глупца сыплются на него со всѣхъ сторонъ. Въ первую минушу онъ поникаетъ головою, отпадаетъ и позволяешь себя обезоружить какъ дитя.

«Я уже и не храбръ болѣе!» восклицаетъ онъ съ горестію. «Первый наемный солдатъ ошмаешь у меня мечъ» И присовокупляетъ нѣсколько возвышающія его слова: «Но для чего честь переживешь добродѣтель? Пусть все погибнешь вдругъ!»

I am not valiant neither,
But every puny whipster gets my sword:
But why should honour outlive honesty?
Let it go all.

И послѣ этого почти шопчасъ онъ продолжаешъ:
 «Я видѣлъ дни, когда этою слабою рукой, съ
 «эпимъ сильнымъ мечемъ, я пробился - бы сквозь
 «преграды, въ двадцать разъ сильнѣйшія. Но, какая
 «щещная хвастливость! Кто можетъ побѣдить
 «свою судьбу? Этого уже нѣтъ. Не бойся, что
 «я вооруженъ! Я кончилъ свои дни, я кончилъ свое
 «поприще, я на скалѣ, гдѣ конецъ моему ристанію.
 «Ты уклоняешься въ смятеніи? Подво — страхъ
 «твой напрасенъ. Пустьъ только чья нибудь рука
 «угрожаешъ груди Отелло: онъ побѣдишь. И куда бы
 «ушелъ теперь Отелло?»

I have seen the day,
 That, with this little arm, and this good sword,
 I have made my way through more impediments
 Than twenty times your stop: — But, O vain boast!
 Who can control his fate! 'tis not so now. —
 Be not afraid, though you do see me weapon'd;
 Here is my journey's end, here is my butt,
 And very sea-mark of my utmost sail.
 Do you go back dismay'd? 'tis a lost fear;
 Man but a rush against Othello's breast,
 And he retires; — Where should Othello go? —

Тутъ онъ падаетъ на трущъ Дездемоны, про-
 износя прерывистыя слова, кошорыхъ однакожъ
 невозможно слышашъ, не содрогаясь онъ горесни.

Но, эшошь припадокъ опчаянія и униженія про-
 должаешся только одну минушу. Отелло опяшь
 влаштуешъ собою. По мѣртъ того какъ разсудокъ
 снова беретъ надъ нимъ власшь, онъ въ свою очередь
 опяшь начинаешъ привычно повелѣвашъ всѣмъ окру-

жающими его. Два, три сильныя, значительныя слова показываютъ, что онъ рѣшился въ душѣ своей. Онъ схватываетъ другой мечъ, и никакъ изъ присутствующихъ не осмѣлился шеперь наступить на него. Онъ извиняется передъ Кассіо съ благородствомъ и простотою; онъ смотритъ равнодушно и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, какъ пригошляющагося схватитъ его, и когда Лодовико наконецъ приближается къ нему, и уже полумсуганнымъ голосомъ приказываетъ ему пригошиться къ оппльшю въ Венецію, подъ строгимъ присмотромъ, что-бы явиться передъ Сенатомъ, онъ возражаетъ, прерывая его:

«Пошше! одно или два слова, прежде нежели ты оппавишься.

Soft you; a word or two, before you go.

Видите-ли вы здѣсь великаго поэта? Видите-ли все, что умѣетъ онъ означитъ однимъ словомъ? Лодовико оппавишься одинъ: шакъ хочешь Ошелло; Ошелло не поѣдетъ: шакowo желаніе его; никакъ не будетъ располагать имъ кромѣ его самого; онъ не думаетъ, что-бы ему могли возразить что нибудь противъ этого. Съ важностью продолжаетъ онъ:

«Я оказалъ нѣкоторыя услуги государшву: это «знаютъ, и — полно объ этомъ! Прону васъ: когда «въ своихъ письмахъ вы будете описывать эти «несчастныя событія, говорите обо мнѣ шакъ, «какъ я былъ; не уменьшайте ничего, и не увеличьте «райше, изъ злобы. Тогда вы расскажете о чело- «вѣкѣ, который любилъ слишкомъ, но не умѣлъ «любить благоразумно; который не легко предался

«ревности, но попавшись въ умысль, дошелъ до
«послѣдняго неисповсѣва. Такъ говорите обо
«мнѣ.»

Сказавъ это, и, сколько можно было, позабывши-
вшись о своей славѣ, онъ обращается противъ
самого себя; онъ обращается всею высокою своею
оскорбленной души противъ этого ничтожнаго
шѣла, которое накажешь онъ какъ возмущившагося
раба, какъ дикаго звѣря, низринувшаго своего
повелителя и шѣмъ предавшаго его поношенію.
Изыскивая выраженія, самыя оскорбительныя, какъ
онъ думаетъ, выраженія, вдругъ напоминающія ему
и чшѣ онъ былъ, и чшѣ совершалъ онъ въ жизнь
свою, и чшѣ презиралъ всего болѣе, онъ прибав-
ляетъ :

«Скажише еще, что, однажды, въ Алеппо,
однѣмъ злобный Турка, накрытый чалмою, билъ
Венеціанина, и шѣмъ оскорблялъ наше государство;
я схватилъ за горло этого пса-обрѣзанца, и такъ
поразилъ его...»

And say, besides, — that in Aleppo once,
Where a malignant and a turban'd Turk
Beat a Venetian, and traduc'd the state,
I took by th' throat the circumcised dog,
And smote him — thus,

Мы распространились въ описаніи дѣйствія,
произведеннаго на публику симъ вѣрнымъ и, такъ
сказать, буквальнымъ переводомъ *Отелло*, потому
что почтасмъ дѣйствіе сіе весьма благопріят-
нымъ предзнаменованіемъ для Французскаго Театра.
Самая пьеса была разыграна гораздо лучше, нежели

какъ играюща нынѣ всѣ образцовыя произведенія властителей нашей сцены; она была суждена, какъ никакая пьеса, сколько намъ извѣстно, никогда еще не была суждена, то есть, справедливо, безъ предубѣжденій, безъ партіализма, каждая сцена по достоинству.

Если публика утвердится въ этой свободѣ ума; если она будетъ продолжать, при каждомъ новомъ опытѣ, рукоплескать только тому, что кажется ей прекрасно, осуждать то, что поражаетъ ее непріятнымъ ощущеніемъ, будетъ оставаться равнодушною при мѣстахъ обыкновенныхъ, то эшимъ однимъ уже сдѣлаешь она много для Искусства, и еще болѣе для своего наслажденія. Она предохранитъ насъ отъ пошпа Романтическихъ подражаній, уже угрожающихъ занять мѣсто подражаній Классическихъ. Пострадавши, въ теченіе сна лѣтъ, отъ являвшихся подъ тысячью различныхъ именъ *Андромачъ*, *Меропъ*, *Замръ*, въ конхъ не доставало только истинныхъ красотъ *Андромахи*, *Меропы*, *Замры*, мы будемъ избавлены отъ несчастія страдать, можешь быть, въ другія сто лѣтъ, подъ тысячью другихъ различныхъ именъ; отъ *Макбетовъ*, *Отелловъ*, *Вильгельмовъ Телей*, гдѣ не будетъ только доставать истинныхъ красотъ *Макбета*, *Отелло*, *Вильгельма Телл*.

Изящному подражать не лзя.

Можно подражать недоспашкамъ, наружнымъ формамъ, *пріемамъ* великихъ поэтовъ. И если только публика, изъ необдуманнаго энтузіасма къ великимъ поэтамъ, позволитъ себѣ рукоплескать ихъ

недостаткамъ , или просто ихъ приѣмль , то можеть бышь увѣрена , что скоро будеть угощена ими до пресыщенія.

Здѣсь могли-бы , должны-бъ были мы заняшья объясненіемъ словъ : *Классическій* и *Романтическій* ; объясненіе сіе повело-бы насъ къ новымъ изслѣдованіямъ , несомнѣнно важнымъ и любопытнымъ ; но число предназначенныхъ для нашей спашьи страницъ давно осмалось назади. Подождемъ для новыхъ изслѣдованій нечаго случая : онъ не замедлишь представишься намъ.

Съ Французскаго.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛЮГРАФІЯ.

Книжки 1830 года.

— *Брошюрки.* Издаваемыя Ивановъ Кроненбергомъ.
№ 1. Харьковъ. 1830 г. Въ Университетской шип.
36 стр. in-8.

Гг. Профессоры наши вообще не любяшь показывать публикѣ того , что преподаюшь они съ кафедръ. А изданіе ихъ лекцій , или хошя учебныхъ книгъ , соспавляемыхъ ими для руководства слушателей , послужило-бы , между прочимъ , и къ ихъ собственной пользѣ. Тогда публика видѣла-бы ихъ шруды , остающіеся нынѣ загадкою для нея.

Не знаемъ навѣрное, но кажемся не ошибаемся, предполагая, что 1-й № *Брошюрки* есть лекція Г-на Кроненберга, Профессора Харьковскаго Университета. Если предположеніе наше справедливо, то изданіе сіе дѣлаетъ честь Авшору, не только какъ сочиненіе, но и какъ доказательство желанія его дѣлиться съ публикою своими трудами. Испинно ученый человекъ всегда желаетъ, что-бы его труды были какъ можно извѣстнѣе. Чего спрашишься ему?

Предметъ сей книжки: *Историческій взглядъ на Эстетику.*

Мы, Рускіе, находимся въ счастливомъ отношеніи къ Европейскому просвѣщенію. Мы можемъ пожинать то, что посѣяно другими. Явившимся на поприщѣ просвѣщенія позже другихъ, намъ, казалось бы, остается, при добромъ желаніи, только пересаживать то, что во Франціи, въ Германіи, въ Англіи, было слѣдствіемъ вѣковыхъ трудовъ. Но Судьба не любитъ ничѣмъ дарить! Она не допускаетъ пользоваться чужимъ, безъ собственнаго труда. *Неправое стяжаніе прахъ!* Это, опытомъ доказанное правило нравственности, примѣняется и къ народамъ такъ-же вѣрно, какъ къ лицамъ. Надобно сначала пріобрѣсти право владѣть, и потомъ уже дѣлаться владѣтелемъ; иначе, незаконность обладанія разрушитъ все ваше неправое пріобрѣтеніе. Что выиграть можно, напримѣръ, учредивъ Академіи, прежде первоначальныхъ школъ? Одно право хвалишься раннею зрѣлостью, кошорую мож-

но уподобишь зрѣлости винограда, восплываемаго въ шеплицахъ.

Мы не удаляемся отъ предмета, вспоминая обо всемъ этомъ при размашриваніи книги о Эстетикѣ. Эстетика есть дщерь Философіи, а Философія болѣе всѣхъ другихъ наукъ спрадала и спрадаешъ у насъ, именно отъ шепличнаго переселенія изъ чужихъ странъ. Мы никогда не соображали, ни своего положенія, ни обстоятельствъ, ни самихъ себя, перенося къ себѣ философскія системы. Мало этого: мы буквально пересказывали все, что говорили своимъ соотечественникамъ Французы или Нѣмцы. Отъ этого, съ немногими исключеніями, у насъ, въ отношеніи къ Философіи, почти никакъ ничего не понималъ изъ пересказываемаго, и наконецъ никакъ ничему не вѣришь. Эта пошребность въ *être*, когда дѣло идешъ о Философіи, показываешъ состояніе нашей публики. Но она также могла-бы намекнуть и на то, какъ должно приниматься у насъ за объясненіе истинъ Философіи, и какую методу должно избрать для преподаванія ея. Состояніе нашей публики шребуешъ, что-бы метода сія не была ни Нѣмецкою, ни Французскою.

Но нѣтъ зла безъ добра! Наши преподаватели наукъ могушь, изъ жалкой опышности прошедшаго, вывести важный урокъ для самихъ себя: не пересказывашъ буквально того, что было слѣдствіемъ умственнаго шруда въ другихъ странахъ; принимашъ въ основаніе истины, равно принадлежащія всѣмъ народамъ, какъ людямъ, но примѣняшъ ихъ къ понятіямъ своихъ учениковъ, какъ Рускихъ. Мы

хотимъ вѣрить, что Г-нъ Кронебергъ понялъ сію истину. Все, что писалъ онъ о Липшерапурѣ, доказываешь, что онъ находишься на-равнѣ съ своимъ вѣкомъ; во всемъ эшомъ видѣнъ человекъ, дающій себѣ отчетъ и въ познаніяхъ, заимствуемыхъ у другихъ народовъ, и въ потребностяхъ своихъ соотечественниковъ. Въ находящейся передъ нами лекціи его, эшо еще явнѣе, нежели въ прежнихъ его трудахъ. Онъ не началъ своего взгляда сужденіемъ о *силахъ эстетическихъ*, ибо знаетъ, что его не поняли-бы. Онъ долженъ былъ прежде всего объяснить своимъ слушателямъ по состоянію, въ какомъ сами они находишься относительно Эстетики. . . . .

Быстро обозрѣвъ, въ сей лекціи, весь ходъ Эстетики у различныхъ народовъ, въ разные времена, онъ объяснилъ истинное значеніе Французскихъ эстетиковъ съ ихъ послѣдователями, указалъ на Лессинга, Шлегеля, Винкельмана, Шеллинга, и заставилъ шолько подозревать, что *есть высшая, истинная теорія Изящнаго*. Въ заключеніе онъ говоритъ: «Но, шакъ какъ всѣ усилія «опшчныхъ умовъ, мною изложенныя, имѣють оп-
«носительно Эстетики значеніе шолько отрица-
«тельное, шо осмаеться шеперь обратишь вниманіе
«на шѣхъ, которые собственными силами спосѣ-
«шествовали сооруженію новой науки.» Съ нетерпѣніемъ ждемъ слѣдующей книжки *Брошюрокъ*, гдѣ Г. Кронебергъ будетъ сооружать сіе новое зданіе. Эшо шѣмъ важнѣе, что доселѣ и въ Германіи не-
кшо не можешь служишь для него руководителемъ.

Но собственная независимость ума, Философія, и кристическія изслѣдованія многихъ великихъ людей, дающъ всѣ средства бытъ если не творцемъ Теоріи Искусства, то по крайней мѣрѣ сподвижникомъ въ семъ великомъ дѣлѣ. Ожидаемъ сего отъ Г-на Кронеберга.

Не лзя оспаривать тѣхъ положеній его, которыя являлись неудовлетворительными въ сей первой лекціи, можешь бытъ, объясняшся въ слѣдующихъ. Мы ограничимся указаніемъ на то, къ чему, кажешся, не можешь бытъ уже возвраща, или что сказано окончателью.

Вообще, намъ кажешся, что Г. Кронебергъ не обратилъ надлежащаго вниманія на историческія событія, шакъ много участвующія въ развитіи всѣхъ идей, или, сказашъ точнѣе, единственно развивающія ихъ. Онъ какъ будто полагаешъ, что теоріи могли создаваться въ слѣдствіе намѣренія и ясности понятій шого или другаго писателя. Изъ его лекціи можно даже заключить, что Лессингу вдругъ пришла въ голову мысль о нецѣлосности господствовавшихъ въ его время понятій объ Изыщномъ. Но, этого никогда не бываешъ. Великій человекъ всегда ешъ шолько органъ своего вѣка; его избираешъ Провидѣніе шолько проявивъ то, что чувствуюшъ и къ чему стремятся, болѣе или менѣе, всѣ его современники. Изъ этого упущенія мы заключаемъ, что Г-ну Кронебергу не вполнѣ извѣстно выѣшнее состояніе Эстетики во Франціи, гдѣ она имѣешъ сподвижниковъ высокихъ; въ Издашесяхъ Журналовъ: *Le Globe*, *Le Catholique* и

опчасти въ нѣкоторыхъ другихъ. Глубокомысленныя изслѣдованія ихъ могутъ пояснить ему защищаемую нами истину. Мнѣнiе наше о незнакомствѣ Г. Кронеберга съ новыми Французами подтверждается еще и словами его, что «Исторiя Эстетики «должна необходимо относиться къ однимъ Нѣмцамъ.» Этому онъ самъ противорѣчитъ, потчасъ за симъ приступая къ исторiи своего предмета, гдѣ и прежнiе Французы играютъ столь важную роль. Онъ говоритъ, что «Эстетика, какъ наука, не существуетъ у другихъ народовъ.» Но развѣ у Нѣмцевъ она существуетъ какъ наука? Впрочемъ, для объясненiя сего мы ждемъ слѣдующихъ лекцiй, а теперь подтвердимъ только то, что Теорiя Искусства, или, если угодно, Эстетика, у всѣхъ образованныхъ народовъ имѣла свою Исторiю; что истинную Теорiю Искусства создавали цѣлыя тысячелѣтiя, которыхъ были необходимы для того, чтобы Нѣмцы сдѣлали великiй шагъ въ Философiю, породившей новую науку, нынѣ исторически излагаемую Г-мъ Кронебергомъ. Въ самомъ дѣлѣ: могъ-ли бы явиться Шлегель безъ Шеллинга, а Шеллингъ безъ своихъ предшественниковъ, также порожденныхъ въ свое время предшествовавшею имъ Исторiею? Если Г. Кронебергъ скажетъ да, то мы согласимся, что *Исторiя Эстетики относится къ однимъ Нѣмцамъ.*

Распространяясь въ изложенiя Лессингова влiянiя на Эстетику, Г. Кронебергъ почищаетъ имъ болѣе нужнымъ говорить о немъ, чѣмъ менте Лессинга извѣстенъ у насъ. На чемъ-же основываетъ онъ свое мнѣнiе? На томъ, что кто-то сказалъ:

Образованіе Карамзина было именно Лессинговой школы. Но это выраженіе кажется намъ справедливымъ, и мы докажемъ справедливость его словами самого Г-на Кронеберга.

Онъ говоритъ: «Кришкву Лессингову можно упо-
«добить землетрясенію все разрушающему. Все по-
«ле покрыто развалинами; новаго зданія не видно.»
Точно шаково образованіе Карамзина, относительно Эстетикки! Пренняя вѣра его разрушена, а новой нѣтъ, ибо въ его время еще не являлись ни Шеллингъ, ни порожденный Шеллингомъ Шлегель. Карамзинъ хвалилъ Шекспира, восхищался имъ, и восхищался великимъ водянистымъ писателемъ Французскимъ. Хотя безошечиво, однакожь онъ принялъ мнѣнія Лессинга, и слѣдовательно можно справедливо назвать его принадлежавшимъ къ школѣ Лессинга: у него разрушено старое, но не образовалось еще новое, ибо вѣкъ его былъ вѣкъ перехода. Это ошрадило на всѣхъ сочиненіяхъ Карамзина, и всего болѣе замѣтно въ его *Письмахъ Русскаго Путешественника.*

Сіи безпристрастныя замѣчанія могутъ послужить единственно доказательствомъ нашего уваженія къ полезному шруду Г-на Кронеберга. Мы со вниманіемъ прочли его книжку, и прошиворѣчили ему здѣсь только въ томъ, что несогласно съ нашими понятіями. Во всемъ другомъ, мы, покуда, согласны съ Г-мъ Кронебергомъ, ибо надѣемся, что въ слѣдующихъ спашьяхъ онъ пояснитъ ошчающееся шемнымъ въ первой его лекціи, и ша-

кимъ образомъ доставишь публикѣ сочиненіе оплечное, какимъ почишаемъ мы *Брошюрки*, судя по началу.

К. II.

Два дня изъ Римской Исторіи, или двое Сципіоновъ Африканскихъ. М. 1830. въ Т. Селивановскаго. VIII и 128 стр. in-8.

Книга сія, напечатанная въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, вѣроятно, не будетъ извѣстна публикѣ. Искренно жальемъ, что Авторъ ея (Его Превосх. П. А. Словцовъ) не охотно представляетъ публикѣ издаваемые имъ книги, достойныя особеннаго вниманія. Оригинальность мыслей, обиліе свѣдѣній, и прекрасная оидѣака въ частякъ, суть отличительныя ихъ признаки. Сверхъ того, Г. Словцовъ есть одинъ изъ шѣхъ писателей, (кошорые заставляють любить себя. Въ душѣ его есть теплота, сообщающаяся его читателю: достоинство, кошорымъ могутъ похвалиться не многіе писатели! Кузень, при началѣ своего Курса Философіи, сказалъ: «Молодые люди! любите все доброе, изящное, честное: это основаніе всей Философіи.» Вотъ правило, извлеченное изъ мудрости всѣхъ вѣковъ и народовъ! Оно находится въ душѣ Г-на Словцова, и отражается въ его сочиненіяхъ. Оно-то придаетъ всѣмъ его помышленіямъ необыкновенную прелесть, заставляющую забывать мнѣкія несовершенства, встрѣчающіяся и у него кой-гдѣ, но разительныя только въ шѣхъ сочиненіяхъ, кошорыя не выкупають ихъ достоинствами.

Въ *Предувѣдомленіи* къ сей книгѣ Авторъ говоритъ: «Знаніе Римской Исторіи въ Россіи идешь «не далѣе сухаго ученія школы, и до сихъ поръ ни- «кто у насъ не хошѣлъ выславить какого нибудь «періода изъ помянутой Исторіи, перомъ не учеб- «нымъ. Доказывать не нужно, что Исторія Рима, «по духу двѣпелельности и по своимъ судьбамъ, го- «раздо къ намъ ближе, нежели Исторія Греціи. «Я бы думалъ, что политическую Исторію сей по- «слѣдней страны прослѣдительно у насъ читають «только о свѣпкахъ, не включая сюда Исторіи Фи- «лософій и Художествъ.» Съ эшимъ нельзя согла- «ситься, во-первыхъ пошому, что время для изобра- «женія Исторіи въ видѣ картинъ, подобныхъ *Ана- «харсису* Баршелеми, прошло невозвратно. Нынѣ оиъ Исторіи пребуюшь не картинъ, а философическихъ выводовъ. Картинность есть достоинство, но до- «стоинство побочное. Во-вторыхъ, нельзя сказать, что одинъ какой-либо періодъ Исторіи ближе къ намъ, нежели другой. Напрощивъ, ни одинъ періодъ Исторіи не понятенъ, если разсматривать его не въ связи съ другими. Въ эшомъ-шо взглядѣ и со- «сповншъ, касательно Римской Исторіи, безмерная заслуга Нибура, изслѣдовавшаго все элементъ, въ послѣдствіи развившіеся въ дѣяніяхъ Римлянъ. Мышнѣ объ Исторіи Грековъ слишкомъ смѣло: оно встрѣчается намъ въ первый разъ, и въ немъ мы никакъ не согласны съ Г-мъ Словцовымъ.

Но, не смотря на сіи несоглашенія, мы помиримся съ Авторомъ прочтшавъ его книгу. Тамъ душа его, чистая, высокая, видна какъ въ ясномъ зеркалѣ! Г. Словцовъ доказываетъ, *гдѣ* можешь сдѣ-

Августъ 1830.

ласть человекъ съ дарованіемъ, при искреннемъ желаніи сдѣлать *хорошее!* Книга его есть піищическое изображеніе (впрочемъ основанное на вѣрныхъ историческихъ доводахъ) двухъ дней изъ жизни двухъ знаменитыхъ Сципіоновъ, гдѣ множество воспоминаній о великомъ Римѣ составляютъ прекрасную картину для воображенія. Одинъ изъ сихъ дней названъ Авторомъ: *Интернская усадьба*, другой *Последній день Сципіона Эмилиана*. —

Записки о городахъ Забалканскихъ, занятыхъ Россійскими войсками въ достопамятную кампанію 1829 года, Генеральнаго Шшаба Полковника Энегольма. СПб. 1830. Въ Т. Плюшара. 160 стр. in-8.

Изъ числа многихъ книгъ, изданныхъ по поводу знаменитыхъ событій, обратившихъ вниманіе всего просвѣщеннаго міра на Европейскую Турцію, *Записки* Г-на Энегольма могутъ почесься явленіемъ, заслуживающимъ благодарность. Очевидецъ описываетъ въ нихъ города, извѣстные намъ доселѣ по преданіямъ и замѣшкамъ путешественниковъ, не имѣвшихъ ни удобствъ, ни свободы дѣлать замѣчанія и наблюденія. Напрошивъ Г-ну Энегольму, шакъ-же какъ и многимъ изъ его шоварищей, ошерышы были всѣ способы къ собранію полезныхъ свѣдѣній: его прикрывали сошши тысячь войскъ, побѣдоносныхъ, усшроенныхъ; Турки уже не мѣшали любителямъ просвѣщенія замѣчать и описывать все, что угодно. Въ книгѣ Г-на Энегольма, нослѣ общаго обозрѣнія Фракіи, описаны слѣдующія мѣста: Адрианополь — Кирхъ-Класса — Виза — Мидія — мѣста прилегающія къ Черному морю, отъ Мидіи до Мисевріи — Самоково — Тарново — Ахшеболи —

Василъко — Сизопольсь — Бургась. — Анхіоло — Мисев-
рїя — Айдось — Карнабаль — Сливно — Ямболь — Чир-
мень — Джессерь-Мустафа-Паша — Демопика — Люд-
ле-Бургась — Карисшрань — Чорлу — Сарай.

— *Объ устройствъ судебно-уголовной власти въ Греціи и Римѣ.* Сочиненіе Ивана Калашникова. СПб. 1830. Въ ш. Медицинскаго Деп. 149 стр. in-8.

«Изобразивъ устройство судебно-уголовной вла-
сти у двухъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ древняго
міра, я предполагаю также заняться изображені-
емъ устройства оной въ Европѣ въ Вѣкахъ Среднихъ
и новѣйшихъ, присовокупя къ тому особенное
Историческое обозрѣніе суда и слѣдствія въ Россіи,
такъ что-бы полное изданіе составило: *Истори-
ческое изображеніе устройства судебно-уголовной
власти въ Европѣ.*» Это слова Автора, въ Пред-
словіи. Въ изданной имъ нынѣ части огромнаго
предпріятія его, идеть родъ перечня, гдѣ исчи-
сляются, съ крашчайшими объясненіями, *Архонты,
Ареопагъ,* и проч., почти такъ, какъ въ нашемъ
Памятникѣ къ законамъ исчисляются Русскіе зако-
ны и власти. Намъ кажется, что было-бы гораздо
полезнѣе изыскать *причины и отношенія* древнихъ
властей, нежели просто исчислять ихъ, безъ вся-
кихъ сужденій. Впрочемъ, всякій благонамѣренный
шрудъ достоинъ хвалы и благодарности.

— *Земледѣліе, промышленность и торговля
Бессарабін, въ 1826 году.* Сочиненіе Якова Сабу-
рова. М. Въ Универс. ш. 1830. 30 стр. in-8.

Это славяны, помѣщевная въ Московскомъ Вѣш-
никѣ, и нынѣ оппечашанная особо. Въ ней много

полезныхъ свѣдѣній, хошя и ешь кой-гдѣ проши-
ворѣчія и недосмотры. Надобно сказать, что не-
счастливая звѣзда этой статьи причиною находя-
щихся въ ней опечатокъ, грубѣйшихъ, ошнмающихъ
смысль. Это и не удивительно, ибо несчастная
звѣзда завела эту статью въ *Московский Вѣстникъ*.
Туть объясненія не нужны. Недавно Издашель сего
Вѣстника, издавъ вмѣсто *трехъ* книжекъ своего
Журнала *одну* (*), оправдывается въ медленномъ
изданіи тѣмъ, что онъ долго пріискивалъ корректо-
ровъ для словъ Жмудскихъ, Чухонскихъ и прочихъ.
Не лучше-ли было-бъ, прежде всего, пріискашь
корректора для Русскаго языка? Онъ своимъ Вѣс-
никомъ стыдитъ Типографію: что страница, по
пельная опечатка! О языкъ и рѣчи нѣтъ: не да-
ромъ Г. Издашель искалъ корректора для Жмудь-
скаго языка: видно, онъ знаетъ, что его языкъ
не Русскій. Но мы говоримъ только о недосмот-
рахъ. Наприм., на первой страницѣ этой книжки,
вмѣсто: *плодородною почвой*, напечатано: *плодами
родной почвы!!* Тѣмъ досаднѣе это должно быть
для Автора, что подобныя вѣдѣности могушь пасть
на его счетъ.

— *Подробное и основательное руководство къ
дѣланію коровьяго масла и приготовленію разныхъ*

(*) Не лзя сказать, что-бы подписчики вознагра-
ждались за это числомъ листовъ: въ 3 книжкахъ
должно быть (считая по 7 листовъ въ каждой)
21 листъ, а ихъ выдано только 15-ть. Послѣ этого
пусть Г. Издашель говоритъ о *добросовѣстности* и
жалуется на невниманіе публики.

родовъ сыра. Изъ иностранныхъ и *Россійскаго* сочиненій, извлечено и переведено К. С. СПб. 1830. Въ ш. И. Глазунова, 84 стр. in-8.

Рекомендуемъ эту книжку почтеннымъ сельскимъ хозяйкамъ; но за достоинство ея не ручаемся. Ждёмъ ошъ нихъ приговора ей.

— *Студентъ.* Стихотворная повѣсть. Сочиненіе О. С-ва. М. 1830. Въ ш. Армянскаго Института. 41 стр. in-12.

Никшо еще, никшо стихами
Не воспѣваль, студентъ, васъ,

говоришь Сочинитель. Неправда: а Владиміръ Ленскій? Да! вѣдь шо студентъ Геттингенскій, а шупъ, вѣроятно, воспѣвають студента здѣшняго. Говоримъ: *вѣроятно*, пошому чшо мы не имѣли шерьшнїя прочесть эту вздорную книжку.

Но я прошу лишъ снисхожденя
Сему посильному труду;
Въ комъ, какъ не въ чадахъ просвѣщеня,
Я для себя его найду?

Конечно! Въ комъ, какъ не въ шѣхъ чадахъ просвѣщеня, къ кошорымъ ошносятся Сочинитель, искашь снисхожденя къ грамматическимъ и логическимъ ошибкамъ? Онъ ихъ знаешь, какъ видно, дошому чшо говоришь:

Я самъ былъ нѣкогда студентъ;
Я самъ училсѣ, просвѣщалсѣ (!);
За шо *Студентскій патентъ*
Въ награду мнѣ тогда досшалсѣ.

Чего-же болѣе и желашъ! . . .

Abregé de la grammaire française, par E. Lefranc, etc.
Краткая Французская Грамматика, сочиненіе Е.
 Лефранка, Почешнаго Профессора Парижскаго Уни-
 верситета и сочинителя разныхъ учебныхъ книгъ,
 съ присовокупленіемъ краткой Хрестоматіи Фран-
 цузской и Россійской, и проч. СПб. Въ ш. Гянце,
 1830. VIII, 312 и LVIII стр. in-8.

Elémens de la grammaire française, par Lhomond, etc.
*Начальныя основанія Французской Грамматикки Ло-
 мона*, Заслуженнаго Профессора Парижскаго Уни-
 верситета, для обученія Россійскаго юношества,
 значительно дополненныя А. Динокуромъ, съ Рос-
 сійскимъ переводомъ Н. Н. СПб. 1830. Въ ш. Гян-
 це. XIX, 310 и 67 стр. in-8.

Наконецъ, слава Богу! мы перешли эпоху Ломо-
 новой Грамматики, хощя читатели и видяшь въ
 заглавіи сей спашья, подлѣ новаго пушеводителя,
 спарика Ломона, еще и съ переводомъ на *Россій-
 скій* языкъ. Г. Заикнѣ, издавшій объ сія книги,
 поступилъ очень разсчешливо: онъ не ошказался на-
 печатать новую Грамматику Французскую, но пе-
 репечаталъ и старую, съ новыми приправами. Эта
старая, но ее спанушь покупать по привычкѣ, и
 потому что она принята въ руководство многими
 учителями; а та *новая*, но она, какъ ульбрюють
 знашки, хороша — ее спанушь покупать за до-
 стоинства. Разсчешъ вѣренъ, и вѣренъ не только
 для книгопродавца. Надобно вспомнить, что Фран-
 цузскій языкъ доведенъ до такой степени совер-
 шенства, которая почши не допускаешъ писать на

немъ неправильно. Въ наше время, почти каждый грамотный Французъ пишетъ на своемъ языкѣ правильно, нежели пишутъ многіе Русскіе лишператоры на своемъ. Опъ чего это? Опъ того, что Французскій языкъ обработанъ превосходно, и приведенъ въ такія точныя, неизмѣнныя правила, при коихъ самый невнимательный умъ понимаетъ всѣ шаниства его. Оставалось привести сіи правила въ легчайшую методу, и въ семь отношеніи никакъ не оказалъ сколько заслугъ, какъ Ломонъ. Его труды долго почитались послѣднимъ совершенствомъ. Неумолимый Буасъ доказывалъ, правда, что Ломонова метода сбивчива, и самъ хотѣлъ все основать на *последовательности идей*, но огромная книга соперника Ломонова можетъ похвастаться матеріаломъ, а не настоящею Грамматикою. И надобно сказать, что Буасъ уже во многомъ *перехитрилъ*: онъ не находилъ почти ни одного писателя Французскаго правильнымъ. Руссо, напротивъ, онъ не признавалъ и Французомъ; Шатобріана жаловалъ именемъ варвара, и вообще открывалъ бездну ошибокъ у всѣхъ лучшихъ писателей Французскихъ. Впрочемъ, Буасъ не различалъ *идей* отъ *словъ*. Можно писать грамматически правильно, но логически бессмысленно. У Французовъ это встрѣчается всего чаще. Посему-то его кришика не поколебала ни одного изъ утвержденныхъ правилъ Французскаго языка. Наконецъ явился Лефранкъ, и сдѣлалъ новый шагъ относительно метода. Его Грамматика, нынѣ въ сокращеніи переведенная Г-мъ Сомовымъ и изданная вмѣстѣ съ подлинникомъ, различествуетъ отъ Ломоновой только методомъ. Вопъ почему ска-

зали мы, что изданіе Ломоновою Грамматики, въ одно время съ Лефранковою, не лишнее. Гг. учили не ошибутся, выбравъ любую изъ нихъ; но мы всегда отдали-бы преимущество Лефранку, потому что признаемъ его методу болѣе естественною, болѣе ясною и правильною. Впрочемъ, не въ эшомъ заключается главное достоинство ея. Лефранкъ привелъ въ исполненіе мысль превосходную, долженствующую принести богатые плоды. По той же самой методѣ, по которой написана его Французская Грамматика, почти правило въ правило написалъ онъ и Грамматику Латинскую, такъ что послѣ изученія своего языка, Французъ прислушивается къ Латинскому по дорогѣ уже извѣстной ему: онъ изучаетъ только *особенности* языка Латинскаго. Вотъ гдѣ оказываются всѣ преимущества метода Лефранка, и вотъ что заставило принять и Французскую и Латинскую Грамматики его въ руководство для Французскихъ учебныхъ заведеній. Тутъ берегаются и время, и трудъ, и умственные способности. Напрощивъ, у насъ, послѣ Русской Грамматики, вы вступаешъ въ новый міръ, принимаясь, напримѣръ, за Французскую, гдѣ правила всеобщей Грамматики повторяются какъ новость, хотя уже вы ихъ и знаете изъ Русской Грамматики. Въ Латинской, въ Нѣмецкой Грамматикѣ, васъ встрѣчаешъ ша-же исторія, то есть тошъ-же хаосъ. Сколько гибнешъ въ эшой путаницѣ, въ эшихъ повтореніяхъ, драгоценнаго времени, и какъ бесполезно прищупляется умъ учащагося, который надобно дорожить всего болѣе! Желательно-бы было, что-бы и у насъ какойнибудь благочелющій

и знающій человекъ принялся за составленіе ясной, стройной Грамматики Русской, и по одной съ нею методѣ изложилъ Грамматики другихъ языковъ: онъ оказалъ-бы услугу ошечеству. Тогда прекратилось-бы мученіе бѣдныхъ мальчиковъ, вмѣстѣ съ уничиженіемъ всехъ Грамматики Лебедева, Бантышъ-Каменскаго, Брёдера, Перельгова, Ломона и самого Лефранка, ибо тогда-бы шли къ цѣли прямо, между тѣмъ какъ нынѣ надобно выдерживать карантинны при всякомъ новомъ языкѣ, тѣмъ труднѣйшіе, чѣмъ хуже сочинитель Грамматики, принятой въ руководство.

О Русскихъ перепечаткахъ Ломоновой и Лефранковой Грамматики сказать нечего, кромѣ того, что мы почитаемъ ихъ совершенно излишними, когда съ ними вмѣстѣ напечатаны и переводы. Для чего тупъ подлинники? Они напрасно утолщаютъ книжки и увеличиваютъ ихъ цѣну. О переводахъ можно сказать, что Лефранкова Грамматика переведена прекрасно, а Ломонова очень дурно. О приложеніяхъ, находящихся при обѣихъ изъ сихъ книгъ, замѣтимъ слѣдующее. Они не относятся къ Грамматики; но, если уже надобны приложенія, то конечно *идіотизмы* и прочее, находящееся при Ломоновой Грамматики, полезнѣе *Христоматій*, приложенныхъ Г-мъ Сомовымъ къ Лефранку. И какъ дурно составлены сіи *Христоматіи*! Во Французской помѣщены безцвѣтные ошрывки изъ Райналя, Эме-Маршена, Гено де Монбельяра, Флоріана, изъ перевода (!) Винкельмана, а нѣтъ ни одного примѣра изъ новыхъ современныхъ писателей, кромѣ Шашобріана — какъ нарочно, такого писателя, ко-

шорому не лья подражашь въ слогу. И Русская и Французская Хреспомашин раздѣлены по шрехъ спешенямъ слога: *простого, средняго и возвышеннаго*. Это опзываешся пяшнадцашимъ шпольшиемъ! Но, пусть шакъ! Какимъ-же образомъ въ примѣры средняго слога помѣщены — Восшочные разсказы, а въ примѣры возвышеннаго — описаніе Шафгаузенскаго водопада!... Замѣшимъ шакже, что пора не считашь образцовымъ *стихистомъ* Муравьева, кошорый писалъ: «Никакая счашливая мысль *не пошаладась*. Не лья было *положить* вины на перо или гернила. Все было *въ лучшей исправности*, не доставало шолько сочиншелей.» Хороши образцы слога! Зачѣмъ шакже приложены шаринные Рескрипшы и оригинальные письма Суворова и Ломонсцова? Они были прекрасны по обшояшешшвамъ, но не могутъ служить образцами слога.

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ.

Взглядъ на нынѣшнюю Испанію (*).

Политическія измѣненія прежде бывали дѣломъ времени; переменна приводила другую переменну посредствомъ нечувствительной поспешенности, такъ, что и правящіе и правимые этого не замѣчали. Современники смотрѣли, и едва, едва подозрѣвали, что есть нѣкоторыя неровности и колебаніе въ шаромъ порядкѣ. Всякое пошановленіе продолжалось, по крайней мѣрѣ, вѣкъ человѣческой. Ошъ сего видимъ мы въ Исторіи многія эпохи, слѣдующія одна за другою какъ буди по нишкѣ, сходныя и физіогномією и походкою, носяція одинъ, семейный, такъ скажашъ, обликъ. Запрудняясь въ разшановкѣ ихъ и въ ошысканіи различій между ними, писатели шарой исторической школы привязывались къ лицамъ. Ошъ сего происходило у нихъ исключительное занятіе дѣлами и жизнію государя, династїи, дома его: униженіе *Исторіи* до просшаго *Жизнеописанія*. Франція при Людовикѣ XIV не спорила противъ сего образа писанья, ибо онъ сошвѣщшвовалъ ея по-

---

(*) Сочиненіе Графа Сень-При. Напомнимъ читателямъ его разборъ Сегюровой *Исторіи Петра Великаго*, помѣщенный въ прошломъ году Телеграфа. Изд.

нышнѣмъ; XVIII-й вѣкъ дивился ему; нашъ вѣкъ рѣшительно возспалъ пришивъ него. Значительность *людей* уменьшилась съ прошедшаго столѣтїя; дѣла начали преимуществовашь въ мїрѣ. Ихъ преимущество неожиданно было оспорено *однимъ теловѣкомъ* — оспорено, но паденіе его попому самому не на долго замедлилось, ибо время совершенно измѣнилось. Приученные къ общимъ идсамъ о дѣлахъ, мы почли своею обязанностью привести подъ сей уровень и то, что было до насъ. Новое поприще открылось ошъ сего новаго шребованїя для Историковъ, и нѣсколько чловѣкъ прошло по оному съ большимъ успѣхомъ: нѣшъ надобности напоминашъ, кто сіи счастливицы; чипашель легко ихъ вспомнишь. Между шѣмъ, не смотря на сіе новое, данное Исторїи направленїе, не смотря на счастливое приложенїе новѣйшихъ основанїй къ нѣсколькимъ частнымъ событїямъ, шолла людей, занимающихся Исторїею, можешь бышь, вопрошивится рѣшительной реформѣ въ идеѣ Исторїи, и спашель спорить, что никакъ нельзя вполнѣ и совершенно *обобщить* прошедшаго, и привести его въ догматическія формулы. Выводы, сдѣланные изъ шого или другаго событїя, не во всемъ оказывающся точны: вѣрные съ одной стороны, частно они ошибочны съ другой. Предводители новой школы Исторической побѣдили большїя шрудности, но ученики не совсѣмъ вѣрны учителямъ: какъ ни прикладываютъ они ихъ систему, все приходится имъ обращаться къ дѣйствующимъ лицамъ драмы, и они по прежнему спавяшъ впередъ картины живыя существа: не дѣла, но *войновъ*,

царей , министровъ , дворы съ ихъ леншми , кардиналовъ съ ихъ барешми , парламентскихъ чиновниковъ съ ихъ красными плащами , и Іезуитовъ съ ихъ черными одеждами. Въ самомъ дѣлѣ , что-жь дѣлалъ ? Дѣйствительно , все это управляло Европою , и онъ того необходимо , вмѣсто народа , говоритъ о государствѣ , вмѣсто государства о нѣсколькихъ лицахъ , ибо прежде въ дѣйствительности такъ было. Перемены не были быстры , скоры , явны : онѣ вкрадывались , а не вбѣгали въ мѣръ. Феодализмъ , напримѣръ , эта крѣпость Среднихъ Вѣковъ , не вдругъ пала ; она развалилась пошпихоньку , разобрана была по камню , и незаметно. Трудно изображать сіи событія безъ пособія воображенія ; мы принуждены многое угадывать , и только предположенія , догадки могутъ закрывать для насъ пропуски. Въ дѣйствительности всегда есть какая-то неопредѣленность , недостоверность , мало цвѣтовъ , много опшѣнковъ. Основанія илго начала дѣйствій разбросаны въ вѣкахъ : надобно опыскашь ихъ , собрать , связать нитью , болѣе или менѣе искусственною. Только этою цѣною мы покупаемъ видимость общности , и все еще сія видимость бываешь иногда неполною.

Говоря собственно , толпы прозябали только для самихъ себя , а одушевлялись онѣ только при помощи молчка изъ верхнихъ рядовъ : онѣ всегда были свидѣтелями или орудіями ; политическое дѣйствіе всегда было феодальнымъ правомъ : замки , дворцы пользовались сею привилегіею ; хижины дѣйствовали только по призыву онѣ привилегиро-

ванныхъ мѣстъ, и иногда шолько опшщали онѣ за это ужаснымъ образомъ.

Но какимъ-же образомъ дожили мы до новаго порядка вещей, (ибо надобно согласишься, что слычивъ, напримѣръ, въкъ Людовика XIV съ нами, мы находимъ другой порядокъ)? Какимъ образомъ измѣнился духъ времени, до того, что основатели нынѣшнихъ политическихъ владычествъ едва-ли узнали-бы своихъ потомковъ, являсь въ наше время? Гдѣ точка начала? Не говоритъ гдѣ, но Тридцатилѣтняя Война была уже развитіемъ оной. Реформація выдвинула въ рядъ государствъ Швецію, безъ согласія съ старымъ порядкомъ дѣлъ. Швеція была неизвѣстна дошолъ, и вдругъ стала въ первомъ ряду. Дошолъ были шолько выслужившіеся политическіе дѣйствователи; Швеція — палебей, спавшій въ одинъ шагъ среди пашрицевъ. Духъ времени усиливалъ ее, и едва онъ обернулся въ другую сторону, Швеція спала въ шѣни. Швеція была *первой*, но не *последній* образецъ дѣйствій духа времени, и не эпизодъ, но явленіе систематическое. Мель agitator molest. Невидимый духъ времени, паря надъ міромъ, дѣлаешь свое дѣло. Кшо заспавилъ въ наше время Англію уравнишь Ирландскихъ Католиковъ съ Протестантами? Кшо Францію, воинственную, джкую, выснувшую изъ своихъ предѣловъ, превращилъ въ мирное, законамъ подчиненное государство? Обращимся-ли къ удивительнѣйшимъ измѣненіямъ: Султану, напримѣръ, который хочешь гражданственности своему народу? Погибнешь онъ въ своемъ предпріятіи, или уснѣешь — дѣло совсѣмъ особое, но все вно дѣлаешь не одинъ

человѣкъ, не нѣсколько человѣкъ, а духъ времени: Угадайте: какой эшо духъ, и когда онъ начался; и вы должны будете идти для рѣшенія вопроса далеко за Тридцатилѣтнюю Войну.

Но для познанія дѣйствителнаго духа времени на шу или другую страну, намъ надобно знать духъ сей страны. Обратимъ въ семъ отношеніи взоръ нашъ на Испанію.

Думали, можешь бышь, и сама она думала, что время политической реформы въ духъ нынѣшняго времени, каковъ-бы онъ ни былъ, и чшд-бы онъ ни былъ, настало для нея. Испанія была кликнуша на реформу, и почла сей вызовъ за внутреннее сознаніе. Заблужденіе продолжалось не долго: при первомъ претисшествіи извѣстѣ, Испанія снова засѣла въ своихъ старыхъ кварцирахъ.

Сужденія о современной Испаніи были донинѣ многообразны; различны. Испанію худо знаютъ: въ эшомъ всѣ соглашаются; но, согласившись въ сѣи истинѣ, каждый начинаеть однакожь судить объ ней, и судить по своему. Одни говорятъ любя, другіе ненавидя; поговоримъ объ ней *безпристрастно*. Не хочу входить въ изьясненія хода политики Испанской, ея правительственнаго и политическаго образованія: другіе дѣлали эшо, и пришомъ для сего необходимо предварительное, большое изученіе. Ограничусь тѣмъ, что выскажу впечатлѣнія, какія ощущаа я въ чешырехъ-мѣсячное пребываніе мое въ Испаніи, съ Февраля по Іюнь 1829 года; буду говорить какъ самовидѣць, бывшій и въ Мадридѣ и въ провинціяхъ Испанскихъ, жившій между оплѣ-

ными и знатными людьми Испаніи и въ высшихъ званихъ, въ полнѣ.

Скажу рѣшительно и прежде всего, что Испанія, та, которую изображаютъ намъ Журналы разныхъ партій, советамъ не походитъ на Испанію действительную. Не смѣю входить въ разбирательство того, до какой степени не похожа Испанія журнальная на настоящую; еще менѣе захочу соглашамъ чуждое мое съ видѣннымъ. . . . .

Испанія, говорятъ намъ нѣкоторые Журналы, требуетъ новыхъ постановленій, подобныхъ постановленіямъ Франціи и Англіи. Но, спрашиваю всякого безпристрастнаго человека, можетъ-ли это быть въ такой землѣ, гдѣ между жителями одной области и жителями другой едва есть сообщеніе? Ежедневныя сношенія между областями и званіями, обменъ мыслей и мнѣній посредствомъ книгъ и журналовъ, могутъ-ли существовать въ такой землѣ, гдѣ гражданинъ боится еще за самое свое существованіе, ибо Испанія наполнена ворами и разбойниками, нагло грабящими мирныхъ общагашелей? Дороги въ ней не существуютъ, и едва есть проѣзды изъ одного мѣста въ другое. Дорога изъ Байонны въ Мадридъ, содержащая болѣе для сношеній дипломатическихъ, нежели для торговыхъ и общественныхъ, есть единственная дорога, по которой устроены почтовые станціи. Изъ Мадрида въ Барселону, черезъ Валенцію, и въ Кадиксъ, черезъ Севиллу, ходятъ diligencias, но это не легкій и дешевый въ другихъ земляхъ способъ сообщенія, въ Испаніи дорога и затруднительна и чрезмѣрна. Изъ Кадикса въ

Грѣнадѣ, изъ Гренады въ Мадридъ — нѣтъ пуши почтоваго: дорога назначена, но Богъ знаешь, когда продолжатъ ее! Есть-ли послѣ сего средства думашъ о политическихъ движеніяхъ — спрашиваю, не говоря еще ни о чемъ другомъ — въ такой спранѣ, гдѣ самое сношеніе между жителями пребуешъ заботъ, времени, издержекъ и опасностей? Присоединяете къ этому умственную лѣность, которая не доуспишъ Испанца читать политическія брошюрки, книги и Журналы, разсуждашъ въ клубахъ и слушаешъ парламентскихъ говоруновъ. Но, въ Испаніи — возразятъ мнѣ — были-же Кортесы? Были, но что же въ томъ? Участвоваль-ли въ ихъ замыслахъ народъ? Какіе слѣды остались отъ нихъ въ Испаніи? Понимала-ли Испанія, что дѣлалось, и для чего дѣлалось? Во Франціи, полишика есть жизнь народа: одни спорашъ за харшію, другіе противъ харшіи; толпа принимаетъ участіе, понимаетъ, дѣйствуетъ. *Числа управляютъ міромъ.* Это сказано вѣрно и неоспоримо. Большинство голосовъ есть ручательство за торжество той или другой стороны. Большинство голосовъ было-ли въ Испаніи на споронѣ тѣхъ постановленій, которыя вдвинуло въ Испанію собраніе нѣсколькихъ чловѣкъ, произвольнo и по своей волѣ собравшихся. Толпа легко прислаа къ нимъ, и также легко отошла отъ нихъ. Тамъ, гдѣ всѣ права разобраны, опредѣлены, тамъ только является правильная борьба мнѣній и желаній. Въ Испаніи этого нѣтъ. Въ Испаніи два властителя: *Король и народъ.* И народъ? Да, но онъ властвуетъ своимъ, особеннымъ, только Испаніи свойственнымъ образомъ. Въ землѣ просвѣщенной,

Августъ 1830.

образованной, просвѣщеніе раждаетъ мнѣніе общественное, и тогда все приходитъ въ извѣстный порядокъ; аристократія и среднія званія существующъ, когда общественное мнѣніе существуетъ, когда сужденіе, здравый смыслъ, а не страсти и не порывъ безогчетный составляютъ внутреннюю полицику. Въ семь случаевъ, народъ-собственно не имѣетъ уже голоса: онъ молчитъ, и передаетъ свой голосъ аристократіи и среднимъ званіямъ. Въ Испаніи высшая аристократія совершенно ничтожна; среднія званія вовсе незначительны: ни промышленность, ни образованіе не даютъ имъ средства сдѣлаться сколько нибудь значительными, ибо они не существуютъ. Остается — просто народъ, и вотъ народъ сильнѣе и аристократіи и среднихъ званій, во первыхъ по своей независимости, ибо у него менѣе потребностей, сдѣдственно, менѣе нуждъ; во вторыхъ потому, что у него есть свои начальники, умѣющіе говорить съ нимъ, дѣйствовать на него, управлять его совѣстью и пользоваться настоящимъ его состояніемъ: сіи начальники суть священники, и особенно монахи. Они предводительствуютъ народомъ, кормятъ тысячи его при вратахъ своихъ обителей. Все, или почти все Испанское Духовенство избирается изъ среды народа. Знашное Дворянство почти не участвуетъ въ церковныхъ должностяхъ; Епископы, Архіепископы, начальники монашескихъ орденовъ выходятъ изъ высшихъ званій и доходятъ до важнѣйшихъ степеней. Отъ того народъ видитъ въ нихъ своихъ совѣтниковъ, судей, естественныхъ защитниковъ. Въ другихъ земляхъ Духовенство есть принадлежность

правительства, званіе отдѣльное, привилегированное; въ Испаніи оно народъ, часть народа. Тоже самое видимъ мы въ Ирландіи. Надобно вспомнить, что и въ Ирландіи и въ Испаніи духовенство Католическое: духъ его извѣстенъ; понятія также. Французская оппозиція, не смотря на нелюбовь свою къ Іезуитамъ, защищаетъ Ирландскихъ Католиковъ, ибо въ дѣлѣ Католиковъ рѣчь была о гражданскихъ правахъ: искали одного, думая совѣтъ о другомъ. Но оппозиція Французская не должна ставить Испанію въ одинъ размѣръ съ Ирландією; здѣсь большинство голосовъ заключено также въ Духовенствѣ, но вопросъ идеть совѣтъ о другомъ. Что въ Ирландіи большинство голосовъ защищало, то въ Испаніи оно отвергаетъ.

Жажда спорить за права, мучающая другіе народы, для Испанца не существуетъ. У него свои понятія о правахъ. Какой-то *гидальго* Бургосскій, или Валадолидскій, говорилъ однажды: «Король нашъ такой-же старинный дворянинъ, какъ я, но, собственно, я почешу его, потому что онъ старый дворянинъ Французскій, а я старый Испанскій.» — Вошь чистый Испанецъ, и — весь Испанецъ! И этошъ-же самый гидальго ни мало не думаетъ унижаться, цѣлуя на колѣняхъ руку Короля, руку самаго младшаго Инфанта. Бюсси забавно говорилъ нѣкогда, что онъ уступаетъ Монморанси въ почестяхъ, но не въ рожденіи: вошь истинно Испанское повѣрье! Цѣлыя области Испанскія обладаютъ правомъ самаго стариннаго дворянства, и никто не сознаетъ своего нисшаго происхожденія. Такимъ образомъ стараніе уравнишь званія, прежде всего

здѣсь вовсе не нужное дѣло, ибо Испанецъ слишкомъ гордъ, и пошому не щеславенъ. Каждый выводишь себя прямо отъ поколѣнія Короля Пелагя. Тутъ уступаетъ ему самый щеславный грандъ, и онъ не завидуешь гранду. « Можешь бышь, въ эшомъ вельможѣ печеть частъ крови Мавришанской, Поршугальской, Французской, или Жидовской » — говоришь Испанецъ — « въ чѣмъ-же мнѣ завидовашь ему? Избави Боже! »

И такъ, оппозиціонныя понятія въ Испанія невозможны; объ нихъ и не думаютъ; желаніе равенства здѣсь почти неизвѣстно. Какимъ-же образомъ Испанію хотяшь сравнивашь съ другими землями? Какимъ образомъ ходяшь передать ей идеи, пошребности, жизнь Французовъ и Англичанъ? Подобное предпріятіе можетъ удасться шогда, когда Испанія сколько нибудь будешь походить на Англію и Францію; шеперь, она ни сколько на нихъ не походишь. Взимныя, бышстрыя, дѣятельныя сношенія, мѣна понятій, свобода мыслей, словъ, книгопечатанія — необходимость для Француза. Французъ не перенесеть ни одной минушмы общешвеннаго бездѣйствія Испанцевъ. Но это бездѣйшвіе ешь природа Испанца; оно происходишь отъ его Ишторіи, географической мѣстности, климата. Чишайте Ишторію Испанія, даже новую: эшо соединеніе Востока и Среднихъ Времень. . .

Для перваго разсмотримъ отношенія Короля къ его подданнымъ; для вшораго отношенія знатныхъ людей къ Королю и другимъ званіямъ. Знатные люди, ничего незначашіе при Дворѣ, не имѣющіе высокихъ званій и должностей, обладающіе

однакожь шремя четвертями Испаніи; отъ нѣкоторыхъ Графовъ и Герцоговъ зависяшъ цѣлая область. Однажды спросилъ я у Герцогини Бен***: есть-ли въ цѣлой Испаніи хоть одна область, въ которой не было-бы ея помѣстьевъ? Она задумалась, и, перебравъ въ мысляхъ свои обширныя владѣнія, сказала, что «кажется, нѣтъ ихъ только въ Галиціи.» Слѣдствія междоусобій и войнъ уменьшили значительнымъ образомъ доходы безчисленныхъ владѣній Испанскихъ знаменитыхъ родовъ, а всегдашнее пребываніе ихъ въ Мадридѣ лишило ихъ мѣстной силы. Но шѣмъ не менѣе цѣлая область принадлежатъ имъ, и если Испанскіе помѣщики не имѣють мѣстной силы, то и никто не замѣняетъ ихъ никакою силою. Соединеніе огромнѣйшихъ имѣній въ рукахъ высшаго Дворянства, такъ въ духѣ Испанцевъ, что они не въ состояніи понимать другаго порядка дѣлъ. Недавно одинъ изъ Испанскихъ Герцоговъ, обремененный долгами, выпросилъ у Короля позволеніе продать часть своихъ маіоратовъ. Что-же? Никто не думалъ покупать ихъ, ибо продажи части маіората никто не могъ себѣ располковать! Это казалось для каждаго невозможнымъ; Король взялъ обратно свое дозволеніе, ибо оно никуда не годилось. — Поставленія Среднихъ Временъ видны также въ сохраненіи различныхъ привилегій и правъ цѣлыхъ областей и городовъ. Въ разныхъ мѣстахъ Испаніи встрѣчаеиъ ошашки древнихъ льготъ, городскихъ общинъ. Такъ Наварра донынѣ остаеиъся областью, управляемою своими чинами; Герцогъ Альба, по праву рожденія, есть всегдашній Президентъ, Кан-

цлеръ и Коннешабль Наваррскихъ чиновъ. Области Васконгадскія доннынъ сохранили свои особенные таможенные уставы, и взимають пошлину со всѣхъ товаровъ, вывозимыхъ изъ другихъ областей. Такіе частные уставы доказываютъ, что Испанія далека отъ однообразнаго законоположенія другихъ земель, и по сему нововведеніе, возможное въ другихъ земляхъ, въ Испаніи вовсе невозможно. Вообще, Французская оппозиція, кажется, слишкомъ много заботится объ Испаніи: подобныя заботы вовсе не нужны, ибо они всегда останутся безуспѣшны. Рѣшишельно можно сказать, что трудъ, предпринятой другимъ государствомъ для Испаніи, будетъ трудомъ потеряннымъ; ее надобно осчастливить ей самой.

Въ Испаніи нѣтъ промышленности, говорятъ намъ, а прежде всего надобна промышленность. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ областяхъ Испаніи есть промышленность; въ другихъ ея никогда не будетъ, не будетъ даже и земледѣлія: жишель Ламанчи, палимый солнцемъ, всегда спаваетъ обрабатывать поля свои небрежно, если-бы они и были не столь обширны, и не столь непокорны плугу его, какъ нынѣ. — Трудъ вѣдешъ въ нравственности — говорятъ еще, и если-бы Испанія была болѣе трудолюбива, то въ ней исчезли-бы навсегда слухи о грабежахъ по большимъ дорогамъ. — Но въ Валенціи трудятся весьма усердно: тамъ ни одного уголка земли не оставляють необработаннымъ, и три раза въ годъ заставляють землю давать плодъ свой дѣлашаю, а между тѣмъ ни въ одномъ мѣстѣ Испаніи нѣтъ столько разбоевъ и

убійствъ , какъ въ окрестностяхъ Валенціи. — Словомъ : Испанія для Европейца неизяснима , и , что всего важнѣе , для чуждыхъ уснаій недоступна.

Тѣмъ лучше — возражають нѣкоторые — ибо отсутствіе какой-нибудь промышленности , какого-нибудь знанія , Испанецъ вознаграждаетъ героическою храбростію , пламенною любовію къ отечеству , постоянствомъ выше всѣхъ испытаній , умѣренностію и презвостію , почти баснословными. Какой народъ показалъ болѣе любви къ отчизнѣ и благородства душевнаго ? Качества сіи шѣмъ изумительнѣе , что они не сосредоточиваються въ одномъ кошоромъ-либо званіи , и , можешь бышь , чѣмъ болѣе станемъ мы нисходишь по лѣстницѣ званій , шѣмъ въ сильнѣйшей степени найдемъ ихъ. — Противъ сего , благопріятнаго для Испанцевъ , сужденія , являються укоризны , столь часто повторяемыя многими. Намъ высшавляють склонность Испанцевъ къ звѣрству и легкость рѣшенія на пролішіе крови ; пустую ; черствую гордость , съ какою отвергають они всякое просвѣщеніе безъ разбора. Всѣ сіи обвиненія выскажеть вамъ каждый спрогіи поляпикъ. Человѣкъ менѣе важный укорить еще сверхъ того Испанію въ несносной скукѣ жизни , въ безжизненности общества , несущесшвованіи удовольствій общественныхъ , по крайней мѣрѣ , удовольствій , принятыхъ всѣми другими Европейцами ; сверхъ того въ чувственности , безмѣрной , но утаенной , скрытой , грустной , шяжелой даже въ самыхъ ея восторгахъ. — Во всемъ этомъ есть нѣсколько и правды. — Но , повѣрьте , что Испанецъ никогда не переймешь ошъ другаго

народа другихъ нравовъ, и, напрошивъ, кто поживешь въ Испаніи, шось самъ примешь Испанскіе нравы, царствовашь-ли онъ будетъ, или шолько жишь въ Испаніи. — Загляните въ Исторію; узнаете-ли вы въ Филиппъ II-мъ и его помощствъ уклончивость Максимилиана, щеславіе Филиппа Красиваго, склонность спранствовашь и блисташь Карла V-го? — А Филиппъ V-й? Не былъ-ли онъ воспитанъ въ Версали, среди всѣхъ обольщеній Двора Людовика XIV-го? Не бывалъ-ли онъ сошни разъ въ Марли, въ Фонтенбло, сопровождаемый шолпою Французскихъ придворныхъ, щеголевашыхъ женщинъ и привѣтливыхъ пошвовъ? Не проведъ-ли онъ своей юности въ ночныхъ тогдашнихъ пирушкахъ, спектакляхъ, маскерадахъ, блестящихъ каруселяхъ? — Ошъ чего-же въ Испаніи запирался онъ въ своей комнатѣ цѣлые дни, недѣли, мѣсяцы? Ошъ чего, гонимый желчію изъ Дворцовъ Мадридскихъ, онъ искалъ разсвѣнія въ однообразной монастырской жизни? — Войдите въ Савь-Ильдефонсо: вошъ онъ, это прввидѣніе, худо одѣтое, худо причесанное, полудежащее въ безмѣрныхъ креслахъ — это Филиппъ V-й! Часы пробудъ уже шесть разъ сряду; Фаринелли во все это время поешъ ему чешыре аріи, однѣ и шѣже, безпрерывно повшоряемая; Филиппъ угрюмо слушаетъ и молчитъ! Эшощъ магнетизмъ скуки былъ всегда, ешть и будешъ въ Испаніи, и ошъ шрона онъ идешъ до самаго послѣдняго обитателя Испаніи. Иноземець—художникъ, иностранецъ—мастеровой, поселясь въ Испаніи, дѣлаешся Испанцемъ: шумныя удовольствія ему стащоващяся скучны, веселосщя

шягостна; онъ тяжель, важенъ, печалень, не заботишся о томъ, что дѣлають въ Испаніи. Отъ чего такое странное перерожденіе? — Если вы спрашиваете, то это значить, что вы не видали Испаніи сами; что вы не испытали на мѣловой, помящейся почвѣ Испанской дѣйствія солнца, обжигающаго и ослѣпляющаго васъ; что вы не чувствовали этого нестерпимаго жара, отъ коего нѣтъ убѣжища и спасенія. Запирають спавни, ложашся въ постелю, но постеля горитъ подъ вами, сонъ невозможенъ; наступаетъ ночь — шѣже мученія, такая-же бессонница, какъ и днемъ! Какъ-же послѣ сего собрать много идей въ головѣ, какъ предаться труду постоянному и упорному? Тѣло слабѣетъ, силы ишощаются, человекъ бездѣйствуетъ, шяжелѣетъ, вещественно и нравственнo.

Дѣйствіе климата необходимо должно ошразишся въ обществѣ, и Монтескьё едва-ли ошибался говоря, что въ эпомъ заключаються главнѣйшія причины силы или безсилія народнаго. — Эта причина всегда вопрошавишся чужеземному воспитанію жишелей Пиринейскаго полуострова. Говорю *вообще*, ибо въ шже время все это не остановишъ человека образованія высшаго. Жаръ и холодъ не дѣйствуютъ на высокіе умы, вырошковъ: они не ошвлекушъ ошь дѣла Историка, не засшавяшъ молчашъ Поэша. Лѣтописи Испанской лиштературы сушь шому вѣрныя доказательства. — Въ наше время, хошя кромѣ Мартинеза де ла-Роза, Испанская поэзія не представляешъ ничего замѣчательнаго, но Ишторіа и нынѣ занимаешъ Испанцевъ, и съ большимъ ус-

пѣхомъ. Если можно укорить ихъ въ незнаніи чего либо, то конечно уже не Исторіи своего отечества. И здѣсь новая противоположность Испанскихъ нравовъ противъ нравовъ другихъ народовъ, напримеръ, Французоль. Французскій крестьянинъ едва ли слыхалъ даже имена Людовика XII-го, Франциска I-го, Людовика XIII-го. Война Лиги, война Фрэнды сполько-же извѣстны ему, какъ война Пуническая, война Пелопонезская. Но, послѣдній по образованію, Испанецъ хорошо знаетъ нашествіе и владычество Мавровъ, ихъ могущество, блескъ ихъ державы, Кордую, споль долгое время процвѣтавшую, Гренаду, споль славно завоеванную, Фердинанда и Изабеллу, Карла V-го, повелителя Испаніи и Германіи, Филиппа II-го, основателя Эскуріала. Ученые люди, въ Мадридѣ и другихъ мѣстахъ, мало заботящіеся о всемъ внѣшнемъ, прегосходно знаютъ все, что было и есть у нихъ самихъ. Для сего довольно указать на Дона Андрея Муріеля, съ давняго времени живущаго въ Парижѣ: Французскіе ученые имѣли случаи оцѣнить его глубокія и разнообразныя свѣдѣнія. Донъ Наваррешъ, о которомъ Ирвингъ-Вашингтонъ говоритъ въ предисловіи къ своей *Исторіи Христофора Колумба*, можетъ назваться живою библіотекою всего, что касается Испаніи. Преувеличивая предметы, по обычаю Касшиланскому, можно сказать, что если-бы архивы Снманкаскіе погибли, то голова Наварреша совершенно замѣнила-бы ихъ. Прибавлю къ симъ отличнымъ ученымъ Миняно, Клеменсина (сочинителя *Похвальнаго слова Изабеллы*), Іосію Гомеза-де-ла Корпина и Николая Угальде-и-Моллинедо, перевед-

шихъ и исправившихъ Бушервекову Исторію Испанской Лиштерашуры (первый томъ оной изданъ въ Мадридѣ , въ 1829 году). Съ помощію такихъ людей , человекъ съ дарованіемъ — и трудолюбивый , необходимое условіе — могъ-бы подарить Европу хорошею Исторіею Испаніи. Но для сего онъ непременно долженъ въ совершенствѣ знать Испанскій языкъ , долженъ , что еще труднѣе , нѣсколько лѣтъ прожить въ Испаніи , и для Испанцевъ. Не позволю ему написать ни одной строки , пока онъ не узнаетъ Испаніи самъ , не поживетъ долго , не въ Мадридѣ — похожемъ на Испанію такъ-же , какъ всѣ столицы похожи на настоящую , неподдѣльную страну — но въ Гренадѣ , Севиллѣ , Валладолидѣ , Толедо , не разсмотримъ частной жизни Испанцевъ , не подышимъ воздухомъ , коимъ они дышатъ , не сроднимся съ ихъ повѣрьями , не войдемъ въ ихъ предразсудки , не пожертвуемъ имъ всѣмъ чуждымъ для нихъ , всѣмъ , кромѣ разума , которыми одарены Испанцы на равнѣ съ другими , и наблюдательности , которой они не знаютъ. Послѣ такого предварительнаго труда , пусть примется онъ за источники : они чрезвычайно изобильны. Испанія любила удивляться себѣ ; она , какъ говоритъ Севинье , *s'est recueillie dans sa beauté* , и посвятила похваламъ своимъ тысячи огромныхъ поэмъ. Монастырскія библіотеки загромождены рукописями. Вообще лѣтописи Испанскія суть двухъ родовъ : лѣтописи о Короляхъ , министрахъ , полководцахъ , знаменитыхъ людяхъ , и лѣтописи областей , городовъ , монастырей. Многія напечатаны , особенно изъ принадлежащихъ къ первому разряду. Самыя знамени-

шыя изъ сѣхъ послѣднихъ сущъ: Лѣтопись о Капюлическихъ Государяхъ (Фердинандъ и Изабелла), сочиненная Эрнандо Дель-Пулгаро, и Лѣтопись о Петрѣ Жестокомъ; послѣдняя помѣщена въ обширномъ собраніи лѣтописей, изданномъ Мадридскою Академіею: каждому царствованію отдѣлень цѣлый томъ. La Coronica del rey D. Pedro et Justiciero сочинена была Аялаю, современникомъ сего Короля, столь разнообразно судимаго; она замѣчательна въ высокой степени: это Шекспирова драма, въ родѣ трагедіи его о Ричардѣ III-мъ: изложеніе, завязка, развязка образуются самимъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Недавно помѣщенъ былъ довольно подробный разборъ сочиненія Аяла въ Revue de Paris, и потому оно извѣстно уже Французскимъ читателямъ. Но они конечно не слышали о лѣтописи Гвадалахары (города въ Новой Кастиліи, въ 12 миляхъ отъ Мадрида, нѣкогда знаменишаго своими суконными фабриками, уже несуществующими, что часто бываетъ съ заведеніями промышленности въ Испаніи). Почтитаю не излишнимъ дать понятіе о Гвадалахарской лѣтописи, тѣмъ болѣе, что она напоминаетъ плачевную, но любопытную для Франціи эпоху: плѣнь Франциска I-го въ Испаніи. Гвадалахарская Лѣтопись можетъ въ тоже время дать достаточное понятіе о томъ, какъ старинные Испанскіе авторы писывали свои историческія сочиненія. Они вовсе не знали простодушія Фруассаровъ, Жуанвилей: ихъ слогъ, напротивъ, былъ надутъ, напыщенъ; это опсвѣшь народнаго характера Испанцевъ.

« Исторія Церковная и Свѣтская благороднѣйшаго

« и законоусерднаго града Гвадалахары, сочи-
 « ненная Донъ Алонзо Нуñezомъ , Главнымъ Лѣто-
 « писателемъ Его Королевскаго Каполическаго Вели-
 « чества , всѣхъ его Королевствъ » — таково загла-
 віе книги. Слово : *церковная* , поставлено отдѣльно
 на срединѣ листа , огромными красными буквами.

Раздѣленіе спашей Лѣтописи совершенно соош-
 вѣтствуетъ названію книги. Послѣ нѣкошорыхъ
 замѣчаній о началѣ города , *Главный Лѣтописатель*
Его Королевскаго Каполическаго Величества , ска-
 зываетъ намъ , какъ Христіанская вѣра была введе-
 на въ Гвадалахарѣ. Святой Апостоль Іаковъ , а не
 много спустя Святые Апостолы Пешръ и Павелъ ,
 проповѣдывали тамъ , возвращаясь изъ Мадриша.
 Лѣтописатель сознается , что пребываніе Петра
 и Павла въ Гвадалахарѣ было оспариваемо , но онъ
 уничтожаетъ всѣ возраженія знаменитыми сви-
 дѣтельствами ; брать Іеронимъ Романо , брать
 Іоаннъ Пинедра , Доктора : Мадера , Салазаръ ,
 Карилло и Рибаданейра , кажется , свидѣтельства
 достаточныя.

Слѣдуютъ длинныя опроверженія сомнѣній о чи-
 стотѣ вѣры Гвадалахарцевъ , во время владыче-
 ства Римлянъ и Готѣовъ , до учрежденія и послѣ
 учрежденія святой Инквизиціи. Королевскій Лѣто-
 писатель (*coronista real*) жарко споритъ , и защи-
 щаетъ православіе Гвадалахары такъ , какъ-бы оно
 было его частное , прямое , личное дѣло. Честь
 Лѣтописателя была-бы посрамлена , если-бы въ его
 родинѣ ошыскался хошя одинъ ерешикъ. Съ горе-
 стію сознается онъ , что и въ Гвадалахарѣ кое-

когда являлись изверги-еретики, но они были не *Годалахарцы*. Такъ изъ Жидовъ, рода пагубнаго Христіанству, являлись злодѣи, но и шѣхъ немедленно и строго истребляли, жгли, и — ни одинъ изъ нихъ не убѣжалъ кары правосудія. Слава Богу! Авторъ отдыхаетъ: честь его родины спасена!

Съ восторгомъ исчисляеть овъ попомъ, какія пособія церкви доставляла и доставляетъ Гвадалахара, сколько мѣстъ и доходовъ духовныхъ находится въ предѣлахъ города и въ его округѣ. Ничто не забыто: ни одинъ монастырь, мужескій и женскій, ни одинъ приходъ, ни одна коллегія — все упомянуто, подробно и въ своемъ мѣстѣ; это занимаетъ двѣ огромныя главы. Слѣдующая за шѣхъ имѣетъ предметомъ *мугениковъ, исповѣдниковъ и блаженныхъ дѣвъ, процвѣтавшихъ въ Гвадалахарѣ*.

Лишперашоры XVIII-го столѣтія съ сожалѣніемъ улыбнулись-бы, смотря на огромный томъ *Главнаго Лѣтописателя*; ученики ихъ бросили-бы его съ досадою. Мы, новое поколѣніе, знающіе цѣну народности, мѣстности, ищущіе ея для узнанія истины, улыбнемся въ свой чередъ, но безъ негодованія и безъ сожалѣнія. Тутъ драгоценны для насъ простота, увѣренность Сочинителя. Его историческія извѣстія невѣрны, но вѣрна народность, драгоцененъ характеръ истины и добродушія, съ какими они представлены. Замѣтимъ, что каждое извѣстіе подтверждено изысканіями, огромными, учеными: это вообще характеръ Историческихъ сочиненій Каполическаго духовенства, исключая Іезуитскія, ибо Іезуиты не расточали учености

на подтвержденіе легендъ ; у нихъ была своя цѣль, свой характеръ. . . .

Мы достигли до второй половины книги. Легенда кончилась ; начинается Исторія.

Пропустимъ множество обстоятельствъ и событий , незанимательныхъ для насъ , и остановимся на путешествіи Франциска I-го послѣ Павійской битвы. Печальное само по себѣ , сіе путешествіе было услаждаемо для плѣннаго Короля праздниками. Державный плѣнникъ , конечно , мало былъ тогда расположенъ къ шумнымъ удовольствіямъ , но — всегда учтивый , онъ не только бывалъ на всѣхъ даваемыхъ ему балахъ , но принималъ живое въ нихъ участіе ; доказательствомъ сего можеть быть событіе въ Валенціи. Одинъ старый дворянинъ представилъ Королю на балѣ двухъ своихъ дочерей ; Король просилъ ихъ танцовать. Жаркія патриотки , ненавидя врага Іспаніи , онѣ обѣ отказались , обернулись къ Королю спинами , не слушали ошца. Раздраженный старикъ схватилъ ихъ за волосы и вышолкалъ изъ залы. Съ тѣхъ поръ въ гербѣ Графовъ Казадей помѣщены двѣ женскія фигуры , у которыхъ распрепанные волосы держитъ рука. Я видѣлъ это изображеніе , грубо сдѣланное , на одномъ фроншонѣ прекраснаго дома въ Валенціи.

Францискъ I-й не встрѣтилъ такого враждебнаго чувства во дворцѣ Дона Діега де-Мендозы , Герцога Инфаншадо. Сей знаменитый вельможа , желая почтить знаменитаго плѣнника , показалъ такую роскошь , какъ будто принималъ Короля

своего. Это въ характерѣ Испанцевъ : въ ищеніи Каспиланца нѣтъ ничего низкаго ; если онъ и любитъ унижать врага побѣжденнаго, то при семъ случаѣ удвоаетъ свою вѣжливоспъ. Нравы Испанцевъ , часто звѣрскіе , рѣдко неблагородны. Это замѣчаніе можеше прилагать ко всѣмъ званіямъ общества въ Испаніи ; черты, ихъ раздѣляющія, въ Испаніи не столь замѣтны, какъ въ другихъ странахъ ; отъ того нигдѣ нѣтъ столь много народа и столь мало общества.

Герцогъ Инфаншадъ спрадалъ подагрою, и потому не могъ самъ встрѣшиться Королю ; его замѣнилъ сынъ, Графъ Сальданъ, также братья, родственники, друзья Герцога, сопровождаемые полною рыцарей, дворянъ, пажей, ливрейныхъ, богашо одѣтыхъ служителей. Число людей, встрѣчавшихъ Короля, было такъ велико, что когда передовые трубачи вступали уже во дворецъ Герцога, то послѣдніе были еще въ предмѣстіи города. Король сошелъ въ *patio*, или внутреннемъ дворѣ. Герцогъ такъ былъ боленъ, что не имѣлъ силъ выйдши на крыльцо, и только, поддерживаемый пажами, приблизился къ дверямъ своей комнашы. Король стоялъ, Герцогъ сидѣлъ. Это обстоятельство, щцательно замѣченное Лѣтописцемъ, даетъ подозрѣніе, что хитрая гордоспъ вмѣшивалась въ нестерпимую болѣзнь Каспиланскаго вельможи.

Свѣтили ввести гостя въ залу, называемую *linage* (фамилная). Здѣсь по стѣнамъ видны были знамена, девизы, гербы знатнѣйшихъ Испанскихъ домовъ. Блескъ мраморовъ, золоша, одежда безчи-

сленнаго множества народа, наподнявшаго залу, сожгли Франциска I-го. Обладатель Фоншенбло, первый изъ Королей Французскихъ, умѣвшій поддерживать блескъ дворскій, оспановился, изумленный, при видѣ богатствъ превосходительнѣйшаго господина Герцога Инфантадо (excellentísimo señor duque de l'Infantado). Онъ никогда не бывалъ на подобномъ торжествѣ; все было для него ново; онъ разинулъ ротъ, какъ добродушный провинціалъ.

Францискъ I-й былъ самый учтивѣйшій человекъ своего королевства. Онъ не удовольствовался тѣмъ, что изъявлялъ безмѣрное изумленіе, но спрашивалъ еще подробно о значеніи всѣхъ прекрасныхъ гербовъ, удивлявшихъ его своими великолѣпными «Государь!» сказалъ Герцогъ Инфантадо, «поспѣшаю удовлетворить вашему любопытству, но прежде прошу васъ вѣрять, что никакого преимущественства не существуетъ между тѣмъ или другимъ изъ благородныхъ Испанскихъ родовъ. Ни одинъ не опередилъ другаго; всѣ они равны по правамъ; но еще не мѣшавтъ каждому изъ нихъ начинать себя первымъ.» Тутъ Лѣтописатель берется за трубу эпическую, и каждому изъ знаменитѣйшихъ домовъ Испаніи посвящаетъ славную, обдѣланную по образцу оклавъ Тассовыхъ или Аріостовыхъ. Пименхела, Толеды, Ласерды, Мендозы возвышены до небесъ, и не безъ сердечнаго участія мы встречаемъ среди сихъ древнихъ именъ, имя новое; но можешь быть всѣхъ ихъ болѣе славное. — Колонъ (Колумбовъ). «Вы видите» — говоритъ Лѣтописатель — «двухъ львовъ и два змѣя въ семъ благородномъ гербѣ. Подобно Галліціанамъ, они плаваютъ по Океану;

родъ Колумба, происшедшій оупъ Генуэзскіхъ Бароновъ, облещълъ моря, и кто не знаетъ, сколько ния сіе было полезно міру?» Человѣкъ, подобный Колумбу, конечно вездѣ и всегда удостоился-бы спашуй, спиховъ и похвальныхъ рѣчей; но присоединеніе его къ самому высшему дворянству, въ одно время дѣлаешъ честь и аристокраціи Испанской, и духу шого славнаго дая Іспаніи времени, когда писалъ свою лѣтопись Донъ Алонзо Нунецъ. Предположеніе, что Колумбъ происходилъ оупъ древняго Генуэзскаго рода (de Genoa veneta), разумѣется, маленькая задняя дверь, въ которую пронушли Испанскую гордость; но, такъ какъ нимо не могъ повѣришь эшой небольшой хитрости, то, сѣдственно, Колумбъ прямодушно былъ признанъ знатнѣйшими людьми Іспаніи за равнаго имъ во всѣхъ отношеніяхъ, собственно только по заслугамъ своимъ. Открытіе Америки явно было уравнено съ великимъ преимуществомъ—имѣть длинный рядъ знаменитыхъ предковъ. Это кажешся дѣломъ весьма обыкновеннымъ, но въ наше время Іспанци едва-ли рѣшились-бы на эшо. Сѣй поступокъ былъ Геркулесовское: *медалье*, свободныхъ мыслей Испанской аристокраціи. Герцогъ Инфантадо явлешся адѣсь Испанскимъ Герцогомъ Сень-Симономъ.

Нѣсколько дней сряду угощаемъ былъ Францискъ І-й. Все было истощено дая него: праздники, балы, турниры, игры въ кольцо, даже сраженія съ дѣвками зѣтрянми. Герцогъ Инфантадо имѣлъ зѣтрянце: эшо была роскошь приличная его сану (*ostentacion de grandeza*). Съ великими издержками содержались у Герцога медвѣди, львы, шигры. Устроили арену;

левъ былъ выпущенъ на дикаго вола. Но зрѣлище сіе оказалось неудачно: два страшные соперника не хотѣли сражаться; нѣсколько времени зрители ждали битвы ихъ, и наконецъ разошлись, упомленные ожиданіемъ. Едва Король отправился во Дворецъ и левъ введенъ былъ въ клѣтку, неожиданное событіе ужасудо всѣхъ. Другой, или шопъ-же левъ, сдѣлавшійся менѣе смирнымъ, вырвался изъ клѣтки въ бѣшенствѣ, и остановился у самаго вѣзда въ *латіо*! Всѣ испугались, не знали что дѣлать, но главный начальникъ Дворца Герцогскаго (*magordomo*), человекъ необыкновенной храбрости и удивительнаго присутствія духа, мгновенно схватилъ зажженный факель, выхватилъ другою рукою мечъ, и пошелъ прямо на льва. Злѣрь, испуганный огнемъ, убѣжалъ рыкая въ свою клѣтку, и смѣлчакъ, самымъ хладнокровнымъ и спокойнымъ образомъ, заперъ его въ ней. «Дѣло достойное вѣчной памяти!» восклицаетъ Лѣтописатель — и прекрасный предметъ для картины, прибавилъ мы къ эпому.

Наконецъ, послѣ продолжительнаго обитія въ живостей и великолѣпія, Францискъ I-й раскланялся съ своимъ госпепринимнымъ хозяиномъ. «Герцогъ!» говорилъ Король на прощань — «вассалъ, такой, какъ вы, всего лучше доказываетъ мнѣ величіе Императора, моего брата.» Герцогъ Инфаншадобылъ въ послѣдствіи избранъ Карломъ V-мъ въ свидѣтели его поединка съ Францискомъ I-мъ. — Всѣ сцены, описанныя Гвадалахарскимъ Лѣтописателемъ, сцены совершенно Вальшеръ-Скошшовскія, происходили въ прелестной споронѣ. Замокъ Инфаншадо уцѣлѣлъ шамъ донья, и не столько обезоба

раженъ онъ временемъ, сколько сосѣдствомъ окружающихъ его ничтожныхъ зданій; архисекштура его на половину готическая, на половину Арабская. Сей родъ не есть чистый родъ зодчества; въ немъ нѣтъ изящества Мавришанскаго рода; но онъ способенъ къ размѣрамъ чрезвычайно благороднымъ. Дворецъ Инфаншадо построенъ былъ Мавришанскими зодчими.

(Окончаніе съ слѣд. книжки)

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Царь Дмитрій, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе Леона Галеви; игранная на Французскомъ Театрѣ (Théâtre Français), въ концѣ прошлаго года.

При каждой новой пьесѣ, играемой на нашемъ театрѣ, возобновляется споръ, или, если угодно, ссора, которая въ послѣднія пять или шесть лѣтъ, кажется, невозвратно рѣшена всеми успѣхами, даже и шѣми, которые наканунѣ были предсказаны, а черезъ недѣлю забыты. Что дѣлать Кришкѣ? Она изъяснила сочинителямъ, что публика скучаетъ; она требовала отъ нихъ новыхъ опытовъ разгонять скуку публики. И только? А что-же еще? Здѣсь оканчивается ея дѣло, и право не знаю, можешь-ли теорія быть причиною великихъ твореній.

Всѣ классическіе уроки, вщоранные, впроваданные, при помощи Божіей, довольно долго, и очень усердно, не проявил для Франціи втораго Вольтера, шакъ-же какъ механическое подражаніе Англійской, или Нѣмецкой системѣ не подарилъ насъ ни Шекспиромъ, ни Шплеромъ. Последнее мы очень знаемъ, такъ-же хорошо знаемъ, какъ и защитники *единства и тирады*, съ какимъ-то торжествомъ и добродушнымъ смѣхомъ спрашивающіе у насъ: «Ну, ММ. ГГ., что вы сдѣлали? Гдѣ ваши великія шворенія?» — Учтиво отвѣчаемъ имъ: «ММ. ГГ! мы сдѣлали то, что должно: свободу либерашурную; наши шворенія—упадокъ и забвеніе старыхъ преданій о Драмашическомъ Искусствѣ.» Теперь это уже кончено: никакая новая форма не возбудишь негодованія; нѣтъ предрасудковъ, въ слѣдствіе коихъ отвергалась всякая превосходная картина, если она была вставлена не въ Расянову рамку. Открыть шурниръ и вызвать бойцевъ — вошь было наше дѣло! Бросились слабые — пусть гибнуть; недалеко буда! Изъ сполькихъ несчастныхъ опытовъ, уже совершившихся, въ большаго числа будущихъ, даже для Классицизма открываеясь выгода величайшая. Въ толпѣ снимковъ со всѣхъ возможныхъ сценъ, въ кучѣ новыхъ подражаній, шѣмъ лучше онъ не состарѣется и не потеряетъ оригинальности. Чѣмъ молчатъ наши Классики? Можешь бышь, никогда не было времени благопріятнѣе для хорошей классической пьесы, и легко можешь бышь, что скоро будешь уже поадно приниматься за классическую пьесу. Кажется, дѣло ясно; больно припворяешься на повинующими, или въ самомъ дѣлѣ не понимаешь его.

Другое сладшвiе новаго направленiя изысканiй нашихъ въ отношенiя къ Драматической Позiи, изысканiй, въ столь сильной степени оскорбляющихъ умы робкiе и ограниченныя, также весьма важно. Нашъ музей поэтическихъ красотъ увеличился. Воображенiе поэта, какъ прежде воображенiе нашихъ живописцевъ и ваятелей при взглядѣ на собранiе великихъ произведенiй живописи и ваянiи, ошвсюду свезенныхъ въ Лувръ, воображенiе поэта нынѣ паритъ свободно, всюду, принимая всѣ возможныя впечатлѣнiя, расцвѣтаясь всѣми возможными красками. Независимый, юный странствователь по чужимъ землямъ, оно попеременно бываешь Испанцемъ, Италiянцемъ, Германцемъ, Бришанцемъ, чтобы все перечувствовать; а чтобы все это выразишь на своемъ языкѣ, ему надобно только обладать счастливымъ вкусомъ и счастливою осторожностью нашей Позiи. Воспитанiе поэта бываешь нынѣ безъ системы, могущей всколпнть его глаза, связать его умъ; его освободили отъ отвлеченныхъ размѣровъ, непрерывно принуждавшихъ его волю, и заставалявшихъ уменьшать или увеличивать очерки, безъ всякой пощады шворческой мысли, его одушевляющей. Теперь, каждый пишеть съ нашуры, какъ ему угодно. Вотъ что значить обновленiе Драматической Позiи во Францiи. Царствованiе Кришкики оканчивается; заря созданiя начинается.

Юный поэтъ, подарившiй нашей сценѣ *Англи-рiя*, новую трагедiю, такъ-ли думалъ, такъ-ли свободно создавалъ онъ? У своего-ли только предмета, у его-ли природы спрашивалъ онъ

Формъ, въ которыя должно было облечь ему новое свое созданіе? Възявъ предметомъ древній переворотъ Русскаго царства, и интригу, кипящую дѣйствіемъ, умѣлъ-ли онъ провести свою драму, какъ Исторію дѣйствительную, съ разнообразіемъ и множествомъ событій, вѣрностью нравовъ и образовъ? Или, пренебрегая вѣрностью Исторіи и мѣстности, погрузясь только въ глубокій анализъ характеровъ, изгладивъ всю дѣйствительную жизнь предмета, онъ хотѣлъ изумить насъ каршиною страсти, вбросить душу зрителя въ самое себя, и торжествовать переломомъ мыслящей силы человека, если осмѣлюсь такъ сказать, то есть, шѣмъ, что составляетъ безсмертную славу нашего Расина, хоша у него герои не походятъ на то, чѣмъ онъ ихъ называетъ? Или, наконецъ, онъ хотѣлъ соединить описательный анализъ человѣческаго сердца съ историческою точностью, хотѣлъ соблюсти для своихъ Поляковъ и Русскихъ характеръ ихъ страны и времени, и все это двигать силою характера главнаго лица, созданнаго имъ произвольно, по вдохновенію его фантазіи? Очевидно, что послѣднее изъ нашихъ предположеній было цѣлью поэта. Но—онъ не достигъ своей цѣли. — Россія XVI-го вѣка, которой — должно признаться — мы почти не знаемъ, конечно не была похожа на вышнюю Францію: это мы знаемъ уже очень хорошо. — Что-же находимъ у Гна Гадеви? Эта Россія XVI-го вѣка является намъ сантиментальною, разговорчивою, элегическою. Кромѣ одного лица, Боярина Василія, ни въ кошоромъ изъ дѣйствующихъ лицъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ вѣка и страны, изъ коихъ

они взяты. Мы не хотимъ утверждатьъ , что на краю Сѣвера, за два вѣка до нашего времени, сра-сти не были шонки , хитры , что тогда , и тамъ , не было высокихъ движеній души человѣческой; но мы требуемъ формъ , тона , красокъ естественныхъ и природныхъ , хотимъ , чпобы , по крайней мѣрѣ , понятіи и чувства наши , нашего времени , не были насильно и своевольно , на зло всему , передвинуты позтомъ шуда , гдѣ бытъ имъ вовсе нелѣпо и невѣроятнo. И въ эпомъ отношеніи Гну Галевн грѣшишь непрерывно , грѣшишь несшерпимо.

Не будемъ входить въ подробное изложеніе шрагедіи : всѣ наши Журналы излагали содержаніе оной , и , кромѣ шого , говорили и объ историческомъ ходѣ событій , въ ней заключающихся. Скажемъ , что выборъ предмета совсѣмъ не шакъ неудачень , какъ говорили многіе критики. Свобода , доспавляемая опдаленносью и шемною времени , эша волюшость , кошорую первымъ условіемъ для созданій драматическаго поэта почитали Расинъ , была Гну Галевн полная и совершенная. Димитрій , подѣ рукою художника , могъ принять всѣ шѣ чершты и формы , какія угодно было поэту , ибо мы худо знаемъ историческаго Димитрія. Похищенный въ дѣтскомъ возрастѣ изъ хижины крестьянина , честполюбцемъ , кошорый изумился сходству его съ сыномъ Царя , убитымъ въ Угличѣ ; воспитанный въ уединеніи монастырскомъ , но искусно безпокоимый мечтами славы и величія ; вырванный изъ своего убѣжища порывомъ бурнаго характера , и пошомъ , всегда по волѣ шайнаго своего вождя ,

брошенный среди Польскихъ дворянъ , объявленный наследникомъ Царей, ведомый отъ побѣды къ побѣдѣ , до самыхъ стѣнъ Москвы , Димитрій , наконецъ , Царь ; и думаешь , что овладѣлъ своимъ законнымъ наследіемъ . Это не заговорчикъ искусный и безсовѣстный , не искашель приключеній безстыдный ; это душа чистая , воспламененная , героическая , вѣрующая оболещенію , въ которое ее повергли . Въ Москвѣ , при алтарѣ церкви , онъ видитъ Царьцу , мать . Увлекаясь счастливымъ сходствомъ и обманчивыми признаками , она признаетъ его своимъ сыномъ , и не думаетъ обманывать ни себя , ни его . Но тогда , при совершенномъ успѣхѣ Димитрія , является творецъ неожиданнаго счастья Димитріева , бояринъ Василій , похитившій его ребенкомъ ; отдавшій его въ монастырь , сдѣлавшій его воиномъ , спасшій жизнь его въ минушу гибели , объявленіемъ , что онъ сынъ Царя . Теперь , эшошъ самый бояринъ явился хладнокровно разрушить всѣ мечсы Димитрія , рассказать лжи , имъ самимъ составленныя , и за молчаніе требовать полной власти надъ Государемъ , котораго онъ создалъ . Отказъ , и — Димитрій погибъ ; робкое согласіе , и — Димитрій обезчещенъ въ собственныхъ своихъ глазахъ ! Въ семь затрудненій , благородство души торжествуетъ , и Димитрій самъ спѣшитъ разувѣрить Царьцу , готовую торжественно предъ народомъ признасть его своимъ сыномъ . Такое величіе духа умиляетъ Царьцу ; собственные выгоды ея связываютъ сверхъ того жребій ея съ жребіемъ Димитрія . Хотя увѣренная , что Димитрій *самозванецъ* , она говоритъ торжественно , что

онъ сынъ ея, и многочисленная партія осязается ему вѣрною, когда другая, разувѣренная и возбужденная бояриномъ Василюмъ, объявляетъ себя противъ Самозванца. Начинаются битвы; Василий побѣжденъ. Смерть ожидаетъ его; но онъ приведенъ предъ Царицу, и его видъ, голосъ, взоръ напоминаютъ несчастной матери — убійцу ея настоящаго сына! Невольно узнаешь она его, не можешь скрыть своего сердечнаго движенія, и тайна Димитрія открыта: онъ явный самозванецъ! Въ отчаяннѣ, срываетъ онъ перевязки, бывшія на ранѣ, которая могла быть исцѣлена, и умираетъ, съ надеждою, что будетъ похороненъ среди гробницъ Царскихъ, хотя и не принадлежалъ къ роду Царей.

Вотъ сущность трагедіи. Намъ кажется, что основная мысль оной не лишена ни величія, ни интереса драматическаго. Три или четыре сцены могли бытъ въ ней прекрасныя, и мы можемъ указать на двѣ, приведенныя Г-мъ Галеви весьма удачно, именно: сцену, когда Василий открываетъ Димитрію тайну его рожденія, и другую, которою, послѣ признанія его Царицею за сына, начинается 4-е дѣйствіе. Но въ первой сценѣ преимуществуетъ Василий, и каково-бы ни было дѣйствіе производимое симъ злодѣемъ, открытымъ, смѣлымъ и холоднымъ, онъ не долженъ-бы уничтожашъ собою Димитрія. Что-бы проникнуть душу зрителя драматическимъ-истиннымъ, надобно-бы было Автору выказать намъ душу юнаго Димитрія въ эту минушу разрушенія всего счастья, всѣхъ цѣлей его. Вспышки гнѣва, чувство негодованія, подавляемое воспо-

минутами заслугъ и благодѣній, суть средства самыя пошлыя. Всего болѣе желали-бы мы видѣть переходъ отъ восторга увѣренности къ сомнѣнью, безнадежности, почти презрѣнью самого себя. Эти пошерянные обольщенія, эшотъ шронъ безъ очарованій, ибо онъ *не долженъ* принадлежать ему, эшо семейство Царей, къ коему не смѣешь шеперь Димитрій присовокупить своего имени, чуждаго и ничтожнаго — все вдругъ должно вшѣсниться въ его душу! Герой и полубогъ палъ отъ роковыхъ словъ Василія; остался человекъ. Можно было сыскать средства, коими столкнулось-бы около сей сцены нѣсколько другихъ, въ кошорыхъ сильное дѣйствіе опраздось-бы на душу героя. Напомнимъ чинашелямъ странное лицо въ *Персской красавицѣ* (The fair maid of Perth) Валшеръ-Скопша: помнишь-ли они его умшвенное волненіе, впрочемъ прошивное шому, какого шребовали мы отъ Димитрія? Мы хотимъ шолько указать на прекрасный примѣръ, какъ художникъ испинный излагаетъ восхожденіе и нисхожденіе характера, подъ вліяніемъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ случайностей. Эшотъ Конахаръ, который въ домѣ перчашочника, опца красавицы, былъ довольно обыкновенное лицо, безъ рѣзкихъ чертъ характера, кромѣ шолько дикости, часто робкой, хошя бѣшеной — какое маешерское лицо! Его заняшіе шягошитъ его душу, хошя онъ самъ не знаетъ почему. Онъ не понимаетъ и чувшва своего; бытіе его усыплено, въ оцѣпѣніи. Но едва подышалъ онъ воздухомъ горнымъ, едва узналъ жизнь клановъ, неизвѣстныя дошодъ силы пробудились въ немъ; всѣ ошшѣнки дошо-

испивъ и недостатковъ, казавшіеся въ лицѣ перчаточника прошиворѣчїями, находящъ себя развидше еспеопвенное и легкое: эшо испивный вождь торскихъ удальцовъ, и никшо не узнаешъ въ немъ подмасерья, котораго не уважалъ прежде. В. Скопцъ умѣлъ, частными случаями, приведенными съ искусствомъ и простиною удивительными, умѣлъ преслѣдовашъ драматическїй ходъ перемѣны: въ юномъ горцѣ и во всѣхъ знавшихъ его. Очень хорошо понимаю, что сцена театральная не допускаетъ широкой кисти романа, что на сценѣ должно обрушиться, шакъ сказашъ, дѣйствіе, и избѣгашъ какъ нескончаемыхъ сценъ внѣ настоящаго дѣйствїя, допускаемыхъ на театрахъ другихъ народовъ, шакъ и аврическихъ каршинъ, не нравящихся уму нашихъ зршелей, шребующему движенїю и дѣйствїю драматическихъ и прямыхъ. Какова-бы ни была трудность, но шолько глубоко врываясь въ душу человѣческую, можно нынѣ заслужить славу поэта драматическаго. Главный недостатокъ нашихъ нынѣшнихъ писателей драматическихъ именно шеть, что они почиашутъ досташочными очерки. Ошь шого во всѣхъ лицахъ у нихъ нѣтъ, шакъ сказашъ, шѣла; не знаешъ, какъ ухватишь эши созданїя мимолетающихъ паровъ; они пролетѣли и воспоминанїе о нихъ пролетѣло и исчезло! Такимъ показался намъ и очеркъ характера Димитрія, коего основная мысль, какъ мы выше объясняли, счастлива, но въ кошоромъ романизмъ, саншменшальная пришорность, декламаторская доброта, вовсе искавили основные чершы. Одинъ изъ Журналистовъ, привязанный къ полицейскимъ и политическимъ вы-

ходимъ, горько упрекалъ Г-на Галеви за то, что онъ заставляешь Димитрія мечтать, какъ, завладевъ престономъ Царей, онъ совершитъ Крестовый походъ для освобожденія Греціи; упрекалъ за множество стиховъ въ родъ слѣдующаго:

Je vais verser du sang, je commence à régner ;

упрекалъ и за тошъ стихъ, который произноситъ Димитрій, узнавъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, сынъ стараго война —

Un soldat ! grâce au ciel, je suis digne du trône !

По какому-бы побужденію ни были сдѣланы упреки сіи, но они, къ несчастію, совершенно справедливы, и мы съ своей стороны не можемъ не упрекать Г-на Галеви. Какъ можно было ему, при его умѣ, понкомъ и возвышенномъ, при его несомнѣнныхъ дарованіяхъ, прибѣгать къ ничтожнымъ средствамъ, коими люди посредственные возбуждаютъ участіе публики, къ пошлымъ выдержкамъ, *тирадамъ*, вспавляемымъ для партерныхъ невѣждъ, къ этимъ изрѣченіямъ, сколько ложнымъ, столько и ничтожнымъ по ихъ неопредѣленному смыслу, и способнымъ только поршить здравый смыслъ зрителей! Старая драматическая школа чрезвычайно дорожила этимъ средствомъ *подогрѣвать публику* (*chauffer la salle*), какъ говаривали кулисные полишки; но въ наше время это конечно самое вѣрное средство заснуть ее.

Послѣ характеровъ Димитрія и Василя, одинъ скольконибудь значительный характеръ, есть ха-

рактерь Марѣи, Царицы и машери, выведенной изъ монастыря, скинувшей одежду печали, чтобы вновь найдти и царство и сына, и свѣтлыя одежды радости. И въ ней найдете у Г-на Галевн счастливыя намеки, но вовсе неопредѣленные. Тутъ ничто не обрисовано, не ошцвѣчено прочно. То видите какое-то заблужденіе, то ошважную рѣшительность, то слышите жалобы машери, скучныя и самыя обыкновенныя, то набожность, то возгласы и изрѣченія мстительной полишкн, и все не поймете, ни ошъ чего, ни для чего такія измѣненія и характера и словъ. Объ остальныхъ лицахъ не скажемъ ничего: они могли бытъ, и не бытъ въ трагедіи Г-на Галевн, такъ какъ и два первыя дѣйствія оной, ошъ кошорыхъ охотно гошовы и легко можемъ мы избавишься, замѣнивъ ихъ какииъ нибудь рассказомъ, или двумя, шремя сценами въ началѣ III-го дѣйствія; трагедія ни проиграешъ, ни выиграешъ ошъ этого.

Что сказать о слогахъ? Многіе хваляли его изящность и блескъ; но мы осудимъ его излишнюю легкость, годную въ влегіи, но не въ трагедіи; осудимъ и надушость нѣкошорыхъ мѣстъ, гдѣ простыя слова были-бы болѣе кшати, и болѣе произвели дѣйствія. Наконецъ, скажемъ и объ однообразіи слога. Кромѣ Василія, кошорому вложены въ уста довольно рѣзко и сильно перерѣзанные стихи, годные для его характера, всѣ другія лица говоряшъ однимъ языкомъ, сладкимъ, длиннокуплетнымъ, и съ такими придворными шонкостями, что странно слышаешъ такой языкъ и видишъ,

что имъ объясняются люди, закушанные въ шубы, одѣтые въ какое-то дикое одѣжаніе, которыхъ не поскупились щедро ссудить директоры театра Русскихъ и Польскихъ вояновъ и вельможъ XVI-го вѣка.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА СТАТЬЮ ВЪ N° 15-мъ ТЕЛЕГРАФА.

Печатныя мнѣнія подлежатъ суду читателей: этого закона не найдемъ ни въ какихъ кодексахъ, но омыщемъ его въ уложеніяхъ сильнаго царя, называемаго *умомъ*, которому подчинены всѣ мнѣнія и сужденія. Слѣдовательно, *не въ гужомъ монастырѣ траву косить* хочу я, принимаясь за перо. Впрочемъ, здѣсь не буду я, нижеподивившійся, выходящій на поприще лишшерашурное, а скажу немногое словъ объ одной сшашѣ, напечатанной въ 15-й книжкѣ Телеграфа на сей годъ, и не о цѣлой сшашѣ, а о томъ, что говорится въ ней касательно *Москвы*. Не читавшіе сей сшашьи могутъ заглянуть въ 15 кн. Телеграфа, на страницы 407-ю и слѣдующія, до 412-й включительно, и послѣ этого склонить вниманіе къ нашей бестѣ.

Сочинитель *Письма къ Д. И. Е.* желалъ, какъ видно, написать не многими чертами характеристичку *Москвы*, и для этого сравнилъ *Москву* съ *Петербургомъ*: средство хорошее! Плущархъ написалъ безсмертныя *сравненія жизни*. Многое и нынѣ

ыводягь изъ сравненій: шакъ помки спавяны, подабъ скупца мопла, подабъ глушаго челоука умшаву; шакъ... но шало-ли что дѣлаешся такъ, и въ другомъ смыслѣ! По крайней мѣрѣ, при сравненіяхъ надобно вѣрно схватить главныя чершы сравниваемыхъ предметовъ, а этого я не нашелъ въ *Письмѣ къ Д. И. Е.* Постараюсь подкрѣпить себя доказательствами.

Если города не шапки, которыя можно спавишь гдѣ угодно; если для нихъ существуютъ хошь шакіе неизмѣнные законы, какимъ слѣдуютъ въ играхъ на шахматной доскѣ, то *Москва составилаь не безъ порядка, а Петербургъ не шолько систематически.* Чшо-бы доказать эшо, намъ не нужно восходить до времени Ромула и Рема. Здравый смыслъ, нашъ общій повелитель, и его министръ опытъ, говорятъ, что водворенію какого-либо великаго города, предшествуютъ глубокія причины. Не ляд барабанимъ дозвать нѣсколько сощъ штысячь челоукаъ и зашавишь ихъ жишь на извѣстномъ числѣ квадратныхъ верствъ. И эшо отвлеченное положеніе привелъ я дѣлому шолько, чшо совсѣдно доказывають примтрами шо, чшо у вѣсѣхъ передъ глазами. Москва, напримѣръ, машь Россійскихъ городовъ, переживаешъ шесташія: она не сокрушилаь ошь усилія многихъ причинъ, стремившихся истребить, ее. Сколько разъ сжигали ее непріатели: она выросшала изъ пещала! Сколько разъ болѣзни и разныя бѣдствія пуштили ее: а она кипишь народомъ! Наконецъ, Великій Пешрь хотѣлъ могущешвенною своею волею перенести престольный градъ на берегъ Финскаго залва, но, видно, эшо шакъ-же, возможно,

какъ вынуть изъ чловѣка сердце и отдать его другому: Онь чего-же эта *жизнестъ* Москвы? Онь того, что обстоятельство, природа и вся Ишесрїя наша сдѣлали Москву столицей Россїи; а съ вшимъ борешься трудно.

Могущественный Петръ могъ назначить себя Резиденцію въ Петербургъ; онъ и сдѣлалъ это: Петербургъ и есть Резиденція нашихъ Государей; но главнымъ городомъ Россїи все таки остается Москва, и, кажешся, останешся еще на долго.

Сочинитель *Письма* упустилъ изъ вида великую разницу *Резиденцій* (т. е. мѣстопробыванїя владышешной Особы), онь *Главнаго города* (la capitale), и онь того-то сравненїе его вышло вовсе невѣрно. Его пѣняють высокіе дома и чистыя улицы Петербурга. Упоминашь-ли, что это не много значить для шѣхъ, кто не глядишь на наружность? Не знаю, онь чего кажешся ему Москва *ветхою* и *Азією*, но что она *стара*, *пестра*, *разнообразна*, и *растянута*, то это, признаюсь, радуешь мою душу, а не смущаешь! Да! Москва возрасшала шѣхо, вѣками, не *вдругъ*, не *быстро*; ее не строили, а она *стронлась* сама. Надобно только знавш силы и средства Русскаго Царя, Петра, что-бы не удивляшся, какъ онъ по линейкѣ выстроилъ цѣлый городъ; но при эшомъ не лзя не питашь уваженїя къ городу, выстроенному вѣками и цѣлою Россїєю.

Не на шѣхны сихъ двухъ городовъ должно смотрѣшь, если желашь характеризировашь ихъ надлежащїи образои. Сочинителю *Письма* надобно

Августъ 1830.

было вспомнить, что составляет народонаселеніе Москвы: изъ этого онъ извлекъ-бы почти все данныя, по которымъ можно судить *мыслимую* Москву, ибо, мнѣ кажется, Историческая знаменитость сего города не затмится ни передъ какою другою Историческою знаменитостью. Даже по немногимъ моимъ намекамъ можно припомнить, что она по крайней мѣрѣ знаменитѣе Петербурга въ семь отношеній. Здѣсь почти каждое урочище напоминаетъ вамъ или какое нибудь славное событіе, или какое нибудь славное имя, начиная баснословнымъ *Кутюкою* и оканчивая всесвѣтлымъ *Наполеономъ*. Это поприще славы Годунова, Минина, Пожарскаго, Скопина-Шуйскаго, многихъ знаменитыхъ Князей нашихъ, и народа Русскаго.

Последній въ мѣрѣ завоеватель схоронилъ свое могущество и силу въ Москвѣ. Дорого досталась Москвѣ сія слава: она была въ развалинахъ и пеплѣ по выходѣ Наполеона. Но таково географическое положеніе ея и нравственная сила (если можно такъ выразиться), что въ немного лѣтъ сыны Россіи вновь населили ее, и она цвѣтеть новою силою. Вообще можно сказать, что 1812-й годъ есть славнѣйшая эпоха, *преобразование* Москвы. До того она была въ мнѣніи многихъ городомъ бояръ Русскихъ; Наполеонъ увѣрилъ насъ въ противномъ. Бояре, приписывавшіе себѣ богатство и блескъ Москвы, переселились въ деревни, въ другіе города, и теперь въ Москвѣ едва-ли есть столь блестящіе роскошью и гостеприимствомъ бояре, каковы были Остерманы, Шереметевы; но хуже-ли отъ этого Москва? Напрямъ: мы

думаемъ, что никогда не была она такъ сильна, и даже такъ блестяща, какъ нынѣ. Правда, блескъ сей является не въ тысячахъ слугъ, не въ великодушныхъ праздникахъ большихъ бояръ, но въ видѣ болѣе смиренномъ. Напримѣръ, какъ могущественно и сильно въ Москвѣ нынѣ среднее сословіе, которое имѣешь 5000 фабрикъ, и дѣлаешь Москву дѣшительнымъ, великимъ городомъ! Сочинитель упустилъ изъ виду сей великій предметъ. Въ одномъ городѣ, съ его окрестностями, 5000 фабрикъ! А собственно такъ называемый *Городъ* (Китай), это великое поприще дѣшительности купцевъ всей Россіи? Вошь въ чемъ заключается сила Москвы! Вошь Палладиумъ, не допускающій ея уничтожиться ни въ какихъ буряхъ Историческихъ. *Средоточіе дѣятельности всего средняго сословія Россіи* — вошь что Москва!

Послѣ этого, что значашъ мѣлкія черны, какъ-нико, что Петербургскія ресторации лучше Московскихъ; что въ Москвѣ болѣе заведсній Богоугодныхъ, чѣмъ въ Петербургѣ; что *тошь* Петербургскаго общества однообразенъ, а въ Москвѣ смѣшанный. Но, послѣднее едва-ли говоришь въ похвалу Петербурга. Въ городѣ, а не въ Сарептской колоніи, должно бышь смѣшеніе, и слава Богу гдѣ оно есть! Слава Богу, что въ Москвѣ встрѣчаются въ одномъ обществѣ съ *бритыми подбородками* (*) *бороды*, хотя Сочинителю Письма и нравился, что въ Петербургѣ, гдѣ вице-мундиры и

(*) Выраженіе не мое: Грибоддова.

Фраки, шамъ уже нѣтъ бороды. Впрочемъ, послѣднее еще пребудетъ повѣрка.

Заключимъ. Цари Русскіе могли украсить Сѣверную столицу всеми богатствами вкуса и роскоши. Но Петербургъ никогда не будетъ главнымъ городомъ Россіи. Предположите, что Дворъ оставяешь навсегда Пешербургъ и переселяется въ Москву: можно бытъ увѣреннымъ, что Петербургъ пошчасъ опустѣетъ, останется обыкновеннымъ поршовымъ городомъ, и навѣрное станеть ниже Риги, куда и нынѣ приходитъ столько-же кораблей, какъ въ Кронштайтъ. Напротивъ Москва, столь много разъ перпѣвшая величайшія пошршенія, осталась первымъ городомъ Россіи, ибо въ ней сосредоточена дѣятельность цѣлаго Государства. Въ Петербургъ Дворъ распространяетъ отъ себя блескъ и ушонченность вкуса; но не забывайте, что Дворъ не Пешербургъ. Напротивъ, Пешербургъ есть городъ офицеровъ и чиновниковъ, шакъ-же какъ Москва городъ средняго сословія въ Россіи. Отъ шого вся разница ихъ: въ Петербургъ болѣе блеску, въ Москвѣ болѣе существенной силы; въ Петербургъ все прививное — даже обычан; въ Москвѣ свое, Русское; если надобно уважать національностью, то надобно уважать и Москву. Легкія странности ея и недостатки ничего не значащъ: ихъ шакъ-же не шрудно исправить, какъ мосшовыя и шроштуары Московскіе.

Вошъ что желалъ я замѣшить Сочинителю Письма. Не говорю о шомъ, чего не понимаю. Напримѣръ: на чемъ основываясь ушверждаетъ онъ, что

если въ Петербургѣ домовъ, кабаковъ и проч., сколько-то, то въ Москвѣ должно быть ихъ столько-то. Видно, не должно быть, когда нѣтъ!

С. Щ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ ТЕЛЕГРАФА,

Долгомъ почишаю извѣстить почтенныхъ особъ, доставившихъ ко мнѣ разныя стихотворенія и статьи въ прозѣ, что изъ числа ихъ: Отрывокъ Предисловія ко 2-й части Теэрова сочиненія о Сельскомъ Хозяйствѣ; Отрывокъ изъ Писемъ къ брату, въ проздѣ по Вятской губерніи; Замѣчанія на книгу Г-на Дебу о Кавказской Линіи; Замѣчаніе на статью Г-на Ушакова о Димитріи Самозванцѣ; Кизиль-Коба и Янисала; Догадки объ исторіи Русскихъ сказокъ, и еще нѣкоторыя статьи и стихотворенія, будутъ помѣщены въ нынѣшнемъ году Телеграфа. Замѣтъ, непомѣщеніе до Новаго года другихъ стихотвореній и статей въ прозѣ, которыя получилъ я донинѣ, покажетъ почтеннымъ Г-мъ Сочинителямъ и Переводчикамъ, что оныя не могли бытъ помѣщены въ Телеграфѣ, по разнымъ причинамъ, иногда совершенно не зависящимъ отъ меня.

Мнѣ казалось сіе объясненіе необходимымъ, потому что нѣкоторые изъ Г-нъ Сочинителей и Переводчиковъ относились ко мнѣ письмами, и требовали объясненій, почему ихъ статьи не помѣщаются. Я вовсе не имѣю времени входить въ обширную переписку, и посему осмѣливаюсь извѣститься въ моемъ молчаніи правомъ, которое само

по себѣ присвоивается Издавателямъ Газетъ и Журналовъ: они не обязаны давать ошчета въ семь случаевъ, точно такъ, какъ совершенная воля предославляется каждому сочинителю и переводчику посылать и не посылать свои статьи въ шось или другой Журналъ. Весьма часто бываетъ, что спашья, не напечатанная въ одномъ; охотно принимается въ другой Журналъ. Вольному воля!

Почитаю полезнымъ однакожь услужить моимъ искреннимъ совѣтомъ Г-ну Сочинителю Описанія Десятиной церкви. Получивъ возраженія его на спашью, помѣщенную въ Телеграфъ (№ 11, стр. 339 — 350), я не помѣстилъ ихъ—изъ уваженія къ нему, хотя и не имѣю чести знать даже имени, ни его, ни Сочинителя спашьи въ № 11-мъ Телеграфа. Совѣтую не помѣщать сихъ возраженій и въ другихъ Журналахъ. Личности не оправданіе; стараніе казаться не понимающимъ истинъ ясныхъ и неоспоримыхъ, не доказательство правоты; желаніе отвлечь споръ отъ дѣла, и укрыться подъ покровомъ предметовъ, священныхъ для каждого, но къ дѣлу не подходящихъ — викауда не годится....

Н. П.

Н О В Ы Я

ПОВРЕМЕННЫЯ ИЗДАНІЯ ВЪ РОССІИ.

— Листки, издаваемые Обществомъ Сельскаго Хозяйства Южной Россіи. (Прибавленіе къ Одесскому Вѣстнику). — Bulletins publiés par la Société d'économie rurale de la Russie méridionale (Supplément au Journal d'Odessa).

«Листки сіи будутъ безденежно разсылаемы въ печеніе 1830 года подписчикамъ Одесскаго Вѣстника. Члены Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи могутъ также безденежно получать ихъ.» Такъ сказано въ заглавіи листка 1-го. Каждый мѣсяць выходитъ одинъ печатный листъ, на Русскомъ и Французскомъ языкахъ.

Намъ пріятно думать, что сіи Листки есть свидѣствіе не безопытной охоты писать и печатать, но требованія, хорошо понятаго почтенными Членами Общества. Въ первомъ случаѣ, Листковъ не будутъ читать, не будутъ слушать ихъ, Редакторы скоро наскучатъ работою, и Листки улетятъ въ Лету, подобно сошнѣ повременныхъ изданій, которыя начинались и быстро погибали въ Россіи. Во второмъ случаѣ, Листки сіи болѣе и болѣе спашутъ находить читателей, подѣйствуютъ на практиковъ, составятъ поучительную для нихъ книгу. Что Листки Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи должно отнести ко второму разряду,

мы думаемъ , прочитавъ введеіе въ оныя. « Распро-
спраишь всѣ открытія и усовершенствованія по
части Сельскаго Хозяйства , какъ скоро оныя мо-
гутъ быть применены къ здѣшнему краю , обращаешь
вниманіе помѣщиковъ на отрасли промышленности ,
еще не развитыя , и , возбуждалъ стремленіе къ усо-
вершенствованіямъ , улуишать Сельское Хозяйство
Южной Россіи : вотъ цѣль , которую Издатели се-
бѣ предположили. Устарѣлыя навыки пускають глу-
бокіе корни. Люди привязаны къ нимъ , какъ будио
къ наслѣдію , полученному отъ своихъ предковъ.
Привычки сіи были всегда величайшимъ препятстві-
емъ успѣхамъ наукъ ; въ сельской промышленности
онѣ опаснѣе , нежели гдѣ нибудь ; но мы надеемся ,
что всѣ благомыслящіе помѣщики соединятся съ
нами въ намѣреніяхъ , и , осуществляя на опытѣ
новыя начала науки Сельскаго Хозяйства , будутъ
содействовать ея успѣхамъ въ здѣшнихъ губерніяхъ ,
Вѣкъ , въ которомъ мы живемъ , есть вѣкъ всеоб-
щихъ перерожденій : человекъ подвигается впередъ
уже не ощупью , но спремится шагами швердыми
и увѣренными въ области науки , предѣлы коей ге-
ній его ежедневно распространяетъ.»

Мысли свѣжія , намѣренія прекрасныя , голосъ
современниковъ просвѣщенныхъ ! — Кажется , что
Листки , будучи составляемы знатоками дѣла , из-
бѣгнушь также бажнаго недоспадка , въ коемъ , ча-
сто и справедливо , укоряются наши техничскіе
Журналы и книги. Недоспадокъ сей состоить въ
томъ , что 1-е , помѣщается въ нихъ всякая смѣсь ,
полезное и вздорное , новое и давнымъ давно и безъ
того извѣстное въ Россіи ; 2-е , помѣщается безъ

разбора полезно или бесполезно помещаемое, въ отношеніи Россіи. Издашеля Дисковъ, будучи сами практики, и зная, что есть и чего нѣтъ у нихъ въ Южной Россіи, конечно не допуская упрековъ въ вышеозначенномъ отношеніи. Они объявляютъ прищомъ, что съ благодарностью примуть всѣ присланныя къ нимъ дальнія замѣчанія постороннихъ особъ.

Вошь спашки, помещенныя въ № 1-мъ и 2-мъ Дисковъ: О плугѣ, для пригѣтовленія земли подъ виноградники (испытанномъ въ Одессѣ); Способъ сохранять пшеницу отъ долгоносковъ (сарагансовъ), посредствомъ бузины; О свойствахъ пропивогнидосши разнаго рода деревьевъ, и средсвахъ предохранять ихъ отъ порчи; Объ Аршезіанскихъ фонтанахъ и колодцахъ; Способъ сохранять кожи отъ гвѣнія (посредствомъ пригорѣло-древесной кислоты).

— *Сводъ запрещеній и разрѣшеній на имѣнія владѣльцевъ Россійской Имперіи, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, состоявшемуся 30-го Мая 1830 года, еженедѣльно издаваемый Коммиссіею, для сего учрежденною.*

Вошь одно изъ полезнѣйшихъ предпріятій Правительства. Кто не знаетъ, кто не испыталъ даже на самомъ себѣ затрудненій, происходящихъ отъ не точности и неясности постановленій, коими производились донинѣ запрещенія или разрѣшенія имѣній? Послѣ обширныхъ предварительныхъ трудовъ, Коммиссія, особо для сего предмета учрежденная, рѣшишельно кончишь всѣ затрудненія, посредствомъ

предполагаемаго ею изданія *Свода запрещеній и разрешеній*. Производило дѣль по сему случаю извѣстно уже публикѣ изъ официальныхъ актовъ, помѣщенныхъ въ Седмашскихъ Вѣдомостяхъ, и Высочайше утвержденныхъ 1821 года Декабря 28-го, 1823 Марша 18-го, 1825 Феврали 17-го, 1828 Юниа 8-го, Юлиа 11-го, 1829 Февраля 10-го, Марша 21-го, Сентября 19-го, Октября 16-го, 1830 Мая 30-го. Всѣ сии акты, съ приложеніемъ формъ, разосланы Коммиссіею во всѣ присутственныя мѣста 22 Августа сего 1830 года. — Сущность самаго Свода пояснена для всѣхъ частныхъ людей объявленіемъ въ Вѣдомостяхъ (оно помѣщено на обверткѣ сей книжки Телеграфа). — Можно полагать, что каждый благомыслящій человекъ, вникнувъ въ дѣло, увидитъ въ немъ признакъ несомнѣнной попечительности Правительсва о благѣ нашемъ во всѣхъ отношеніяхъ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

Прѣданіе, впрочемъ едва-ли не баснословное, говоритъ, что Мазепа въ юности, бывши наемъ какого-то знаменитаго Польскаго вельможи, влюбился въ жену его, и былъ любимъ взаимно. Оскорбленный вельможа захотѣлъ наказатъ дерзкаго пажу ужаснымъ образомъ. Онъ велѣлъ крѣпко привязать его къ дикой, необъзженной лошади, и пустилъ лошадь на волю. Свирѣпое животное помчало Мазепу въ Украйну, и пало въ предѣлахъ Укра-

иныхъ въ совершенномъ истощеніи силъ. Мазепу, безчувственнаго, подняли и спасли Казаки. Байронъ взялъ это событіе предметомъ, небольшой, но превосходной поэмы своей: Мазерра. Мы помѣстимъ переводъ оной въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Телеграфа. Читая поэму Байронову, поэтъ-живописецъ, Гораций Вернетъ рѣшился изобразить Мазепу. Прилагаемый къ Телеграфу очеркъ картины Вернетовой представляетъ Мазепу, несомато дикимъ, бѣшенымъ конемъ черезъ дремучіе лѣса Бѣлорускіе.

My bonds forbade to loose my hold :
 We rustled through the leaves like wind ,
 Left shrubs , and trees , and wolves behind ,
 By night I heard them on the track ,
 Their troop came hard upon our back ,
 With their long gallop , which can tire
 The hound's deep hate , and hunter's fire :
 Where'er we flew they followed on ,
 Nor left us with the morning sun ;
 Behind I saw them, scarce a rood
 At day - break winding through the wood ,
 And through the night had heard their feet
 Their stealing , rustling step repeat . . .

Какъ хорошо понялъ и передалъ Вернетъ всѣ сіи дѣшущіе стихи поэта! Вошь одинъ изъ превосходныхъ примѣровъ Живописи поэтической и Поэзіи живописной!

Картину свою подарилъ Вернетъ городу Авиньону, мѣсту родины дѣда его, Іосифа Вернета.

Она находится шамъ, въ шамъ называемомъ *Калаветовомъ Музетъ*. Ширрина ея 3 фута 6 дюймовъ, вышина 2 фута. Жазе (*Jazet*) выгравировалъ съ нея юшампъ (en mezzotinte).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Августа 28 1829 года, Рязанской губерніи, Сапожковскаго уѣзда, близъ села Красный Уголь, въ два часа по полудни, при сіяніи солнца слышенъ былъ сильный громъ, безъ молніи, и въ шестичасеніе четверти часа упало нѣсколько камней изъ воздуха. Явленіе, хоша и рѣдкое, но довольно уже извѣстное. По испытанію, камни сіи найдены ничѣмъ неопличающимися отъ обыкновенныхъ аэролитовъ, или изъ воздуха падающихъ камней. Любопытствующіе знать причины и примѣры подобныхъ явленій, могутъ прочесть сочиненіе Гна Мухина: *О чудесныхъ дождяхъ и ниспадающихъ изъ воздуха камняхъ* (СПБ. 1819 года).

Указомъ Правительствующаго Сената, отъ 19 Февраля 1829 года, въ доподненіе Указа 1827 года Января 8-го, коимъ воспрещено ловить и стрѣлять весною птицъ и звѣрей, спрожайше запрещено также разоряшь птичьи гнѣзда и вынимать изъ оныхъ яйца, въ поляхъ, лѣсахъ и около водъ, исключая изъ сего гнѣзда и яйца хощныхъ птицъ. Желательцо, чтобы люди, имѣющіе вліяніе на простой народъ и обращающіеся съ онымъ,

дводили до его свѣдѣній подобныя распоряженія Правительства. Жестокоешь и безчеловѣчіе про-
столюдиновъ нашихъ въ семь случаевъ достойны со-
жалѣнія. Въ Аеянахъ казнили мальчика, кошорый
лучшею забавою своею почиталъ выкалываніе глазъ
пшпичкамъ. Въ Англіи былъ сильный споръ въ Парла-
ментѣ о томъ, какое наказаніе положишь людяъ,
жестoko обходящимся съ домашнимъ скотомъ и
животными.

Спашисники наши могутъ почерпнуть подро-
бныя и достовѣрныя свѣдѣнія о Кавказской области
и земляхъ войска Черноморскаго изъ спашы, помѣ-
щеннѣй въ 3-й книжкѣ *Журнала Министерства вну-
тряннихъ дѣлъ*, на сей 1830-й годъ. *Кавказская область*
раздѣляется нынѣ на четыре округа: *Ставрополь-
скій, Пятигорскій (Георгіевскій), Моздокскій и Киз-
лярскій*. Къ ней принадлежатъ кромѣ того поселенныя
Казачьи полки: *Кавказскій, Кубанскій, Хоперскій,
Волжскій, Горскій, Моздокскій, Гребенское войско,
Терское Семейное и Кизлярское*; кочующіе народы:
*Татары (Каранагайцы, Ачикулако-Джембулуков-
цы, Едисанцы, Касаевцы, Саблинцы, Мангитовцы,
Едвшкуаыцы, Калауско-Джембулуковцы, Трухменцы
(Туркменцы), Нагайцы)* и *Калмыки*. Земля войска
Черноморскаго дѣлится на четыре округа: *Екатери-
риподарскій, Бейсуевскій, Ейскій, Таманскій*.
Ставрополь, главный городъ Кавказской Области,
основанъ былъ въ 1784 году; въ 1825 году перене-
сено въ него областное начальство изъ Георгіевки,

по причинѣ нездороваго вѣщноположенія сего востановаго города. Теперь предполагается основать новый городъ на горячихъ Кавказскихъ водахъ, подъ названіемъ *Пятигорска*, послѣ чего *Георгіевскъ* будетъ совершенно осмущенъ (онъ былъ основанъ въ 1771 году). Моздокъ основанъ въ 1769 году, Кизляръ въ 1724 году. Народонаселеніе Кавказской Области расширяется нынѣ до 257,525 человекъ (133,146 муж., 124,379 женск. пола). Въ Черноморскомъ войскѣ считается до 97,406 человекъ (54,394 муж.; 43,012 женск. пола). Изъ числа Ташаръ, Каранагайцы переселились въ Кавказскую Облaсть въ 1735 году, изъ владѣній бывшаго Ханства Тарковского, и другихъ Кумскихъ Ханствъ. Они зашли уже шуръ Турменцевъ, переселившихся изъ Мангишлака. *Джембулуконцы*, *Едсанцы* и *Эдишкулцы* перешли изъ Крыма въ 1785 году, а *Мангишловцы*, *Касаевцы* и *Саблинцы* переселились изъ за-Кубани, съ 1790 года.

Санктпетербургскій Домъ ума-лишенныхъ издалъ свой отчетъ за послѣднее десятилѣтіе, съ 1820-го по 1830-й годъ. Сей отчетъ любопыщенъ для статистика и психолога. Вообще въ десять лѣтъ было подъязовано въ С. Петербургскомъ Домѣ ума-лишенныхъ 1381 человекъ (879 мужчинъ, 502 женщины); изъ сего числа выдечено 651 (мужчинъ 403, женщинъ 248). — Два раза лишавшихся ума было 43, три раза 10, четыре раза 7, пять разъ 1. Самое большее число лишенныхъ ума было въ возрастѣ отъ 30 до 35 лѣтъ (305); за тѣмъ шли возрасты:

отъ 25 до 30 (244), отъ 35 до 40 (231), отъ 20 до 25 (149), отъ 40 до 50 (113), отъ 50 до 60 (75), отъ 15 до 20 (67); меньше 15 лѣтъ было только 4, старше 60 лѣтъ 56. — Касательно рода сумасшествія, мужчины всего болѣе подвержены были бѣшенству (244), слабоумію (221) и безумію (213); женщины, напротивъ, безумію (147), бѣшенству (137) и слабоумію (114). — Касательно званія ума-лишенныхъ, изъ 814 мужчинъ было унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 158, чиновниковъ 148, дворовыхъ людей 86, купцовъ и мѣщанъ 86, офицерскаго званія 69, крѣстьянъ 66, художниковъ и ремесленниковъ 46, вольноопущенныхъ 43, иностранцевъ 29, арестантовъ 18, воспитанниковъ 10, духовнаго званія 9, лекарей 7. — Причины лишенія ума были, у мужчинъ главная — пьянство (125), у женщинъ *перемѣна въ судьбѣ* (65); мужчинъ отъ сей причины было 105. За тѣмъ, отъ распущства было 75 ж., 47 ж.; отъ болѣзней 126. Замѣчательно, что отъ худаго воспитанія, старости, тоски по отчизнѣ, истощеній, наследственныхъ склонностей, падучей болѣзни и скупости, изъ 502 женщинъ противъ 879 мужчинъ было числомъ почти на половину меньше сумасшествій; напротивъ по сему-же расчету изъ женщинъ на половину болѣе было отъ домашнихъ ссоръ и любви. Отъ честолюбія ума-лишенныхъ мужчинъ было 13, отъ фанатизма 6, женщинъ только по 2; отъ напряженія умственныхъ способностей, мужчинъ 9, женщинъ — ни одной.

С М Ъ С Ъ.

Выписываемъ для нашихъ охотниковъ извѣстiе о большой скачкѣ, бывшей въ Парижѣ въ Сентябрѣ сего года. Мѣсто скачки учреждено было на Марсовомъ полѣ. Кругъ сосставлялъ болѣе полумили Французской, именно: 1,026 шуазовъ, а два круга, которые надобно было проскакать, 2,052 шуаза. Главный призъ, *Королевскiй* (серебряную вазу въ 1500 франковъ, позолоченную чашу въ 800 франковъ, и 3,700 франковъ деньгами, всего 6,000 франковъ) получила лошадь Графа Дорсе (d'Orsay), называемая *Сильвио* (Sylvio), 4-хъ лѣтъ; въ первый разъ проскакала она 2,052 шуаза въ 5 минутъ, 12 $\frac{1}{2}$ секундъ; во второй разъ въ 5 минутъ, 21 секунду. Другой призъ, *Принца Наслѣдника* (вазу въ 1000 франковъ, деньгами 2000, всего 3,000 франковъ) получила лошадь Лорда Сеймура (Seymour), называемая *Дубика* (Dubica), четырехъ-лѣтняя кобыла; въ первый разъ проскакала она 2,052 шуаза въ 5 мин. 9 $\frac{1}{2}$ сек.; во второй разъ въ 5 мин. 14 $\frac{1}{2}$ секундъ. — Послѣ того была два заклада между охотниками. Первый, въ 3000 франковъ, выиграла лошадь Лорда Сеймура, *Харонъ* (Charon), пяти лѣтъ, проскакавъ 2,052 шуаза въ 5 м. 14 $\frac{1}{2}$ с. Второй, въ 1000 франковъ, выиграла она-же, проскакавъ одинъ кругъ, 1,026 шуазовъ, въ 2 мин. 24 сек. — По сему случаю въ одномъ Парижскомъ Журналѣ помѣщена слѣдующая любопытная табличка о скоростяхъ движенiй:

Пароходъ пробѣгаетъ ось 590 до 600 фушовъ въ минушу (100 шуазовъ), а въ часъ до 3-хъ миль, или 6,000 шуазовъ.

Лошадь можешъ пробѣжать ось 400 до 410, и даже 415 шуазовъ въ минушу, ш. е. болѣе миль въ 5 минутъ, или около 12 миль въ часъ.

Звукъ пробѣгаетъ 1,038 фушовъ, или 173 шуаза въ секунду, ш. е. 10,380 ш., или болѣе 5 миль, въ минушу.

Пушечное ядро (24-хъ фуншовое) пробѣгаетъ до 1,800 фушовъ, или 300 шуазовъ, въ секунду. Человѣкъ убитый ядромъ видить шолько блескъ выспрѣла, но звука его уже не услышитъ.

Свѣтъ пробѣгаетъ чешыре милліона миль въ минушу. Солнечный свѣтъ, пробѣжавъ распояніе 32,000,000 миль ось солнца до земли, доходишь къ намъ въ 8 минутъ.

Въ кабинетѣ Наполеона, на островѣ Св. Елены, послѣ смерти его найдено было много бумагъ, разоранныхъ имъ; но, вѣроятно, Наполеонъ не успѣлъ сжечь доскушьева до своей кончины. Доскушья сія были щцательна собраны людьми, бывшими съ нимъ. Изъ нѣкоторыхъ видно, что Наполеонъ готовилъ нѣсколько сочиненій, и изодралъ ихъ; большею частію изъ доскушкова не лзя было составить ничего поднаго. Вошь однакожь нѣсколько словъ, прочитанныхъ и списанныхъ — и какія мысли спасены шоль нечаяннымъ образомъ! Списываемъ весь ошры-

вокъ вполнѣ (опъ помѣщенъ въ Исторія Наполеона, изданной Норвеномъ): Nouveau Prométhée, je suis cloué à un roc, où un vautour me ronge. Oui, j'avais dérobé le feu du ciel pour en doter la France: le feu est remonté à sa source, et me voilà! L'amour de la gloire ressemble à ce pont que Satan jeta sur le chaos pour passer de l'enfer au paradis: la gloire joint le passé à l'avenir, dont il est séparé par un abîme immense. Rien à mon fils que mon nom. . . . (Новый Прометей, я прикованъ къ скалѣ, гдѣ вранъ шерзаетъ меня. Я похищилъ небесный огонь, что-бы передать его Франціи: онъ улетѣлъ снова къ своему источнику и — вошь я здѣсь!... Любовь къ славѣ похожа на шопъ мостъ, который Сатана бросилъ надъ хаосомъ, что-бы перейдши по оному изъ ада въ рай; слава соединяетъ прошедшее съ будущимъ, раздѣленные бездною безмѣрною... Ничего сыну моему, кромѣ моего имени). —

Неблагопріятныя обстоятельства, постигнувшія нынѣ сполько мѣсць въ нашемъ опечествѣ, и наконецъ Москву, познакомили всѣхъ съ драгоцѣннымъ, спасительнымъ средствомъ противъ заразительныхъ болѣзней: мы говоримъ о Хлорѣ, и разныхъ чрезъ него производимыхъ предохранительныхъ способахъ. Кому не желательно знать послѣ сего именъ благодѣтелей человѣчества, кошорымъ одолжены мы опкрытіемъ и изслѣдованіемъ Хлора? Надобно вспомнить, что кромѣ того пользы опъ Хлора неисчислимы: сверхъ охраненія опъ заразительныхъ болѣзней, онъ есть одно изъ важныхъ средствъ промышленности.

Химикъ *Шеэль* (Schéel) первый открылъ его въ 1774 году, и назвалъ морскою дефлогистированною окисью; послѣдователи Лавуазье наименовали его попомъ: acide muriatique oxigéné; Кирванъ назвалъ его, полагая шѣломъ сложнымъ, gaz oxî-muriatique. Бертолле, Гишонъ де-Морво, Шеневиксъ, Ге-Люссакъ, Тенаръ и Деви особенно занимались Хлоромъ. Бертолле узналъ его способность бѣлить шкани; Гишонъ де Морво, первый, употребилъ его для очищенія зараженнаго воздуха; другіе разложили и изслѣдовали его свойства. Помашъ, напишанный Хлоромъ, употребилъ прежде всѣхъ Перси для очищенія воздуха въ больницахъ, въ 1793 году. Известку, напишанную Хлоромъ, для сего употребилъ Мазюйе, въ 1809 году. Лабарракъ рѣшительно доказалъ и объяснилъ пользу охлоренной известки для обмытія и исцреленія черезъ шо гнилосши.

Къ симъ знаменитымъ именамъ присоединяеть къ наше время имя свое Докторъ *Паризе*. Онъ утверждалъ, что хлористая известка, и вообще хлоровыя соединенія, рѣшительно сохраняютъ человека отъ чумы и моровой язвы. Дабы утвердить сіе предположеніе, онъ рѣшился на безсмертное дѣло: въ прошедшемъ 1829 году; онъ самъ, съ нѣсколькими врачами и учеными людьми, поѣхалъ въ Египетъ и Сирію. Мы читали въ *Revue Encyclopédique* (Октябрь 1829, стр. 223—226) письмо спутника его Дарсе, который пишетъ, что Паризе и товарищи его, вымывшись хлоровою водою, и намочивъ ею одежды умершихъ отъ язвы, надѣвали ихъ, носили на себѣ, работали въ нихъ до попу, въ зараженныхъ мѣ-

спяхъ, вскрывали шрупы умершихъ опъ язвы, еще теплые, обмывши только ихъ хлоровою водою, и оспались всѣ живы и здоровы. Они опытною показывающъ такимъ образомъ, что *язва, тума, и всѣ заразительныя болѣзни, при употребленіи Хлора, безъ всякихъ карантинныхъ — рѣшительно безвредны и неопасны, и, слѣдовательно, язва и чума входящъ въ разрядъ обыкновенныхъ болѣзней, а послѣ сего исчезающъ уже при употребленіи Хлора всѣ заразительныя болѣзни. Ждемъ дальнѣйшихъ подтвержденій, и ежели все сказанное здѣсь окажется рѣшительно доказаннымъ — какого памятника достоинъ безсмертный Париже!*

О Г Л А В Л Е Н І Е

XXXIV-й ЧАСТИ.

Краткая исторія Іезуитовъ (Соч. Гизара)....	3,	145	✓
Взятіе редута (воени. разсказъ , соч. Мериме)..		36	
Журналь весны Тобольской (изъ <i>Прогулки во- крузь Тобольска</i> , 1830 года).....		177	✓
Отрывки изъ ненапечатаннаго сочиненія: <i>Восде- ніе въ Географію и Исторію</i> (Соч. И. М. Яспребцова).....		307	✓
Извѣстіе о нѣсколькихъ древнихъ , и донныѣ бывшихъ неизвѣстными , граматахъ (Г-на Сахарова).....		421	✓
Маюратъ. Повѣсть Гофмана.....	307,	439	✓

РАЗБОРЫ и КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

<i>Mémoires sur les campagnes, etc.</i> (<i>Записки Мар- шала Гудона Сенб-Сира</i> , о кампаніяхъ ар- мій Рейнской и Рейно-Мозельской, опъ 1792 года до Кампо-Формійскаго мира. Парижъ , 1829 г. 4 тома).....	45,	202	
Критическій разборъ Письма Г-на Усова и лек- ціи Г-на Соколова (Доктора Масловича).....		190	
<i>Le More de Venise, etc.</i> (<i>Венеціанскій Маурбъ</i> . Трагедія Шекспира , переведенная Альфредомъ де-Виньи , и предсшавленная въ первый разъ на Французскомъ Театрѣ , 25 Октябрия 1829 года).....	340,	472	

Современная Русская библиографія.	72, 222, 378, 509
Новыя повременныя изданія въ Россіи.....	569

II

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ.

—Нынѣшнее положеніе финансовъ Франціи и Англіи (<i>Оконтаніе</i>).....	92
—Людовикъ, Филиппъ, Герцогъ Орлеанскій.....	245
—Новый Мугаммеданскій лжепророкъ, явившійся въ Азіи.....	360
—Взглядъ на нынѣшнюю Испанію.....	527

Опечетственыя извѣстія.....	267, 576
Нѣмецкій Московскій театръ.....	106
Парижскіе театры.....	258, 552
Письма о концертахъ Г-жи Зоннтагъ.....	118
Изъясненія картинокъ.....	271, 574
Вѣсти изъ Москвы.....	130, 407
Смѣсь.....	138, 273, 417, 580

Новый Живоп. Овщ. и Литтер. № 13, 14, 15, 16.

Самыя обыкновенныя событія.

Спихопворный пустоцвѣпъ.

Отрывки изъ замѣтокъ спарика.

Второе письмо А. Ф. Прицѣпкина къ К. Е. Ухорѣзову.

Разказы и замѣчанія моего сосѣда.

Небольшіе разговоры и замѣшки дѣль всѣдневныхъ.

Парижскія моды.

При семь помѣ находяшся: Два отерка съ картинокъ *Герена и Гораціа Вернета*; двѣ картинки *Парижскихъ модныхъ мебели*; портретъ *Л. Ф. Герцога Орлеанскаго* (нынѣшняго Французскаго Короля) и шесть картинокъ *Парижскихъ, дамскихъ и мужскихъ, модъ*.

MAR 29 1934

